А Н А Р

ПЛЕННИК ВЕКА

Статьи, эссе, выступления

Составители: Эмин Эфендиев, Закира Алиева
Редактор: Азер Мустафазаде

На обложке портрет Анара работы Таира Салахова

СОДЕРЖАНИЕ:

Джамиль Гасанлы. Осенние думы о писателе Анаре

Ахмед Искандеров. Из выступления на 70-летии Анара в Москве

Намик Кемаль Зейбек. Из выступления на 70-летии Анара в Анкаре

Общественно-политические выступления

Незабвенные

Карабахская трагедия

Долг совести

Заявления, предложения

Мозаика

Высказывания об Анаре

31 ДЕКАБРЯ 2000

Я пленник века моего,
Я песня века моего.
Все, что имею, чем болею:
Все рифмы,
чувства,
мысли,
сны
Мои – его,
Его – мои.
Закрываю, как дверь, столетье,
Покидаю тысячелетье.
Покидаю, как дом пустой,
Как страну, где был молодой.
А надежду свою и тоску
В новый век, как пожитки, несу.
Двадцать Первый
-мой новый берег,
Я, ступивши в твою траву,
Говорю себе: жил, живу
И век – другой еще поживу.

Перевод Алины Талыбовой

Джамиль ГАСАНЛЫ

профессор

ОСЕННИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПИСАТЕЛЕ АНАРЕ

Я давно собирался написать об Анаре. Однако всякий раз мне казалось, что еще не готов сказать нужные слова об этом большом писателе и уникальном интеллигенте. Точнее опасался, что еще не нашел достойных слов об этом мыслителе, сыгравшем особую роль в нашей национальной судьбе и истории нашей литературы. И вот лишь после долгих внутренних споров и сомнений я решил поделиться с читателями размышлениями о человеке, составляющем, по твердому убеждению моего сердца и души, целый этап в развитии азербайджанской литературы, о надежной опоре нашего существования, о писателе Анаре, интеллигенте Анаре, гражданине Анаре.

Это не юбилейная статья, не попытка литературно-критической оценки. Данные заметки представляют собой лишь попытки собрать воедино мысли, время от времени посещающие меня при мыслях о человеке, творчеством которого я восхищался с молодых лет, чьи произведения-поступки с «Аккордов долгой жизни» и до «Окна печали» приводили меня в восторг, человеке, все более мужающем в ходе политических потрясений, о писателе, мастере, интеллигенте Анаре. Предупрежу заранее, что после имени Анар я намеренно не добавляю никаких «муэллимов», «беев» и прочих слов. Само это имя, ведущее корни от «Горя понимания» столь емко вошло в нашу литературу, общественную мысль, историю нашей культуры, что прибавление каких-либо иных приставок может уменьшить духовное содержание этого имени, состоящего всего из четырех букв, и как это ни покажется странным, может создать впечатление незавершенности.

Анар – человек действия, сохраняющий жизнь нации

За последние два десятка лет об Анаре написано много. Было, естественно, немало статей, в которых высоко оценивалось его творчество, впрочем, была и незаслуженная критика, были и не вмещающиеся ни в какие этические рамки оскорбления. Появились и люди, пытавшиеся преподать ему «уроки духовности», выдвигавшие обвинения, стирающие контуры «духовного кодекса» азербайджанского интеллигента. Однако авторы всех этих опусов не могли понять одну простую истину – Анар несет на своих плечах духовный груз нашего народа, ему исторически предначертано сохранить жизнь народа, это человек, чьи слова, мысли и поступки не вмещаются в созданные кем-то рамки. Те, кто следит за жизненным путем, творчеством Анара, прекрасно знают, что этот великий писатель, ныне подвергающийся, мягко говоря, критике «молодых», в юные годы был основной мишенью критики со стороны «старшего поколения». Но время неопровержимо показало, что тот самый Анар, который благодаря своей роли в нашей общей судьбе, как был в свое время старше «пожилых», критикующих его, так и ныне моложе своих «молодых» обличителей. В нашей общественной мысли, литературе отрицание коллег, выталкивание кого-то из литературного сообщества происходит чаще, чем создание достойных произведений. В противном случае мы стали бы свидетелями великих достижений нашей литературы. Однако до сих пор самое большое достижение нашей литературы определяется появлением «Белого овна, черного овна».

Эти заметки не являются попыткой ответа на появляющиеся в последние годы и вызывающие лишь сердечную боль статьи об Анаре, и поэтому не хотелось бы, чтобы кто-то воспринял их в свой адрес. Со

всей уверенностью хочу сказать, что они не носят личного характера, а имеют чисто общественный характер. Потому что мыслителей уровня Анара, истинных интеллигентов меньше меньшего, и духовное лицо народа, наше национальное возрождение связано с именами именно таких людей.

Писатель, представляющий нацию

Кто есть для меня Анар? Это эпоха в истории последних 200 лет нашей национальной литературы, человек, определяющий переход азербайджанской общественной мысли от общины к нации. Анар – современный этап нашей двухсотлетней литературы, начавшейся с двух великих Мирз – Мирзы Фатали и Мирзы Джалила. Основу этому литературному процессу, положившему начало зарождению нации, заложил Мирза Фатали Ахундов, далее этот процесс прошел через творчество Джалила Мамедкулизаде и сегодня воплощен в творчестве Анара. С точки зрения совершенствования общественной мысли Мирза Фатали своим одиночеством, Мирза Джалил своим авторитетом – были великими интеллигентами, Анар же в полном смысле этого слова представляет всю нацию. Когда-то Гасан бек Зардаби горько воскликнул: «Я всех зову, но никто не приходит, показываю, но не видят, говорю, но не понимают». Если вспомнить эти слова, то становится отчетливо видимым тот самый тяжкий двухсотлетний путь. И естественно, что от интеллектуального потенциала нашей нации зависит, как долго будет продолжаться этот долгий процесс, продолжится ли он после Анара. Однако ясно, что для нашего народа, в судьбе которого прописана разлука, которому более двух сотен лет пришлось прожить под чужим диктатом, который менее двух десятков лет тому назад обрел свою независимость, литература – не только

способ художественного мышления. И независимость 1918 года, и независимость, объявленная в 1991 году, прошли через существовавший до того литературный процесс. На обоих этих этапах, наша литература, сумевшая верно обозначить наши национальные цели, выдержала экзамен времени. Есть ли теперь литературные задачи, которые нам предстоит пройти в период национального развития? Своей недавно изданной книгой «Дыхание», вдохнувшей воистину новое дыхание в наше поэтическое сознание, Рамиз Ровшан написал очень прочувствованное и искреннее поздравление к семидесятилетию Анара. «Глядя в окно на отдельные огоньки высотных домов, я вижу, как они постепенно стираются в общий туман. И мне кажется, что сегодня не только Баку, но и весь Азербайджан покрыт странным духовно-нравственным туманом. И все яркие точки в душе, мыслях, сознании азербайджанцев постепенно стираются и исчезают в этом тумане. Ты – одна из тех точек, которая еще не гаснет, не стирается в сознании этого отуманенного народа». Читая эти строки, с одной стороны, гордишься душевной щедростью, глубиной наблюдательности, величием Анара, которые увидел Рамиз Ровшан, а с другой стороны, человека охватывает печаль от безверия в будущее.

Конечно, литература существует не только у покоренных народов, она иногда является источником возрождения и для победителей. Это можно прекрасно увидеть на примере России. Русский народ смог создать в полном смысле слова великую литературу. Но удивительно, что эта великая литература не оставляет никакого следа в российской политике. Насмешкой истории можно считать, что, народ, страна, создавшие эту совестливую литературу, проводит совершенно бессовестную политику как в отношении собственного населения, так и в отношении других народов.

Желающие проследить процесс эволюции денег
пусть читают Анара

Для меня духовное, литературное, нравственное и политическое созревание Анара, начавшееся с «Гобустана», продолжилось в «Аккордах долгой жизни», рассказывающих о жизни Узеир бека, в «Окне печали», посвященном полной горечи жизни Мирзы Джалила, в «Жизни Джавида», герой которой прожил жизнь, полную ужасов 37-го. Хотя и до «Гобустана», ставшего большим событием в нашей культуре, Анар был уже известным и любимым писателем. Я лично был свидетелем того, какой популярностью, особенно среди молодежи пользовались в 60-е годы его «Молла Насреддин – 66», как эта книга ходила по рукам. Этот томик, включающий в себя короткие рассказы, сатирические выпады, имевшие конкретные адресаты, эта книга, демонстрирующая умение автора мастерски играть словами, оказала большое влияние на образ мыслей и душу молодого поколения. Это произведение, жанр которого трудно было определить, смогла преодолеть многие запреты и сыграла огромную роль в формировании молодежи. В цикле «Национальное возрождение» М.Э.Расулзаде писал: «Истинной литературой является та, которая отвечает требованиям эпохи и верно отражает жизнь народа, его жизненные раны». Именно эту идею воплощал в себе «Молла Насреддин – 66». Казалось, сам исторический процесс во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов подготовил читательскую аудиторию к появлению этого произведения. В этом смысле «Молла Насреддин – 66» появился своевременно и стал несомненным образцом нашего национального возрождения. Такая же судьба постигла и «Белый лиман», и «Юбилей Данте», и «Шестой этаж пятиэтажного дома», они тоже стали общественными потрясениями. С точки зрения пробуждения общества

после «Моллы Насреддина – 66», подобная же судьба постигла «Книгу жизни» Сабира Рустамханлы. По степени воздействия на общественные процессы первая может считаться их началом, а вторая – итогом.

Жизненный путь, пройденный Анаром, его литературная и общественная деятельность опровергают пессимистическое народное высказывание «Слепнут глаза, плачущие о народе». Своей деятельностью писатель доказывает, что глаза, не плачущие о народе, вообще ничего не видят, что смотреть на мир еще не значит видеть его. В этом смысле в своей общественной и литературной деятельности, Анар представляет на суд общественности все болезненные проблемы народа, и играет большую роль в направлении общественного сознания в верное русло. В то же время он никогда не отказывается от личной ответственности в решении этих проблем. Слова, сказанные им еще в трудные советские времена, явственно демонстрируют его активную гражданскую позицию. «Полностью разграбленная земля, оболганная история, забытые имена, обесцененный алфавит, ложь, годами покрывающая нас, пустые обещания, убитая природа, отравленные города, распад нравственности, лицемерие, фальсификации, взяточничество, кумовство, местничество – ни один из нас не может сбросить с плеч груз ответственности и вины за эти преступления, охватившие наше общество». Желание разделить вину за эти преступления, несомненно, продиктовано высокой культурой Анара. Ибо он один из немногих наших писателей, который своими произведениями последовательно пытается спасти народ от пропасти, в которую его толкали. Именно Анар первым увидел пропасть между жадным стремлением к деньгам в «Своем человеке» до Фейзуллы Кябирлинского из «Юбилея Данте», старающегося хоть как-то заработать себе на кусок хлеба и претерпевающего ради этого тысячу несчастий. Именно в произведениях Анара можно было увидеть, как

расширяется эта пропасть, как деньги постепенно отодвигают на задний план духовные ценности общества, становящуюся все более ужасной трагедию людей, которые подобно Кябирлинскому привыкли зарабатывать себе на хлеб собственным трудом. Деньги в нашем обществе превратились в ключ, с помощью которого можно открыть любую дверь. Если кто-то хочет проследить этот процесс в течение последних пятидесяти лет, пусть читает произведения Анара.

Анар и Деде Горгуд

Анар человек традиций. Если в личной жизни эта приверженность носит обычный характер, то в общественной – приверженность к традициям в нем последовательна, ибо Анар является представителем рода, который в XX веке сыграл огромную роль в развитии общественной жизни Азербайджана. То, что в нашей стране борьба за национальную идею проходила через борьбу за национальный язык никому доказывать не надо. Еще в начале XX века Алекпер-бек Рафибейли, прадед Анара по матери, писал письмо в царские учреждения с просьбой разрешить открыть школы с обучением на азербайджанском языке, в середине того же века Расул Рза вел отчаянную борьбу за признание азербайджанского языка государственным и превращение его в действующий язык общества, и точно так же уже в конце века мы стали свидетелями того, как альманах «Гобустан» возвращал народу его язык, вел борьбу за его тюркизацию. А по сути дела эти три события демонстрировали, как в течение всего XX века в Азербайджане шел процесс совершенствования тюркского языка.

В плане последовательности исторические корни приверженности Анара к традициям еще более древние и восходит к Деде Горгуду. Анар,

обычно отдававший предпочтение созданию духовно-психологической, политико-социологической летописи сегодняшнего дня, вдруг обратился к «Книге моего Деде Горгуда», тщательно исследовал этот наш литературный памятник и сыграл ведущую роль в донесении до общественного сознания идеи – кто мы есть. Его кинодастан «Деде Горгуд» столь же древен с точки зрения историзма, сколь современен с позиций утверждения нашей самобытности. Исследования Анаром этого дастана были подняты на уровень глубокого историко-филологического анализа и сыграли огромную роль в прояснении ряда темных мест в «горгудоведении». Обращение Анара к «Деде Горгуду» совпало с жаркими спорами о нашем этногенезе. И он своей экранизацией этого дастана, по сути дела положил конец дискуссиям о нашем этногенезе, нашей национальной принадлежности. Фильм «Деде Горгуд» рассказывал о том, что эта земля является родиной тюрков, и, собственно, явилась представлением обществу большой работы, начатой Анаром еще в «Гобустане». М.Э.Расулзаде в свое время писал: «От писателя, который не способен на большие поступки, будьте уверены, нечего ждать выдающихся и современных произведений». Это свидетельствовало о том, что писатель – великий деятель, носитель великих идей смог доказать, что народ, чья национальная принадлежность ставилась под сомнение, поклоняется своему тюркскому происхождению. Фильмом «Деде Горгуд», Анар, с точки зрения роли этого дастана на нашу духовную память, с точки зрения нашего прошлого, нашей нынешней принадлежности к тюркам, с точки зрения слияния с нашими национальными целями исполнил свой долг перед совестью. Этот фильм, величественный, как и сам эпос «Китаби Деде Горгуд», доказывал, что огузы не исчезли тысячи лет тому назад, а живое общество, и своей жизнеспособностью доказали, что они сохранили самое ценное для живых – нашу национальную жизнь.

Истинный интеллигент

Не менее интересны с позиции человека, пекущегося о своей родине и народе, о его прошлом, сегодняшнем и будущем, и размышления Анара «Мысли об азербайджанстве». В них Анар как мудрый интеллигент размышляет о будущем нашего народа, который из-за новых подходов к старым истинам, оказался вовлечен в искусно созданные конфликты, его беспокойство за судьбу народа. Основу размышлений Анара о сути азербайджанства составляет путь, которым идет народ после обретения независимости, его духовно-нравственные опоры, поиски своего места в современном мире. Думается, молодежь, которая определяет наш завтрашний день, может многое почерпнуть в этих идейных поисках.

Насколько широк круг тем творчества Анара, столь же географически обширна и территория публикаций его произведений. И хотя его произведения имеют национально-духовные границы, успех его творений давно преодолел их. В каких только странах ни опубликован его рассказ «Я, ты, он и телефон», который в свое время с упоением читала наша молодежь. Читатели Америки, Канады, Японии, Финляндии, арабских стран, бывших советских республик, и еще многих других стран были очарованы нежностью этого произведения. По сути, этот небольшой рассказ свидетельствовал перед всем миром об интеллектуальной мощи азербайджанской литературы, о таланте Анара как писателя.

С точки зрения географии публикаций азербайджанской литературы такой же успех сопутствовал его «Белому лиману», «Юбилею Данте», «Контакту», «Шестому этажу пятиэтажного дома», «Комнате в отеле». Если мы обратим внимание на отзывы об этих

произведениях, то можно со всей ответственностью сказать, что творчество Анара успешно прошло сито международной критики, и недостойные считаться положительными героями советской литературы, тихо живущие в нашем мире Немат, Фейзулла Кябирлинский, Тахмина, Заур и другие простые азербайджанцы в изображении Анара заслужили мировое гражданство. Эти произведения, увидевшие свет на самых различных языках, подтвердили одно – МЫ ЕСТЬ!

Несомненно, Анар – один из наших великих интеллигентов. Как мыслитель, играющий выдающуюся роль в истории и судьбе нашего народа, его нравственно-культурной жизни он подхватил и несет миссию национального возрождения, поднятую еще Ахундовым. Анар пропустил через свою душу «Горе понимания» Мирзы Джалила, борьбу Узеир бека за создание нации, горькую судьбу Джавида эфенди. Изучая горестные или радостные мгновения жизни этих великих людей, он и сам стал образцом национального возрождения. И в этом лишний раз убеждаешься, когда смотришь недавно снятый об Анаре очень искренний фильм нашего прекрасного режиссера Рамиза Гасаноглу. Со всей уверенностью можно сказать, что наше национальное возрождение вышло из нот Кары Караева и Фикрета Амирова, красок Таира Салахова и Саттара Бахлулзаде, из-под пера Рустама Ибрагимбекова и Анара.

Перевод Мирзы Гусейнзаде
Русский перевод опубликован в газете «Эхо»
3 сентября 2009 г.

АХМЕД ИСКАНДЕРОВ
академик Российской Академии Наук,
главный редактор журнала «Вопросы истории»

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ В МОСКВЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 70-ЛЕТИЮ АНАРА

Дорогой Анар! Я не могу сказать, что являюсь большим знатоком азербайджанской литературы. Но вот то, что я в связи с вашим юбилеем прочитал, побуждает меня написать о вас, для нашего, именно нашего журнала и донести до русского читателя, для тех, кто интересуется историей, вашу точку зрения на многие исторические события. Вот эта мысль сидит во мне. Я много об этом думаю и очень хочу это сделать. Я очень заинтересован в том, чтобы Анара знали историки, потому что, далеко не все писатели – мыслители, далеко не все писатели обладают таким даром исторического чутья. Важно, чтобы писатель не думал о том, какое место он занимает в литературе, а задумывался над историческими процессами, в которых он участвует. Именно так поступает Анар. И достаточно уже мною прочитанного, чтобы понять, как болит душа этого человека, как он переживает за несправедливость в этом мире, как он чувствует и переживает и пытается ответить на очевидные глупости жизни, на очевидные мерзости, с которыми он сталкивается. Не каждый писатель на это способен. Мне очень понравилась брошюра – «Раздумья об азербайджанстве», в которой наш дорогой Анар пытается понять, какими же ценностями гуманизма обладает Азербайджан, как в среде мировых ценностей следует найти и сохранить что-то свое. Писатель возвышается над всеми остальными, и он получает, мне кажется, такую колоссальную внутреннюю силу, какая помогает ему высказать то, что, простой человек, не обладающий этой

внутренней силой, сказать не может или не хочет. Я от души поздравляю вас с сегодняшним днем и хочу сказать, что я вас очень люблю, и вас и ваше творчество, и надеюсь это как-то публично выразить.

НАМИК КЯМАЛ ЗЕЙБЕК
экс-министр культуры Турции,
эксдепутат Парламента Турции

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА 70-ЛЕТИИ АНАРА В АНКАРЕ

Когда я смотрю на Анара, я всегда вижу в его лице грусть. Много лет назад при первом же знакомстве я почувствовал, что душа его полна грусти, и эту же грусть я увидел, прочитав его книги. Но из этой грусти рождается страсть и протест и, в конечном счете, она доставляет большое удовольствие читателю. Странные вещи творятся в мире. У кого-то выходят книги, он даже получает Нобелевскую премию, но вот я купил книги этого писателя, с трудом одолев две-три страницы, бросил читать продолжение. Книги же Анара захватывают читателя, начав читать, не можешь отложить. Анар большой писатель не только Азербайджана, но и всего тюркского мира.

В одном из своих стихотворений Анар пишет:

Я пленник века своего

Поэты порой говорят неправду. Слово как стрела, вылетев, достигает нас, читателей и мы воспринимаем эти слова по-своему. Анар никогда не был пленником Века, пленником Времени. Сегодня он может печатать все свои произведения, написанные в советское время без изменений, ибо в них нет ни советской пропаганды, ни советского духа. А эта особенность больших художников. Одним из таких художников является Анар, чье 70-летие мы сегодня празднуем.

ПОЗИЦИЯ[1]

(статьи, эссе, беседы, выступления, заявления)

[1] Все тексты, под которыми не указаны фамилии переводчиков, написаны автором на русском языке.

РАЗДУМЬЯ ОБ АЗЕРБАЙДЖАНСТВЕ

Лекция, прочитанная в Американском университете в Баку.

Дата «2000-й», еще непривычная глазу, вводит в заблуждение многих, полагающих, что начался новый век, новое тысячелетие. Это не так. Мы еще пребываем в двадцатом веке. Двадцать первый век – третье тысячелетие – начнется 1 января 2001 года. Впрочем, если учесть календари на всей планете, то и эта дата выглядит условной. Многие мусульманские страны живут по лунному календарю-хиджры, есть свои календари у китайцев и у целого ряда других народов.

Но, как бы то ни было, мир в целом сообразуется с христианским летоисчислением и приемлет факт смены века и тысячелетия в будущем году.

Есть у истории и другая условность. Календарь календарем, но смысл, облик, дух каждого века не связан с некими календарными днями или годами. Историческая фабула временного отрезка, принимаемого нами как XX век, завязалась в 1905-1906 годах – в период революций, определивших облик столетия, – или же в четырнадцатом году – с первыми залпами первой мировой войны, и завершилась в декабре 1991 года распадом страны, именовавшейся «СССР» и сообщества под названием «социалистический лагерь». Быть может, потому мне кажется, что век двадцатый уже десять лет как исчерпал себя, а век двадцать первый еще не начался и, по меркам исторических координат, все еще неизвестно, начнется он или нет с первым январем 2001 года.

История, в определенном смысле, – условное понятие. Происходят различные общественно-политические события, выдвигаются лидеры, возвышаются, блистают и угасают. Войны, катаклизмы, восстания, мятежи, революции, путчи, научные открытия, художественные

откровения, – всю эту последовательность, зачастую непостижимую человеческим разумом и логикой, историки пытаются выстроить по определенной системе, понять и истолковать, опираясь на ту или иную идеологию. В этом смысле История – своего рода творение самих же историков.

Может быть, Истории и нет вовсе, а есть книги историков об определенных событиях.

Если Историей именуется определенная хронологическая последовательность событий, тогда она и впрямь – терпение Бога. На многие современные события, представляющиеся нам алогичными, несправедливыми, неправедными, ответ следует по прошествии десятилетий, а то и столетий, и Господь ставит все на свои места в Истории. И внушает людям – воплощенным знаком неисповедимого терпения своего – веру в Историю, в ее логику и вещий смысл. Человек принимает на веру существование Истории. И историки становятся нашими провожатыми на этом пути.

Каждый человек, историк или – не историк, испытывает потребность оглянуться назад, – стремится воссоздать в памяти, осмыслить, понять и свою прожитую жизнь, и время, в которое ему выпало жить, и прошлое народа, нации, к которым он принадлежит. И я, как люди предшествующих и уже немалых, последующих поколений, человек XX века. Азербайджанский тюрок. На исходе столетия, на последнем перевале жизни, в канун вступления в новое тысячелетие, волей-неволей погружаюсь в мир воспоминаний и раздумий. В моем возрасте воспоминания по сути и есть раздумья, и последние опираются только на память, на минувшее. И поскольку эта поздняя пора жизни моей приходится на стык тысячелетий, размышления о прожитом, естественно, перетекают в думы о судьбах и истории моего народа.

Когда я думаю о судьбах, об истории азербайджанского народа, перебираю в памяти различные события разных лет, перед взором моим оживает Черный календарь.

Январь, 1990 год – кровавая ночь с 19 на 20 число.

Февраль. 1988 год. Убийство двух юношей, Али и Бахтияра в Аскеране – первые жертвы Карабахской трагедии. Начало изгнания азербайджанцев из Армении, сумгаитские события 1988 года и ходжалинская бойня 1992 года.

Март, 1918 год. Геноцид, учиненный дашнаками в Баку против нашего народа.

Апрель, 1920 год. 28-е число. День, когда XI Красная армия втоптала в прах независимую Азербайджанскую Республику.

Май, 1992 год. Предательская сдача Шуши армянам.

Июнь, 1992 год. Оккупация Лачина.

Июнь, июль, август, сентябрь (1990-1993). Зверское истребление жителей села Баганис-Айрум, оккупация Кяльбаджара, Губадлы, Агдама, Физули, Джебраила, Зангелана. Путч в Гяндже, угроза гражданской войны. Попытки создания Талыш-Муганской Республики и расчленения Азербайджана.

Ноябрь, 1991 год. Сбитый в карабахском небе вертолет – гибель всей группы во главе с Тофиком Исмайловым.

Декабрь, 1988 год. Зверское убийство азербайджанцев в Гукаркском районе Армении.

Перечисленное – только то, что засело в памяти. Если я вновь заглянул бы в исторические изыскания, документальные произведения, газеты, справочники, то мог бы значительно расширить этот Черный календарь.

Нет народа, который в роковые периоды исторического существования не претерпел бы бедствий, и я не собираюсь утверждать,

что азербайджанцы в этом отношении оказались исключительными горемыками. Выставлять себя самым многострадальным народом стало национальной традицией у армян. Конечно, армяне, как и все другие народы, на протяжении истории хлебнули немало лиха. Но вот, например, евреи, на протяжении тысячелетий куда больше подвергшиеся гонениям, мытарствам, настоящему геноциду, отнюдь не голосят, к месту или не к месту, о своих страданиях и мучениях. И, памятуя об исторических бедах, выпавших на нашу долю, нам никак не должно довольствоваться их оплакиванием, пребыванием в трауре, причитаниями в различных жанрах, нам надо задуматься о причинах этих бедствий, искать пути их предотвращения в будущем.

Причин бед, переживаемых Азербайджаном, более чем достаточно. Волшебная красота нашей природы – блага, дарованные нам судьбой, – долы и горы, реки и луга, леса, море, – целительные чары девяти климатических поясов; дары земли и моря, богатства недр и, конечно, в первую очередь, нефть – все это дразнит аппетиты ближних и дальних алчущих охотников. Другое обстоятельство – расположение Азербайджана на геостратегической позиции – скрещении путей между Азией и Европой. Азербайджан – один из ключей к воротам, открывающимся с юга на север, с востока на запад, И сильные мира сего жаждали держать этот ключ у себя в кармане. Со времен Александра Македонского – греко-персидских войн, баталий между Ираном и Тураном, арабских, монгольских нашествий до XVIII века, когда Петр I положил глаз на Юг, теплые моря, на Кавказ – территория, именуемая Азербайджаном, постоянно подвергалась нашествиям чужеземцев, и нашему народу приходилось защищать свое национальное существование, самостояние, достоинство от многократно превосходящих сил завоевателей. В последние два столетия судьба и историческая бытность Азербайджана, в основном, связаны с

российским фактором. Если в первой четверти XIX века азербайджанские ханства стояли в центре российско-иранского соперничества, перешедшего с дипломатического этапа в кровавые войны и в конце завершившегося вновь дипломатическими соглашениями, то в конце XIX– начале XX века с нефтяным бумом – наша страна оказалась и в сфере интересов Запада. Экономическая экспансия, столь же значимая в XX веке, как политическая агрессия, продолжалась до 1920 года – до советизации Азербайджана. Судьбы азербайджанского народа, начиная с XIX века и, можно сказать, на протяжении всего XX столетия, связаны со сферой влияния российско-армянского фактора. Было бы вернее сказать, армянско-российского фактора, ибо, несмотря на превосходство России и по численности населения, и по силовому потенциалу, российскую политику в отношении Азербайджана, в основном, определяло и определяет поныне армянское влияние.

Вспомним армяно-мусульманские войны 1905 и 1918 годов. Да, да, войны, народ именно так назвал эти события, восприняв их не как стычки, столкновения, а как настоящую войну. «Мусульманские» в этом словосочетании понимается как эпитет, определяющий не религиозную, а национальную принадлежность. И сама последовательность слов – «армяно-мусульманские», т.е. в начале называются армяне, – акцентирует, кем развязана война, кто зачинщик этой кровавой бойни. Джафар Джабарлы в драме «В 1905 году» с большим мастерством смоделировал подстрекательскую, по меньшей мере, созерцательную позицию царского правительства.

Если не принимать всерьез схематичные образы Асрияна и Володина, выведенные на сцену в соответствии с идеологическими нормативами эпохи, в лице Губернатора, Саламова и Агамяна драматург

раскрыл ведущих персонажей этой ситуации, а в ключевой реплике: «Стреляли казаки!» – сущность событий.

До советского периода враждебность армян к азербайджанцам проявлялась в кровавых столкновениях, осуществлявшихся с немыслимой жестокостью и изуверством. Не отрицаю, что чувство отмщения в ответ на неслыханную жестокость в иных случаях толкало и азербайджанцев к насилию, но это всегда было лишь ответной акцией, инициатива в развязывании стычек неизменно исходила с армянской стороны. Незлобивость, незлопамятность, отходчивость, милосердие и доброта, присущие азербайджанскому менталитету, с гениальной силой воздействия раскрыты в пьесе Джалила Мамедкулизаде «Кяманча».

В советский период азербайджанофобия армян не могла продолжаться в открытую, потому стала осуществляться тихой сапой, в завуалированной форме. Опять же, за широкой спиной «старшего брата». И неважно, что это прикрытие не состояло сплошь из русских, а включало в себя, наряду с русскими (а порой числом более их), евреев, поляков, грузин и множество самих армян, занимавших ключевые посты в Советской России и чуть позже в СССР. Политика всесоюзных партийных, советских органов, НКВД в отношении Азербайджана (и в значительной степени Турции) направлялась армянским влиянием. Идея, которую армяне и проармянские радетели внедряли в русское сознание, то исподволь, то открыто (как в нынешнее время), заключалась в том, что Турция – извечный враг России, и азербайджанцы, хоть мы переиначили их этноним, в душе остаются турками и хранят приверженность не России, а Турции, то бишь, как только представится возможность, перейдут на ее сторону. А объединение Азербайджана с Турцией означало бы потерю Россией всего Кавказа, Туркестана, поволжских земель с тюркско-татарским населением, даже чуть ли не Якутии-Саха и в итоге расчленение и распад державы. И предотвратить

эту «угрозу» можно лишь с помощью «единственного верного друга России на Кавказе» – армян. Вот и вся музыка. Вот, вкратце, концептуальная начинка армянской политики и вот позиция, принятая российским политическим мышлением с армянской подачи. Если во времена царизма армяне вкладывали капитал в нефть, в торговлю, и им удавалось добиваться министерских портфелей и даже поста премьера России, то с победой большевистского режима на арену вышли коммунисты с дашнакским нутром. И именно потому бедный Нариманов дефисом сопрягал эти два, якобы взаимоисключающих понятия: «коммунисты-дашнаки».

Первый большевистский режим на территории Азербайджана – Бакинская коммуна, возглавлявшаяся Степаном Шаумяном и состоявшая преимущественно из армян. На севере создателем Азербайджанской коммунистической партии явился Анастас Микоян, а в Южном Азербайджане эту роль выполнил армянин Султанзаде, то бишь Микаелян. Бразды партийного правления в Советском Азербайджане и в Баку оказались в руках Левона Мирзояна, Саркиса и прочих. Во главе карательных органов, учинявших в 37-м году расправы над азербайджанским народом, в первую очередь, над интеллигенцией, стояли Рубен Маркарян, Хорен Григорян и иже с ними.

Основы трагедии 37-го года были заложены еще в первой половине двадцатых годов, когда Нариман Нариманов, хотя и формально, считался главой Азербайджанского правительства и, видя тогдашнее положение и предвидя будущие последствия, бил тревогу в письмах и телеграммах Ленину, Сталину, Троцкому.

Деятельность Нариманова ныне некоторыми оценивается сугубо отрицательно. Между тем, если смотреть не с идеалистических позиций, а в контексте обстоятельств исторической и политической реальности, то Нариманов делал все, что было в его силах, во имя сохранения

национального существования Азербайджана. Единственным способом обезвреживания идей, внедрявшихся армянами в мозги российских и союзных правителей (идей, о которых я говорил выше), и упрочения позиций Азербайджана в составе Союза было – убедить и доказать, что Восток последует но пути коммунистической революционности и Азербайджан будет лидером в этом походе. Вдобавок Нариманову приходилось отражать нападки национальных предателей, обвинявших его самого в национализме, «католиков, больших, чем Папа».

Перед М.Дж.Багировым, первым руководителем-азербайджанцем после Нариманова, возглавлявшим республику, эта задача предстала с большей остротой, в более сложный исторический период. Ни на миг не забывая о патологической жестокости М.Дж.Багирова, беспощадно истреблявшего лучших сынов и дочерей азербайджанского народа, никоим образом не прощая ему этих преступлений, мы опять же с исторической точки зрения должны иметь в виду, что его действия были обусловлены определенными реальностями. М.Дж.Багиров хорошо помнил об участи Нариманова и сделал выводы из этого опыта. Он был хорошо осведомлен и об армянских кознях, и о том, что и «свои» из его окружения готовы в любой момент «заложить» и его, и нацию. И потому он должен был выбить козырь из рук и армян, и национальных манкуртов, политических мутантов. Козырями были доносы о «тенденциях национализма, пантюркизма», направлявшиеся в Москву.

Эта проблема в той или иной плоскости, в различных формах – по мере изменения обстоятельств эпохи – стояла перед всеми, кто руководил Азербайджаном в советское время. Они стремились решать эти вопросы в рамках существующих возможностей, добивались определенных успехов, но также и терпели неудачи. Как это ни покажется странным, даже и сегодняшний Азербайджан, да, да, независимый, суверенный, признанный мировым сообществом, ставший

членом международных организаций Азербайджан, вновь сталкивается с теми же проблемами. Российская Дума голосует за денонсацию Беловежских соглашений, то есть не признает распада СССР, косвенным путем официально ратует за восстановление присно-памятного государства. Мне помнится, некоторые из прибывших в Баку думских депутатов, в том числе и спикер Г.Селезнев, носили на лацканах депутатские значки, воспроизводившие не триколор нынешней Российской Федерации, а серпастый молоткастый стяг.

Осознаем ли мы, насколько опасна для Азербайджана война против Чечни, ведущаяся под вывеской антитеррористической операции? Эйфория российских генералов, давно отвыкших от военных триумфов и гордящихся победами над Басаевым и Хаттабом, как если бы они одержали верх чуть ли не над Наполеоном, трубящие о взятии каждого маленького аула, может превратиться в попытку силой оружия вновь восстановить СССР. Ведь и советские маршалы, в 45-м году одержавшие победу над фашистской Германией, впадали в блажь продолжить поход аж до Парижа (подобно царю Александру Первому в наполеоновские времена). В СМИ уже начались идеологическое обеспечение и пропагандистская подготовка этой возможной экспансии. «Азербайджан поддерживает чеченских боевиков, в Азербайджане имеются их военные лагеря, базы, оружие перевозится транзитом через Азербайджан, в Азербайджане нагнетается исламский фанатизм, нарастают тенденции исламского фундаментализма, действуют радикальные религиозные центры... « – подобные измышления потоками извергаются московскими телеканалами.

У Азербайджана нет границы с Чечней. Спрашивается, если оружие доставляется в Чечню из Азербайджана, то, стало быть, оно провозится через Дагестан, то есть по российской территории, и если

Россия не в состоянии контролировать свою же территорию, то в чем она может обвинять Азербайджан?!

Другая наша «вина» – то, что мы, «не понимая» своих экономических выгод, решили транспортировать нашу нефть не через российскую территорию, а по нефтепроводу Баку – Грузия – Джейхан. А это, оказывается, означает усиление влияния США и ослабление влияния России в регионе... Караул, Кавказ уплывает из рук! Это великое злосчастье могут предотвратить только и только единственные друзья русских – армяне. Поэтому, дескать, надо вооружать Армению. Хотя и Чечня считается неотъемлемой составной частью России, Нагорный Карабах надо поддерживать не как неотъемлемую часть Азербайджана, а как государственное образование, пусть с не имеющим аналога в мире, самостоятельным статусом. Снова все планируется по старому армянскому сценарию, и российская политика пребывает в роли только лишь исполнителя этих армянских замыслов. Бедная Россия... Гулливер на поводу у лилипута...

А как Азербайджан? И его сокрушенно назвать бедным? Или есть выход из этого исторического тупика, и брезжит свет в конце тоннеля, в который нас загнали, начиная с 87-88-х годов?

Что объединяет армян, проживающих в Армении, и их карабахских сородичей, пренебрежительно прозванных первыми «шуртва» («обращенный»), калифорнийского армянина-миллионера и ростовского армянина-карманника, армянского академика в Москве и армянского сапожника в Тбилиси, парижанина Шарля Азнавура и террориста из «Асала» в Бейруте? Родной язык? Нет, большинство армян, рассеянных по разным странам, не знают армянского языка. Вероисповедание? Отчасти, так как и в армяно-григорианской церкви существует размежевание, есть и такие армяне, которые не исповедуют никакую религию.

Территория? Об этом и не приходится говорить, – какая привязанность к земле может объединять людей, живущих на пяти континентах мира? Тогда что же? Что объединяет, сплачивает армян?

Только одно чувство – чувство мщения, внушаемое с колыбели каждому армянскому ребенку, мифы, легенды о несправедливости, гнете, которым армяне, якобы, подвергались из века в век, и жажда реванша, возмездия за это все по отношению к другим народам, прежде всего, к туркам. При всем том, что вдалбливание таких страстей, такой ненависти в души соплеменников с пеленок в конечном счете идет только во вред даже собственному народу, это, во всяком случае, реальность, реальный фактор.

А что же должно сплотить нас, азербайджанцев, в чем должна состоять наша национальная идея? Можно ли с учетом объединяющих и разделяющих нас исторических факторов, целостности наших земель и расчлененности на Север и Юг, раскол традиционно исповедуемой религии на таригаты, конфессии и другие факторы, сплотить нас под зонтом или шатром единой идеологии?

Разговоры о выработке нашей национальной идеологии спорадически возникают и, по правде говоря, не вызывают у меня особого энтузиазма. Не только потому, что, как писатель, испытываю определенную аллергию к понятию «идеология», – еще не стерты из нашей памяти коммунистическая идеология и императивы, которые она ставила перед нами. Кроме того, любая единая идеология, по-моему, закрепощает свободу мысли, стремится вогнать мировидение человека, взгляды на жизнь в определенные колодки, приспособить ее под свои стереотипы. Но истиной является и то, что каждый человек выбирает для себя определенную общественно-политическую, философскую, идеологическую позицию и, если он постоянен в своей вере, неизменен в убеждениях, он живет по этим избранным и принятым им принципам.

В этом отношении, естественно и у меня есть свои принципы жизни, морали, поведения, и я всю жизнь стремился следовать им. Но сейчас речь идет не о моем мировоззрении, а о моих размышлениях об азербайджанстве. У меня, как у гражданина Азербайджана, писателя есть свои определенные суждения и мнения об этом предмете. Разумеется, никому навязывать свои взгляды я не намерен. Я только хочу сказать несколько слов о том, как я вижу и чувствую идеалы азербайджанства. Кредо азербайджанства можно обозначить пятью словами, и я бы хотел раскрыть их понятийное содержание. Вот они, эти пять слов: СВОБОДА, НЕЗАВИСИМОСТЬ, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО, ДРУЖБА.

Посвященные сразу увидят, что три слова из этих пяти совпадают с принципиальными лозунгами французской революции: Свобода, Равенство, Братство. Но я вкладываю и в эти слова несколько иной смысл.

Свободу я понимаю, в первую очередь, как СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ. В этом смысле СВОБОДА ЛИЧНОСТИ совпадает с понятием ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, которое сейчас в большой моде. Однако последнее понятие содержит в себе правовой оттенок. А СВОБОДА предполагает не только юридические права человека, но и свободу мысли. То есть, в моем понимании, СВОБОДНАЯ ЛИЧНОСТЬ – это человек, не только осознающий свои права, но также гарантированный свободой мысли, если хотите, фантазии. Без неограниченной свободы мысли, воображения, фантазии невозможно достичь значимых успехов ни в науке, ни в искусстве, ни в политике, ни в производстве, вообще ни в одной сфере жизни. Только свободная личность способна выполнять деятельность, продвигающую вперед народ, нацию, человечество в целом. Свободная личность, которая не является пленником

стереотипов, стандартов, догм. И, наконец, экономически свободная и независимая.

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ – свобода мысли, слова, СМИ, собраний, проведение пикетов, митингов, различных организаций, структур, в том числе, и политических партий, – это фундаментальные принципы демократического общества. Поэтому данное понятие – первое в ряду пяти перечисленных выше. Страны, где нет СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ, могут быть и независимыми. Например, Албания времен Энвера Ходжи, Северная Корея, некоторые мусульманские страны, африканские, латиноамериканские страны. Но страна, где существует СВОБОДА ЛИЧНОСТИ, не может не быть независимой. Ибо, СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК обретает возможность бороться за свободу и независимость своей страны и добиться этой цели. Демократический строй в Великобритании и Франции, то есть, обеспечение человеческих свобод позволил также свободомыслящим патриотам в колониях этих государств бороться за национальную независимость. В результате Индия, Пакистан, Алжир, многие арабские страны и страны Африки смогли сбросить колониальные цепи.

НАЦИОНАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ. Второе и очень важное условие. Естественное чаяние и законное право каждого народа – построить свое независимое, суверенное государство в рамках границ, принятых мировым сообществом, в условиях территориальной целостности и неприкосновенности.

Порой советская пропаганда и даже часть политологов постсоветского периода выдвигали такую абсурдную идею, что бывшие советские республики не в состоянии существовать суверенно, якобы у малых народов нет такой возможности, и потому, видите ли, распад СССР – трагедия, в первую очередь, для этих неприкаянных малых

народов. Во-первых, среди бывших советских республик наряду с Эстонией с миллионным населением, есть и сорокамиллионная Украина. Не говоря еще о Белоруссии, Казахстане. Узбекистане, – ведь и Азербайджан с населением восемь миллионов человек – не страна-невеличка. И почему Люксембург, Андорра, Кувейт, Непал или Сейшельские острова могут жить как независимые государства, а, допустим, Грузия или Литва – нет? Выступающие против независимости бывших советских республик утверждают, мол, в мире нет совершенно независимых стран. Даже, дескать, и сверхдержавы не являются полностью суверенными. Эти утверждения ни что иное, как дешевая демагогия.

Конечно, каждый народ обитает на планете Земля, и каждая страна обязана соблюдать принятые мировым сообществом законы и условия общежития, подписанные ими обязательства, конвенции, уставы международных организаций, в которых они состоят.

Совместное общежитие народов сродни неписаным, но подразумеваемым бытовым обязательствам отдельных людей, семейств. Ты хозяин своего жилья, и не желаешь, чтобы кто-либо извне вмешивался в твою частную жизнь... Но ты не вправе устраивать дома «концерты» духового оркестра или взрывы, или пожары, в рассуждении «так мне хочется». Ты не вправе и оставлять краны открытыми и «топить» соседей ниже этажом. Есть еще этические понятия, нормы уважительного взаимоотношения.

Если у соседей траур, ты отложишь радостные торжества у себя в доме. В этом смысле, конечно, независимость и у семей, и у государств имеет свои определенные пределы. И семья, и страна, соблюдающие правила культурного уважительного поведения, не станут ущемлять соседей. Или, заботясь о своих национальных интересах, не будут игнорировать национальные интересы других. Если река протекает из

твоей страны на территорию сопредельной, ты не вправе преградить ей путь и оставить соседнюю страну без воды.

Национальная независимость, как и свобода личности, означает самую серьезную Ответственность. В том числе ответственность перед собственным народом.

Все это общеизвестные истины, – и в этом смысле даже самые крупные независимые государства не свободны от ответственности перед остальными. Однако, считать необоснованным стремление бывших советских республик к независимости, исходя из такого посыла, – вздор, передергивание карт. Вы говорите: Голландия, Швеция или Австрия также не вполне независимы? Пусть так. Вот и нам достаточно такой степени независимости, большего не хотим.

РАВЕНСТВО – равноправие всех граждан не на словах, а на деле независимо от классовой, национальной, расовой принадлежности, вероисповедания, пола – другой основополагающий принцип демократического общества. В советском обществе твердили о всеобщем равноправии и, вместе с тем, один класс – пролетариат – объявлялся гегемоном. Класс крестьянства пристраивался к гегемону, а сословие интеллигенции считалось обслугой этих двух. (Этот ущербный образ мышления доныне не выветрился из многих мозгов, вновь роль интеллигенции видят в служении кому-то – власти, оппозиции, народу. Твердят: интеллигенция должна служить народу. Получается, что интеллигент – это ни часть народа, а некое существо, которое народ держит у дверей за порученца).

История показала, к чему привел этот однобокий подход в советском обществе, декларировавшим равенство. По существу, и гегемония пролетариата была фарисейской формулой, обеспечивавшей гегемонию только лишь одной касты – советской бюрократии. Как многие реалии той поры, и эта тема точно выражалась в анекдотах.

Советский гость спрашивает у рабочего иностранного автозавода: «Кому принадлежит этот завод? « «Хозяину», – следует ответ, «А чей это автомобиль? «. «Мой», – отвечает рабочий. Тот же диалог повторяется в советском городе. Иностранный турист любопытствует: «Кому принадлежит этот завод? « «Мне» – отвечает с гордостью советский рабочий. «А чья это автомашина у завода». «Директора» – вздыхает рабочий.

Карьера тагиевых, нагиевых, ступень за ступенью, выбившихся из чернорабочих в миллионеры, при советском режиме была бы несбыточной. Проявившие способности и талант в предпринимательстве, коммерции, торговле, бизнесе преследовались, сживались со свету или же им приходилось скрывать и подменять свою профессию. Крестьян, знающих толк в деле, наживших добро своим трудом и горбом, сметливостью и рачительностью, клеймили как кулаков, «раскулачивали», уничтожали. Между тем, общество может нормально развиваться лишь при условии, когда каждый занимается своим делом, работой, которую он может умело и успешно выполнять. Необходимо при исходных равных условиях, не допуская предпочтений и дискриминации, обеспечить каждому человеку возможность использовать свой шанс, рассчитывая на свое умение, способности и, по меньшей мере, на свою судьбу.

Наряду с классовым равенством, одно из основных условий демократического строя – равенство наций, рас, конфессий.

Недопустимо, когда какая-либо нация выступает с позиций превосходства над другими нациями, расами, составляющими население страны, и, пользуясь преобладающей численностью, унижает национальное достоинство этнических меньшинств, проявляет пренебрежение к их национальным ценностям, недопустимы любые

формы преследований, давления и горькие последствия подобной дискриминации бумерангом бьют по самой господствующей нации.

Участь фашистской Германии – один из трагических и поучительных уроков истории человечества.

Принцип равенства – один из основополагающих принципов Азербайджанской демократии, делающей первые шаги, переживающей еще младенческую пору, должен распространяться и на этнические меньшинства. Присущие национальному менталитету нашего народа терпимость, толерантность призваны органично присутствовать и претворяться в жизнь по отношению ко всем национальным общинам. Конечно, эту терпимость не следует понимать, как попустительство антиконституционным радикально-экстремистским тенденциям, как среди азербайджанских турок, так и среди национальных меньшинств, как среди мусульман, так и среди иноверцев.

Порой даже в самых демократических странах, пользуясь конституционными свободами, к власти приходят радикальные клерикалы, ультралевые или ультраправые силы и затем попирают эти же демократические свободы. Поэтому принцип равенства не может быть отнесенным к врагам равенства.

Равенство полов, в первую очередь, должно гарантировать женщинам занимать равное с мужчинами положение в обществе, в том числе, занимать важные позиции и в политической жизни. Выдвижение женщин лишь по формальным статистическим критериям, как это практиковалось в СССР, означало бы вульгаризацию принципа равенства.

Однако женщина, как Мать, как первая воспитательница своих детей, как хранительница очага, несущая основное бремя бытовых забот семьи, должна иметь, сравнительно с мужчинами, определенные дополнительные льготы и привилегии в общественной жизни. Это

обеспечило бы справедливую не на словах, а на деле регламентацию принципа равенства.

Необходимо обеспечить с сохранением полной, наравне с мужчинами, зарплаты женщин, работающих в учреждениях и на производстве, отведение им определенных часов рабочего дня с тем, чтобы они уделяли это время семье, детям.

БРАТСТВО – здесь подразумевает ТЮРКСКОЕ БРАТСТВО. Взаимоотношения тюркских народов, в первую очередь происходящих от огузов азербайджанских и анатолийских турок, единых по историческим корням, языковым истокам, образу мышления и поведения, обычаям и традициям, нравственным и эстетическим понятиям, могут быть охарактеризованы более как БРАТСТВО, нежели ДРУЖБА.

Один из важных и вызывающих наибольшие споры факторов тюркского братства – вопрос о языке. Я неоднократно излагал свою позицию на этот счет и готов вновь изложить ее. При общности исторических корней, ныне языки всех тюркских народов, даже входящих в огузскую группу анатолийских и азербайджанских турок, туркмен и гагаузов, – это самостоятельные языки, в определенной степени разнящиеся друг от друга. Не диалекты, а именно языки. Идея о слиянии этих языков в единый тюркский язык нереальна столь же, сколь и утопия о едином – русском языке коммунистического будущего. Ни одна нация не пожелает отказаться от своего родного языка, формировавшегося веками. Однако в целях дальнейшего сближения тюркских народов тюркские государства и автономные республики могут выработать единую языковую политику. Эта политика может осуществляться через взаимоизучение языков, преподавание их в школах и в вузах, более тесный информационный взаимообмен (пресса, радио, телевидение), обмен студентами, школьниками, активизацию

перевода художественной и научной литературы, совместные издания, энциклопедические, литературоведческие изыскания, принятие общих терминов и в других аспектах. Наряду с сохранением, сбережением языка каждого тюркского народа, можно было бы принять турецкий язык как средство общения между этими близкими народами. Нужно выстроить общее культурно-духовное пространство – информационное, научное, художественное – тюркского мира, но ни один тюркский народ, даже самый малочисленный, не должен нивелироваться и раствориться в общем и абстрактном понятии Туран. Это и нереально. Я, как раньше, так и теперь сторонник наименования нашего языка как «азербайджанско-тюркского» или «азерийско-тюркского». Если слово «тюркский» в этих словосочетаниях связано с традиционным, идущим из глубины веков, названием нашего языка, то «азербайджанский» или «азерийский» служит для разграничения его с турецким. И пусть слово «азери», якобы, некогда обозначившее один из языков иранской группы, но давно сроднившееся с нашим слухом, не настораживает нас. Болгары-славяне или кавказоязычные аварцы не открещиваются от своего этнического самоназвания, некогда относившегося к тюркским этносам. «Азерийско-тюркский» в определенной мере удачнее, чем «азербайджанско-тюркский», так как не опирается только на территориальный принцип. И не лучше ли было бы вместо несуразных выражений «грузинские азербайджанцы, дагестанские азербайджанцы, армянские азербайджанцы» говорить: азерийские тюрки, проживающие в Грузии, Дагестане, Армении? Было бы во всех отношениях правомерно называть наш язык, на котором говорят от Дербента до Хамадана, от Игдира до Зенджана, от Борчалы до Кяркука, «азерийско-тюркским».

Под понятием ДРУЖБЫ, изрядно затасканным советской пропагандой, мы имеем в виду ДРУЖБУ НАРОДОВ. Ибо суть,

существо этого, увы, избитого выражения чрезвычайно важны для судеб нашего народа. Дружба народов должна быть отнесена и к добрым дружественным отношениям с соседними народами, близкими нам и территориально, и по исторической судьбе, обычаям и традициям, и к различным нациям, проживающим в самом Азербайджане. О братских узах с турецким народом я уже сказал выше. Что касается дружественных отношений с исламскими странами, то нам следует иметь добрые, хорошие отношения и с такими далекими мусульманскими странами как Нигерия и Индонезия, но самые близкие, самые теплые отношения нам надо построить с исповедующими ислам сопредельными Ираном, Пакистаном, Афганистаном, Таджикистаном, арабскими государствами. За исключением Ирана, ни с одной из этих стран у нас нет проблем. Проблема, беспокоящая Иран и Азербайджан, – это вопрос о Южном Азербайджане. Для решения этой проблемы нам надлежит отрешиться от утопических грез и принять как факт, что Южный Азербайджан составная часть сегодняшнего Ирана. Если мы, как и все другие государства, столь ревностно относимся к нашей территориальной целостности, добиваемся однозначного признания Нагорного Карабаха неотъемлемой частью Азербайджана, то мы должны признать такое же право за Иранским государством. Но, разумеется, никто не может заставить нас оставаться безучастными к судьбе 25 или 30 миллионов наших сонародников на Юге. Азербайджанские тюрки в Иране составляют не национальное меньшинство, а равновеликий по численности с персами основной компонент. В таком случае и язык этой внушительной части населения должен занять достойное место в официальных политических структурах, в СМИ, в системе науки, образования и культуры. Должны быть обеспечены условия для культурных связей Северного и Южного Азербайджана. Если различия в алфавитах в какой-то мере создают

помехи для этих связей, то телевизионный эфир и радиоволны способны доносить нашу поэзию, искусство, музыку, родное слово по ту или по эту сторону Аракса. Это пойдет во благо и иранской государственности, ведь если тайные или явные запреты затыкают реальную угрозу, они чреваты взрывом, выбросом «пробки»... Права, не таящие угрозы государственной целостности Ирана, – право говорить, писать, читать, учиться на родном языке – должны предоставляться большому народу не как подачка, а как законный и естественный долг совести. Если эта проблема будет изжита, историческая и традиционная близость Ирана и Азербайджана, родство культур, литератур, искусства, музыки, уклада жизни обеспечат в полном смысле взаимное духовное обогащение обоих государств в новой плоскости. Конечно, необходимым условием является избавление некоторых горячих голов в Иране, как и в России от имперских галлюцинаций. Никто и нигде не должен рассматривать сегодняшний независимый Азербайджан как совокупность ханств-вассалов прежних иранских шахов, в том числе, и правителей Ирана тюркского происхождения, либо же как бывшую советскую социалистическую республику. Ни публично, ни в тайных грезах. В народе говорят:

«Скрытый торг дружбу расторг». Также и наши отношения с Россией – вопрос исключительно значимый и судьбоносный. Мы никоим образом не должны отождествлять неприятия колониальной политики царской России и шовинистической деспотии руководства СССР с нашим отношением к русскому народу, русской культуре, науке, литературе и искусству, образованию и здравоохранению.

С точки зрения культурного прогресса, отрешения от восточной инертности и приобщения к западному динамизму, наше двухвековое общение с Россией имеет также много неоспоримых положительных сторон. Это наглядно доказывает сравнение с соседними мусульманским

странами. Если Россия сможет избавиться от своих внутренних противоречий и продвинется вперед по пути демократии, декларированной, но к сожалению, не утвердившейся в полном смысле, если впадая в иллюзии, не будет пытаться вновь под новой вывеской реставрировать империю, списанную в архив истории, если она сможет постичь корни и сущность нашего братства с Турцией, не воспринимать с ревностью наши отношения с Америкой и, наконец, займет более объективную позицию в наших спорах с Арменией, тогда у нас могут сложиться самые тесные и самые добрые отношения с нашим великим северным соседом. Азербайджан еще долгое время будет пользоваться посредничеством русского языка для приобщения к мировым духовным ценностям и еще многие годы будет находиться в сфере притяжения русской культуры. Само по себе это отнюдь не отрицательное и зазорное обстоятельство. Я здесь хочу остановиться на одном моменте.

Некоторым азербайджанским интеллигентам, в силу известных исторических обстоятельств, недостаточно владеющим родным языком, вменяют это в вину. Конечно, в идеальном случае каждый интеллигент должен знать свой родной язык. Однако, справедливости ради скажем и то, что немало наших композиторов, художников, даже писателей, к сожалению, не умеющих общаться на родном языке на желательном уровне и с желательной свободой, совершили куда больше благих дел во имя возвышения азербайджанской культуры, достижения ею уровня образцов мирового искусства, чем иные отечественные златоусты, только и умеющие говорить. Жаль азербайджанских тюрков, «хромающих» в родном языке. Но как назвать владеющих азерийско-тюркским языком сонародников, на этом же языке охаивающих азербайджанских тюрков, «растекающихся мыслью» по тюркскому древу против тюркства?

Грузия – наш близкий сосед, наш стратегический союзник. Наше географическое расположение предопределяет стратегический смысл этого союзничества, носящего не преходящий, а долговременный характер. Специфика грузинской культуры, ее обращенность к Западу связаны также и с тем, что в свое время старый Тифлис был интернациональным кавказским городом и восхождение в этом городе плеяды значительных личностей Азербайджана, реализация ряда важных явлений нашей культуры – естественны. Наши дружественные отношения с Грузией призваны также и обеспечить судьбу полумиллиона наших сонародников, проживающих в этой стране. История на пути своего развития знает и срывы и нельзя исключать, что завтра, не приведи Аллах, объявится некий новый Гамсахурдиа, осуществляющий политику насилия в отношении проживающих в Грузии азербайджанских тюрков. Во всяком случае, и мы, и еще больше наши сонародники в Грузии должны быть готовы к такому повороту событий, чтобы не им самим, ни Азербайджану в целом, не пришлось вновь пережить участь азербайджанцев, проживающих в Армении.

Каковы же должны быть наши отношения с Арменией, армянами – после стольких кровопролитий, жестокостей, неизлечимых ран, трагедий миллионов людей, порушенных очагов, разоренных жилищ, осквернённых могил? Выскажу парадоксальную мысль: даже если мы сочтем девяносто девять процентов армян нашими заклятыми противниками, мы не должны считать армянский народ как таковой своим врагом. Ибо никакой народ в мире не является врагом другому народу. То, что народы не враги друг другу, – вопрос принципа, даже быть может, символическое выражение идиллических иллюзий. Правительства, политические системы, армии, олигархи, борзописцы, труженики пера, именующие себя интеллигентами, могут

пропагандировать и внушать чувства ненависти, злобы и вражды к другому народу. Но народ сам по себе не может являться врагом.

Как французы, англичане, воевавшие с фашистской Германией, не считают немцев своими врагами, как японцы, разгромившие американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе и американцы, обрушившие на Хиросиму атомную бомбу, сегодня не являются врагами, как турки и греки, палестинцы и израильтяне стремятся найти общий язык, наступит день, когда после справедливого решения Нагорно-Карабахского вопроса, восстановления территориальной целостности Азербайджана, возвращения беженцев в родные края, когда понемногу затянутся пока что кровоточащие раны, я бы хотел верить, что и Азербайджан с Арменией смогут установить нормальные добрососедские отношения. Ведь армяне не перекочуют со своих мест проживания на Луну, стало быть, мы исторически обречены на соседство. И если поговорка «Плох сосед – переселись» применима к семьям, то к народам ее не отнесешь. Если же мы считаем армян противниками, то подобает лучше изучить сего неприятеля. Надо подготовить специалистов, в совершенстве знающих армянскую историю, язык, глубоко информированных о политических партиях, сегодняшней прессе, состоянии общественной жизни страны-соседа. В ряду ученых-мэтров тюркского языкознания фигурируют и армяне: в Армении – Ачарян, в Турции – Акоп Дилачар, в России – лазаревы, будаговы, севортяны...

Мне не верится, что столь пытливое изучение турецкого языка продиктовано особой любовью к туркам. Так же, как в разгар холодной войны подготовка и деятельность специалистов по советологии, кремлелогии в Америке, Европе не являлись выражением любви к Советскому Союзу и кремлевским вождям, а преследовали цель лучше

знать противника, прощупать его сильные и уязвимые стороны и использовать это знание в борьбе.

Если мы верим в восстановление Азербайджанской государственности в Нагорном Карабахе и дальнейшее проживание армян здесь – реальность, то уже сейчас, не откладывая на завтра, надо начать дело подготовки кадров из числа тех же карабахских армян, лояльно относящихся к суверенным правам Азербайджана, нашей государственности и территориальной целостности и способных управлять Карабахом как образованием, входящим в состав Азербайджана.

Я не говорю о том, чтобы готовить из армян сексотов, шпионов или агентов влияния, работающих на нас в Карабахе. Нет, Боже упаси. Мы должны думать, искать и заранее готовить местные кадры, которые могли бы вести административную работу в Нагорном Карабахе, ориентируясь на Конституцию Азербайджана и принимая как факт юрисдикцию нашей республики над этой территорией. Наверное, такие люди есть, но из-за страха не «высовываются». Необходимо убеждать карабахских армян, что деятельность таких лояльно мыслящих сограждан была бы во благо не только Азербайджану, но и им самим – армянам Карабаха.

Для достойного решения Карабахской проблемы мы должны, как народ, избавиться от пораженческого комплекса. Чтобы отрешиться от горечи военных неудач в Карабахе, достаточно вспомнить события, которые происходят на наших глазах. Если огромная Россия, обладающая самой большой армией в мире, располагающая новейшим и грозным оружием, многовековым военным опытом и искушенными полководцами, генералами, офицерами, получившими современное военное образование, вот уже несколько лет не может управиться с маленькой Чечней, если Грузия не может утихомирить небольшую

Абхазию, если высоко подготовленная, боевитая и храбрая турецкая армия долго не могла искоренить курдских террористов из ПКК, то неправомерно воспринимать Карабахскую неудачу Азербайджана, только-только создающего национальные вооруженные силы, как трагедию и представлять народу именно как иллюстрацию безысходности. В XIX веке Франция, потерпевшая поражение в войне с Пруссией, потеряла Эльзас и Лотарингию. В Париже на площади Согласия возвышаются памятники, символизирующие каждую провинцию. После потери названных провинций, соответствующие им памятники были зачехлены. Вплоть до окончания Первой мировой войны, когда Франция нанесла поражение Германии и вернула свои провинции. Вагон, где Германия подписала акт о капитуляции, охранялся как историческая реликвия, и когда бесноватый фюрер в годы Второй мировой войны оккупировал Францию, пораженческое правительство Петена подписало акт о капитуляции в том же вагоне, войска Третьего Рейха победно промаршировали по Елисейским полям. Но пять лет спустя Германия была разгромлена и Гитлер свел счеты с жизнью в бункере, а Эльзас, и Лотарингия, и вся Франция вновь добились свободы. История – терпение Бога.

В судьбе каждого народа случаются лихолетья. Россия была вынуждена подписать позорный Брестский мир, Турции пришлось подписать унизительное Мудросское соглашение, но прошло время, справедливость восторжествовала, и эти подписанные документы были брошены на свалку истории.

Один из факторов, который сыграет важную роль в будущей судьбе Азербайджана – отношения с США, с Европой. Вспомним триаду, впервые провозглашенную Алибеком Гусейнзаде и в последствии подхваченную Зией Гейалпом; Тюркизация, Исламизация, Модернизация. Последнее понятие трактуют и как европеизацию,

вестернизацию. Во всяком случае, в него вкладывается смысл: усвоение западных ценностей. Но если в независимом Азербайджане на первый план выдвигается тюркизация, акцентируется возвращение к исламским ценностям, то третьему элементу – модернизации – восхождению на уровень развитых стран современного мира – придается не столь уж большое значение. Почему-то модернизация, усвоение западных, европейских ценностей, воспринимается как нечто могущее причинить ущерб национальным интересам. Разумеется, если сегодня названия наших газет и журналов, независимых телеканалов и радиостудий составляют иностранные слова, если бакинские улицы заполнили вывески и рекламы на иностранных языках, оттеснившие надписи на родном языке, если наша молодежь говорит на азербайджанском языке с русским или английским акцентом, интонациями, оснащая речь заемной лексикой, то такую европеизацию, модернизацию никак нельзя принимать.

Джалил Мамедкулизаде в «Книге моей матери» горько иронизировал над гипертрофированными проявлениями этих трех начал, критиковал исламизацию, тюркизацию, русификацию как забвение символической Книги Матери, то есть как утрату национальных ценностей. Но ведь мир, в том числе, западный мир, выработал истинные и ныне очень необходимые нам духовные, философские, культурные, эстетические, художественные ценности, наконец, демократические политические ценности. И мы должны воспользоваться именно этими ценностями.

Говоря о дружбе народов, прежде всего надо помнить о важнейшей стороне этого понятия – содружестве народов, населяющих Азербайджан. То, что эти народы считают себя азербайджанцами, справедливо и правомерно. Но, будучи азербайджанцем, лезгин не должен отрекаться и не отрекается от своего лезгинского

происхождения, талыш – талышского, аварец – аварского, тат – татского, курд – курдского. Точно также азербайджанский тюрок не должен отрешаться от своей тюркскости. С одним условием: забыть навсегда высказанное в определенном контексте утверждение; «У турка не может быть иного друга, кроме турка». Надо воспринимать как естественное явление сегодняшнее возрождение идей тюркизма, запрещенных в советское время, носители которых подвергались гонениям, репрессиям, приговаривались к смерти, ссылке. Однако в этом деле нельзя и впадать в крайности. Бессмысленно закрывать глаза на реальные исторические истины, принимая тюркизм в чисто филологическом смысле. То есть, сколь мне ни близки по историческим, языковым корням казах или башкир, они не ближе, чем говорящие на языках другой системы талыш, лезгин или курд. Тат, аварец, чьи обычаи и традиции, особенности кухни на протяжении веков были едины и схожи, для меня родственнее, чем хакас или якут, чьи родные языки входят в одну с моим систему языков.

Также и семейные узы связывают азербайджанских тюрков не с чувашами и тувинцами, а с талышами, курдами, лезгинами и представителями всех иных наций, с гордостью называющих себя азербайджанцами. Чрезвычайно важное с точки зрения исторических изысканий, исследований по лингвистике, литературе пространство тюркства не может отторгнуть нас от пространства Азербайджана. Азербайджан – часть тюркского мира, но внутри Азербайджана существует и особый азербайджанский мир, и в этом мире азербайджанцы не тюркского происхождения также занимают достойное и почетное место.

И я убежден, что эти сыны и дочери Отечества, взявшись за руки, плечом к плечу, единые в чаяниях и помыслах, построят счастливый Азербайджан – свободную, независимую страну XXI века – Третьего

тысячелетия, где будут царить Свобода, Независимость, Равенство, Братство и Дружба.

И мечтаю, и молю Всевышнего о том, чтобы этот будущий Азербайджан, живущий в моих грезах, которого быть может, мне не суждено увидеть, вознесся на пяти краеугольных камнях, принципах, которые выше я стремился разъяснить:

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

КЛАССОВОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, РАСОВОЕ, РЕЛИГИОЗНОЕ РАВЕНСТВО И РАВЕНСТВО ПОЛОВ

ТЮРКСКОЕ БРАТСТВО

ДРУЖБА НАРОДОВ

Ноябрь 1999

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ГЕРОЙ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Какие черты в современном герое особенно привлекательны для меня?

Убежденность, если она не переходит в слепой фанатизм. Доброта, но не благодушие. Способность понять и, следовательно, простить. Но не всеядность и смирение. Чувство собственного достоинства, если оно не обусловлено унижением чужого достоинства. Доверие к словам – не обесцененным, к идеям – выстраданным историческим опытом общества. Неуступчивость в принципиальных позициях, если она не исключает терпимости к инакомыслящим. Способность чувствовать боль других, как собственную боль. Упрямство отказов от компромисса с совестью. Отвага одиночества в поисках истины. Бремя ответственности без бравирования этим бременем. Беспокойство и неудовлетворенность без позы. Единство слова и дела без ханжества. Способность сомневаться, если за ней стоит талант – верить.

И просто человечность, без всяких оговорок.

Из эссе «Герой, настоящее и будущее».
«Литературная газета» 13 декабря 1967 г.

АЗБУКА ЖИЗНИ

Мой маленький сын! Завтра ты пойдешь в школу в первый раз. Ровно 26 лет назад в эту школу пошли мы – твои родители. Это был первый мирный школьный год со дня начала Великой Отечественной войны. Первого сентября 45-го года мы вошли в класс, и через два дня безоговорочной капитуляцией Японии закончилась самая большая в истории война – война, окрасившая все наше детство. И до того, как мы начали учить географию, наши глаза привыкли следить за пальцами взрослых, передвигающих флажки на карте. До того, как мы научились различать цифры и буквы мы знали алое победное сочетание – 9 мая.

Двадцать шесть лет назад вошли в этот класс мы – я и твоя мама, тогда еще маленькие дети – посмотрели, как мне теперь кажется, многозначительно, друг на друга. Десять лет просидели за одной партой, иногда ссорились, иногда переписывали друг у друга шпаргалки (признаюсь честно: переписывал в основном я), окончили вместе школу, танцевали на выпускном балу. Мне даже кажется невероятным, что прошло столько лет нашей учебы в школе и вузе, столько дней, недель и месяцев нашей дружбы, любви, работы, счастья и огорчений и самой большой радости – твоего рождения, роста, твоих первых неуклюжих шагов и первых смешных слов, первых каракулей на бумаге. И вот, теперь тебе уже 7 лет и ты входишь в тот же класс и та же наша добрая учительница, будто и не постаревшая на 26 лет, наша первая учительница, которая научила нас самым первым и самым важным, основным вещам – будет учить и тебя. От нее ты впервые на свете узнаешь, что дважды два – четыре и лишь много лет спустя, ты поймешь, что из этого простого расчета как из зерна, взошли атомные электростации, спутники, луноход…

Она, наша и твоя учительница, в первый день школы раскроет перед тобой и твоими товарищами страницу первого учебника – Букваря – и лишь несколько лет спустя вы поймете, что в этой скромной книге, как энергия в атомном ядре, покоятся все великие истины человека и мира, прошлое, настоящее, будущее.

В первый школьный день ты узнаешь первую букву нашего алфавита – букву А. Учительница покажет вам еще две буквы – Н. и Т.

И, может быть, ты удивишься тому, что сочетание этих слов создают слова – самые важные, самые первые в жизни человека – слово АНА – мать и слово АТА – отец. Позже вы узнаете, что с буквы А. начинаются и много других прекрасных слов, в том числе название твоей республики, твоего народа, твоего языка – Азербайджан.

Когда в старших классах ты будешь изучать историю, географию, литературу, в тебе возмужает осознанное, глубокое и чистое чувство гордости – своей республикой, краем нефти и хлопка, равноправным членом великого Союза, своим народом, не раз восставшим за свободу и независимость, против жестоких завоевателей.

Потом ты узнаешь другую букву алфавита – букву Б. , с которой начинается название древнего и молодого города, в котором ты живешь – Баку – города огней и ветров, нефти и бессмертных комиссаров, многонациональном пролетарском центре революционного движения в Закавказье, цитадели интернациональных традиций.

Ты узнаешь другие буквы алфавита и из их сочетания, как из сказочного сна – будут возникать прекрасные и удивительные слова, понятия. С буквы В. начнутся высокие слова – «Вера» и взаимообязывающее слово «Верность», сложное слово «Век» и ответственное слово «Время».

С буквы Д. начинается хорошее слово «Дружба» – и если ты достойно проживешь свою жизнь, а я хочу верить, что только так ты ее и

проживешь – ты познаешь это слово во всех его многообразных и богатых проявлениях – тебе посчастливится узнать дружбу людей и дружбу народов, дружбу коллег и классовую дружбу, дружбу во имя мира и борьбы.

Ты поймешь, что человек, не отдавший другим ничего, – бедный и несчастный человек и народ, не друживший ни с кем – одинокий и несчастный народ.

Ты узнаешь, что, есть на свете неповторимое и высокое чувство интернациональной солидарности и всемирного братства по оружию, братства объединяюшего тех, кто создает на земле материальные и духовные ценности.

Дойдя до буквы К. ты узнаешь слово «Коммунизм». Воздух, которым ты дышишь с рождения, атмосфера, которая окружает тебя с детства, суть, форма, мера и смысл нашей жизни – все то, что ощущал, а потом почувствовал и понял, вступив в сознательный период своего существования – обретет четкий гранитный контур величественного учения, стройной системы – общества, в котором ты растешь. Позже ты узнаешь, как человечество пришло к этому идеалу. И ты старательно, с нежностью и гордостью будешь выводить в своей тетрадке имя, которое знакомо тебе и любимо тобой с самого раннего детства – Ленин. Ты поймешь, что это имя, образующееся из пяти букв, является символом надежды для миллионов людей, пользующихся разными алфавитами, буквами и словами, чтобы выразить свою любовь к свободе, миру, счастью. И оно – это имя, как факел освещает путь и тех, кто даже не знает букв.

Рано или поздно, скорее рано, ты узнаешь и о горестях планеты, не только о ее солнце, но и о ее мраке. Ты узнаешь, что существуют страны, где дети не могут учиться в школе, существуют голод и нищета, войны, болезни, бедствия, что есть толстосумы Америки и бедняки

Индии, герои Вьетнама и узники в Греции. Ты узнаешь про борцов против колониализма и жертвах атомной бомбардировки, про героических партизан и патриотов, про расистов и палачей. На уроках географии ты вспомнишь историю, поймешь страшное значение таких географических названий, как Хиросима, Освенцим, Лидице. Но печаль твоя не будет беспросветной, ибо ты вспомнишь и другие названия – Ленинград, Брестская крепость, Сталинград. Ты будешь верить в конечное торжество справедливости, ибо узнаешь не только о Сонями, но и о Нюрнберге.

Буква М. откроет для тебя много хороших слов и в том числе понятие Мир – во всех смыслах этого необъятного русского слова. И прекрасное слово «Москва» наполнит твое сердце светлым майским чувством – тем неповторимым ощущением бодрости, силы, подъема – которые люди испытывают 1 Мая.

С буквы Р. начинается великое слово «Родина». Она начнется для тебя с волн Каспия и с зеленых отрогов Кавказских гор и обнимет необозримые просторы и дали – от Памира до Северного Ледовитого океана, от героизма Бреста до героизма Братска и Нефтяных Камней.

Наша общее отечество – Родина братских народов, говорящих на разных языках, но ты можешь пройти из одного конца на другой огромной страны – и великий русский язык – язык Ленина, язык Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова поможет тебе понять и почувствовать каждое сердце. Русский народ был первым в мире, воплотившим многовековую мечту человечества о справедливом обществе равноправных людей.

Возможно ты будешь жить в эпоху, когда границы и расстояния мира будут определяться не нынешними земными масштабами, а лунными, звездными, космическими измерениями. Но и в эту эпоху неизменными и прекрасными останутся слова «правда», «подвиг»,

«победа». И по-прежнему по-весеннему будут звучать певучие слова «поэзия, песня, Париж». И в 18 лет, а может быть чуть раньше или чуть позже, ты поймешь, что вкладывают поэты и просто влюбленные в понятие «первое признание», «первый поцелуй».

И не со страниц учебника, а по намокшим от майского дождя улицам прибежит на свидание с тобой первая любовь со смешными косичками. И уже не по алфавиту, а путая весь распорядок азбуки, к тебе придет «счастье». Но ты поймешь и то, что оно, это слово, состоит из множества слагаемых, в число которых, вместе со словом «любовь», входят и такие, как «свобода», «труд».

И ты ощутишь самое большое счастье – счастье быть сыном Страны советов – строителем коммунизма.

И лишь тогда, когда ты, осознав и поняв это, включишься в великое дело созидания, и, приобщившись к гордому и многообязывающему местоимению «МЫ», сможешь произнести последнюю букву алфавита, произнести не только как звук, но и как ответ на вопрос века: «Кто участвовал в этом невиданном деле – построении нового, счастливого общества? «Я».

29 августа 1971 г.

Газета «Правда» 31 августа 1971 г.

P.S. *Я* сильно сомневался насчет того, включать или нет эту статью в книгу, поскольку это единственный текст, за который я сейчас испытываю некоторую неловкость. Вернее, не за текст в целом, а за некоторые пассажи, фразы, пару абзацев в этой статье. Ибо они – эти куски – не выражали мои искренние убеждения и чувства в те годы, и тем более не выражают их теперь – после переоценки и переосмысления всех подлинных или мнимых убеждений той далекой эпохи. И все же я решил, спустя много десятилетий, опубликовать этот текст без купюр и

изменений, в таком виде, в каком он был напечатан на страницах «Правды». И не потому, что опасаюсь, вдруг какой-нибудь доброхот отыщет в архивах этот материал и будет размахивать им как компроматом, «ах вот что он писал тогда!» Нет, не думаю, что моим недоброжелателям будет охота копаться в архивах, ведь они нашли весьма легкий путь для моего «разоблачения», – просто лгут и приписывают мне слова, которые я никогда не говорил и действия, которые никогда не совершал, а затем укоряют меня за эти грехи, ими же самими и придуманными. Ну, Бог с ними.

Я решил печатать этот текст во-первых вот почему: известно, то, что написано пером не вырубишь топором, известно так же, что «из песни слов не выкинешь». Да, был такой эпизод в моей творческой биографии.

Не буду оправдываться, хочу лишь объясниться. Эта статья была написана в очень сложное для нашей семьи время. Доносчики всех мастей, из числа нашей же писательской братии, строчили «телеги» в ЦК, в КГБ, в Москву, что в альманахе «Гобустан», который я редактировал, и в редакции Энциклопедии, главным редактором, которой был мой отец – Расул Рза, процветают махровый национализм, пантюркизм, антисоветские настроения. На эти доносы как то реагировала и Москва, «Гобустан», как негативный пример, попал даже в доклад тогдашнего секретаря ЦК КПСС Капитонова, а второй секретарь ЦК КП Азербайджана Козлов спрашивал у секретаря по идеологии Джафара Джафарова: Правда ли что журнал «Гобустан» издается на турецком языке? Козлов, конечно же, не читал на азербайджанском язык, этой «ценной информацией» снабдили его наши местные «патриоты». Еще более суровые обвинения предъявлялись Энциклопедии. И Г.А.Алиев, как Первый Секретарь ЦК КП Азербайджана должен был как-то на все это реагировать. Уже много лет

спустя, в совершенно другое время, Г. Алиев не раз говорил о том, что ему постоянно доносили на «Гобустан», что, мол, и редактор ярый антисоветчик, и дед его был врагом советской власти и что журнал проповедует идеи национализма и пантюркизма. Но Г.Алиев говорил и о том, что сам просматривал альманах от начала до конца, убеждаясь в том, что ничего такого крамольного там нет, но есть много нужных и полезных материалов. И, давая уже в эпоху независимости общую оценку альманаху, он сказал, что сейчас мы должны еще более высоко оценить роль «Гобустана» в деле развития национального самосознания целых поколений.

И вот, в том далеком 1971-ом году, выступая на городском активе, Г. Алиев в докладе, покритиковал «Гобустан» за мещанские настроения (именно так, а не за националистическую, антисоветскую направленность, как это трактовалось в доносах), сделал несколько критических замечаний по поводу Энциклопедии. А в заключительном слове очень высоко оценил, и именно с политической точки зрения, мою статью в «Правде».

Этим он как бы застраховал меня от дальнейшей зубодробительной критики моих коллег, и в то же время расставил акценты для высоких московских инстанций. Статья в «Правде» как бы доказывала мою лояльность и ограждала от опасных политических обвинений. Более того, полагаю, что статья в «Правде» спасла «Гобустан» от разгрома и продлила жизнь Энциклопедии на некоторое время.

Помню и то, как покойный академик Мамед Ариф, поздравил меня с этой статьей. «Это имеет очень большое значение – сказал он, – ведь со страниц «Правды» отмечается, что первые слова которые наши дети произнесут в школе будут «АНА» и «АТА», то есть они будут учиться на родном языке».

Оказывается, при доброжелательном отношении, могла быть и такая трактовка статьи.

В любом случае, включаю эту статью в книгу. Да будет Бог мне судьей, и пусть бросит в меня камень тот, кто был абсолютно безгрешен в те годы. Если я и совершил ошибку, написав «Азбуку жизни», то эту публикацию прошу воспринимать как покаяние за свой проступок.

20 сентября 2009

«В ПАРАХОДЫ, В СТРОЧКИ И В ДРУГИЕ ДОЛГИЕ ДЕЛА»…

Несколько месяцев назад мне на глаза попалось маленькое сообщение в газете, в нем говорилось о том, что на Каспий прибыла трубоукладочная баржа, которую привел дизель-электороход – буксировщик. Что же так взволновало меня в столь обычной заметке? А то, что баржа эта называлась «Сулейман Везиров», а буксировщик, который доставил ее в Азербайджан – «Юсиф Сафаров».

Мне посчастливилось хорошо знать и Сулеймана Везирова и Юсифа Сафарова, общаться с ними, слушать их всегда интересные разговоры о своей профессии, о коллегах нефтяниках, о жизни вообще. Я помню, с каким упоением и вдохновением, как о живом существе, говорили они о нефти, величайшей сокровищнице нашей земли. И сейчас, когда, открыты более мощные ее залежи далеко за пределами Азербайджана, наше подземное богатство, сохраняет за Баку приоритет нефтяной академии.

Я был осведомлен и о сложных, порой драматических перипетиях биографий Сулеймана Везирова и Юсифа Сафарова. Юсиф Сафаров – мой тесть, отец моей супруги Земфиры. Сулейман Везиров – тесть моей сестры Фидан, супруги Рауфа Везирова, сына Сулеймана Азадовича.

Герой Социалистического Труда, инженер-нефтяник Сулейман Везиров был одним из выдающихся организаторов нефтяной промышленности. От рядового инженера до руководителя Объединения «Азнефть», Министра, Заместителя Председателя Совета Министров и заместителя Председателя Президиума Верховного Совета республики – таков путь этого замечательного человека, ставшего легендарной личностью еще при жизни.

Крупнейшим командиром индустрии, ученым и практиком был дважды Лауреат Сталинской (Государственной) премии СССР Юсиф

Сафаров. Вместе с другими прославленными нефтяниками еще в 30-е годы они создавали промышленное хозяйство республики. В суровые годы войны, были в числе тех, кто не зная ни сна, ни отдыха, обеспечивал бесперебойное снабжение фронта, советских танков и самолетов высокооктановой бакинской нефтью.

«Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Их «достойно» отблагодарили за самоотверженное служение Родины в трудные годы. Впав в немилость у властей после окончания войны, они, как и многие другие видные нефтяники, были выдворены из республики.

И не по своей воле оказавшись далеко от Азербайджана – в Сибири, Туркмении, Татарстане, они так же самоотверженно принимали участие в организации нефтяного дела во «Втором» и «Третьем Баку». После того, как хлебнув лиха, они вернулись на родину, и С. Везиров и Ю. Сафаров стали пионерами освоения морской нефти, стояли у истоков прославленных Нефтяных Камней.

Кстати, не могу не упомянуть имя еще одного прославленного геолога Ага Курбана Алиева, первооткрывателя морских залежей нефти в районе Камней. Я знал и Ага Курбана Алиева и помню его рассказы об освоении Нефтяных Камней. Многие тогда сомневались в том, что на этих Камнях может базироваться морское «нефтяное хозяйство». Зальет волнами всегда неспокойного и разбушевавшегося Каспия – утверждали они. И тогда Ага Курбан Алиев принес на заседание бюро ЦК Азербайджана, на котором обсуждался этот вопрос… голубиные яйца и объяснил, изумленным участникам совещания: «эти голубиные яйца из Камней, часть осталась там, можете проверить. А голуби никогда не стали бы оставлять яйца там, где их могли залить волны. Голуби чувствуют природу лучше людей». Вопрос был решен.

Во всяком случае, так рассказывал об этом Ага Курбан Алиев.

Вот на какие мысли и воспоминания натолкнула меня маленькая заметка, в которой вроде бы случайно соединились имена Сулеймана Везирова и Юсифа Сафарова, двух коллег и близких друзей. И то, что их имена как бы снова соединились, представляется мне глубоко символичным. Как тут не вспомнить замечательные слова Маяковского о людях, «воплотившихся в пароходы, в строчки и в другие долгие дела».

Текст частично опубликован в
«Литературной газете»
3 ноября 1976

P.S. В 2007-м году в газетах появилось сообщение, что в экспозиции музея нефти в городе Хьюстон (США) нашли место портреты двух представителей Азербайджана – Юсифа Сафарова и Ага Курбана Алиева, как пионеров освоения морской нефти.

В ЗАЩИТУ ЛОШАДИ

Очень грустно было читать на страницах «Бакинского рабочего» материал Олега Зейналова «О лошадях». Я литератор и да простятся мне чисто литературные ассоциации: читая о горьких фактах бездушного, жестокого отношения к лошадям, узнав об их тяжелой доле на заброшенных островах дельты Куры, я невольно вспомнил бессмертные тексты из нашей устной и письменной литературы, посвященные лошадям. Вот обращается к своему коню Бейрек, герой «Книги моего деда Горгуда»:

«Открытому пристанищу подобно твое чело: двум ночным светильникам подобны твои очи, шелку подобна твоя грива, несет воина твоя спина. Не буду звать тебя конем, буду звать братом, ты мне лучше брата. Буду звать тебя товарищем, ты мне лучше товарища».

Или вот знаменитый Кёроглу воспевает своего не менее знаменитого коня Гыр-ата:

Я сошел с Ченлибеля, думая о тебе…
Глаза твои – яблоки, девичьи локоны – грива!
Мы не расстанемся с тобой,
Мой волоокий конь!
Мы спаяны одной судьбой
Мой быстроногий конь!

Вспомнилось «Хорошее отношение к лошадям» Маяковского, вспомнилось есенинское «Милый, милый, смешной дуралей»…

И после всего этого, после веков героической славы и поэтического воспевания, после слов нежности и любви, написанные величайшими поэтами, после того как образ боевого коня вошел в духовное сознание народа, стал символом подвига и верности, красоты и грации, мучительно читать строки:

«Зимой на острове нередко выпадает мокрый снег, он быстро схватывается на ветру в гололед и полностью закрывает доступ к кормам. Тогда лошадям приходится туго. Они заходят вглубь тростников и стоят там, бывает по несколько дней. Слабые из них погибают» («Бакинский рабочий» 6 февраля 1985 г.)

По рассказам очевидцев, животных загоняли на рыбацкие сети, проволочные петли, развешанные по кустарнику. Азартные крики ловцов, гул моторов преследовал табун по всему острову. Наконец, был подожжен тростник, клубы дыма и огонь прижали лошадей к морю. И тогда все они, и старые, и молодые неторопливо вошли в воду и на глазах у изумленных ловцов поплыли…

Всего несколько раз в жизни мне довелось садиться на лошадь и подниматься по узким горным дорогам в труднодоступные места на вершинах Большого Кавказа. Чувство, которое испытываешь, управляя даже самой мирной, обученной лошадью, не может сравниться ни с каким другим ощущением подобного рода, скажем с быстрой ездой на автомобиле или мотоцикле. Ощущение слитности с живым существом возвышает, возносит человека, и как разумно было бы культивировать это чувство с самых детских лет. А как осторожны, бережны лошади, привыкшие к горным дорогам и на подъеме, и на спуске, когда они, ступая по узкой тропинке у самого обрыва, буквально нащупывают копытами каждую пядь земли, каждый камешек. Я помню, как умело доставили нас лошади в селение Хыналыг, куда ни одним другим транспортом в те годы нельзя было добраться. Да и сейчас немало мест, населенных пунктов, куда в определенное время года можно добираться лишь на лошадях. Так что даже в чисто транспортном плане функции лошади в наше время далеко не исчерпаны. Почему же мы так спешим сдать наших лошадей в Прошлое, в Историю, в зоопарк, цирк, мясокомбинат, куда угодно, отнимая у этих верных животных самое

главное, что им всегда присуще – чувство достоинства. Достоинства в работе, в дружбе, в бою. Именно поэтому в течение тысячелетий лошадь была составной частью цивилизации людей – недаром в самых больших городах мира воздвигнуты прекрасные памятники коням – с всадниками и без, и как обидно, что в нашем Баку нет ни одной конной статуи.

О.Зейналов приводит аргументированный список сфер, где лошадь могла бы стать полезной и в наш век техники. Эти сферы простираются от спортивно-воспитательной работы в средних школах, до индустрии туризма, до кинематографии (иметь на нашей студии собственную конюшню скаковых лошадей – очень дельное предложение).

Можно возродить и древнюю игру «Човган» и другие народные игры, связанные с участием лошадей. Эти игры частично включаются в программы районных праздников, но можно придать им статус больших общереспубликанских конноспортивных состязаний. Можно проводить ежегодные смотры-выставки породистых лошадей, сопровождая их ашугскими песнями в честь Гыр-ата Кероглу, Боз-ата Гачаг Наби и других славных коней прошлого.

«Джыдыр» – «Скачки» – были в ряду самых больших и любимых праздников нашего народа. Это был праздник отваги и ловкости, удали и доблести, благородства и красоты, и кони разделяли с всадниками все тяготы борьбы и все радости победы. Почему бы не возродить эти празднества в степях Гобустана (в районе Гобустана, в Кичик Даш имеется идеальная естественная арена как для самих скачек, так и для зрительского обзора этих соревнований) или на знаменитой Поляне скачек – Джыдыр-дюзю в Шуше.

«Загнанных лошадей – пристреливают» – в названии фильма лошадь была символом, метафорой. Но нельзя загонять, убивать и настоящих, «несимволических», «неметафорических», настоящих,

живых лошадей. Надо сберечь и сохранить этого старого друга людей. Слишком большое место занимает лошадь в памяти и человечества в целом, и каждого из нас в частности.

21 февраля 1985 г.

ДОСТОИНСТВО

Как-то раз, в течение одного дня, мне пришлось быть свидетелем двух почти одинаковых, совпадающих ситуаций, сопоставление которых наводило на определенные размышления. Утром я участвовал на высоком совещании, где некий большой начальник вовсю крыл и распекал своих подчиненных. Требовательность и строгость – необходимые качества руководителя, но меня, откровенно говоря, несколько шокировала манера обращения этого самоуверенного начальника средних лет с другим начальником – младшим по должности, но отнюдь не по возрасту. – Ты проявил безответственность, халатное отношение к делу, недопонимание своих обязанностей, – кричал большой начальник меньшему по рангу. Шокировало не только обращение на «ты» к пожилому подчиненному, но и то, что этот последний стоял навытяжку, принимал все нарекания, оскорбительный тон, унижающее «тыканье» – как должное, покорно и как-то слишком охотно соглашался с тем, что является бездельником, разгильдяем, мямлей. Ухитрялся лишь вставлять время от времени: «Вы совершенно правы...»

Волей случая в тот же день, но уже к вечеру, пришлось присутствовать и на другом совещании, где полновластным «хозяином», самым старшим начальником был уже тот, на которого при мне, да и при многих других, рычали и топали ногой. И что ж... Спустя всего несколько часов после утренней накачки теперь кричал и топал ногой он. «Маленький начальник» – Там, Здесь он был «большим», главным. Униженный и оскорбленный утром, вечером он сам унижал и оскорблял уже своих подчиненных. Теперь перед ним стоял навытяжку другой начальник, да, да, именно начальник, хотя, разумеется, еще меньший по должности, и опять-таки старший по возрасту. Стоял и так же

безропотно соглашался с тем, что он разгильдяй, мямля, бездельник... Поразительно, что и слова были буквально теми же самыми, утренними... То ли фантазии не хватало на новые эпитеты, то ли сами эти эпитеты были четко установленными, привычно последовательными... А может, обруганный утром, сознательно или подсознательно, компенсировал таким вот изощренным способом нанесенный ему моральный ущерб. Внешне безропотный, покорный Там, он Здесь отыгрывался на другом таком же внешне покорном и безропотном. Я не зря выделяю слово «внешне». Ибо, как я понял, безоговорочное приятие всех оскорблений в свой адрес Там, утром, было просто притворством, обеспечивающим возможность излить душу, дать выход накопившимся эмоциям Здесь. Беспрекословно отвечая на «ты» – «Вы», он сохранил привилегию «тыкать» нижестоящим, которые, разумеется, отвечали ему на «Вы».

Размышляя об этих двух аналогичных ситуациях, я все больше убеждался, что в их основе стоят не административные проблемы, не проблемы субординации, служебной этики, элементарной воспитанности. Нет. Основной сутью этих ситуаций является проблема человеческого достоинства. Вернее его отсутствия в поведении двух людей. Двух обруганных в тот день начальников – среднего и младшего. Но, думается, в данном случае нетрудно предугадать и характер третьего персонажа – самого большого из трех начальников. Исходя из увиденного, мне легко представить его в совершенно ином качестве – в роли «распекаемого» еще более высоким начальством. Ничего удивительного – чужое достоинство готовы растоптать, как правило, те, у которых нет своего собственного. Терпя поношения «сверху», подлаживаясь под нрав того, кто выше, смешно кичиться своим собственным показным всемогуществом. Честь – не двуликий Янус, с противоположными минами, обращенными в разные стороны. Но для

подобных людей иерархическая цепочка – безжалостна – подобострастный взгляд вверх, дает определенные шансы горделиво взирать свысока в обратном направлении...

Мы – граждане страны, которая почти 70 лет назад сбросила оковы векового рабства. Мы – дети революции, которая смела классовое, экономическое, социальное неравенство, упразднила бюрократическое чинопочитание, власть денежного мешка, аристократическую кастовость. «Мы не рабы, рабы не мы» – в этой первофразе ликбеза начало не только грамоты, но и новой нравственности, нового мироощущения – осознания собственного человеческого достоинства. Разные исторические этапы в многотрудном поступательном движении общества выковали характер нового – советского человека – стойкого, работящего, гордого – человека с чувством собственного достоинства. Дореволюционное горьковское определение: «Человек – это звучит гордо», – обрело реальное, конкретное воплощение применительно к гражданину новой социалистической формации. Все это несомненно и неоспоримо. Но как же живучи рецидивы сословной, иерархической психологии, если до сих пор руководитель министерства ли, предприятия ли, района ли, воспринимается порой не как лицо облеченное определенной властью – строго контролируемой, народной по сути властью, не как работник, выполняющий конкретную, возложенную на него функцию в данном временном отрезке. Нет, должностное лицо это воспринимается некоторыми как некий абсолютный вершитель судеб в ведомственном или районном, областном, городском масштабе, и он, этот районный или ведомственный деятель, – во весь период своего функционирования – безупречно прав во всех вопросах, хотя он и обречен сразу же после своего ухода стать «козлом отпущения», виновным во всех ошибках, допущенных не им одним, а огромным количеством подчиненных,

«искренно» веривших в непогрешимость всех действий обожаемого шефа. В чем корень проблемы? Опять же в человеческом достоинстве. А также в его отсутствии. Им, этим достоинством, не обладают и те, кто поют «аллилуйя» любым поступкам и словам функционирующего начальника, и кто отрекается от всего содеянного и сказанного на следующий же день после падения прежнего квазикумира. Но достоинства нет, по сути, и у самого кумира, позволяющего одурманить себя грубой или изысканной лестью, «искренним» подобострастием, «идущим из глубин души» подхалимством. Как же можно верить искренности од и панегириков, если они произносятся людьми подчиненными, следовательно, в любом случае зависимыми, небескорыстными. Одаривая их «боготворение», не унижает ли прежде всего свое собственное достоинство одаривающий? Если начальник ведет себя скромно, но при этом рой штатных подлиз поют дифирамбы его скромности, умный, порядочный, дальновидный руководитель обязан насторожиться, призадуматься: не пытается ли живучая, настырная братия конъюнктурщиков и карьеристов подкрасться с тыла, с флангов, прекрасно понимая, что лобовой, фронтальный натиск неприкрытой лести – теперь неэффективен. У приспособленцев завидная мобильность. Впрочем, если вместо лица – маска, ее и менять-то не стоит труда. Те, кто еще вчера кричали, что любой разговор о наших недостатках – злостное критиканство и очернительство, что у нас одни лишь достижения во всех мыслимых и немыслимых сферах, что все наши дома, учреждения, поля, улицы, рынки и магазины населены одними лишь идеальными героями, сегодня с такой же имитацией «гражданской страсти « меняют эйфорическую волну на волну критическую. Куда проще говорить о правде, чем говорить правду.

Уши вянут, когда слышишь на собраниях и заседаниях «ужасно смелые» речи тех, кто всегда боялся, а в глубине души и продолжает

бояться всякого обновления, всех основательных перемен в производственной, хозяйственной сфере, в социально-экономических областях, в нравственном и духовном климате общества. «Дозволенная смелость» по внутреннему убеждению подобных людей – лишь один из возможных способов переждать бурю, тряску времени, пока все не вернется на круги своя. И это теснейшим образом связано с понятием человеческого достоинства. Обладающая им личность никогда не позволит себе жить по принципу – вчера я был осторожен, сегодня – смел, а завтра – как скажут... Вчера я воспевал, сегодня обличаю, а завтра...

Впрочем, у подобных людей нет не только достоинства, но и осмысления Времени, как единой, неразрывной нравственной субстанции: по их мнению, нет ни Вчера, ни Завтра. Одно вечное Сегодня.

Но, как известно, нет Сегодня без Вчера и Завтра. Завтра будет таким, каким мы его подготовим Сегодня и для этого нельзя забывать то, что было Вчера... Память тоже, как и Время, категория нравственная. «Забывчивость» одних не должна покоиться на ложном убеждении, что отшибло память всем. «Исторический склероз» – опаснейшее из общественных болезней.

Конечно, злопамятность, мстительность – чужда самому духу нашего общества и многим из тех, кто повинен во вчерашних упущениях, дана возможность перестроиться по существу. И в методах работы, и в человеческих отношениях, и во внутреннем, психологическом плане, те, кто сможет выдержать испытание Временем достойно – принесут еще много пользы стране, народу. Но поняв, что уровень новых задач, выдвинутых временем, тебе не по плечу, можно с таким же достоинством уступить место... Существует и честь отказа, мужество достойного отречения. К сожалению, есть и третий путь,

далекий от достоинства – путь социальной мимикрии, имитации «нужного» поведения, при внутреннем неприятии его причин. Измена собственным убеждениям во имя сохранения собственных благ. Цинизм выжидания.

XXVII съезд КПСС решительно и твердо подтвердил необратимость процесса обновления нашей жизни, стратегию далекоидущих коренных перемен... Съезд сказал обо всех упущениях открыто и четко, перед лицом всего мира заклеймив обывательскую «мудрость», сводящуюся к присказке о соре и избе... решимость очистить свой дом гораздо важнее всяческих кривотолков – своих и чужих. Средоточием, основой, сутью общественного обновления – является проблема полноценной человеческой личности. Достоинство общества определяется человеческим достоинством его членов-личностей – духовно содержательных, энергичных, интеллектуально богатых, эмоционально развитых. Порядочность, совестливость, чувство подлинного достоинства обязательные качества такой гармоничной личности.

* * *

Достоинство, как и совесть – понятия стабильные, они не могут эластично подтягиваться под обстоятельства. Нелепо «консервировать» совесть до поры, до времени. Живем то всего раз. Невозможно пренебречь достоинством в определенной ситуации, рассчитывая восстановить его в другой. Гонор, высокомерие, надменность – прямые антиподы достоинства. Как правило, это взаимоисключающие критерии, хотя порой видимость может запутать нас – показное чванство примем за подлинное достоинство. Я знал людей с большим гонором, с весьма спесивыми манерами, с постоянным снисходительно-скучающим выражением на лице. Впрочем, слово «постоянно» я употребил неточно, потому что надменно-высокомерные по отношению к большинству

человечества, эти люди мгновенно преображались в общении с теми, от кого они так или иначе зависели – их сурово-непроницаемый взгляд становился искательно-заискивающим, недоступно гордое выражение лица превращалось в выжидательно-внимательную мину. Это и есть утеря достоинства. Если ты улыбчив, доброжелателен, остроумен, обаятелен – не храни эти свои доблести для соответствующих обстоятельств и «полезных», нужных людей. Будь так же приветлив с чистильщиком обуви, как и с директором завода, института, совхоза. Если же ты хмур по натуре, неразговорчив, замкнут, не заливайся соловьем на престижном приеме, не удосужив ответом приветствие лифтерши...

Я встречал служителя муз, человека с гонором, тщеславного и самоуверенного. Болезненно самолюбивый и столь же болезненно самовлюбленный, он однажды совершенно преобразился прямо на моих глазах, когда унижаясь, упрашивая, настаивая добивался престижной премии. Его достоинство (точнее отсутствие этого чувства) позволяло ему быть просителем наедине, ради того, чтобы стать гордым триумфатором прилюдно. Убедив кого надо, что он, только он один и достоин вожделенного поощрения, всеми правдами и неправдами добившись его, сей служитель муз скромно, потупив очи, заявлял, что удостоен вовсе не он, а все его коллеги, весь народ, чуть ли не все человечество в его лице.

А есть ли в мире степень поощрения, наипрестижнейшая премия, из-за которых человек мог бы поступиться самой главной из наград жизни – своим достоинством?

Один начальник... Впрочем, хватит о начальниках. Спустимся с начальственных эмпирий к элементарной текучке быта. К так называемой сфере обслуживания, с которой так тесно связаны часы и минуты нашей жизни, наше настроение и следовательно,

работоспособность, распорядок нашего времени, а значит мера отдачи нашего труда обществу, стране, коснемся мелочей повседневности, которые не так редко бросают вызов чувству человеческого достоинства...

Швейцар с генеральской осанкой (по крайней мере, с полковничьей выправкой), стоящий у дверей гостиницы, готов уничтожить, испепелить вас суровым взглядом, если, не дай бог, вы замешкались, предъявляя визитную карточку гостя. При ее же утере или при отсутствии прочих соответствующих пропусков он даже разговаривать с вами не станет, чего доброго еще и вышвырнет. Честь ему и хвала, ведь он бдительно стоит на страже правил и инструкций, утвержденных для гостиниц и высотных домов гостиничного типа. Но так почему же, когда вы суете этому самому швейцару, торжественному как бронзовый монумент, трешку или даже рубчик, от его монументальной непреклонности не остается и следа. Он рвется нести не только ваш чемодан, а чуть ли не вас самих на руках... Не таким уж неумолимым стражем правил оказывается этот истукан, если ничто человеческое ему не чуждо... Он не только не гнушается подачками, он ждет их, рассчитывает на них.

Конечно, он обязан контролировать вверенный ему участок, но хамить он вовсе не обязан. А хамит он потому, что, не имея собственного достоинства, старается унизить ваше. Я уважал бы не только того швейцара, который зорко следит за входящими в гостиницу, подозревая в каждом грабителя или поджигателя, но и того, еще мною невстреченного, кто с негодованием отверг бы мятый рубчик... А много ли встречал каждый из нас официантов, гордо возвращающих нам чаевые?

Пустой дневной ресторан. Ты – командированный из другого города, пришел сюда не для загула, не для обильных возлияний, не для

прожигания жизни, а для того, чтобы просто пообедать. В зале сорок свободных мест, три посетителя (ты – четвертый), и двенадцать молодых, цветущих, «элегантных как рояль» официантов. Они оживленно беседуют на неизвестно какие, но, видимо, насущно важные и неотложные темы. Жадно пытаясь поймать небрежно скользящие, проходящие сквозь тебя, как рентгеновский луч, взгляды этих тебя незамечающих гренадеров, ты мучительно думаешь о бесцельно, безвозвратно утерянных минутах, часах такого дефицитного в наш век времени... После твоих долгих молчаливо зазывных взглядов, красноречивой мимики и жестов, один из гренадеров неторопливой, ленивой походкой приближается к твоему столу, чтобы вскользь сообщить: этот стол не обслуживается. Почему именно этот столик? Неизвестно. То ли стол заказан (кем, когда, как, на какое время?) то ли заминирован. Угораздило же тебя сесть именно за этот стол, в то время как вокруг еще сорок свободных мест. Впрочем, убежден – куда бы ты ни сел, наверняка выяснилось бы, что как раз именно этот стол и не обслуживается. Важно не умение найти, «вычислить» обслуживаемый стол. Важно другое, а именно – самоутверждение официанта. Важно, чтобы ты осознал простую истину: хотя он, официант, и вынужден обслуживать тебя в течение короткого и весьма определенного отрезка жизни, в компенсацию такой несправедливости судьбы он непременно докажет тебе свое превосходство. Он может пересадить тебя. Усадить при наличии сорока свободных мест именно за тот столик, за которым уже сидят, разговаривают, пьют. Может им нежелательно твое присутствие, может у них свои беседы, не предназначенные для посторонних ушей. Может они настроены весело, игриво, а тебе не хочется их компании. Может, наконец, и тебе самому не хочется есть в присутствии других людей. Ты, может быть, чавкаешь, когда ешь... Или чавкают они... В любом случае ты предпочитаешь есть за отдельным

столом, при наличии стольких свободных мест – это твое право. Ан нет. Ты еще должен отстоять это свое право. Ну хорошо, отстоял, доказал, в виде крупного одолжения тебе позволили остаться на своем месте, не пересадили за чужой или другой стол. Все равно в арсенале официанта еще немало способов поставить тебя на место. Он может заставить тебя ждать часами, может объявить, что настал санитарный час, а твой час, соответственно, отодвинулся на неопределенное время. Он может не записывать твой заказ, сославшись на свою хорошую память или на отсутствие карандаша, а потом вместо котлет по-киевски принести азу по-татарски, уверяя, что именно это ты и заказывал и вообще это твое любимое блюдо с самого детства. Способов испортить настроение человеку много. Все зависит от выдумки, энергетических запасов, душевного настроя официанта. Вступать в нудные пререкания, ссылаться на какие-то правила, долго выяснять отношения – все это не для тебя, не для твоих нервов: своих собственных стрессов хватает. И не за мелкой перебранкой пришел ты сюда, а с самой непритязательной потребностью утолить голод. И самое главное – не хочется так нелепо унижать свое достоинство по столь ничтожному и мелкому поводу. И опять же, все, все простил бы я нагловатому официанту и никак не могу простить лишь одно – его прямо-таки актерское (по системе Станиславского) преображение прямо на глазах, когда, после напряженной, наэлектризованной трапезы, оставляешь ему – своему мучителю – лишние купюры. С количеством купюр связана и степень художественного перевоплощения. Нет, это уже не он. Не может человек так измениться за считанные минуты (считанные деньги). Это уже другой официант – услужливый и корректный, предупредительный и вежливый, ласковый и нежный, галантно подвигающий стул, когда ты, расплатившись встал, и трепетно сдувающий пылинку с твоего пиджака. У этого официанта и в помине нет чувства собственного достоинства,

зато есть собственное «Жигули», припаркованное у входа в ресторан. Купленное на наши с вами подачки. А не унизили ли и мы свое достоинство, купив финальную добрую улыбку официанта и нейтрализовав в памяти его хамские повадки?

* * *

Оторвемся снова от грешной земли, воспарим в небеса – окажемся на этот раз в высотах в прямом смысле слова: мы в комфортабельном салоне аэрофлотского чудо-лайнера.

Как-то раз пришлось и мне лететь из-за рубежа первым классом. В салоне была вполне нормальная температура, но мне предлагали то роскошный плед, чтобы я не простыл, то прохладительные напитки, дабы не испытывал жажду. По нравам тех лет предлагали выпить и кое-что покрепче. Очаровательные стюардессы были внимательны, предупредительны, они заботились о моем рационе, о круге моего чтения...

Через два дня, уже внутренним рейсом, в самолете, разумеется, без «классового» распределения мест, я должен был лететь в свой город. Я прибыл в аэропорт за час с лишним до времени вылета. Наш рейс, как и десяток других, переносился на неопределенное время, а пока всего лишь на два часа. В этом и заключалось дело – если бы рейс откладывался на шесть или десять часов, можно было бы соответственно спланировать свое время. Но срок в два часа привязывал тебя к определенной точке – к своему чемодану: багаж не принимался ни у стойки регистратуры, ни в камере хранения.

Через два часа тем же бесстрастным тоном было сообщено, что дополнительное объявление о нашем рейсе будет через два часа. К справочному бюро невозможно было пробиться. Те счастливчики, которым все же это удалось, получили ответ, лаконизму которого

позавидовал бы сам Хемингуэй с его пресловутым телеграфным стилем: – Нет. Не знаю. Ждите объявлений.

И мы ждали. Терпеливо, покорно. Безмолвно, безнадежно. Через каждые два часа нас радовали обещанием новых вестей через все те же неизменно стабильные два часа.

16 часов простоял я у своего чемодана на ногах, не имея возможности отлучиться ни на шаг. Камеры хранения из-за обилия застрявших рейсов были наглухо закрыты. Буфетную стойку можно было взять лишь кавалерийским наскоком. Все стулья, кресла, диваны, все, на чем можно было сесть, прилечь, примоститься, было оккупировано давно и, казалось, навсегда. На лестничных ступеньках, расстелив газеты, лежали женщины, дети...

Меня угнетала не физическая усталость, голод, жажда. Душило чувство унижения. Мысль о том, что люди, ведающие пассажирской службой аэропорта, так наплевательски равнодушны к физическому состоянию женщин и мужчин, стариков и детей, здоровых и больных, сильных и слабых, преступно безучастны к их человеческому достоинству, полагая, что имеют дело лишь с покорной массой томящихся в ожидании пассажиров, а не тысячами отдельных граждан, с личностями, с людьми.

Наш народ героически вытерпел невзгоды суровых времен – эвакуации – промерзшие вагоны, немыслимое многолюдье эшелонов, бесконечные пересадки и ожидания на перронах, продуваемых всеми ветрами. Но то была война... Не до удобств было...

Сейчас, в мирное время, на исходе века, с его ошеломляющим техническим прогрессом, торжеством комфорта и сервиса, крупный современный аэропорт не может обеспечить своих пассажиров достаточным количеством чая, кофе, булок, кресел, мест в комнатах матери и ребенка, полок в камерах хранения, более или менее

вразумительной информацией о задержках рейсов. Я согласился бы простоять не сходя с места не то что 16 часов, а все 24, но дайте мне хотя бы точную информацию о времени вылета, не морочьте голову двухчасовыми отсрочками. Ведь вам-то хорошо известно, что вылет откладывается не на два часа, а на явно больший срок времени. Так скажите об этом. Объясните причину. Внятно, толково, ясно... И я уверяю вас, наполовину уменьшится раздраженность, недовольство, нервозность... извинитесь перед женщиной с детьми, улегшейся на лестничных ступеньках.

Поднимите людям настроение – добрым словом ли, приятной музыкой ли, ну чем-нибудь таким, чтобы они поняли – их уважают, с ними считаются, о них заботятся – хотя бы в чисто моральном плане...

А то ведь получается, что все это в порядке вещей, что все происходящее будто бы совершенно нормально – через каждые сто двадцать минут откупаться одной скупой фразой насчет следующих двух часов. Да какие там извинения... – мы тут делом занимаемся, нам не до извинений или приятной музыки, – последует наверняка ответ... Объявляя интеллигентскими замашками, прекраснодушием и слюнтяйством нормы человеческого отношения к людям, «суровые прагматисты» наглядно демонстрируют и то, каким образом они занимаются делом... и каковы результаты подобной деятельности. Обстановка в аэропорту демонстрировала это довольно-таки впечатляюще.

Можете вообразить, что началось, когда наконец-то объявили наш рейс. Мы бросились к трапу самолета, как пассажиры «Титаника» к шлюпкам. Мы штурмовали небо, как санкюлоты Бастилию. Добравшись до своих кресел в самолете, мы не сразу и вспомнили, что вес собственного тела можно ощущать не только ногами... И тут, в счастливые мгновения обретенного относительного покоя, стюардесса

хорошо поставленным голосом объявила, что экипаж удалился на отдых, и самолет наш вылетит утром (была полночь). Она добавила, и в этом была цель объявления, что все пассажиры обязаны покинуть самолет до времени вылета, то есть до утра. Это было уже не унижение нашего пассажирского достоинства, это был вызов здравому смыслу. Это было издевательством, глумлением над людьми в конце концов. Мы, пассажиры, решили защищаться в креслах, как те же санкюлоты на баррикадах – ни шагу со своих еле обретенных мест... Стюардесса угрожала милицией, ссылалась на какие-то правила, которые, оказывается, запрещают пассажирам проводить часы вынужденного ожидания в удобных креслах самолета, но ничего не имеют против многочасовых томительных ожиданий на ногах…

Истошно заплакал ребенок. – Дайте ребенку воды, – попросила мать стюардессу.

– До взлета и набора высоты запрещается открывать бутылки с водой, – бесстрастно отчеканила стюардесса и дала ценный совет: – Подождите до утра.

Ребенок завопил еще сильнее.

Я вспомнил свой «первый класс» на почти таком же аэрофлотовском самолете, вспомнил прохладительные напитки, плед, журналы, газеты, вышколенную вежливость тех стюардесс… А ведь классы у нас существуют лишь в самолетах – подумалось мне – в нашем обществе все равны и все организации, учреждения, министерства, комитеты, союзы, ведомства, агентства и т. д. и т. п. в том числе и славный «Аэрофлот», должны строго уважать достоинство и честь любого гражданина, независимо от того, каким классом, куда и откуда он летит, едет, плывет...

Ведь все, в конечном счете, сводится к человеческой личности, к его самоуважению, к чувству собственного достоинства... Именно это

чувство внушаем мы, подрастающему поколению, помня мудрое русское наставление, внесенное Пушкиным в эпиграф «Капитанской дочки»: «Береги честь смолоду».

Чувство профессионального достоинства не позволит настоящему рабочему человеку выдать заведомый брак, каменщику строить вкривь и вкось, хирургу зашить пациента небрежно, председателю колхоза заниматься приписками, а поэту черной халтурой. Но если человек это прежде всего личность, а потом уже представитель той или иной профессии, то и человеческое достоинство основа основ его «я».

Атрофированность чувства чести в людях может обернуться серьезным моральным уроном для общества в целом. Пренебрегая фактором человеческого достоинства в сферах обслуживания, на транспорте, в быту, можно породить тип людей в какой-то степени ущемленных, понукаемых и помыкаемых – то есть тип, бесконечно далекий от коммунистических идеалов.

... А в ту ночь, в самолете ребенку все же дали воду. Дали после того, как все пассажиры, усталые, измученные, изнуренные, но не потерявшие человеческого достоинства, заявили, что напишут коллективное письмо куда надо с указанием фамилии стюардессы, если она сейчас же не принесет воды ребенку. Это возымело действие. Ребенок напился, успокоился. На большее мы, пассажиры, не решились. «Как-нибудь дотерпим до утра, не умрем же от жажды», – наверное думал в душе каждый. Умение терпеть не ропща – это ведь тоже достоинство...

* * *

Утром хорошо отдохнувший, выспавшийся экипаж (пишу об этом без иронии: то, что экипаж должен хорошо отдохнуть для четкого выполнения своей сложной работы – аксиома) поднял наш самолет в заоблачные выси. Но до этого, вслед за членами экипажа по переднему

трапу поднялись на борт еще трое свежевыбритых пассажира и расселись в креслах первого ряда первого салона. Один из них оказался моим знакомым. В ту пору он занимал важный пост.

– И ты летишь этим рейсом? – удивился он, увидев меня. – Где же ты был?

Я вкратце рассказал ему историю последних суток своей жизни.

– Как жаль, что я тебя не увидел раньше, – искренне огорчился мой сановный знакомый. – Мы просто замечательно провели время. Смотрели интересную телепередачу, поужинали, поехали в город, вернулись прямо к взлету, чуть не проспали... Жаль, жаль, я не знал, что ты здесь...

Я вспомнил давний фельетон большого и всегда актуального писателя Джалила Мамедкулизаде. В этом фельетоне, написанном в 1922-м году, он рассказывает, как однажды увидел внушительную очередь перед железнодорожной кассой. Люди стояли за билетами на поезд. Рядом была другая касса, которая тоже была открыта, но перед ней никакой очереди не было. «Вторая, касса для ответработников», – объяснили старому писателю. «Это просто замечательно, – обрадовался Джалил Мамедкулизаде, – а почему бы не провести и отдельную железную дорогу: одни рельсы для ответработников, другие для простых граждан».

Я рад, что мой знакомый не встретил меня в часы долгого ожидания перед посадкой и не повел за собой туда, где телевизор, кондиционер, мягкие кресла и точная информация о времени вылета...

Да я и не пошел бы... Если мне и есть чем гордиться в данной ситуации, то именно этим...

Апрель 1986г.

СОВРЕМЕННОСТЬ ЖИЗНИ

Наверное, нельзя найти человеческую жизнь, в которой не нашлось бы места радостям и тревогам, надежде и печали. У любого человека за долгие годы – или даже недолгие годы жизни наберется сотня причин для печали – неудача в задуманном, неуспех в работе, утрата друга, неизлечимая болезнь близкого человека, ностальгия по местам детства, терзания неразделенной любви… Но и у каждого человека всегда, в самый трудный час есть спасение и утешение – надежда на лучшее завтра, на лучший год, на лучшее будущее. Надежда, вероятно, самое неистребимое чувство в наисложнейшем космосе человеческой души.

Континенты, расовые, национальные особенности, языки и бытовые обычаи разделяют людей, надежды и печали их сближают. Любовь и смерть, созидание и разрушение, хлеб и голод – понятия извечные, универсальные. Так же, как универсально Время. Весь мир – все материки и острова, разбросанные по океанам, высокогорные селения и большие многоэтажные города – живут в одном и том же временном отрезке, хотя и в разных летоисчислениях, разных календарных системах.

Следуя законам природы и географии, люди расчертили наш маленький глобус – модель большой планеты – в сеть меридианов и параллелей. Социальные законы, извилистые пути Истории провели причудливые – местами и идеально ровные – линии границ между странами. Но солнце и луна, звезды и небо остались едиными, всеобщими для всех людей, где бы и как бы они не жили.

Универсальны и сами формы существования – любовь, рождение, развитие… Универсально бытие.

И вот сейчас – в этом отрезке Истории, в котором живем мы и впервые за всю Историю разумной жизни – создалась беспрецедентная по масштабу опасности ситуация – судьбы всех людей, где бы они ни жили, судьба всего человечества могут объединяться в течение считанных секунд – последних секунд жизни вообще – человечества может не стать. Это не только уникальный момент Истории, это может оказаться ее концом.

Есть много космологических теорий о происхождении нашей Вселенной, такой знакомой Солнечной системы, нашего, еще более знакомого, родного и близкого Земного шара. Фундаментальные работы, объясняющие причины и возраст происхождения органической жизни на земле. Есть солидные тома «Всемирной истории» человечества – истории общественных формаций, политических систем, войн, научных озарений и художественных завоеваний – история народов, государств, история цивилизации. Есть бесценные свидетельства Прошлого – глиняные таблички с письменами, наскальные изображения – послания первобытных людей потомкам, есть старинные манускрипты, фрески, дворцы и храмы, гробницы и замки, крепости и могилы, скелеты доисторических животных и реликтовые деревья – есть Прошлое Земли – которого вдруг может не стать.

Есть бурный и противоречивый, яростный и прекрасный день планеты – земные стройки и космические полеты, демонстранты на улицах европейских городов и голодающие дети Азии, Африки, Латинской Америки. Есть чудеса современной техники – небоскребы и мосты, автострады и кибернетические машины, нефтяные промысла в море и широкие пашни, наркологические больницы и тюрьмы, цветущие сады и чинные парки, шумные стадионы и тихие библиотеки, музеи,

веселые дискотеки и задумчивые статуи в тенистых аллеях. В течение мгновений всего этого может не стать.

Есть будущее человечества – оно в первом робком и ласковом прикосновении двух людей – юноши и девушки, приглянувшихся друг другу. Оно в весенних прогулках под луной и в осенних свадьбах, и в бережных движениях молодой беременной женщины, несущей свой бесценный груз к свету. Оно, будущее, в криках новорожденных, в таком похожем лепете разноязычных детей – детское лепетанье, наверное, первое и самое старое эсперанто человечества. Оно в мудрости букваря и таблицы умножения, в строгости школьного учителя и мастеровитости фрезеровщика – наставника, в настойчивости спортивного тренера. В расчетах математика, в проектах архитектора, в упрямстве землепашца, в чутье геолога, в опыте пастуха, обучившегося в университете Природы, и знающего все о ней – о капризах погоды, о щедрости или скупости лугов, о повадках волка, о коварстве тумана. Всего этого может не стать.

Талантливый азербайджанский поэт Али Керим много лет назад написал стихи о первом камне, брошенным диким, первобытным человеком в своего врага – другого человека. Поэт уверял, что этот «первокамень», вопреки закону земного тяготения, не упал, он продолжает и продолжает свой полет, лишь видоизменяясь, он летит сквозь века и тысячелетия, превратившись в стрелу, а затем в пулю, ядро, снаряд, и, уже в наше время, в ракету с ядерным зарядом.

Отталкиваясь от мысли поэта, я думаю о том, что и в самом деле разительно схожи силуэты современных ракет и стрел древних орд. И силуэты, и их суть: не ближний бой, не схватка лицом к лицу, а смерть, посланная исподтишка, из-за угла, из-за укрытия, с расстояния казалось бы безопасного для пославшего. Но разве архисовременные планировщики «Першингов» и «Трайдентов» не знают о том, что

человек придумал не только стрелу, но и бумеранг. Что в числе сложных человеческих взаимоотношений входят не только угроза и шантаж, но и возмездие. Не только фактор превентивного, внезапного удара, но бдительность и надежность обороны и эффективность сокрушающего ответа. Ведь американцы должны знать, во всяком случае, уроки своей собственной истории: то, что началось Перл-Харбором, закончилось поражением Японии, а то, что началось якобы с инцидента в Тонкинском заливе, завершилось позором Америки и победоносным объединением Вьетнама. История учит и победами и поражениями.

Но она учит тех, кто хочет учиться, тех, кто способен смотреть на мир реальный, а не деформированный, в угоду ложным идеологическим и политическим концепциям. Не один, даже самый оголтелый из политических маньяков, не провозгласит своей конечной целью уничтожение человечества, мира, или, по крайней мере, хотя бы своей собственной страны, своего собственного народа. Как же оправдывают невиданную эскалацию вооружения нынешние супердержавы? Заботой о мире? О мире, который останется без людей, без улыбок и нежности, без хлеба и музыки, без книг и детей?

От древних цивилизаций остались руины. Кому останутся руины современных городов, если не будет следующих поколений? Свобода, справедливость, благо – для кого же, если никого не будет? Я пишу эти слова без кавычек не потому, что верю в искренность деятелей, их вслух произносящих, я лишь пытаюсь обратиться к их же аргументам, чтобы еще раз продемонстрировать полную бессмысленность этой аргументации.

Жизнь может быть разной – богатой и бедной, счастливой или безрадостной, свободной или закабаленной – смерть же однообразна. Жизнь, всякая жизнь, и яркая, и тусклая – явление самоценное и никакие

цели, якобы стоящие выше нее, не могут быть оправданием для ее, жизни, истребления.

Войны ради мира? Если эта парадоксальная формула и могла иметь когда-то свою, пусть извращенную логику, то в наши дни она абсолютно абсурдна. Ведь мир нужен не океанским глубинам (которые, кстати, тоже будут отравлены), не сверкающим пикам труднодоступных гор, не минеральным породам в неизведанных недрах земли – он нужен людям, да и птицам, оленям, дельфинам, деревьям, цветам…

Если исчезнет все живое в течение считанных секунд, то ведь человечество и не осознает, что, оказывается, оно погибло во имя высоких слов.

Как смертный человек может брать на себя функции, которые, согласно канонам всех религий, принадлежат одному Богу – решать вопросы жизни и смерти Богом же сотворенных существ? Ведь другой не менее страшный постулат термоядерного апокалипсиса заключается в том, что в мировом пожаре погибнет не все человечество, а только часть его – 100, 200 миллионов – цифры, от которых содрогнется любой нормальный человек. Кто же определит – какие именно миллионы американцев, европейцев, азиатов, африканцев должны погибнуть, чтобы оставшиеся в живых жили в мире, согласии и счастье? И где они, эти «счастливчики», «баловни судьбы», пережившие мировую катастрофу будут жить – на многомиллионных кладбищах, заменивших многомиллионные города, на идеально плоских пепелищах, выравнивающих все изгибы природы – холмы, рощи, ущелья?

Не слишком ли дорого обошлась человечеству эта насквозь лживая и гнусная формула: «ради счастья одних людей должны гибнуть другие». Именно эта ханжеская и жестокая мысль, старая как мир, определяла мораль всех эксплуататорских обществ – от

рабовладельческой эпохи до наших дней: благополучие одних должно строиться на костях других.

То гнилой «Ветер с Востока», то мутные волны западного эфира разносят по миру откровения «бухгалтеров человеческого счастья», столько-то миллионов должны будут погибнуть, чтобы оставшиеся процветали…Тут уж не до самоценности каждой отдельной человеческой жизни, воспетой поэтами, освященной гуманистами. Тут скрупулезно электронно-прагматический расчет – ад на земле для 200 миллионов и «рай» под землей в бетонных бункерах с видеокассетами, в квартирах-склепах с кондиционерами… И как же «зарегистрировать» все человечество, как определить, кто в какой – черный или серый список попал, по отпечаткам пальцев что ли?

Когда-то бытовало довольно расхожее словосочетание «американский наблюдатель» и характеризовало оно человека, смотрящего на все с какой-то дистанции, безучастно и отстраненно. В последнем двадцатилетии XX века не осталось стран – сторонних наблюдателей, заложниками стали вся Европа, вся Америка, весь мир. Само время. Сама жизнь на земле. А если земное существование – единственная форма разумной жизни во Вселенной (реальных доказательств обратного у нас нет), то и всей Вселенной грозит опасность? Это страшно, но это так.

Но как уже говорилось в начале, если человека не минует печаль, то его не оставляет и надежда. Собственно надеждой он живет, наверное, больше, чем всем остальным. Надежда на разум, который способен противостоять своему же собственному страшному изобретению. Обуздать его.

Каждый вечер вместе со мной программу «Время» смотрит и моя двенадцатилетняя дочь. И почти каждый вечер она задает мне один и тот

же вопрос: папа, а будет война? Каждый раз я ей уверенно отвечаю: – Нет, не будет! – Откуда ты знаешь? – Я знаю, точно знаю, не будет.

Я говорю так не только для того, чтобы успокоить девчурку, но и потому, что всегда говорю ей правду. Я в самом деле так думаю, как и миллионы моих сограждан на самом краю пропасти. Отдельные люди – самоубийцы, или даже формы группового суицида – реальность жизни. Но нет, не было, не может быть целого народа-самоубийцы, страны-самоубийцы.

«Победа в ядерной войне возможна» – это безответственное и бездумное обольщение недоумок. Да, действительно, победа возможна, но не в ядерной войне, а над ядерной войной. Само ядерное столкновение было бы победой Смерти над Жизнью. Победа же Жизни – это победа над термоядерной зимой, над радиоактивным концом планеты, над безвременьем и небытием.

Мощный поток Истории, идущий из глубин ушедших тысячелетий в необозримые дали будущего – хрупкой нитью проходит через наш тревожный век. Жизнь слишком уникальное и самоценное явление во Времени и во Вселенной, чтобы ее нить могла оборваться из-за чьих-то извращенных идеологических, геополитических, лжемессианских амбиций.

И верю, будет цвести в мае сирень на Дорогомиловской набережной в Москве, и петь гондольеры на Большом канале в Венеции, и целоваться влюбленные у моста Мирабо в Париже, и забавляться дети в Диснейленде, Лос-Анджелес, штат Калифорния.

И мы с дочкой будем смотреть и слушать концерт мугамов по телевидению у себя дома, в Баку.

1986

ПОРА НАДЕЖД

В размеренные дни нашей жизни бурно ворвалось Время.

Казалось бы, странно говорить об этом – мы всегда существуем во времени. И все же есть время и Время. Время, как текучка, тягучая череда ровных дней, тихая, незаметная смена сезонов года, лет, десятилетий. И Время спрессованное, громкое, переломное. Сегодня Время стучится в двери наших домов и учреждений, стучится в наши сердца, как судьба в бетховенской симфонии. Значительность времени определяется не количеством восторженных од, слагаемых в его честь, не славословиями об его исключительности, а реальными делами, конкретными событиями, поступками людей, его творящих...

За последние месяцы мне довелось быть участником четырех съездов – писательских и кинематографических, всесоюзных и наших республиканских. Дело писателя (в определенной мере и кинематографиста) – Слово, и потому эти всесоюзные творческие форумы стали важнейшими, этапными, во многом решающими факторами духовного самообновления общества, чего, к сожалению нельзя было сказать о нашем республиканском съезде писателей, на котором господствовали «тишь да гладь».

Дух обновления и перестройки, реализма и правды, утверждающиеся на XXVII съезде КПСС, определили суть и дух творческих всесоюзных форумов. В исторический Кремлевский дворец ворвались как бы сама история, само Время с властными, неотложными требованиями принципиально нового подхода, новых решений, нового мышления. В преддверии нового тысячелетия со всей осязаемой конкретностью стало ясно: Время требует безотлагательных решений. Надо сейчас, сразу, без долгой раскачки перестраивать, модернизировать экономику. Необходимо настойчиво, упорно

продолжать борьбу за разоружение, пока процесс эскалации военных приготовлений не стал необратимым и неотвратимым, не перекинулся на космос. Гордясь фантастическими достижениями современной науки, нельзя упускать из виду и вызванный ею к жизни чудовищный разрушительный потенциал – трагедия «Челленджера» и беда Чернобыля предостерегают от любого благодушия в отношении технического прогресса, якобы гарантированного и застрахованного от всяких случайностей.

Надо сейчас же, без долгих проволочек, решать экономические проблемы, проблемы редеющих лесов, иссушающихся озер, надо немедленно, без бюрократических увязок, спасать исторические памятники как материальные, так и духовные. Надо завести «красную книгу» культурного наследия народа и сохранить, пока не истлели окончательно в памяти поговорки и пословицы, уходящие из реального разговорного обихода, старинные названия сел и речек, улиц и предметов быта, утвари, ремесел, собрать свидетельства очевидцев, документы эпохи – воспоминания участников тех или иных важнейших общественно-исторических событий. Пока не поздно…

А поздно может быть. Ускорение, интенсификация охватывают самую широкую сферу жизни – все формы жизни и деятельности человека. Конечно, природа существует до – и вне человека, но издревле сосуществуя с ней, человек способен окончательно загубить окружающую среду или сохранить, спасти то, что пока еще можно спасти. То же самое и с ценностями культуры. Все в руках человека, все зависит от его воли, ума, самосознания, нравственных основ его личности, и потому человеческий фактор – наиважнейший, главный, фундаментальный элемент обновления. Время определяется людьми, и только люди могут ответить на его вызов. Ни в коем случае не принижая функции других политических, идеологических сфер в структуре

общества, нельзя не признать, что кратчайший путь к душе человека лежит через литературу и искусство. Человековедение – это сказано о литературе. Сердцевед – это художник.

Мы стремимся сделать трезвость нормой нашей жизни. При всей насущной необходимости борьбы против «зеленого змия», под борьбой за трезвость надо понимать более широкое понятие, нежели просто искоренение пьянства и алкоголизма.

Трезвость – это и объективный честный взгляд на жизнь современного общества, на его многосложный исторический путь. Достижения социалистического общества естественны и закономерны. Для того и свершилась Октябрьская революция, чтобы осуществились эти достижения. Неестественны и незакономерны негативные явления нашей жизни – дремучий бюрократизм, разлад между словом и делом, иначе говоря, лицемерие, а также иждивенчество, потребительство, фарисейское табу на острый проблемный разговор, взяточничество, кумовство, местничество, протекционизм, угодничество, ложь – все, что унижает достоинство человека, все, что противостоит нашей морали, правде и добру. К чести великой советской литературы – она всегда была трезвой литературой – в самые, казалось бы, неблагоприятные периоды конъюнктурных компаний – истинные образцы высокой словесности – книги М.Шолохова, А.Твардовского, М.Ауэзова, И.Эренбурга. М.Бажана, В.Катаева, К.Симонова, С. Вургуна. Расула Рза и многих других, как и книги недавно ушедших из жизни замечательных прозаиков – Шукшина, Трифонова, Абрамова, Думбадзе, Тендрякова, Липатова, Казакова, Семина, Тютюника – были прежде всего, трезвыми художественными свидетельствами эпохи – с честным, правдивым, совестливым взглядом на действительность. Именно по этим произведениям (список, разумеется, далеко не полный), как и по работам многих ныне здравствующих писателей, грядущие поколения

смогут судить о нашем времени и делать о нем объективные, трезвые выводы. Воздадим же должное подвигу и мужеству русской и всей советской литературы, в своих истинных образцах, выдержавших испытание времени, не изменивших своей высокой нравственной миссии, своему этическому и эстетическому достоинству, своей народной совести... Бывают периоды, когда быть честным – отвага. Бывают и такие периоды, когда провозглашать свою приверженность правде становится просто практической необходимостью. Сегодня все мы – за правду. Но, слушая иные выступления на съездах, я ловил себя на мысли, а искренен ли оратор в своем столь страстном правдолюбии? А что он говорил вчера? И что бы он сказал завтра, если бы это Завтра, не дай, как говорится, Бог, стало бы иным, нежели всем нам сегодня так хочется. Легко и даже выгодно быть смелым во времена, когда смелость активно поощряется, усиленно насаждается, но порядочней ли сегодняшний «правдолюбец» того, который вчера хотя бы молчал, дабы не говорить неправду. Нравственные ценности, конечно, однозначны, но формы их проявлений, в значительной степени зависят от обстоятельств. Нельзя допустить, чтобы демагогия эйфорического благодушия сменилась демагогией злопыхательства, прагматического соревнования в критиканстве. Злопыхательство, всеотрицание, по существу так же бесплодны как и телячий восторг по всякому поводу и без всякого повода. Исцеление от той и другой ипостаси общественной демагогии – в социальной и нравственной трезвости.

Ведь что такое в сущности серая литература, с которой борются теперь все, включая ее активных создателей. Серость – это не только бескрылость художественного воображения, но и нравственная нечеткость, размытость ценностных критериев. Когда, взявшись за перо, не осмеливаешься назвать черное черным, а белое белым, поневоле, обращаешься к промежуточной, средней краске – серой.

Не для саморекламы, не для утверждения своего приоритета хочу привести факт из собственной практики. Ровно 20 лет назад, я не без труда опубликовал цикл сатирических рассказов «Молла Насреддин - 66». Цикл этот, высмеивающий демагогов и лихоимцев, ханжей и хапуг, перестраховщиков и пустобрехов, цепочку отношений «ты мне – я тебе», как видно и из заглавия был написан в 1966-ом году. Спустя три года – в августе 1969 года на Пленуме ЦК КП Азербайджана громогласно было сказано о негативных явлениях в жизни республики. Лучшие из наших писателей активно включились в эту борьбу и нельзя, к сожалению, сказать, что одержана была полная победа. Увы, это далеко не так. Наряду с ощутимыми успехами в утверждении социалистической законности, в нравственном очищении, появились рецидивы новых отступлений от той же законности, новые разновидности нравственной деформации. Взамен устраненных объявились новые «хозяева жизни» – в области сферы обслуживания (для них это скорее «сфера самообслуживания»), административных, государственных и даже партийных органов, быстро заполнивших вакансии и так же быстро обросших своим кругом родственников, приятелей, земляков... Что же, борьба продолжается, и ныне, на новом этапе развития социалистической демократии, гласности, она неизбежно должна набрать качественно иную, принципиальную высоту. Но так почему же наша литературная критика, литературная администрация, и не только в республиканском, но и союзном масштабе, отмахивающаяся в течение долгих лет от трезвой литературы, клеймя ее ярлыком очернительства, обвиняя ее в смаковании недостатков, ныне, как бы впав в склероз, забыли о предварительной работе, проведенной этой литературой во имя очищения нравственного климата и сегодня, с активностью, достойной лучшего применения, призывают писать то, от чего вчера предостерегала. Хочу быть правильно понятым. Никаких

личных обид у меня нет, ни в чем я себя не чувствую ущемленным или обойденным. Но речь-то ведь не обо мне конкретно, даже не о целой плеяде наших писателей, не отступивших ни при каких обстоятельствах от трезвого взгляда и задвинутых, именно по этой причине в тень не в меру ретивыми одописцами победных реляций. И речь, разумеется, не идет о каком-то реванше, низвержении осыпанных всяческими поощрениями баловней не столь отдаленных времен. Дай им Бог, как говорится, долгой жизни и осознания разницы между суетными и подлинными радостями литературной судьбы. Речь идет о гражданской порядочности. Нельзя, чтобы шустрые люди, способные к быстрой социальной мимикрии пристраивались сегодня к правде так же псевдоубежденно, как вчера они приноравливались к тезису о необходимости ее приукрашивать. (Конечно, они декларировали это не так упрощенно, они наделяли правду различными эпитетами, низводящими ее к нулю, они многозначительно намекали на «сор и избу», убеждали, что не стоит говорить о зле, когда есть добро, что тот, кто видит плохое – бяка, а паинька тот, кто видит одно хорошее). Не бесплодной идеей сведения счетов должны руководствоваться мы сегодня в своей работе во имя будущего, и тем более, не забывчивостью усвоенных уроков. Правда литературы сегодня утверждаться должна делом – трезвыми произведениями, не подвластными ни пафосу бездумных восхвалений, ни соблазнам мелкотравчатого эпатажа. И главное, не следует забывать, что действенность литературного творчества немыслима без высокой меры ее художественного воздействия. Литература – не юриспруденция, которая может ограничивать себя формулой: Правда и ничего кроме правды. Одной правды для литературы мало. Правда жизни, чтобы стать правдой художественной, должна быть, прежде всего, эстетически убедительной, то есть обладать эмоциональной силой, яркой образностью, красотой и совершенством формы. И нельзя весь спектр

человеческой личности, всю глубину душевных проявлений сводить к определенным, пусть и очень верным и нужным постулатам. Радуясь первым успехам молодой советской литературы, большой друг нашей страны Ромен Роллан отмечал и то, что по его мнению в этой литературе было тогда еще недостаточно разработанным, а именно «обширные области внутренней жизни». «Речь о том, чтобы проникнуть под кору жизни и достигнуть глубинных слоев человеческих страстей, – разъяснял французский писатель, – ибо они являются и навсегда останутся сокровенной сущностью жизни, каков бы ни был общественный строй». И далее, прямо обращаясь к советским писателям, Р. Роллан говорил: «Советские товарищи! Ваша здоровая привычка к общественной жизни не должна мешать каждому из вас жить жизнью внутренней. В потоке совместных действий и чувств вам надо сохранить для себя келью, где можно уединиться, запереться наедине с собою, чтобы отдать себе отчет в своей силе и слабости, сосредоточиться, поразмыслить, а затем снова соприкоснуться с землей и, подобно Антею, воспрянуть обновленным и укрепленным для грядущих битв... Откройте Путь струям глубинной жизни, пусть брызнут они наружу, так же как в великих творениях Шекспира и Эсхила. По стихийной силе жизни наше время стоит их времен. Оно ждет своих выразителей».

Мне кажется, что эти дружеские пожелания доброжелателя нашей литературы сегодня звучат особенно своевременно.

Радует и все же несколько озадачивает жесткость и хмурость даже в лучших образцах нашей современной прозы. Я прекрасно понимаю, что эта своего рода угрюмость выстрадана опытом прошедших десятилетий, проблемами, которые годами не замечались или замалчивались, немотой, болью. И все же жизнь шире любых обстоятельств, любых ее отдельно взятых проблем – и в этом ее

богатство, неистребимость, надежда. А ведь и угрюмость может угнетать, хотя, конечно, не так сильно, как парадный, показной оптимизм... В неисчерпаемом и всегда живом наследии русской литературы не только суровый гений Достоевского, но и лучезарная муза Пушкина и всеохватная широта Толстого. В искусстве, наряду с разящим сарказмом Щедрина и Джалила Мамедкулизаде, страдальческим смехом Гоголя, должна быть и светлая печаль Чехова, и добрая улыбка Шукшина, лучших грузинских фильмов, лиричность Айтматова. Тот же Достоевский, переживший ад каторги и то состояние, которое по современной моде на потустороннюю мистику можно было бы назвать порогом небытия – «клинической смертью» – сказал, что мир спасет красота. Наверное, под красотой он понимал очень многое, не исключая и улыбку. Не только правды не хватало порой в наших книгах, но и доброжелательности, отзывчивости, чуткости к людям, роскоши понимания, да и просто простодушной, чистосердечной улыбки. Не надо противопоставлять одно другому. Суровое, бескомпромиссное неприятие определенных явлений действительности не противоречит радостному приятию жизни, как блага и счастья, в конечном счете. Так же как не надо противопоставлять «почвенников» «интеллектуалам», деревенскую прозу городской поэзии, постижение исконной правды народной жизни интересу к глубинам психологического мира отдельной личности. Или заботу об охране природы – желанию сохранить культурные ценности.

На съезде писателей известный поэт взволнованно говорил о необходимости создания мемориального музея Б. Пастернака в Переделкино. Другой славный прозаик упрекнул поэта в том, что он говорит о музее, а не о судьбе Ладожского озера. Я никак не уразумею, отчего одно исключает другое. Разве желание создать еще один очаг культуры и памяти как-то и чем-то мешает действиям по защите озера?

Разве художника не должно волновать и то, и это?! Разве горюя о безжалостно вырубленных в Азербайджане вековых лесах для увеличения посевных хлопковых полей, я не могу страдать из-за судьбы не реставрируемого и находящегося в постоянной опасности окончательной гибели уникального историко-архитектурного комплекса Гарабаглар в Нахичеванской АССР?! Меня тревожат и отравления наших полей ядохимикатами, и наши учебники для средних школ, в которых корявые вирши и неуклюжие маловразумительные тексты калечат слововосприятие наших детей на раннем, и, следовательно, особенно ответственном и опасном этапе духовного развития. Гражданскую озабоченность могут вызвать и частые перебои со снабжением водой Баку и несуразности в названиях многих бакинских улиц (Крепостное право отменено еще в прошлом веке, а у нас не только Большая Крепостная, но и Малая). И разве горестные думы по поводу загрязнения Каспия могут отвлечь от печальных мыслей о том, что в Баку до сих пор не открыт мемориальный музей великого азербайджанского драматурга и поэта Гусейна Джавида – жертвы нарушений социалистической законности в период культа личности. Хотя решение о создании этого музея принято несколько лет назад. Кстати о музеях. На VII съезде писателей академик Д. С. Лихачев убедительно говорил о необходимости создания литературных музеев в разных местах нашей страны – очень важных и действенных очагов культуры и воспитания молодежи. «Думать о том, что у нас много или слишком много литературных музеев, нельзя, – подчеркивал академик, – у нас не музейный бум, а музейный голод».

Когда у нас в республике поднимается вопрос о создании новых музеев, посвященных выдающимся деятелям литературы, искусства, науки, следуют ссылки на какие-то инструкции, указания на существующие, якобы, строгие ограничения в этом деле. И еще

приводится довольно-таки «убедительный» довод – даже уже существующие наши музеи не могут работать нормально.

Это на самом деле так. Театральный музей, музей музыкального искусства и некоторые другие существуют у нас лишь на бумаге. То есть наличествует все: штатное расписание, сотрудники, фонды, планы, но никто и никогда не видал их экспозиции, к чему, собственно, и сводится основное назначение музеев. Можно ли представить, простите за сравнение, столовую или ресторан, которые имели бы штатных поваров, обслуживающий персонал, запасы продовольствия, кухню, склады, одним словом все необходимое, но были бы закрыты для посетителей? Причина? Отсутствие помещения... А разве нельзя, отреставрировав здания в Ичери-шехер – Старой части Баку – разместить там (нет, не ресторан, конечно, с ресторанами как раз все в порядке – быстро находится для них приют), театральный музей, который вскоре отметит полувековой юбилей своего существования на бумаге.

Еще один «бумажный» музей-квартира великого азербайджанского писателя-демократа Мамедкулизаде, основателя сатирического журнала «Молла Насреддин». Кстати, в этом году исполнилось 80-летие журнала и 120-летие самого писателя. С чем мы пришли к этим знаменательным датам? С неприведенной в порядок могилой замечательного классика. С неосуществленной мечтой открытия мемориального музея в селении Неграм, в школе, где он преподавал.

И с музеем в Баку, который пока радует только своих сотрудников. Хотя, казалось бы, тут все должно быть в порядке – есть помещение, сохранилось и собрано много музейного материала, есть штат сотрудников. Все есть – нет музея. Каждый день его сотрудники аккуратно приходят на работу, пьют чай, беседуют, собирают материалы, вырезки из газет. Когда же музей станет выполнять свое

основное предназначение – когда он состоится, оформится, откроется для посетителей? Неизвестно. Создается впечатление, что музей существует ради сотрудников, а не наоборот. Горько писать обо всем этом. Предвижу возражения – почему же я не говорю о том, что только в последние годы в Баку были открыты музеи Узеира Гаджибекова, Джафара Джабарлы, Самеда Вургуна, Бюльбюля? Правильно. Открыты эти музеи. Это хорошо. Прекрасно. Они проводят полезную, плодотворную работу. Так и должно быть. Это естественно, закономерно. Я же говорю о том, что не естественно, не закономерно. Достижениям можно радоваться, об упущениях надо бить тревогу, чтобы преодолеть их, эти упущения.

За последние годы наша музыка понесла невосполнимые потери: ушли из жизни Кара Караев, Фикрет Амиров, Ниязи, крупнейший знаток и исполнитель мугамов тарист Бахрам Мансуров. От каждого из них, помимо большого творческого наследия, остался богатейший архив с ценнейшими рукописями, документами, письмами, фотографиями, книгами – все эти экспонаты могли бы стать гордостью любого музыкального музея. Но что с этими архивами, кто о них заботится, помимо семьи, когда и как они станут достоянием культуры в целом? Почему мы так непорядочно равнодушны к памяти тех, кто ушел. Хорошо еще, когда есть наследники, берущие на себя эту заботу, которую по идее должны взять на себя комиссии по творческому наследию, Союзы, общественные и государственные организации. А если нет, так сказать, «кровно» заинтересованных лиц? Ведь память – это не только дань прошлому, она и мощный стимул в формировании Будущего. Без памяти нет грядущего, как бы парадоксально это не звучало. Целенаправленная работа в этом направлении способствует гармоничному развитию, восприятию молодых поколений.

У нас в Азербайджане все или почти все пишут стихи. Не знаю, хорошо ли это, плохо ли, но это так. Пишут сотрудники ГАИ и ОБХСС, научные работники и секретари райкомов. Может, в этом нет ничего плохого. Никому не возбраняется иметь хобби – один собирает бабочки, другой спичечные этикетки, третий красит свой досуг сочинением поэм и романов, пьес и сценариев. Плохо не это, плохо то, что повальное увлечение литтворчеством отвлекает молодых людей от многих насущно необходимых обществу профессий. В том числе и от точных наук, инженерных, технических профессий. Одна из причин, хотя не единственная – заманчивая популярность служителей муз. Посредственного поэта знает вся республика, ученый с мировым именем может остаться известным лишь узкому кругу специалистов. Речь не о соперничестве в популярности. В любом случае эстрадную звезду будут узнавать на улице, академик пройдет по ней, по улице, никем не замеченным. Ну и пусть. Каждому свое. Но все же… Популярность телезвезды не дает право ей, звезде, быть властителем дум или вершителем судеб. У каждого своя звезда…

Работал в Шемахинской астрофизической обсерватории скромный сотрудник Надир Ибрагимов. В звездные ночи наблюдал посредством телескопов небо и однажды открыл кратер на Марсе. Написал об этом. Публикация не стала сенсацией. Сенсация пришла позже. «Маринер» пройдя рядом с Марсом, подтвердил открытие Ибрагимова. Международный совет астрономов назвал кратер на Марсе именем азербайджанского ученого. В это время Ибрагимова уже не было в живых. Он умер от сердечной болезни, не дожив и до пятидесяти лет. Надир Ибрагимов – единственный из астрономов Закавказья, именем которого назван кратер на Марсе. И что ж? Кто знает об этом кроме узкого круга специалистов. Было, правда, сообщение в газетах, телепередача. И все. Ни буклета, ни брошюры, не говоря уже о книге, об

этом безвременно умершем ученом. В обсерватории, где он сделал свое открытие, нет ни мемориальной доски, ни каких-либо других свидетельств этого блестящего научного достижения. Да и само достижение было признано таковым лишь после свидетельства «Маринера». Но не каждое же научное открытие можно подтвердить космическим рейсом. Впрочем, никакие посмертные почести самому Ибрагимову уже и не нужны. Да и кратер Ибрагимова на Марсе, соседствующий с кратерами Галилея и Ломоносова, достаточно высокая мера всемирного научного признания. Но это нужно другим, это необходимо тысячам юношей и девушек, которые быть может, узнав о громкой победе тихого ученого, призадумаются над истинными и эфемерными критериями успеха в жизни. И может, кому-то это поможет сделать выбор – посвятить ли себя изучению неизведанных глубин или пополнять ряды неугомонных стихотворцев слагающих строчки в честь глаз любимой или перевыполнения плана колхозом «Светлый путь».

Проблема популярности и безвестности, громкой славы или внешне неприметного подвижничества стоит не между областью художественного творчества и всеми остальными сферами человеческой деятельности. Проблема эта стоит и внутри самой литературы. Многое можно объяснить словами. Но и многое можно запутать ими же. Иногда к одним и тем же явлениям подбираются диаметрально противоположные определения. Допустим, если быстро раскупили твою новую книгу – это успех, читательское признание, если же книги твоего друга-соперника разошлась еще быстрее – это, конечно, дешевая популярность, погоня за славой и т.д. Недостойно писателя не только стремление быть все время на виду, но и драматические переживания из-за того, что это не удается.

Эгоизм и гипертрофированное представление о собственной личности, которая видится в самом центре мироздания, – губительны

для художника. Если один самоутверждается, кичась своим высоким авторитетом в «высоких сферах», то для другого самоутверждение в ином: в том, что «высокие сферы» якобы только тем и заняты, как бы ущемить его, не подпустить к дележу славы и почета. По сути, это две стороны одной и той же медали – непомерно преувеличенного представления о собственной персоне. Комплекс превосходства – прямое порождение комплекса неполноценности. Конечно, несправедливо, что порой отмечались, награждались, поощрялись не истинные достоинства произведения, а настырность их авторов. Но и озабоченность «неотмеченных» по поводу столь зыбких признаков признания – право же, и смешна, и подозрительна: настораживает настойчиво декларируемый тезис о том, что они вроде бы выше всего этого, глубоко безразличны к суете окололитературной жизни. О безразличном не говорят так долго и так назойливо.

Я восхищаюсь не только художественным мастерством и гражданской позицией таких писателей как Астафьев, Белов, Распутин, но и их паспортными прописками. Честно и правдиво рассказывая о тех краях, в которых живут не только их герои, но и они сами, эти писатели не помышляют о том, как бы побыстрее перебраться в столицы. Именно поэтому и взгляд их на мир не периферийен, а что ни на есть глобален. Конечно, я не призываю всех писателей жить вдали от столиц, но в некоторых случаях писатель, пишущий о «глубинке» и давно потерявший с ней связь, – периферийен, провинциален по отношению к объекту своего изображения именно из-за своей «столичной» – союзной или республиканской – прописки в паспорте.

О многом думалось на всесоюзных съездах писателей и кинематографистов. С радостью о том, что настало время крутого перелома, пора надежд. С горестью о том, что все еще мешает оправданию этих надежд, этому перелому. Думалось о том, что мы

много говорим об идеологической борьбе, но не совсем хорошо подготовлены к ней. Гораздо легче ругать противника, чем доказательно опровергнуть его аргументы. А для убедительного опровержения мы должны хорошо знать эти аргументы... Если они сплошь лживы, тем уверенней можно сокрушать ложь правдой нашей действительности. Если в них есть крупицы правды, то ее, эту правду, высказанную даже нашими недоброжелателями, можно использовать для устранения недостатков. А то порой идеологическая борьба наших писателей и публицистов напоминает упражнения боксера с грушей. Тренируясь, он дубасит грушу, но так ли он будет несокрушим, встретившись с реальным противником лицом к лицу. А ведь идеологическая схватка – похлеще кулачного боя...

На всесоюзных съездах с некоторой горечью думалось и о положении в литературе, кино нашей республики. Если на всесоюзной арене голоса наших писателей, кинематографистов звучат еще недостаточно сильно, то это, прежде всего, конечно наша вина. Не смогли художественно убедительно откликнуться на зов Времени, активно включиться в общественный процесс художественного осмысления эпохи, ее проблем, ее сути. Искренно принимая мысль о том, что критику надо начинать с самого себя, я не отказываюсь от своей доли вины. Не смог масштабно рассказать о нашем сложном времени, о противоречиях многосложного процесса в развитии современного общества в своей республике, разменивался на жанры, вместо того чтобы целеустремленно работать в одной какой-либо области, скажем, в прозе. Наверное, есть и много других недостатков у меня, на которые, не откажет себе в удовольствии указать критика.

Думаю, что и мои сверстники, а также те, кто постарше или помоложе, трезво, нелицеприятно относятся к своей работе. Как без неоправданного самодовольства, так и без ложного самобичевания.

Кроме индивидуальной вины каждого, есть и коллективная вина наших республиканских творческих союзов, часто на щит поднимались произведения, которые явно не заслуживали этого. Выдвинутые на всесоюзную арену, они не выдерживали ее критериев, создавая, таким образом, превратное представление о художественном уровне литературы и искусства республики в целом. По этой же причине оставались в тени, «прятались» произведения, действительно интересные по самым высоким эстетическим меркам. Чтобы не быть голословным, могу привести, в пример страстную повесть молодого писателя Мовлуда Сулейманлы «Мельница», раскритикованную в свое время за сгущение красок в изображении последствий пьянства и алкоголизма, яркую живопись художника Джавада Мирджавадова, высоко оцененную таким знатоком мирового искусства, как покойный Алпатов. (63-летний Дж.Мирджавадов до сих пор ни разу не смог провести персональной выставки), новаторскую музыку Вагифа Мустафазаде, признанную ныне далеко да пределами нашей страны (Вагиф Мустафазаде не удостоился при жизни даже чести быть принятым в члены Союза композиторов).

Все это, но, разумеется, далеко не только все это, – наше культурное богатство, и необходимо, чтобы лучшее в азербайджанской литературе и искусстве стало достоянием всей многонациональной страны.

Наряду с нашей собственной частью вины не хочу скрывать и вину ряда столичных инстанций, не всегда трезво и компетентно оценивающих художественные явления в национальных культурах. Ни в чем не уступающая пьесе московского или ленинградского драматурга пьеса республиканского автора во много раз труднее пробивается на столичную сцену, на страницы солидного издания. Порой одна размашистая фраза не очень разборчивого в средствах критика ложится

клеймом на судьбу произведения, заслуживающего куда более профессионального, вдумчивого и объективного разбора. При бывшем руководстве Гостелерадио объединение «Экран» не только дотошно контролировало тематику республиканских киностудий в соответствии с сугубо субъективными соображениями, но нередко навязывало местным студиям «свои» темы, да и «своих» авторов или соавторов, сорежиссеров, знакомящихся с жизнью республики, после подписания договора, в недолгий срок командировочного пребывания. В отчетном докладе на VII съезде писателей работа азербайджанских литераторов почти не получила никакого освещения. Ведь нельзя же считать разбором или анализом упоминание имен некоторых наших писателей в списках, да и то невпопад, так, например, докладчик среди произведений, недавно переведенных на русский язык, упомянул произведения М. Ибрагимбекова. Талантливый азербайджанский писатель Максуд Ибрагимбеков пишет только на русском языке, и потому переводить его на язык, на котором он пишет, просто невозможно.

Не традиционные перечисления в обоймах нужны писателю, не хвала, не снисходительная оценка, а объективный, трезвый анализ работы, если конечно, эта работа заслуживает серьезного разговора. А работ, заслуживающих серьезного разговора, не быть в целой литературе – не может. Если их все же нет, то ведь и это предмет для серьезного разговора.

Хочется верить, что обновленные руководства творческих союзов с большим вниманием и интересом будут следить за тенденциями и процессами в творческой жизни республик.

Хочется верить, хочется надеяться... Пора надежд – лучшая пора. Лучшая и вечная пора. Ибо надежды могут осуществиться, но пора

надежд не должна кончаться. Каждое осуществление – это одновременно и рождение новых надежд.

Будем активно, в полную меру сил, способностей и искренности работать во имя воплощения в жизнь наших надежд. Во имя осуществления нынешних наших стремлений и во имя будущих надежд.

Июль-август 1986г.

«Советская культура» 1986г. 11 октября.

ГОД НАШИХ НАДЕЖД

Прошедший год для меня стал действительно годом испытаний. И прежде всего потому, что во многом прожил я его в совершенно непривычной для меня обстановке. Началось все с исключительно насыщенной событиями, многочисленными встречами с людьми, предвыборной кампании. Затем – первый Съезд народных депутатов, с небольшими интервалами две сессии Верховного Совета, второй Съезд... Словом, прожив пятьдесят два года, сформировавшись как личность, в короткий срок начал осваивать совершенно новую для меня профессию политика. А в этой сфере – особая шкала ценностей, она требует особенного образа жизни и много того, к чему я, будучи человеком творческим, не привык. К тому же самокритично надо признать – новая профессия требует и дополнительных знаний. Экономика, юриспруденция – в этих областях я себя специалистом считать не могу. В то же время заниматься каким-либо делом не профессионально – не привык… В общем, удовлетворения мне сегодня первый политический опыт приносит мало, тем более, что мои личные трудности как депутата, в большей степени умножаются не простой для всех нас так называемой «карабахской проблемой».

Да, время, проведенное в составе Верховного Совета СССР, я старался тратить с пользой для своих избирателей, республики. Дважды выступал с высокой трибуны – на первом Съезде и на второй сессии Верховного Совета, а также на недавней встрече М. С. Горбачева с делегацией Азербайджана. Принимал непосредственное участие и в разработке нескольких постановлений. Однако не раз ловил себя в течение прошлого года на пессимистической мысли о том, что политика – сложная «алгебраическая» сфера – в которой не всегда и не все поверяется гармонией.

Но события самого последнего времени все-таки восстановили в душе баланс позитивного. Удивительно энергичные перемены в Восточной Европе и прежде всего крах двух, особенно вызывавших у меня внутренний протест режимов, – в Болгарии и Румынии (прежде всего из-за проводившейся до последнего времени дискриминационной политики в отношении национальных меньшинств) укрепили меня в убежденности относительно необратимости процессов, начатых перестройкой.

Михаил Булгаков в своем великом романе «Мастер и Маргарита» в конце повествования дарует своему главному герою покой. Очень хочу, чтобы грядущий год подарил и нам покой.

Время сейчас такое, что нынешняя жизнь напоминает мне картину, в которую мы уткнулись носом, не имея возможности увидеть ее во всей красоте и многообразии красок. Для того, чтобы понять нашу сегодняшнюю жизнь, необходима передышка, которая позволит переварить лавину информации. Как писатель, я очень остро ощущаю в этом потребность. В водовороте событий трудно остаться с ясной не потревоженной душой, но для достижения внутренней гармонии это необходимо.

Я устал от избытка эмоций, стрессовых ситуаций, бессмысленных споров, от тысяч лиц. Поэтому жду от первых дней Нового года уединения и эмоционального отдыха, а в целом надеюсь, что он станет той дистанцией времени и пространства, которая возвратит и стране, и республике, и моей душе гармонию.

«Бакинский рабочий» 1 января 1990 г.

НЕ МОГУ ГОВОРИТЬ

Когда взбунтовавшая совесть потрясла все существо великого Толстого он «выкрикнул»: «Не могу молчать!»

Сегодня я, как и многие другие азербайджанские писатели способны сказать только одно: Не могу говорить! Трагедия, которая обрушилась на наш народ, настолько чудовищна, что слова бессильны выразить все наше горе. Все слова, как бы испарились, истлели, изчезли, наступила зловещая немота. Знаю, так не должно быть. Писатель обязан прокричать про боль своего народа. Но поистине, беда наша до такой степени неописуема, что ее, наверное, можно выразить только молчанием. Самые убедительные, самые впечатляющие слова ничего не стоят. Все слова уже сказаны. Не осталось слов, слова обесценились, внутренне опустели, лишились какого-либо смысла. Весь мир стал пустыней бессловесности.

Почему так случилось? В чем наша вина? Танки, заляпанные кровью невинных, стены изрешеченные пулями, улицы, превратившиеся в эшафоты, зеленый холм, в течении двух дней ставший кладбищем. Кровь, слезы, плач… Кто вернет матерям их сыновей, детям отцов, женам мужей? Кто ответит за все это? Не знаю. Не могу говорить. Не могу думать. Не нахожу слов. Нет слов. Кончились слова.

22 Января 1990 г.

P.S. 21 января, на следующий день после январского кровопролития я выступил на митинге у Президентского дворца, председательствовал в тот же день на собрании азербайджанской интеллигенции в Академии Наук, вечером несколько раз выступал на

Чрезвычайной сессии Верховного Совета Азербайджана[1], составив ряд обращений в международные организации. В те же дни я принял корреспондентов «Правды» и наша беседа была опубликована на страницах этой газеты.

«Причина? – переспросил нас первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана Анар, народный депутат и член Верховного Совета СССР. – Считаю, что можно было предотвратить трагедию. Ведь власти располагают мощнейшим аппаратом – погромы надо было предотвратить. Я обвиняю и тех, кто послал безоружных людей на танки… Но со здоровыми силами Фронта нужно было устанавливать тесные контакты. Я часто говорил об этом Везирову, а тот лишь отмахивался: бандиты, мол, агенты ЦРУ…

Пьем традиционный чай, неяркое солнце бьет в окна, искрится близкое море – ничто вроде бы не напоминает о трагедии. Но нет, замечаем, что в душе 52 летнего хозяина дома клокочут переживания.

-Скажу так – продолжает Анар – моя юность окончилась в 1956 году, когда наши войска вошли в Венгрию. Молодость – в 1968 году, когда была Чехословакия… У меня сейчас такое чувство, что жизнь окончилась бакинским январем…

Трагедийный накал в словах писателя, можно было бы отнести на счет профессиональной эмоциональности. Но не учитывать оценки известного представителя азербайджанской интеллигенции, давшей миру, без преувеличения, звезды первой величины, нельзя.

– Пожар надо уметь гасить до того, как он вспыхнет, – продолжает писатель.

Анар говорил об авторитете решений на местах и в центре, о неспособности выполнить свои же постановления, касающиеся в частности Карабаха…

---

[1] Выступдение в Академии и Верховном Совете целиком вошло в эссе «Беда».

А.Горохов, В.Окулов.
(спец. корр. «Правды»)
«Рассвет после ночи.
Так можно охарактеризовать нынешнюю
обстановку в столице Азербайджана»
«Правда» 2 февраля 1990г.

БЕДА

Страшная беда пришла на Азербайджанскую землю. В ночь с 19 на 20 января сего года за шесть часов до официального объявления чрезвычайного положения, советские войска внезапно начали настоящие боевые действия против Азербайджана и его столицы Баку, с применением танков, бронетранспортеров и другой современной военной техники. Лишь по официальным данным на 9 февраля 170 человек в числе которых шесть женщин, девять детей и подростков, стариков, в большинстве азербайджанцы, но также и русские, евреи, татары, лезгины погибли под гусеницами танков, были раздавлены бронетранспортерами, расстреляны в упор и в спину, несколько сотен людей получили тяжелые увечья, пропали без вести. От полученных ран люди умирают и в последующие дни. Войска вели прицельный огонь по целым этажам жилых домов, больниц, стреляли в людей просто вышедших на балконы, находящихся в своих квартирах, едущих в автобусе, разговаривающих по телефону-автомату на улице; были случаи, когда раненых добивали, были обстреляны даже машины скорой помощи, в результате чего, среди погибших – врачи, медицинский персонал, спешащие на помощь раненым; из тел погибших извлечены так называемые пули со смещенным центром тяжести. Трудно поверить в столь неслыханную жестокость, понять причины такой слепой ярости по отношению к народу собственной страны со стороны армии, которая призвана его защищать. В столкновениях погибло и несколько военнослужащих.

В годы Великой Отечественной войны бакинская нефть была одним из важнейших слагаемых в победе советского народа над фашистскими агрессорами. Гитлер рвался к бакинской нефти. Его орды не могли дойти до Баку. Баку спустя 45 лет после разгрома фашистских

завоевателей штурмом взяли доблестные советские войска, сломив противление подростков и детей.

Доводы, которые приводятся для оправдания этой беспрецедентной в мирное время акции против гражданского населения собственной страны – несостоятельны. Неслучайно, что нет единогласия в объяснении причин этой акции среди высших руководителей страны. То она объясняется защитой советской власти, то стремлением предотвратить межнациональные распри, то необходимостью разрушить структуры Народного фронта Азербайджана. В любом случае действия эти были неадекватной, да и запоздалой реакцией на происходящее. Ведь советской власти фактически нет в Нагорном Карабахе уже около двух лет, но это обстоятельство, похоже, не так уж волновало тех, кто послал войска на советский Баку. Это первое. Второе: неужели с официально зарегистрированной организацией – Народным фронтом Азербайджана, невозможен политический диалог, неужели уроки истории ничему нас не научили? В частности тому, что танки и репрессии не самые убедительные аргументы в дискуссиях с инакомыслящими. И, наконец, третье: межнациональные распри необходимо было предотвратить до, а не после кровавых конфликтов. Пожар надо уметь гасить до того, как он разгорится. 13-14 января в Баку произошли армянские погромы, неизвестно кем спровоцированные. Неужели после трагедии в Аскеране и Сумгаите, в Гукаркском районе Армении, в Фергане, Новом Узене, Тбилиси – власти в течение чуть ли не двух лет не смогли создать механизм быстрого реагирования и предотвращения насилия, угроз и погромов. Почему было отобрано боевое оружие у республиканских внутренних войск перед погромами? Если адреса бакинских армян были известны погромщикам, то почему они, эти адреса остались неизвестными в соответствующих республиканских и центральных ведомствах, которые обязаны были

защитить, спасти невинных людей. Если по заявлению министра Бакатина погромщиков было пять тысяч, а в это время в Баку находились двенадцать тысяч внутренних войск, то почему два с половиной милиционера не способ справиться с одним погромщиком?.. Вопросы, вопросы, вопросы, на которых нет ответов, во всяком случае на которые не хотят отвечать. Кому нужны были эти погромы, кому они выгодны? Многие азербайджанские семьи, представители Народного фронта спасали, укрывали армян.

Писатели Азербайджана, как и вся наша интеллигенция, общественность, безоговорочно и решительно осудили эти бесчинства, потребовали привлечь к суровой ответственности их зачинщиков и исполнителей. Мы глубоко скорбим по всем погибшим. И коль уж власти, в том числе центральные, оказались бессильными предотвратить эти ужасы, они должны немедленно найти и наказать преступников, орудовавших в Баку 13-14 января. Вместо этого центральные власти решили «отомстить» целому народу, утопить в крови его честь и достоинство, его справедливое и праведное желание защитить свою территориальную целостность от посягательств, решили наказать не убийц и насильников, а тринадцатилетнюю девочку, четырнадцатилетних мальчиков, семидесятилетних старух, незрячего рабочего-русского, врача скорой помощи – еврея.

Преступления совершали одни, наказали других. Если в каком-либо городе совершается преступление, разве это повод для того, чтобы стрелять во всех подряд, от стара до млада, только потому, что они проживают в этом самом городе. И каким же моральным обликом надо обладать, чтобы, уже зная о трагических итогах этой акции, сетовать на то, что ее необходимо было осуществить еще раньше, то есть надо было убить детей в еще более раннем возрасте. И это говорится на том самом языке, на котором Достоевский сказал о слезинке ребенка. Да какая там

слезинка, таких и лужами крови не проймешь.

Разве для того, чтобы найти и обезвредить горстку уголовников и бандитов, необходимы танки, бронетранспортеры, стратегическая мудрость полководцев, вся великолепная военная мощь сверхдержавы? Разве такими методами ведется борьба с организованной преступностью, скажем в Люберцах или Казани?

Справедливо говорится о необходимости защиты государственных границ СССР, но разве эти границы проходят по Баку? Границы нужно было защитить своевременно и там, где они проходят, а не спустя двадцать дней в 500 километрах вдали от рубежей страны.

Говорится якобы о существующей угрозе свержения Советской власти в Азербайджане. Но разве Советская власть может отождествляться с личностями отдельных обанкротившихся партийных руководителей в Баку и в районах, отставки которых требовал народ? Почему же отставка несостоятельного руководства в других краях и областях – это торжество демократии, а в Азербайджане – это угроза переворота? Подбрасывается сомнительная версия: будто кто-то выдвигал лозунги о создании независимой исламской республики. Ни Народный фронт Азербайджана, ни какое-либо влиятельное движение или какая-либо солидная организация никогда и нигде не выдвигали такой лозунг. Если же какие-то небольшие группы или отдельные лица призывают к этому, то разве это повод для карательной акции против двухмиллионного города и семимиллионной республики? Нередко даже по Центральному телевидению выступают люди, не скрывающие своего желания восстановить монархию в России. Разве власти отвечают на это автоматной очередью, залпом бронебойных орудий, маршем танков, сминающих «Жигули» вместе с пассажирами?

Так это и есть долгожданная перестройка, в которую мы так долго, и, увы, так наивно верили? Это и есть демократизация, обновление

общества, новое мышление? Мы уже не говорим о том, что самым грубейшим образом были нарушены конституционные законы СССР (статья 119, пункт 14) и Азербайджанской ССР, самым беспардонным образом был попран суверенитет республики. Без какого-либо, пусть даже формального согласования с руководящими органами республики, эта акция готовилась исподтишка, под фальшивый аккомпанемент высказываний высокопоставленных лиц, успокаивающих азербайджанский народ и усыпляющих бдительность его интеллигенции, депутатского корпуса. Готовилась для нас, но и в назидание другим, дабы не слишком всерьез воспринимали свой суверенитет.

Моя юность окончилась в 1956-ом году, когда советские войска вошли в Венгрию, молодость – в августе 1968-го года, когда была разгромлена «Пражская весна». У меня сейчас такое чувство, что кровавым бакинским январем окончилась жизнь...

В течение продолжительного времени Верховный Совет СССР, Съезды народных депутатов вели тщательные изыскания с цепью выяснить; кто же санкционировал ввод войск в Афганистан, кто несет ответственность за пакт Молотова-Риббентропа, за депортацию целых народов? Теперь же, не в сталинский, не в брежневский период, а в эпоху гласности, вводятся войска на территорию своего же собственного государства, уже заранее рассчитывая на неизбежные жертвы; (за несколько часов до агрессии в больницах города готовили свободные койки, мобилизовывали медперсонал), не считают даже нужным уведомить об этом Верховный Совет страны, не говоря уже о получении его согласия на столь ответственный шаг. Как будто и тбилисская трагедия не впрок.

Между погромами 13-14 января и вводом войск в Баку прошло пять дней. Этих пяти дней оказалось достаточно для переброски в

Азербайджан более десяти тысяч солдат, но этого времени оказалось не достаточным для того, чтобы собрать в Москве 540 депутатов, членов Верховного Совета, с тем, чтобы получить его санкцию на столь чрезвычайную меру. Вообще, если не ошибаюсь, чрезвычайное положение впервые вводится за всю историю нашей страны и не имея четкого закона его применения. Азербайджан, видимо, наиболее подходящий полигон для этих целей. Налицо грубейшее нарушение даже зачаточных элементов правового государства.

Не буду скрывать: для нас – представителей Азербайджана – это крах иллюзий о перестройке, процессах демократизации, усовершенствовании социализма, расширения самостоятельности и суверенитета республик, гарантий прав человека. Завтра это может оказаться крахом иллюзий и для многих других, включая и архитекторов перестройки, ее создателей и прорабов, если сегодня они не поднимут свой гневный голос возмущения против жестокости и лжи, насилия и лицемерия.

Двое погибших в Аскеране юношей-азербайджанцев, в феврале 1988-го года, последовавшая за этим сумгаитская трагедия, насилия в Гукаркском и других районах Армении, сотни тысяч беженцев с той и другой стороны, сотни тысяч разбитых судеб, разгромленных очагов, униженных и оскорбленных людей и, наконец, январские кровопролития в Баку – таковы горестные итоги, все еще тлеющегося карабахского конфликта. Небрежность в отношении своих же собственных решений и постановлений со стороны высших государственных органов, решений и постановлений, которые принимались и оставались лишь на бумаге, не претворялись в жизнь – все это стимулировало вспышки национализма и насилия в регионе. Неуважение к конституционным законам, к четко выраженной воле Верховного Совета страны, неизбежно должно было привести и привело к неуважению к законности вообще, к стремлениям решать нерешенные проблемы своими собственными, далекими от

правопорядка методами.

Еще более страшной бедой для страны в целом была бы попытка административно-бюрократическую беспомощность перевести в плоскость межнационального противостояния. А кое-кто, не довольствуясь даже межнациональным противостоянием, пытается разжечь костер межрелигиозной розни. Национальное отчуждение – не наш путь. Религиозная нетерпимость – не наша традиция. Чудовищным преступлением перед историей стало бы разжигание антирусских чувств в азербайджанском народе и враждебных азербайджанцам настроений в русском народе. И русские, и армянские, и азербайджанские матери плачут на одном и том же языке – на языке рыданий. Почему должны гибнуть их дети, мирные жители и солдаты? В чем их вина?

Баку всегда был городом, в котором мирно и дружно жили, вместе работали, вместе радовались и вместе горевали, если уж доводилось горевать, представители разных народов. В течение десятилетий ничто не омрачало их отношений. Почему же красивейший Нагорный парк города в течение двух дней превратился в кладбище-аллею мучеников и жертв, с сотней свежих могил? Почему? Кто ответит на эти горестные вопросы? Кто вернет матерям их сыновей, детям – отцов, женам – мужей, братьям – сестер, сестрам – братьев? Кто?

Приезжайте в Баку, как многие благородно поспешили в Тбилиси в горькие дни грузинского народа, посетите кладбище, где рядом лежат представители разных народов – а может одного народа имя которому – бакинцы. Найдите слова сочувствия и утешения, сожаления и участия. Бакинцы – гордый народ, они не любят плакаться и взывать к жалости, но они не должны чувствовать себя одинокими, покинутыми со своим никем не разделенным горем. Иначе к чему все слова о семье единой, об общей судьбе и общем будущем.

От ответственности не уйти ни тем, кто повинен в бакинском Чер-

ном январе, ни тем, кто готовил для этой кровавой трагедии почву в средствах массовой информации, искажал факты, скрывал одни сведения и выпячивал другие, дезинформировал общественность, создавал определенный стереотип, натравливал один народ на другой, продолжает натравливать еще и третий. Меня глубоко трогает крик души московского журналиста Георгия Рожкова. Он был в нашем регионе, видел все своим глазами, а спустя некоторое время прислал в бакинскую русскую газету «Вышка» свою большую статью с такой припиской: «Прошло более двух месяцев, и я до сих пор не напечатал о поездке в Азербайджан и Армению ни строчки. Ни одна московская газета, ни один журнал не собирался представить мне свои страницы. Почему? Объяснение простое, рассказанная мною правда была слишком непохожей на ту, что из месяца в месяц вдалбливали в головы читателей и слушателей: Азербайджан едва ли не кровожадный агрессор, а его соседи – без вины виноватые жертвы».

Замечательная демонстрация гласности и плюрализма в центральных изданиях, не так ли? Я благодарен Георгию Рожкову не только за слова сочувствия к нашему народу, понимание его болей и обид, но и за верность великим духовным ценностям русского народа – чувству справедливости и совестливости. И пусть ответят перед своей собственной совестью те журналисты, которые раненых штыками, добивают пером.

Мы, представители азербайджанского народа, народа, о котором было нагромождено так много лживых измышлений на страницах как «правой», так и «левой» прессы, с экрана телевидения, народа незлопамятного и не мстительного, мы обращаемся ко всем людям доброй воли в стране: поймите нашу трагедию. Поймите, что это и ваша трагедия. Это наша общая трагедия. И страна, которая совершенно справедливо объявляет национальный траур в дни больших

железнодорожных катастроф, не должна была весело петь и плясать на экранах телевидения и на волнах эфира в черные январские дни, когда сердца миллионов людей в Азербайджане и Армении обливались кровью. Это траур не только по погибшим, это и траур по надеждам на демократические преобразования в стране, которые оказались такими хрупкими, ломкими, которых так легко оказалось растоптать сапогами и танками.

Нельзя выборочно относиться к трагедиям разных народов: в одних случаях проявлять крайнюю щепетильность ко всем подлинным или мнимым признакам ущемления прав, в другом – в молчаливом созерцании, если не с прямым одобрением наблюдать за кровавой бойней. Отношение некоторых людей к бакинским событиям основываются на не высказываемом открыто, но подразумеваемом принципе: в ответ на погромы, устраиваемые преступниками, власти имеют право устраивать ответные погромы. И те, кто оценивает ничем не оправданное насилие, по сути говоря, государственный терроризм, как неизбежную необходимость, обречены рано или поздно испытать такую же «объективность» на своей собственной судьбе. И тогда это будет запоздалым покаянием. Сомнительная арифметика, заключенная в мысли о том, что можно погубить сто невинных людей ради спасения тысячи, завтра по своей логике может обернуться гибелью сотен тысяч ради блага миллионов, миллионов ради ста миллионов, ну и так далее. Но этот урок истории мы уже проходили... Неужели будем повторять пройденное?

Какой же свет в конце этого мрачного туннеля видится мне? Мертвых не вернуть. Но во имя их памяти мы обязаны сделать все, чтобы нигде и никогда не повторилось. А для этого необходимо дать однозначную оценку случившемуся, пожертвовать честью мундира во имя истины, политическими амбициями во имя справедливости.

Должны нести наказание все виновники трагедии.

Ни один аргумент и ни один документ не убедят меня в том, что за убийства одних невинных должна пролиться кровь других невинных. Слишком долго, еще со школьных лет, нам внушали мысль, что Л. Н. Толстой, хотя и был великим писателем, заблуждался и ошибался, все же в своих идеях, чего-то все-таки недопонимал в философско-нравственных вопросах.

Может пора и нам понять, что заблуждался и ошибался, наверное, не Толстой, и что сейчас, на исходе века и тысячелетия, в этой стране – одной шестой части земной суши – ненасилие – наш последний шанс остановиться на краю пропасти.

23 января 1990г.

(Этот текст был послан, как обращение,
во все Союзы писателей республик
и многим народным депутатам СССР,
опубликован в книге «Черный январь»,
а также во Франции и Иране, почти полностью
вошел в мои выступления на сессии
Верховного Совета СССР в феврале 1990 г.

ГОРА ШЕХИДОВ – ГОРЕ ШЕХИДОВ

Боже, как скоро пролетел этот год! И как долго тянулся!

Короткий, как миг. Долгий, как вечность.

Кажется, та жуткая ночь была вчера. Кажется, была век тому назад.

Но век тому назад не было танков, пулеметов, автоматов. Хотя была жестокость, было зло, было насилие.

И век тому назад, и два, и тысячелетия – было...

Неужели ничто в мире не меняется, господи. Насильник все тот же насильник, «у зла есть пушки, пули есть... «

Сколько храбрецов наших пало в ту страшную январскую ночь. И в другие ночи, и дни до, и в ночи, и дни после нее. И январские жертвы нынешнего, 91-го года дополнили скорбный перечень минувших лет и месяцев.

Ночь с 19 на 20 января 1990 года была нескончаемой, самой страшной, самой трагической ночью в тысячелетней истории Баку. За семь часов до официального объявления чрезвычайного положения советские войска начали военную операцию – с танками, БТР, с новейшим оружием – в столице Азербайджана. Сотни убитых, многие сотни раненых, в том числе старики, дети, женщины, инвалиды... В большинстве – азербайджанцы, но и русские, татары, и евреи... Раздавленные гусеницами танков, застреленные в грудь и в спину, пропавшие без вести, изувеченные навсегда, скончавшиеся позже от тяжелых ран. Обстрел домов, даже машин «скорой помощи», убийство людей, ехавших в автобусе, сидевших в квартирах, выглянувших на балкон или на улицу, разговаривавших по телефону-автомату... Извлеченные из тел раненых пули со смещенным центром тяжести. В

голове не укладывается мысль о такой жестокости армии к своим соотечественникам.

Бакинская нефть была важным фактором в обеспечении Победы Советского Союза над фашистской Германией. Гитлер рвался прибрать ее к рукам! Не вышло. Спустя сорок пять лет после разгрома коричневого рейха наш город оккупировали советские войска. Они вошли в город, преодолев «сопротивление» мальчишек, подростков и детей.

Минул год, но не бывает дня, чтобы эта сцена не оживала в моей памяти: 19 января, 11 часов вечера, мчащийся к Тбилисскому проспекту автобус. В раскрытой двери автобуса – лицо желторотого подростка его горящие глаза. Он несется на танки, броню, огонь – с голыми руками. В эту роковую ночь, в этот час нет такой силы, нет таких слов, доводов, которые могли бы удержать его. Как нет силы, которая могла бы – преградить путь танкам, огню, смерти... Трагедия неотвратима. Никого не дозваться, не докричаться...

Потом, после происшедшего, в объяснение этого побоища, этой экзекуции над мирным населением в мирное время приводили всевозможные доводы. Но не было в этих доводах ни правды, ни логики. Концы не вязались с концами. Высшие руководители страны отнюдь не были единодушны в этом вопросе. Один говорил, мол, мы пришли востановить Советскую власть, другой – что наша цель положить конец межнациональной резне, третий считал основным разгром структур Народного фронта. Все эти «основания» были безосновательны, вернее ничто не могло служить основанием для того, чтобы потопить народ в крови.

Надо гасить головешку, пока она не разгорелась, не дать искорке разгореться в пожар. Погромы в Баку 13-14 января можно было пресечь. Кстати, доныне не выявлены их зачинщики. Возможно, эти эксцессы

были необходимым предлогом, который ловко спровоцировали. Кто знает? Кто знает, откуда шел заказ, от кого исходил приказ и исполнял его. Если уж точные адреса потерпевших при погромах были хорошо известны погромщикам, то почему милиция и другие правоохранительные органы пребывали в неведении? Где были стражи порядка, где были войска МВД, армия? Кто затеял эту провокацию?

Азербайджанская общественность резко осудила преступления 13-14 января, потребовала привлечь к ответственности виновников. Но вместо этого была сделана попытка «преподать урок» целому народу, не колеблясь, кару обрушили не на преступников, а на совершенно других, безвинных людей. Если в каком-то городе совершено преступление, то с какой моралью, с каким человеческим резоном уживается шквальный огонь, который был обрушен на весь город? Это ли перестройка? Это ли «суверенитет»?

Наутро после той страшной ночи ко мне пришли корреспонденты «Правды». Они в точности передали мои слова и переживания на страницах газеты: «Моя юность окончилась в 1956 году, когда наши войска вошли в Венгрию. Молодость – в 1968 году, когда была Чехословакия. У меня сейчас такое чувство, что жизнь окончилась бакинским январем... «

Эти слова были истинным и искренним выражением потрясения пережитого мною год тому назад... Действительно, мне тогда казалось, что жизнь кончена, исчерпана, и больше ничего не сделается и ничего не скажется. Мир представал как бы пустыней безмолвия. Все существо мое оцепенело, не было сил ни думать, ни говорить. Но уже в потрясении этих первых дней, первых часов я осознал, что нельзя отмалчиваться, надо что-то делать, надо выкричать миру нашу боль. В ночь с 20 на 21 января я написал обращение к депутатам Верховного Совета страны и писательским Союзам республик (статья «Беда», включенная в сборник «Черный январь», основана на тексте этого

обращения). 21 января утром мы собрались в Академии наук и свыше сотен ксерокопий этого обращения разослали в различные города страны – депутатам, писателям. На сессии Верховного Совета Азербайджана, начавшейся вечером того же дня и продлившейся всю ночь напролет, до утра, мы составили и предложили текст обращения к парламентам всех стран и ООН.

В ту же ночь из здания Верховного Совета поэт Бахтияр Вагабзаде позвонил Олжасу Сулейменову и поведал ему о нашей беде. Через пару дней Олжас примчался в Баку. Это был порыв истинного братства. Мы неоднократно убеждались и на союзных съездах народных депутатов, и на сессиях в благородной дружбе и заступничестве Олжаса. Я как-то передал ему информацию в «Комсомолке» о гибели в воздушной катастрофе наших земляков, летевших на помощь потерпевшим от землетрясения в Армении, и он сказал об этом впечатляющие слова в своем выступлении. Потом нашлись и такие, кто предъявлял претензии к нам: почему, мол, об этом сообщили не сами азербайджанские депутаты, а Олжас? Но разве правда не прозвучала более значимо и весомо в устах представителя другой республики?

В трагическом январе Олжас провел несколько дней в Баку, ободрял павших духом, стал, в известном роде, нашим печальником. Говорят, разделенная радость – удвоенная радость, разделенная печаль – половина печали.

В Баку Олжас заболел. Я навестил его в гостинице «Азербайджан». Застал у него в номере молодых ребят из Народного фронта. Площадь Свободы была пуста. Там стояли солдаты. Потом началась необъяснимое. Через площадь с грохотом пронеслись танки, ринувшиеся к морвокзалу, открыли огонь по судам, блокирующим бухту. Досталось и гостинице. Молодые подобрали пули, влетевшие

через окна в коридор, принесли в номер показать Олжасу. Молодой оператор с балкона бесстрашно снимал этот «морской бой».

По ночам раздавалась стрельба – автоматные очереди. Выли корабельные сирены. Тот жуткий вой волнами разносился над городом. Я не мог сомкнуть глаз.

Каждый день выявлялись все новые подробности и факты январской трагедии.

В те же черные дни были осуществлены определенные шаги, чтобы донести до страны и мира нашу трагедию, дать ей самую резкую оценку. С этой точки зрения наиболее внушительной и значимой, может, первой трибуной была сессия Верховного Совета СССР. Мы должны были на сессии сказать на всю страну, на весь мир о беде нашего народа. Мы хорошо осознавали, что стоит нам потребовать оценки событий 19 января, как нам станут тыкать в глаза предшествовавшими им погромами. К тому же центральные средства массовой информации, обошедшие почти полным молчанием акцию 19-20 января, обстоятельно расписали, раздули и протрубили на весь мир о событиях 13-14 января, преуспев в создании отрицательного мнения о нас. В этом было отличие реакции на нашу трагедию от реакции на тбилисскую расправу 9 апреля 1989 года, и надо было достойно выйти из положения. Достойно и оставаясь верным правде...

13 февраля, в канун открытия сессии, мы собрались в гостиничном номере у Э.М.Кафаровой. Решили, чтоб от нашего имени выступил Мидхат Аббасов – председатель созданной нашим Верховным Советом комиссии по расследованию событий 19-20 января. Комиссия уже успела выполнить определенную работу, собрала немало фактов и данных, и любой ценой это надо было донести до союзных депутатов.

Но меня тревожило и другое обстоятельство. Я был уверен: как только начнется заседание, армянские депутаты ринутся к трибуне и

заговорят о событиях 13-14 января, предложат почтить память погибших в те дни. При таком демарше наше выступление с предложением почтить память жертв 19-20 января – выглядело бы вторичным, в пику первому. Вместе с тем, нельзя было и ограничиться поминовением лишь погибших при вводе войск, обойдя молчанием 13-14 января. Это было бы шагом, идущим вразрез добрым человеческим качествам, великодушию и милосердию нашего народа, противоречащим морали, произвело бы на всех очень дурное впечатление, послужило бы на руку нашим недоброжелателям. Единственно приемлемым было – почтить память всех погибших в кровавом январе, и это предложение должно было исходить именно от нас. Я поделился этими соображениями с нашими депутатами, и со мной согласились. 14 февраля, в начале утреннего заседания, Тофик Исмайлов настоятельно и решительно (несмотря на стремление председательствующего воспрепятствовать ему) выдвинул наше предложение, и депутаты, в том числе облаченные в военную форму, поднялись с мест и почтили память бакинских жертв молчанием.

На том же утреннем заседании азербайджанские депутаты внесли предложение обсудить бакинскую бойню 19-20 января и дать политическую оценку этой акции. Но и председательствующий А. И. Лукьянов, и армянские депутаты попытались превратить этот вопрос опять-таки в обсуждение надуманной «карабахской проблемы». Вагиф Джафаров, обращаясь к Лукьянову, заявил:

– Анатолий Иванович, начиная с февраля прошлого года, этот вопрос обсуждался более 20 раз, принимались решения, но ни одно из них не выполняется. Поэтому мы решительно против нового обсуждения этого вопроса. (Все цитаты привожу из опубликованной стенограммы сессии – Автор).

Депутат другого региона предложил включить в повестку дня вопрос о беженцах. Вновь начались дебаты. Я подошел к микрофону и сказал:

– В Баку произошла страшная трагедия. Пяти дней после погромов оказалось достаточно, чтобы перебросить в Баку 10 тысяч военнослужащих. Но оказалось недостаточным, чтобы собрать 540 членов Верховного Совета, чтобы они санкционировали эту акцию. Мы здесь сидим и спокойно все обсуждаем, а в Баку льются слезы, продолжает литься кровь. Будет ли этот вопрос обсуждаться? Однозначное мнение наших избирателей: если к этому вопросу будет проявлено равнодушие, не участвовать в работе Верховного Совета (шум в зале).

После перерыва, в 12 часов, заседание возобновилось, председательствующий предоставил слово Мидхату Аббасову, который выступил с обстоятельным и убедительным докладом, отражающим всю горькую правду бакинской трагедии, показывающим факты жестокости армейских частей, обвиняющим конкретных виновников.

Хотя этот доклад не был опубликован в массовой печати, он был издан в бюллетене Верховного Совета и стал важнейшим документом, знакомящим общественность страны на парламентском уровне с истинной сутью событий. Вторжение армии в город, убийство мирных граждан в докладе расценивалось как агрессия и преступление против азербайджанского народа, выдвигались конкретные предложения из пяти пунктов.

Однако председательствующий вновь под разными предлогами попытался не допустить обсуждения этого вопроса. В тот же день, в 16 часов, на заседании сессии Рустам Ибрагимбеков сделал заявление от имени азербайджанской делегации:

– Мы просили срочно, в связи с тем, что в Баку продолжает литься кровь, обсудить совместно с двумя палатами ситуацию, возникшую у нас на родине, и дать ей политическую оценку во всем комплексе возникших вопросов... Вот такое поведение Верховного Совета приведет к тому, что еще больше возникнут там сложности и проблемы. Мы просим в самом срочном порядке рассмотреть этот вопрос и дать ему всестороннюю, политическую оценку.

Реплика М. С. Горбачева:

– Чтобы вы знали мою точку зрения, скажу, что она совпадает с вашей: обсуждать вопрос. А с другой стороны поступила информация, что пока нужно отложить этот вопрос. И мы идем навстречу этим просьбам.

Р. Ибрагимбеков:

– Откуда поступила информация, какая информация? Здесь сидят представители азербайджанского народа, есть решение Верховного Совета Азербайджана…

Председательствующий:

– Хорошо, давайте этот вопрос рассмотрим при голосовании повестки дня.

Затем несколько других депутатов выдвинули совершенно иные вопросы, но азербайджанские депутаты вновь настойчиво потребовали поставить на голосование обсуждение январских событий как первый пункт повестки дня.

Председательствующий (М. С. Горбачев):

– Хорошо, таким образом, ставится вопрос дать политическую оценку событиям, происшедшим в Баку 19-20 января.

Голос с места: А событиям 13 января?

Председательствующий:

– О 13 января вопрос не поднимается (шум в зале). Повторяю, они (т. е. азербайджанские депутаты – А.) обходят этот вопрос, но это не значит, что я не поднимаю этот вопрос.

Анар Рзаев:

– Товарищи, здесь уже говорили, что надо было дать оценку Сумгаиту. Но ведь кроме Сумгаита, была и трагедия в Гукаркском районе Армении. Сейчас речь идет о бакинском январе. Мы ставим вопрос следующим образом: азербайджанские депутаты, общественность Азербайджана сурово, безоговорочно осуждают погромы 13-14 числа в Баку. Если надо это обсудить, мы готовы обсудить вопрос, и выявить виновников. Но вместе с тем, мы за то, чтобы обсудили и осудили 19-20 января в Баку, которые были неадекватной реакцией на погромы. Наказали не виновников погромов – наказали 13-летних детей, слепого русского человека, которого убили, наказали еврея – врача «скорой помощи», наказали старух... Неужели никто не будет нести ответственности за это?

После заседания Р.Ибрагимбеков, Г.Турабов и я подошли к Горбачеву и попытались донести до него все горькие подробности бакинской акции. Он ответил: «Не надо делать из армии козла отпущения».

Мы:

– Погибли сотни безвинных людей.

Горбачев:

– Не вмешайся армия, погибли бы не сотни, а тысячи, десятки тысяч людей.

– Сомнительный расчет: ради спасения тысячи людей истребить сотню, – возразил я. – Завтра ради ста тысяч людей можно будет погубить тысячу, а ради миллиона – сотни тысяч... Но мы уже однажды прошли этот урок истории.

Михаил Сергеевич не ответил, стоявший рядом с ним Е. М. Примаков укоризненно покачал головой.

За два дня до бакинской трагедии, 17 января, на встрече в ЦК КП Азербайджана с нами – представителями общественности – тот же Примаков, и секретарь ЦК КПСС Гиренко клятвенно заверяли нас, что никакого чрезвычайного положения в Баку не намечается, никакие войсковые части в город не войдут. Так они успокоили нас... «Человек предполагает, а Бог располагает...»

Вопрос был обсужден на закрытом заседании Верховного Совета. Выступили Эльмира Кафарова, Тофик Исмаилов, Ариф Меликов, Рустам Ибрагимбеков, я. Была дана истинная картина событий, сказано об однобокой позиции средств массовой информации. А. Меликов иронически предложил присвоить Язову маршальское звание за его «бакинскую доблесть» (Впоследствии это ироническое предложение нашего депутата воплотилось в жизнь...) Если в выступлениях председателя КГБ Крючкова и тогдашнего министра МВД Бакатина соблюдалось определенное чувство меры, то выступление министра обороны страны являлось от начала до конца искажением событий. Мы не в силах были усидеть на местах. Когда же министр иронически заговорил об Аллее шехидов (дескать, «там хоронили и стариков, умерших у себя дома от сердечного приступа, никаких таких погибших детей не было» и тому подобное), терпение наше лопнуло.

Бывало и раньше, что нам советовали при обсуждении ряда спорных вопросов: мол, надо было вам покинуть зал. Но если всякий раз, то и дело протестовать таким образом, то этот шаг сам по себе обесценится, лишится всякой силы воздействия. Но то, что в тот день, во время выступления министра мы покинули зал с возмущенными протестующими возгласами, резкие реплики Хураман Аббасовой, Сары Назировой и других наших депутатов-женщин, не прошло бесследно.

Правда, ряд депутатов бросил нам вдогонку колючие укоры и обвинения. Другие депутаты, в том числе и Олжас Сулейменов (из доброго, искреннего расположения к нам), вышли за нами в фойе и призывали нас вернуться. Полковник Петрушенко, побывавший в Баку в январские дни и имевший возможность воочию увидеть происшедшее (или не пожелавший увидеть), в фойе хватает меня за руку.

– Прошу вас, вернитесь.

– Как мы можем вернуться, – отвечаю, – если ваш министр говорит наглую ложь! Уж вы, во всяком случае, были в Баку, знаете, кто пал жертвой, и осведомлены, что среди убитых есть и дети.

Случалось, и прежде зал покидали депутатские группы, но предпочитали оставаться в здании Верховного Совета и, дождавшись перерыва, вступали в переговоры с руководством; мы же сразу надели пальто и направились в гостиницу.

Вечером мы узнали, что после нашего ухода, едва министр сошел с трибуны, был поспешно (и досрочно) объявлен перерыв. Примаков искал нас и весьма удивился, узнав о нашем полнейшем отбытии. Мы заявили, что лишь после встречи и переговоров с Горбачевым продолжим участие в сессии. Тогда у нас еще теплилась надежда, что при успешном разъяснении всех обстоятельств происшедшего сможем добиться определенных результатов.

Несколько дней спустя нам сообщили, что перед утренним заседанием Горбачев встретится со всей азербайджанской делегацией минут на 35-40 для беседы. Что мы могли успеть изложить и разъяснить ему за этот предельно сжатый срок, какого ответа мы могли добиться от него? Я посоветовался с моим другом и депутатом – коллегой Тофиком Исмайловым, которого за время сотрудничества в Верховном Совете я особо оценил как деятельного, компетентного и принципиального человека. Он одобрил мою мысль, заключающуюся в том, что перед

встречей с Горбачевым следует повидаться с одним из его ближайших сподвижников и советников Александром Николаевичем Яковлевым, поговорить с ним пообстоятельнее, чтобы он в соответствующей форме довел до Горбачева нашу позицию. Наутро позвонили Яковлеву, и он назначил нам прием на 6 часов вечера. Мы впятером – Тофик Исмайлов, Эльдар Салаев, Вели Мамедов, Сулейман Мамедов и я – пришли на Старую площадь, в ЦК. Обстоятельная беседа с Яковлевым длилась два часа. Мы рассказали об Азербайджане, причем даже совершили экскурс в его давнюю и недавнюю историю, говорили о демократических традициях нашего народа, о создании первой на Востоке демократической республики в мае 1918 года именно в Азербайджане, о представительстве в парламенте этой республики различных партий и различных наций и, естественно, обо всех исторических, политических, экономических и правовых аспектах проблемы Нагорного Карабаха. Конечно, центральной темой разговора были события Кровавого января. Яковлев внимательно выслушал нас, высказал свои соображения, выразил большое удовлетворение позицией, уровнем, культурой политической аргументации нашей небольшой делегации. «Признаться, узнав о вашем желании встретиться, я несколько смутился, учитывая, что сколь обострились отношения, что вы будете выступать с нетерпимых позиций и беседа не получится. Хорошо, что у нас полное взаимопонимание. Я полностью согласен с вашими высказываниями по карабахскому вопросу. Еще два года тому назад я принимал Сильву Капутикян и Зория Балаяна. Сильву Капутикян я знал как поэтессу. Когда я работал послом в Канаде, ей довелось побывать там, и мы познакомились лично. В свое время так же, как и вы, она позвонила и изъявила желание встретиться со мной. Я дал согласие. Она сказала, что с ней придет на прием и журналист по имени Зорий Балаян. К тому времени я не знал этого человека. Пришли. Поговорили два часа. Они

изложили свою версию о Карабахе. Могу и сегодня повторить основную суть высказанного им моего мнения: экономические и культурно-духовные нужды карабахского населения должны быть удовлетворены, но об отторжении Нагорного Карабаха от Азербайджана и передаче его Армении не может быть и речи. Сама постановка такого вопроса может послужить причиной очень больших бедствий. Они сообщили о желании встретиться с Горбачевым. Горбачев их принял. Я и ему высказал свое мнение. На днях Михаил Сергеевич напомнил об этом, сказал, что я был прав; действительно, сейчас совершенно ясно, какие беды повлекла за собой постановка вопроса об изменении статуса Карабаха... «

По словам Яковлева, события Кровавого января в Баку очень взволновали и его, и Горбачева; Горбачев не хотел допустить такой военной акции, но оказался вынужден, причем после больших колебаний, принял решение. Поэтому, говорил Яковлев, когда ваш народ обвиняет его в жестокости, это ему очень больно, мучительно. Узнав об отправке в Баку резервистов, он был раздражен, разгневан, дал указание о немедленном выводе их из Баку.

– Они тогда уже сделали свое дело, – заметили мы.

Главной целью нашего визита были точное и детальное информирование президента, о нашем требовании дать политическую оценку январской акции и наказания виновных. Яковлев пообещал, что обо всех этих моментах подробно переговорит с Горбачевым. Поинтересовался Народным фронтом Азербайджана.

Я заметил: – Один из авторитетных деятелей НФА писатель Юсиф Самедоглу находится сейчас в Москве, и было бы хорошо вам с ним увидеться.

Яковлев с готовностью согласился, я передал Юсифу номера его телефонов, и через несколько дней встреча их состоялась.

Мы попрощались и вернулись в гостиницу. Тофик Исмайлов оставил секретарю Яковлева номер своего гостиничного телефона, и не прошло и часа, как Яковлев позвонил ему и сообщил, что обстоятельно доложил Горбачеву о нашей беседе.

Наутро, за полчаса до утреннего заседания, Горбачев принял азербайджанских депутатов, сперва высказался сам, затем, как мы заранее условились, Тофик Исмайлов изложил необходимое. Но нам еще о многом нужно было сказать. Горбачев и сам чувствовал, что разговор сказанным не исчерпывается, и дал слово во время большого перерыва (с 2 до 4 ч.) встретиться с двумя-тремя нашими представителями.

В два часа дня М.Аббасов, А.Намазова и я направились в президентский кабинет Михаила Сергеевича. Пока ждали в приемной, вышел Яковлев, поздоровались... Он сказал:

– Все, что вы сказали, я изложил Михаилу Сергеевичу. Во всяком случае, я сделал все, зависящее от меня.

Вскоре из кабинета вышли представители трех прибалтийских республик. Мы невольно позавидовали сплоченности прибалтов, сообща ставящих и решающих свои вопросы. Если бы и закавказские республики были бы столь единодушны в стремлении развязать общие узлы! Увы! Сначала перестройки нам приходится защищать свои земли от агрессивного соседа.

Нас пригласили в кабинет. Кроме Михаила Сергеевича, здесь находились Лукьянов, Нишанов и помощник президента Шахназаров.

Адиля Намазова передала Горбачеву письмо матери погибшей школьницы Ларисы Мамедовой, той девчурки, которой, если верить заявлению Язова, вовсе не существовало, и которую не убивали. Ведь «среди убитых детей нет», – говорил министр.

Мидхат Аббасов поднял вопрос о предоставлении необходимых документов возглавляемой им комиссии со стороны КГБ, МВД и союз-

ной прокуратуры и получил положительный ответ от Горбачева, который поручил Нишанову оказывать комиссии всевозможное содействие и создать условия для ее работы.

Горбачев подтвердил мнение, высказанное днем раньше Яковлевым, заметил, что он с самого начала предупреждал Капутикян и Балаяна, что не может быть и речи о передаче Карабаха Армении и вообще о перекройке границ; что и Шахназаров неоднократно встречался с представителями Армении, стремясь разъяснить ту же точку зрения; но, как видите, они продолжают настаивать на своих притязаниях; наша позиция ясна раз и навсегда. Нагорный Карабах принадлежит Азербайджану, и должен остаться таковым, но нужно сделать так, чтобы защитить права обоих народов и чтобы никто не чувствовал себя ущемленным.

Я сказал:

– Мне задают вопрос: почему, после того, как товарищ Горбачев на Пленуме ЦК КПСС высказался против перекройки межреспубликанских границ, партийный секретарь Армении Сурен Арутюнян снова поднимает этот вопрос, и Горбачев не прерывает его, как до него прерывал литовского секретаря Бразаускаса? Когда мне задают такой вопрос, я говорю, что не могу отвечать за Горбачева, но, если представится случай, я спрошу об этом у него самого.

– Я вновь повторяю, – отреагировал президент, – никакой перекройки границ между республиками мы недопустим.

Так как в предшествующих встречах наших депутатов с Горбачевым неоднократно обсуждалась карабахская тема, на сей раз мы хотели выдвинуть на первый план январскую трагедию. Как и говорил вчера Яковлев, чувствовалось, что обвинение в жестокости задевало Горбачева за живое, доставляло ему много переживаний.

– Да, знаю... – вздохнул он, – там меня называют палачом, злодеем, Чаушеску...

– Это говорят люди, потерявшие детей, братьев, отцов... – сказал я.

Он вновь повторил недавние свои слова, что не даст сделать из армии козла отпущения. Солдатам, мол, был дан приказ, и они открыли огонь.

– Кто бы ни приказывал, я никогда не смогу стрелять в женщин, детей, стариков, вырвалось у меня, – так же как и вы...

Он промолчал. И повернул разговор к событиям и погромам 13-14 января.

Я сказал:

– Выступал министр Бакатин. Указал, что число погромщиков в те дни не превышало пяти тысяч. В то же время и это отметил Бакатин – численность внутренних войск в Баку составляла 12 тысяч. Стало быть, на каждого погромщика приходилось по два с половиной милиционера. Почему ж они не смогли пресечь погромы?

Горбачев смотрит на меня в упор.

– Действительно, почему? – спрашивает. Спрашивает у меня. Мне не остается ничего другого, как поставить здесь вопросительный и восклицательный знаки.

Наконец, мы заводим речь еще об одной цели нашей встречи: включить в текст будущей резолюции Верховного Совета обвинительный абзац о январских событиях, осуждающий учинивших кровавую расправу. Я зачитываю вслух этот абзац, заранее мной составленный, и передаю Горбачеву. Он никак не соглашается на включение этого абзаца в постановление. Ясно, что не хочет вызвать недовольство армии. После наших настояний он чуть смягчается.

Я вновь выступил на заседании после перерыва и зачитал вслух тот же абзац. Горбачев в заключительном слове заметил:

– Я понимаю чувства депутата Рзаева.

Увы, в последний момент (уже после заседания, без нас, при подготовке печатного текста в Президиуме) зачитанный мной абзац все же был изъят. Очевидно, ревнительство об армии – опоре власти в столь смутные времена – возобладало над всеми прочими соображениями, фактами, чувством правды и справедливости. Однако, если в этом вопросе в парламенте страны мы и не победили, то и не потерпели поражения. В любом случае, мы смогли донести до неосведомленных депутатов существо событий, заставили услышать наш голос, протест, возмущение. Некое парадоксальное соотношение возникло в Верховном Совете: если «леворадикальные» депутаты, не разделяющие нашу позицию в карабахском вопросе, выражали решительный протест против карательной военной акции в Баку, «консерваторы» – военные депутаты, поддерживающие действия, были полностью солидарны с нами в проблеме НКАО. Вообще, этот расклад сил – важный фактор, который нужно учитывать при определении нашей политической линии, тактических ходов, как на Съезде, так и на сессиях Верховного Совета. Характерны в этом отношении мои короткие беседы с некоторыми депутатами. Мы подошли к маршалу Ахромееву. Я рассказал ему о происшедшем в Баку; он выразил решительное несогласие с моим мнением о жестокости действий армии, но тут же добавил, что в карабахском вопросе на сто процентов защищает нашу позицию.

Я знал, что в одном из своих выступлений в Японии Б.Н.Ельцин высказался о кровавой январской трагедии в Баку, осудив действия армии. Я подошел к нему в кулуарах, поблагодарил за такую позицию. « Я защищал вас и на заседании президиума, – сказал он и поднял руку, сжатую в кулак, по-«ротфронтовски»: – Я с вами». Но на заседании, когда обсуждалась январская расправа, он ни словом не обмолвился об этом. Литовские депутаты сидели впереди нас на заседании Совета

Союза. Я передал Казимире Прунскене книгу «Черный январь», а Ариф Меликов представил ей страшные январские фотодокументы. «С вами расправились, чтобы запугать нас», – отозвалась она. «Но то, что произошло с нами, может произойти и с вами», – сказали мы. Но и Прунскене, и другие депутаты-прибалты, и среднеазиатские представители во время обсуждения предпочли отмолчаться и не вмешиваться.

Пишу все это с целью запечатлеть то, чему был свидетелем, что передумал, пережил, то, что происходило, – не убавляя и не прибавляя. В надежде оставить на грядущий суд истории и призвать с трезвых, реальных позиций подойти к сегодняшнему соотношению сил. Работу нашего депутатского корпуса я не считаю безупречной. Быть может, другие депутаты на нашем месте могли бы действовать более эффективно. Что тут сказать…

Но мы сделали все, что было в наши силах и возможностях во имя интересов, чести и достоинства нашего народа, и в этом смысле мы не ударили лицом в грязь ни перед историей, ни перед нацией. Не сомневаюсь, что история сама все расставит по местам, – где тяжкие парламентские баталии и где легковесные инвективы в чайханах, выявит хорошее, отличит реальные дела от праздных словес. Наверно, всем однажды станет ясно, что политические дуэли лицом к лицу с оппонентом и шумные поэтические вечера у себя дома – разные жанры. Сколько ни тверди «халва, халва» – во рту слаще не станет, так и приговаривая «доблесть, доблесть», доблести не обретешь. Конечно, обидно, что в то время, когда наши депутаты в Москве сражались с оппонентами, здесь, дома, иные перемывали им косточки, сочиняли на них пасквили. Словно следовали точному сценарию, написанному нашими недругами – противопоставить народ интеллигенции, депутатам, разделить и властвовать.

Историческое сознание народа возьмет верх над всякими конъюнктурными, преходящими играми и поветриями времени. Дискредитация и шельмование интеллигенции, всевозможная хула и клевета в ее адрес – вернейший признак фашистских и тоталитарных режимов. И фашистская Германия, и сталинский режим, и маоистская «культурная революция», и системы, где господствует религиозный фанатизм, и всякое черносотенное движение, при всех отличительных чертах, объединяются в одном – в ненависти к интеллигенции. Удивительно то, что порой эту ненависть провоцируют, насаждают и распространяют сами интеллигенты. Вернее, одна часть интеллигенции стремится уронить в глазах, обвинить, заклеймить, выбить из строя другую, чтобы самим стало вольготнее. Но это пустая иллюзия. Очернители интеллигенции рубят сук, на котором сидят. Есть известное народное присловье, которое вовремя напомнил наш уважаемый писатель Исмаил Шихлы: «топоры, чьи рукоятки из самих же деревьев»; эта метафора относится и к интеллигентам, которые вырубают сами себя. И если понятие о манкуртах у Чингиза Айтматова, с одной стороны, относится к гнушающимся национальными корнями, то с другой стороны, приложимо к тем, кто пренебрег долгом интеллигента, кто открещивается от своего культурного и духовного наследия. Все наносное уйдет, останутся истинные ценности народа. Останутся вечные мерила, прорвавшиеся сквозь все пыльные бури и кликушество.

* * *

Кажется, природа сама вознесла кручу над городом, чтоб стояла она стражем Баку… Отсюда видно всю округу, отсюда распахивается простор Каспия, сокровищницы красоты, которую мы разорили и растранжирили. Рассеивается туман – тень обиды – с лица стихии. Яснеют дали, и проступают близкие и отдаленные острова, виднеется замкнувший бухту остров Беюк Зиря – Наргин. Сколько безвинных

людей расстреляно на этих островах, начиная с 20-х годов! У Тогрула Нариманбекова есть трагическое полотно, завершенное в минувшем году, – трупы расстрелянных, идущие в пучину, на дно, с привязанными к ногам камнями, изрешеченными пулями. Расстрелянные, жертвы, мученики… Свидетели убиения – каспийские острова. Оттуда, с глубокого безбрежья, веет ласковая моряна, долетает до горы Шехидов – павших, ласкает свежевырытые могилы новых жертв.

Гора Шехидов… (Так называю эту возвышенность я). Сегодня с нее видятся не только Баку и Каспий, а весь Азербайджан, и по эту сторону, и закордонный. Сегодня это место – самая высокая гора, самая высокая вершина Азербайджана. И с нее мы вглядываемся и даль минувшего, и в даль грядущего. Символ истории нашей – гора Шехидов, – истории многострадальной, мучительной, полной превратностей. Символ доблести, отваги и гордости. Обелиск утрат и скорбей наших – над ней туманом нависла печаль не одного дня, не месяца, а годов и столетий.

Забраны в мрамор могилы шехидов, ухожены, приведены в порядок. Спасибо всем, кто взял на себя этот благой труд. Но много трудов еще предстоит во имя увековечения горы Шехидов, как монумента нашей истории, нашей борьбы за свободу.

Я представляю на месте прежнего, убранного памятника, у его фундамента три высокие колонны, на которых вознеслись три факела – как пылающий герб Баку, как символ страны огней, как Вечный огонь над вечным покоем павших.

И под этими тремя языками, тремя факелами – музей, совершенно по-иному обставленный, музей Памяти, где зловещие экспонаты Черного января – раздавленная гусеницами танков машина, где погибли ее пассажиры – ученые, расстрелянная карета «скорой помощи», изрешеченные пулями оконные стекла, куски стен, отбитые свинцовым

градом, ранец убитой школьницы, окровавленная одежда, ужасные лики беды на снимках, скорбный мартиролог имен…

Но этот музей не ограничивается Кровавым январем – здесь предстает и память о жертвах кровавого марта 1918 года, здесь кричит трагическая участь задушенной в 20-м году Демократической республики. В этом музее после долгих лет разлуки и тоски посмертно сойдутся и свидятся угасший на чужбине с именем родины на устах Мамед Эмин Расулзаде, павшие от дашнакских пуль Фатали-хан Хойский, Гасанбек Агаев, Бехбудхан Джаваншир, подло убитый Насиб-бек Юсуфбейли, первый министр здравоохранения Азербайджана, расстрелянный на каспийском острове, – мой дед по матери Худадат-бек Рафибейли... Здесь Хиябани, и Пишевари... И Гусейн Джавид, и Ахмед Джавад, и Микаил Мушвиг, жертвы 37-го и других годов, изгнанные и не вернувшиеся...

И Фиридун Ибрахими, в день казни аккуратно выбритый, одевший белую сорочку, повязавший галстук и взошедший на эшафот, и Самед Бехранги, утопленный палачами САВАКа, и наши женщины-великомученицы: Медина-ханым Гиясбейли, Гюлара Кейлю-гызы, Марзия Ускуйи... И курдский герой Мохаммед Кази... Пусть в этом музее отразятся не плакатная, формальная, сусальная, а истинная дружба народов, истинное их братство и солидарность, и общность их судеб. Пусть здесь найдут подобающее место и слово русского кинорежиссера Станислава Говорухина, первым в центральной печати сказавшего правду о январской трагедии, и авиабилет нашего казахского друга Олжаса Сулейменова на рейс, которым он вылетел в бедствующий Баку... Пусть здесь отзовется и боль тбилисской трагедии 9 апреля 1989 года, и память о наших земляках, спешивших на помощь развороченной землетрясением Армении, но погибших в авиакатастрофе и неблагодарно преданных забвению на той земле, где они погибли...

Пусть на отдельной плите, такой же вековечной, как камни Гобустана, запечатлеются названия сел, рек, эйлагов, лесов, родников, – имена отчих мест, древних очагов азербайджанцев, изгнанных из Армении. Ведь и эти имена подверглись репрессии…

Мне уже слышится ежечасно звучащая в музее печальная музыка – хор «Шаби-хиджран» («Вечер разлуки»), бессмертное творение Узеира Гаджибекова на слова великого Физули, казалось, предвосхитившие горе Горы Шехидов:

И еще мне видится овальный зал, посреди медный, подобный щиту, круг; на стенах – вещие строки великих творцов – Насими, Хатаи, Вагифа, Видади, Сабира, Хади...

Здесь же высечены слова:

«Сегодня арена Кербелы – это арена азербайджанского патриотизма. Язык, честь, права, отечество огромного народа в опасности. Если есть у нас кровь, которую мы готовы пролить, и деньги, которые мы готовы отдать на вспомоществование, – то перед взором нашим стоит разрывающая душу азербайджанская юдоль скорби» (Джалил Мамедкулизаде).

Пусть начертают на стенах мемориала все тексты – от этих потрясающих слов до впечатляющих изречений наших поэтов, писателей, а в центре, на медном круге мне видятся только лишь две отчеканенные строки, – их автор, молодой поэт-шехид, заслужил это центральное место на меджлисе гениев, великих старцев своей праведной кровью и жертвенным жребием. И мы склоним голову перед высокой истиной его строк:

Мы родились во имя жизни,
Но мы умрем за честь Отчизны.

Гора Шехидов... гора, горем навалившаяся на сердца... Скорбь и боль народная... Символ победы народа над смирением, рабством, гнетом...

С нижних кварталов, с морской набережной мы будем вновь и вновь воздевать очи горе, обращаясь в тяжкие минуты жизни к великой вершине... К вечным огням горы Шехидов...

И в минуты этого очищения, освящения в души наши, вместе с печалью, хлынут чувства надежды, света и жизни...

Январь 1991 г.

Перевод Сиявуша Мамедзаде

ОПЯТЬ СЛОВА… (ФФФР?)

В начале было Слово. Беда в том, что мы перестали верить словам. Обсуждаем Союзный договор, уточняются позиции сторон, корректируются статьи и положения и вроде бы все соглашаются с определенным текстом. Но где гарантия, что тот текст и есть основа будущего Союза, а не очередной камуфляж, игра словами, за которыми как в оруэлловском романе стоят совершенно противоположные понятия, другие намерения и цели. Ведь и в прежних советских конституциях было немало красивых слов и благородных, справедливых положений вплоть до права республики на выход из Союза, отделения. А попробовали бы не только отделиться, но даже заикнуться об этом не только при Сталине, но и при Брежневе и Хрущеве. Да и сегодня далеко ли мы ушли от былого строя мыслей именно в этом вопросе. Сразу слышу голоса: «Государство строилось веками», «История нашего тысячелетнего государства»... Простите, какого государства? Вплоть до последних двух веков у Российского государства была одна история, на Кавказе другая, в Туркестане – третья. Если же наше сегодняшнее государство воспринимается как преемник царской империи, то об этом надо так прямо и заявить без всяких обиняков... Поэтому, если уж о чем-то договариваться, то по-честному, без ложных посулов, несбыточных иллюзий, обманчивых обещаний. Важнее и слов и буквы договоренностей – дух доверия. Удастся ли привести нашу политическую мораль в соответствие с правами и обязанностями, зафиксированными в законах, договорах, соглашениях? Горький опыт семидесяти лет укоренил в массовом сознании феномен Несоответствия – несоответствия слов и дел, провозглашаемого и осуществленного, или, говоря проще, ложь и лицемерие. Почти удалось выпестововать целые

поколения, которые уже почти ничему не верят и почти никому не доверяют. Обманчивая популярность того или иного деятеля лишь паллиативное обстоятельство, она, эта популярность, зиждется на словах и может также быстро испариться – от слов же, от других слов. Говорят «стиль – это человек». Но стиль – это и общество. Стилем нашего общества, наряду с бюрократическим способом мыслить и жить, стали демагогия вкупе с риторикой.

Общество больно словоблудием, словонедержанием, словоизвержением. Мы просо утопаем в словах и готовы утопить в потоке речей одну шестую часть суши. Какое сладкое слово – Свобода. Какое красивое слово- Суверенитет. Давайте переосмыслим название страны – Союз Суверенных Свободных Республик. Чем плохо? А что изменится по сути?

Разве одно из «С» – социалистическая в аббревиатуре СССР гарантировало само по себе наличие какого бы то ни было социализма – научного, реального, развитого, с лицом добрым или хмурым? Хмурым-то оно было, но причем здесь социализм? И разве осмелились бы возразить, если бы в иные годы кому-то пришла в голову раболепная идея – добавить в название страны еще одно «С» – Союз Советских, Социалистических, Сталинских Республик? Как же верить в окончательное искоренение сталинского «социализма» – если опять звучат слова – замечательные, правдивые, окрыляющие – а льется кровь, обстреливаются своими же ракетами свои города, хорошо упакованные «борцы за справедливость» громят инакомыслящих, реанимируется фашистская идея о разном отношении к разным народам – есть, оказывается, народы-палачи и народы-жертвы. (Раз и навсегда вписав ненавистный народ в черный список, можно вполне комфортно не задумываться о его жертвах, страданиях, лишениях, подвергать моральному террору на страницах разного рода демократических

изданий, блокируя любую возможность обнародования другой точки зрения, другой версии событий).

Детство, юность и молодость нашего поколения – лучшие наши годы – прошли под призраком зловещей угрозы третьей мировой – термоядерной – войны. Оказалось, что не мифическая угроза и не блеф империалистической агрессии предстояли нашей истории, а вполне реальная возможность, порой и явь войны гражданской. И не Турция или Иран зарятся на наши азербайджанские земли (как нам внушала кондовая пропаганда) свой же сосед – союзник по СССР.

Автономные образования не доверяют союзным республикам, в состав которых входят. Но ведь тогда и республики вправе не доверять Союзу, в который собираются вступить как бы вновь, на новых началах.

Какой же ненадежный суверенитет, какой же это хрупкий союз, если одна из республик в одностороннем порядке включает часть территории другой в свой состав, а потом, уже в качестве якобы уступки, намекает на возможность отказа от своих же притязаний. Причем притязания обосновываются весьма своеобразно – со ссылкой на древние карты. То есть карты, составленные в те времена, когда картографы были убеждены, что земля – плоская, а не шар. Кстати, о картах. Видимо такова незадачливая судьба малых народов, – что их участь за их спиной решают большие руководители больших государств. Сидят, скажем, за столом переговоров, как в 1918 году в Версале, или значительно позже в Потсдаме, Ялте или Мальте и решают, какому малому или малочисленному народу какие границы определить. Но все-таки определенный «прогресс» наблюдается и в этом вопросе. Как уведомила нас «Литературная газета» (15. 05. 91 г.) оказывается совсем недавно границы между Арменией и Азербайджаном перекраивались ... на кухне одной московской квартиры тремя или четырьмя людьми, не имеющими никакого отношения к этой проблеме. У азербайджанцев и

армян много общего и в обычаях, и в культуре. Сейчас об этом как-то не принято говорить, больше произносятся злые и обидные слова. Но в любом случае мне хочется обратиться к нашим соседям – армянам: «Неужели вас не коробит, что наши с вами проблемы решаются совершенно посторонними людьми на кухне московской квартиры, пусть даже это квартира очень уважаемого и выдающегося человека? « И разве позволили бы ***<u>такое</u>*** по отношению к какому-либо другому народу – великому или малому – вот так, резать по живому, на кухне, чуть ли не кухонным ножом, расчленять на карте территорию, обмениваться на бумаге целыми районами – то есть играть судьбами тысяч, десятков и сотен тысяч людей. Вот и доигрались. Сегодня в Армении из 200 тысяч азербайджанцев не осталось ни одного, а двести тысяч армян, ныне живущих в Азербайджане – это в два раза меньше, чем их жило до начала трагических событий.

Что будет завтра? Допустим Азербайджан подпишет Союзный договор. Армения, допустим, не подпишет и станет зарубежным государством. Тогда притязания на Нагорный Карабах – это не только уже к Азербайджану, но и к СССР? Я не верю в такой вариант. Все равно живем по инерции – в одной большой, хоть и случайно склеенной стране – и как мудро заметил один опытный парламентарий в отношении разных республик: «Подпишут – не подпишут, все равно останутся, куда же им деться?»

И если уж суждено обитать нам в одном общем доме и если не хочется жить в Красном советском доме, то и оказаться в Желтом – сумасшедшем – доме – не радость. Давайте как-нибудь убережем общий дом – Союзный, Европейский, Азиатский, Кавказский ли – от пожара, окончательного развала и разрушения, – под обломками которого погибли бы все (независимо от того, как эти руины были окрашены), а потом уже решим, в какой цвет его красить. И как оформлять ордер на

жительство? Зачем спешить с подписанием Союзного договора? Не лучше ли всем вместе – властям и оппозиции, Центру и республикам, коммунистам, демократам, неприсоединившимся, правым, левым, – одним словом, всем вместе – попытаться все же вернуть доверие – доверие друг к другу, доверие к словам, доверие в то, что **Согласованное и Подписанное** будет неукоснительно соблюдаться. Иначе все опять сведется лишь к протоколу, к чисто формальной, ни к чему не обязывающей процедуре.

Неужели мы хотим именно этого – создать ФФФР – Фиктивную Формальную Федерацию Республик?

28 мая 1991 г.

«Литературная газета» 3 июля 1991 г.

СЛАДКИЕ ГРЕЗЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЛИ ПОДНИМЕТ ЛИ ГОСПОДИН ЖИРИНОВСКИЙ ТОСТ ЗА БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА?

30-го августа парламент Азербайджана провозгласил независимость республики. Я был участником этой сессии, которую, возможно, когда-то назовут исторической – и вместе со всеми стоя аплодировал декларации. Сбылось сокровенное чаяние, которое живет в душе народа, – желание быть хозяином в своем собственном доме, самому определять свою судьбу, со всеми ее возможными превратностями.

Помню, замечательный кинорежиссер и человек глубокого интеллекта Илья Авербах, с которым мы учились в начале 60-х годов в Москве, на Высших сценарных курсах, как-то спросил меня:

– Ты хотел бы, чтобы Азербайджан стал независимым государством?

– Я – сын своего народа, а какой народ не мечтает о независимости, – ответил я по юности лет излишне высокопарно.

Но не было ни малейшей уверенности, что мечта эта осуществится до конца дней моих, хотя и был тогда, как уже сказано, совсем молодым.

Прошло тридцать лет и вот, казалось бы немыслимое и неосуществимое – воплощается. Отчего же так тревожно на душе? Отчего я, да, наверное, и не я один, не испытываю того душевного подъема, того опьяняющего чувства всеобщего ликования, которое так естественно при подобных исторических общенациональных потрясениях. Неужели все уже перегорело в душе за долгие годы безвременщины, беспросветной и тягучей. А может причина в том, что победные литавры независимости заглушаются свистом пуль, грохотом взрывов, доносящихся с опаленной огнем и залитой кровью карабахской земли? Или в

другом – за судорожной торопливостью этой акции как-то слишком уж прозрачно видится популистская конъюнктура.

Думается, все же главная причина душевной неудовлетворенности заключается в том, что, увы, так эфемерны основы бумажной независимости, как и ранее провозглашенного бумажного суверенитета, обуревают сомнения – а не сладкие ли грезы все это – декларации о свободе, независимости? И встает страх пред призраком «нерушимого союза республик свободных». И закрадывается горькая мысль – а ведь все это уже однажды было.

«Одним из первых документов победившей большевистской власти в 1917-ом году была подписанная Лениным декларация о самоопределении народов бывшей Российской империи. Вдохновлялись этой декларацией, и три закавказские республики – Грузия, Азербайджан, Армения, провозгласившие свою независимость в мае 1918-го года. Порой слышатся глубокомысленные рассуждения «больших знатоков» Востока, о якобы присущих восточным народам, в частности, азербайджанцам, тоталитарных наклонностях, антидемократических настроениях. Прежде чем пускать по страницам прессы и в телевизионной эфир подобные поверхностные суждения, неплохо было бы ознакомиться хотя бы с недолгой историей (с 28-го мая 1918 по 28 апреля 1920) Азербайджанской Демократической Республики.

Первая парламентская республика на всем мусульманском Востоке – Азербайджан создал уже в те далекие годы все политические структуры, наличествующие в европейских демократических странах, многопартийность, свободную независимую прессу, национальное и религиозное равноправие при четком отделении религии от государства. В парламенте наряду с азербайджанскими национальными партиями были представлены не только коммунисты, левые эсеры, но русские

монархисты и представители армянских дашнаков, и вот, просуществовав день в день 23 месяца, Азербайджанская Демократическая Республика, (как чуть позже и независимые Армянская и Грузинская республики) пала под натиском XI Красной Армии, под предводительством Кирова, Орджоникидзе и Микояна. Армию эту, конечно, «призвал» в Азербайджан Революционный комитет самого же Азербайджана.

Так впервые в советской истории была апробирована модель свержения законной власти, с помощью чужой армии, которую призывает определенная группировка представителей своего народа, никем не уполномоченная, фактически узурпаторская, даже и чисто территориально обитающая до поры, до времени вне аннексируемой территории. Модель, которая в дальнейшем была применена и в отношении других стран – Армении того же 20-го года, Грузии в феврале 21-го года, прибалтийских государств в 40-м году, Венгрии в 56-ом, Чехословакии в 68-ом, Афганистана в 79-ом. Первым же полигоном этой модели стал Азербайджан. Но отрицать сразу принцип независимости, не так давно провозглашенный на весь мир, вроде неудобно, и Ленин почти одновременно посылает в Баку две телеграммы. Одну председателю Азревкома Н.Нариманову – «Да здравствует независимый Советский Азербайджан!», другую Орджоникидзе – уполномоченному представителю центра – «Берите всю полноту власти в свои руки».

И у самого Нариманова, – по сути честного человека и убежденного коммуниста, готового в эйфории революционного и интернационалистического великодушия раздарить не только все богатства недр Азербайджана, но даже целые его регионы, очень быстро наступило горькое отрезвление. Он понял цену словам и обещаниям, осознал разницу между провозглашенными высокими идеями и

осуществляемыми реальными целями. Обвиненный очень скоро в национальном уклонизме, он посылал отчаянные письма Ленину, Сталину, Троцкому «Неужели это и есть та самая независимость Азербайджана, о которой Вы все время твердили? « – вопрошал он Владимира Ильича. Вопрос остался без ответа. Ответ пришел издалека. В Париже ярый политический противник Ленина Милюков поднял тост за Владимира Ильича как государственного деятеля, восстановившего распавшуюся было Единую, Неделимую Россию.

В наши дни, когда республики, под одобрительное напутствие московских, ленинградских демократов, провозглашают свои суверенитеты и принимают акты о независимости, и в то же время из окружения Ельцина раздаются голоса о возможном пересмотре границ отделяющихся республик, я с ужасом думаю: а не повторяется ли история и в этом. И неужели настанет день, когда господин Жириновский поднимет тост за Бориса Николаевича?

К счастью, искру недоразумения, вспыхнувшую между Россией и Украиной, Россией и Казахстаном – погасили буквально в течение суток. Это замечательно – большие республики не должны ссориться. Ну, а почему должны ссориться республики средние или маленькие? Почему не абстрактные, а вполне конкретные территориальные притязания к Азербайджану не погасили так же оперативно, и костер межнациональной конфронтации тлеет уже четвертый год, унося сотни жизней, ввергая в пожар трагедии целые народы.

Все эти четыре года нет для меня мысли более мучительной, неотвязной, душераздирающей – если, как сказал поэт, «в мире счастья нет, есть лишь покой и воля», так когда же придут они – «покой и воля», на многострадальную землю Закавказья? Я именно так и представлю два этих понятия – покой и свободу – вместе, в неразрывной связи.

Три закавказские республики, желая приобрести подлинную, а не бумажную независимость, прочный, а не шаткий суверенитет – должны извлечь урок из трагического опыта 18-20-х годов. Их самостоятельное существование зависит прежде всего от мира и согласия между ними самими. Любые непримиримые, фундаментальные, антагонистические разногласия – гибельны. Судьбы этих народов связаны, как у сиамских близнецов, при всем различии их национального, духовного облика, менталитета. Покой и воля на благословенный Богом и Аллахом закавказский край придут тогда, когда наши народы поймут, наконец-то, что давно уже поняли прибалты; закавказские народы связаны одной цепью и ни одна из трех республик не станет подлинно независимой, если любая из них будет несвободной. Несвобода одних – плацдарм для удушения свободы других. Неужто не освоим этот важнейший и давно пройденный урок нашей истории? Распри, нагнетание вражды и ненависти, взаимные обвинения – одно свирепее другого – наиболее надежный заслон на пути к свободе.

Но сколько же можно ссылаться на чьи-то козни, на двусмысленность позиции Центра, на его ложные посулы, на коварство КГБ? Да теперь и КГБ, кажется в его бывшем качестве, доживает последние дни. И Центр в шоковой растерянности, и канули в прошлое уклончивые обещания в тихих кабинетах монументального здания на Старой площади. Не пора ли раскинуть собственными мозгами, дабы не быть вечным заложником чьих-то козней. Я убежден, для закавказских республик – соблазн добиться независимости, повернувшись лицом к Западу ли, к Востоку ли – чистая иллюзия. Они добьются независимости, лишь повернувшись лицом друг к другу.

Но не менее важный аспект проблемы – наши отношения с демократической Россией. Не имея, разумеется, никаких прав говорить от имени других кавказских народов, я могу лишь сказать о

переживаниях азербайджанцев. Народ мой все последние годы живет в состоянии не только правового, но и духовного, психологического чрезвычайного положения – между огнем и кровью – ежедневные взрывы, убийства, захват заложников. Эти ужасы во стократ усугубляются моральным террором, унижениями и поношениями, клеветой, ложью, дезинформацией; утаиванием одних фактов и выпячиванием других – одним словом, всем букетом откровенного недоброжелательства, который обрушивается на народ, вся вина которого в том, что он хочет сохранить территориальную целостность своей хоть и маленькой, но единственной родины. Тех, кого ранят пулями и штыками, добивают пером.

Глумятся и издеваются на страницах прессы – левой и бывшей правой (сейчас все – сплошь – левые). Нам уже давно все равно, кто бросает комья грязи – демократы или патриоты. На страницах правоконсервативного журнала «Наш современник» (№7, 19991г.) призывают встать на сторону христианской Армении против агрессивных мусульман, а в леводемократической «Литературной газете», видимо, весьма остроумным считают шуточное предложение на 16-ой полосе: «Не создать ли Союз Советских Азербайджанских республик?»

На шутку невысокого пошиба отвечаю серьезно, без юмора: нет, не надо создавать Союз Азербайджанских республик. Нам достаточно и того, чтобы позволили спокойно жить на своей собственной земле, чтобы не решали ее судьбу на московских кухнях, чтобы сверхпрогрессивные или архиреакционные публицисты не делили народы на жертв и палачей, на белых и черных – не в смысле цвета кожи, а вообще, по якобы исходной принадлежности; «наши» и «не наши» – как говорил известный журналист до августовского путча, и как новые идеологические комиссары и комиссарши говорят сегодня.

Когда-то в московских подворотнях всех южан называли «чернозадыми». Сейчас в солидных газетах южные республики объявляются подбрюшьем. Хорошо хоть – переместились с зада на перед...

У застойного периода много чудовищных преступлений, но, по крайней мере, ни тогда, ни даже в более страшные годы советской эпохи хотя бы на словах не делили народы на малосимпатичных мусульман и на привлекательных всех прочих. Я говорю об этом не с кондачка, вот сейчас в эту минуту, когда дописываю свою статью, ведущий телевизионных «Вестей» открытым текстом кроет мусульманские республики – именно так и определяя их – по религиозному принципу – за все смертные грехи – консерватизм, патриархальность, приверженности коммунистическому тоталитаризму, культ руководителей, склонность к диктатуре и т. д. и т. п. (Очевидно, Сталин, Гитлер, Муссолини, Мао, Брежнев – все сплошь мусульманские вожди). Да и стремление мусульманских республик к независимости по «Вестям», совсем не то, что это же самое стремление в Прибалтике, Молдавии, Грузии, Армении. Там это – благо, здесь – зло. Почему? Отчего такой двойной стандарт? Чем так не милы бойкому ведущему несчастные мусульмане?

И почему, коль уж они такие безнадежно плохие, никак не хочется расставаться с ними – пусть уж уходят и устраивают у себя свои тоталитарные режимы и не портят такой благостно демократический ландшафт бывшего Союза?

Мы в Азербайджане всем сердцем переживали невосполнимые утраты – трагическую гибель троих прекрасных молодых людей в августовские дни в Москве. Но кто из писателей страны, представителей гуманной профессии, выразил нам сочувствие в страшные январские дни 90-го года, когда генерал армии Язов (получивший после этого маршала) устроил кровавую бойню в Баку. Когда танки сминали легко-

вые автомобили с пассажирами, когда обстреливались машины скорой помощи. 128 погибших в эти дни от армейских пуль, в их числе дети, женщины, старики – лежат в могилах в Аллее мучеников в Баку. Спасибо Станиславу Говорухину – написал правду о черном бакинском январе в «Московских новостях». Спасибо Олжасу Сулейменову – прилетел в эти трагические дни в Баку, но не маловато ли этих достойных примеров для общественности огромной державы? А где были остальные – цвет и совесть страны? Где была печать, которая так чутка к страданиям одних и совершенно безучастна к горю других. Которая осуждает депортацию нескольких селений и не замечает жестокого изгнания двухсот тысяч? Которая, справедливо осуждая одни убийства, своим молчанием как бы одобряет другие?

В ответ на наше обращение в черные январские дни к писательским организациям страны, Большой союз откликнулся безликой кислой телеграммой, а другие – вообще промолчали. Какими доводами можно убедить теперь азербайджанских писателей, что нам надо остаться в составе именно этого Союза глухонемых? Зато сколько барского высокомерия, снобистской снисходительности в рассуждениях о недостаточном развитии демократических навыков в Азербайджане. А как им – этим демократическим навыкам, безжалостно пресеченным в апреле 1920-го года, было развиваться, если Азербайджан всегда был таким вожделенно плодоносным, таким нещадно эксплуатируемым, а потому таким бдительно охраняемым регионом страны. Разве можно было дать возможность развиваться демократическим навыкам, и в конечном счете потерять такую стратегически важную республику, в которой, к тому же дармовая нефть, дармовой хлопок, рабская рабочая сила?

А если кто и посмеет пикнуть – то, конечно же, он гнусный враг народа, махровый националист, агент сразу всех иностранных держав.

Если в домашней библиотеке хранишь книги даже русских тюркологов, ты – пантюркист, если владеешь каким-нибудь восточным языком – панисламист, европейским – безродный космополит.

И можно этому народу в течение жизни одного поколения менять алфавит, можно сфальсифицировать его историю, запрещать эпические сказания и национальные праздники, хищнически выкачивать нефть, травить ядохимикатами хлопковые поля, уничтожать Каспий, мириться с самой высокой в стране детской смертностью.

Молчали ли азербайджанские писатели обо всем этом? Приезжайте в Баку – покажем Вам мемориальный барельеф в здании Союза писателей – может быть, первую в стране памятную доску, посвященную жертвам сталинских репрессий. На этой доске имена 27 азербайджанских писателей – расстрелянных, уничтоженных, утопленных на дне Каспийского моря, замученных в сибирских лагерях – только в одном 37-ом году – это примерно половина из числа тогдашних членов нашей писательской организации. А ведь были гонения и в более поздние годы – моральная травля, разносные компании, доносы, устные и письменные, исключение из творческого союза, самоубийства. Шельмовалось поколение шестидесятников за очернительство, за злостный поклеп на прекрасную социалистическую действительность, за мелкотемье.

Настала новая эпоха – была провозглашена перестройка, утвердилась Гласность. И вновь наша интеллигенция в офсайде. Умело и расчетливо перекрывается доступ азербайджанским писателям к центральным средствам массовой информации, чтобы потом их же обвинять в пассивности, косности, отсталости?

Если прогрессивные писатели Азербайджана, демократическое движение в республике в целом, испытывают определенные трудности, то одной из причин является тенденциозное, однозначно

недружелюбное отношение столичных демократов к нашим проблемам. Такое отношение стимулирует не только замкнутый в себе, угрюмо затравленный национализм, наличие которого не приходится отрицать, но и религиозный фундаментализм, которого сегодня пока нет, но который может возникнуть и твердо утвердиться завтра.

Если процесс обретения республиками независимости – явление, по-видимому, исторически неизбежное, и, несмотря на возможные зигзаги, откаты, в конечном счете, в исторической перспективе, необратимое, то не лучше ли иметь в качестве соседа демократическое, трудолюбивое, открытое и дружеское государство?

Мечта иметь у себя на родине свободное, толерантное общество, демократический, цивилизованный строй, «суверенитет с человеческим лицом» связана для меня не только с абстрактно-альтруистическими, но и сугубо личными, эгоистическими соображениями. Только в такой стране и могут существовать большинство нашего общества, наша интеллигенция, в том числе и я, со своим кругом единомышленников, друзей и близких.

Национальная независимость – при отсутствии свободы, не меньшее зло, чем отсутствие первой и второй. И в достижении этой двуединой цели – национальной независимости и личной свободы каждого человека, свободы иметь и выражать собственное мнение, наряду с внутренними факторами, очень существенны факторы внешние – в первую очередь – поддержка российской демократии. Урок истории заключается в том, что независимость республик бывшего Союза может быть достигнута с помощью России, благородствам русского народа и его законно избранных властей.

В разные века история возлагала на этот поистине многострадальный, терпеливый и великий народ испытания, определяющие судьбы и многих других народов Запада и Востока. В

наш век – в последнем десятилетии его первой половины – русский народ внес решающий вклад в разгром фашизма. В последнем десятилетии века он внес решающий вклад в разрушение системы, так долго державшей его и другие народы в кабале страха и лжи, лицемерного самодовольства и несбыточных обещаний, чванства и ксенофобии. В августе 91-го года русский народ отстоял свободу, как в 41-ом отстоял Москву. Настал час, когда самый могущественный и по численности, и по политико-экономическому, военному весу, и по духовному потенциалу народ и должен во имя спасения всех, и себя в том числе, сделать выбор: демократия или империя. Или – или. Надо выбрать одно, без лукавых надежд совместить несовместимое.

Если окончательный выбор будет сделан в пользу демократии, – это ни в коем случае не означает разрыва между народами бывшего союза. Свобода – объединяет, а не разъединяет. Как сказал поэт нелюбимого некоторыми Востока «Пусть нити, связывающие нас – оборвутся. Когда их снова завяжут узлом, мы станем ближе друг к другу». Отделиться не значит отдалиться.

Не надо прощаться на веки. Надо расстаться на время, чтобы определиться в своих собственных домах и встретиться снова, как равноправные добрые соседи, связанные нитями экономического взаимовыгодного партнерства, глубокими культурно-духовными отношениями, увлекательными, спортивными, туристическими обменами. Наше общее духовное пространство – наша общая память. Память обо всем совместно пережитом – хорошем и плохом. И память не даст отдалиться друг от друга. Россия, исполнив свой высокий и благородный долг по отношению к народам, вступившим на путь самостоятельности, – обретет свою собственную – истинную независимость, свое истинное могущество, зиждущееся на справедливости и процветании, высоком жизненном уровне и ответном,

благодарном дружелюбии всех сопредельных народов. Подлинное могущество, опровергает ироническую «мудрость» пословицы – «сила есть – ума не надо».

Россия выстрадала не марксизм, а свободу, демократию, достоинство. Так же, как и другие народы, освободившиеся от тоталитарных оков.

И верю, никогда не придется господину Жириновскому поднимать тост за Бориса Николаевича.

1 сентября 1991 г.

«Литературная газета» 9 октября 1991 г.

P. S.

Моя уверенность в том, что господину Жириновскому никогда не придется поднимать тост за Бориса Николаевича оказалась несколько опрометчивой. Спустя три года после опубликования этой статьи я прочел в московской прессе сообщение о том, что на церемонии подписания акта о гражданском согласии в Кремле Владимир Вольфович преподнес Ельцину водку «Жириновский». А это, согласитесь, не менее знаменательно, чем провозглашение тоста.

Статья же моя, после публикации вызвала далеко не однозначную реакцию. В самой редакции «Литературной газете», до и после публикации, разделились мнения. Мне прислали стенограмму обсуждения статьи, где ряд претензий к статье и ко мне, как ее автору предъявляет ныне покойный Игорь Петрович Беляев.

Привожу выдержки из стенограммы:

И.Беляев: И тут я хочу подойти к двум событиям, о которых Анар почему-то умолчал. Во-первых, если взять первые части его статьи – события 1918, 21-х годов, Почему он не упомянул, что в Баку были турки и англичане. А ведь они там были. Они там не только были, они там были с явно агрессивными намерениями. Причем, турки, уходя,

навязали ведь нам две очень существенные условия. Первое условие – создать ЗСФСР, а второе условие – создать Нагорный Карабах. Об этом эксперты, историки знают. Об этом и Анар знает, но почему-то считает для себя необходимым очень существенный элемент всего происходившего в те годы опустить.

Второй элемент, который он тоже опустил, – это уже события 90-го года. Я вовсе не хочу сказать, что все, что случилось после 20 января – это события не трагические. Наоборот. Но ведь, товарищи, 17 января была провозглашена исламская республика в Баку, исчез Совет Министров Азербайджана, исчез ЦК компартии Азербайджана, и Везирова прогнали именно за то, что там случилось в связи с этими событиями. И вообще о Народном фронте Азербайджана здесь нет ни слова осуждения. А это, я бы сказал, решающий фактор всего происходящего в Азербайджане сегодня, и происходившего еще в тех же 89-90-х, годах. И без освещения особенностей всего того, что касается нашего самоновейшего времени, я считаю, что статья не тянет на рубрику «Писатель и общество». Если вы сейчас почувствуете все, что происходит в Азербайджане как следует, то, к сожалению, к очень большому, вы придете к очень и очень неприятным выводам. Почему он не упомянул, что конгресс по Азербайджану в Стамбуле состоялся в 1990 году, и там на этом конгрессе говорилось и о том, что так или иначе связно с судьбой независимого Азербайджана. Разумеется, это дело азербайджанцев решать с кем они будут объединяться, или не будут, с Ираном или еще с кем-то, но проблема существует. Мне один азербайджанский физик, живущий в Москве более 20 лет, позвонил и сказал: они хотят объединяться с Турцией. Турция им ближе по языку, душевному строю, но это уже их дело. А вот намекать, что мы чего-то там не даем осуществлять и зажимаем все то, что связано с их национальными стремлениями, я считаю некорректно, потому что мы

уже с некоторых пор этого не делаем, особенно сейчас. А ведь все споры Муталлибова прежде всего с Народным фронтом, прежде всего с исламскими мотивами Народного фронта и со многими другими. Поэтому я бы, например, считал возможным при публикации такой статьи подверстать две, три справочных заметочки, в которых взять и дополнить статью, чтобы картина получилась более объективной.

Удальцов:

Про Анара…Игорь Петрович говорит чего в статье нет, что есть возражения. Очень хорошо, что есть. Я за такие материалы, по которым есть возражения. Если в материале есть все, то мне такой материал не очень интересен.

Очень хорошо, если завтра кто-то напишет материал с не менее интересным заголовком. Вообще говоря, писатель придумал такой ударный заголовок, написал хороший материал без заказа и понукания – это уже немало. Я могу согласиться с Игорем Петровичем, что там нет того, этого, пятого, десятого. Но…

Несмотря на нелепые претензии, отличающегося особой азербайджанофобией И.Беляева («почему нет того, нет этого?»), статья все же была напечатана полностью, без купюр и дополнений, благодаря волевому решению заместителя главного редактора Удальцова…

Общественно-политическая ситуация в те дни менялась с головокружительной скоростью. Важнейшим для нашего региона из этих событий стал визит Президентов России и Казахстана в Азербайджан. (Они посетили и Нагорный Карабах). Миротворческая миссия Б.Н.Ельцина и Н.А.Назарбаева имела целый ряд принципиально важных аспектов. Во-первых, государственные деятели столь высокого ранга, пользующиеся в те годы стабильным нравственным авторитетом, смогли получить информацию, как говорится, из первых рук, на месте, выслушать обе стороны. Во-вторых, ознакомились с разными точками

зрений, Президенты России и Казахстана встретились и обменялись в Баку мнениями не только с Президентом Азербайджана А.Муталлибовым и официальным руководством республики, но с представителями интеллигенции и оппозиции. На встречу с Ельциным и Назарбаевым был и приглашен и я.

Выступив, я сказал, что как можно политику России в отношении Нагорно-Карабахского конфликта считать объективной, если советником Президента Ельцина по национальным вопросам является небезызвестная Галина Старовойтова-депутат от Армении, на что Ельцин возразил, что она является депутатом от Ленинграда. Я уточнил: она является депутатом от Ленинграда в Верховном Совете России, а депутатом от Армении является в Верховном Совете СССР. Мои слова подтвердил, участвующий во встрече Бурбулис.

Ельцин сделал вид, что узнает об этом в первый раз. Еще один любопытный момент, который я отметил в своем дневнике сразу после встречи. Во время перерыва Н.Назарбаев, с которым я был лично знаком по Верховному Совету СССР, доверительно обратился ко мне: Почему Аяз Ниязович все-время ссылается только на Ельцина. У нас с Борисом Николаевичем одинаковый статус Президентов. Скажите об этом Муталлибову. Когда улучив момент, я сказал об этом Муталлибову, тот улыбнулся: Он и мне самому говорил об этом, – сказал он. В том же дневнике я записал такую фразу:

«Визит Ельцина и Назарбаева породил хоть какой-то проблеск надежд, появился слабый мерцающий свет в конце туннеля длиною в четыре черных года. Лишь бы не дать погаснуть этому хрупкому свету, незащищенно трепещущему на семи ветрах. Лишь бы… 29 сентября».

После публикации статьи в «Литературной газете» я получил много писем. В этих письмах были разные, иногда прямо противоположные оценки. Одни горячо одобряли, поддерживали мою

позицию, другие, категорически ее не принимали. Среди этих писем особенно важными для меня являются письма от выдающегося русского писателя Виктора Петровича Астафьева и искреннего друга азербайджанской литературы, поэтессы Риммы Казаковой.

Привожу здесь фрагменты из их писем.

Дорогой Анар!

Из осенней, грустно притихшей Сибири поклон Вам и благодарность за Ваше теплое письмо. И еще – в «Литературке» я прочел вашу умную и печальную статью. Я совершенно согласен с Вами, и пока от раздоров и разъединении мы ничего не приобрели, но потеряли многое. Я думаю, что национальные наши литературы начнут затухать от того, прежде всего, что у них не будет выхода на широкого читателя, в самих же республиках читают мало и уровень читательский невысок. Писатели обречены будут вращаться в собственном кругу и писать друг для друга. Азербайджану, быть может, это угрожает меньше, чем другим, соседним республикам, у него есть давняя историческая связь с Турцией и через нее выход в широкий мир, но соседи Ваши, опьяневшие от свободы, начатой с кровопролитий и мордования малых народов, эти одичают очень быстро.

Ну да никто, как Бог, а Бог, сказали мне в Боснии, разрешая посетить мечеть, везде один. К сожалению, я был в тайге, когда пришло Ваше письмо, и дома сложности большие, не всегда могу я поехать куда-либо, но все равно я благодарю Вас за приглашение и за добрые слова. Желаю Вам и народу Вашему не озлобиться, не потерять облик человеческий, мирного труда желаю и покоя под крышей дома своего. А в сердце Бога и веры в лучшую долю детей своих.

Низко Вам кланяюсь, братски обнимаю.

Виктор Астафьев,
22 октября 1991 г, Красноярск

Глубокоуважаемый, дорогой Анар Расулович!

Ваша статья в «Литгазете» произвела на меня очень сильное и, я бы сказала, ранящее, устыжающее впечатление. Может быть, лично я меньше, чем многие, повинна в равнодушии ко всему, что мы годами декларировали, но я ничего не сделала, никак не откликнулась на все трагические события в Азербайджане. А ведь – не потому, что я как-то плохо отношусь к армянам, не дай Бог – сложилось так, что я больше связана именно с Азербайджаном, за эту страну и этот народ особенно болею. Но все мое участие и соучастие в ваших делах ограничилось рыданием вместе с подругой Зарифой Салаховой после страшных январских событий, когда она мне растолковала, что к чему, да письма к Бахтияру Вагабзаде, так и оставшемуся без ответа.

И все же я решилась написать Вам – не для того, чтобы в чем-то оправдываться, а тем более отвечать за кого-то... Все это не отменяет вины за то, что кровавые события в Азербайджане, как вы правильно написали, не вызвали гневного отклика российских гуманистов с пером. И, – увы – я в их числе. Есть одно, все же немаловажное, оправдание: никто не понял, что события в Баку – не резня армян, а военные действия тоталитарного государства против своего народа. Сейчас, выражаясь суконным марксистским языком, к которому мы привыкли, мы стали более «политически зрелыми». Это – истинно! Многое узнавали из своего опыта, из опыта других, из прессы.

Жизнь образовывает. Конечно, пишу это не для того, чтобы только каяться. Повторяю, я не настолько и повинна, чтобы совсем не рассчитывать на Ваше понимание и прощение... Я люблю Азербайджан, он для меня и друзья, и прекрасная литература – от Низами и Мехсети

до Вашего отца и матушки и Вас самих. Для меня это гостеприимство, труд, талант, даже, если хотите ислам, к которому я несколько больше, чем мои христианские соотечественники, приобщились в многочисленных поездках по Востоку, и из души моей это не уйдет. Прав был Сабир Рустамханлы, написавший однажды, что азербайджанцам особого дела до Москвы нет, ибо и Москва такого уж интереса не проявляет. Не правы и некоторые из нас, русских, ощутившие, что разрыв висит на плечах не только нас одних. Я ведь дружила со многими азербайджанцами. И Бахтияр, и Сабир, и Мамед Исмаил, и другие. И они замолчали, ограничили пространство своей жизни лишь очертанием родины на карте.

А ведь надо было бы, как цивилизованным людям, сохранить то, что все же реально было: интерес и приязнь друг к другу, чувство восторга перед неповторимостью того, что есть мы – разные, мы – не похожие друг на друга. Да что мне Вам говорить, вы это знаете лучше, чем я.

Вот, пожалуй, и все. Пишу, как Вы, надеюсь понимаете, абсолютно искренне, без утилитарных целей. Цель одна, не потерять то, что любишь и без чего жизнь будет беднее бесконечно.

Всем сердцем с Вами

Римма Казакова

Январь 1991 г.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ФАРС

В 1973 году я впервые отправился в Соединенные Штаты Америки. Позднее побывал в этой стране еще несколько раз, но впечатление от первой поездки неизгладимо. Наша группа состояла из киноработников. Побывали в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Сан-Диего. В Нью-Йорке поднялись на крышу самого высокого по тем временам здания в мире – Эмпайр-Стейт-Билдинг. Посетили Метрополитен-музей, музей Гугенгейма, музей Арт-модерн, наведались в Миурские леса, Голливуд, Диснейленд, Марийнленд в Калифорнии; в Сан-Диего обозрели знаменитый зоопарк. Америка поразила меня, в первую очередь, своими масштабами и ритмами.

Здания, дороги, мосты, расстояния – во всем ощущались некая великанья соразмерность, размашистая масштабность. Поток движенья на улицах и автострадах, стремительный калейдоскоп телепрограмм, темп речи телеведущих и всех выступающих на экране – создавали представление об ускоренном ритме жизни вообще в стране. Казалось, страна куда-то спешила, бежала, мчалась. Если учесть масштабы, чудеса современной техники, то кажется, Америка все время стремится, рвется в завтра, в будущее, из года в год, изо дня в день наращивает скорость движения, как бы опасаясь, что кто-то ее обгонит. В то же время американская жизнь не свободна и от внутренних противоречий, столкновений. Дни нашего пребывания там совпали с разгаром уотергейтского скандала. В Вашингтоне нас вместе с другими туристами провели на экскурсию в Белый Дом. Как же удивительно было для советских людей, которых и близко не подпускали к Кремлю, прохаживаться по Белому Дому, даже пересечь знаменитый Овальный зал. Мало того, туристам, прошедшим через этот зал, раздавали

листовки, направленные против тогдашнего хозяина Белого Дома, президента США Никсона. Хотя мы и наслышались об американской демократии, но лицезрение такого наглядного ее проявления повергло нас в шок. Люди, оказывается, могли свободно высказывать то, что хотели, поступать так, как считали нужным. Сколь бы прогрессивны и вольномыслящи ни были мозги советского человека, это трудно укладывалось в голове. Вспомним «бородатый» анекдот. В небе встречаются два воробья, один летит из Штатов в СССР, другой в противоположном направлении. Советский воробей спрашивает у американского: «Почему ты покинул Америку? « И слышит в ответ: «В Америке так прочно зашивают тюки с зерном, отправляемые в Союз, что ни зернышка не выпадет, ничего не выклюнешь. По слухам, когда разгружают эти тюки в Союзе, половина рассыпается на землю. Потому лечу туда – прокормиться. А ты откуда летишь? « «Из Союза в Штаты». «Зачем? Разве поживиться нечем? Или врут, что зерна от утруски навалом? « «Нет, не врут». «Тогда зачем тебе в Америку? « «Чирикать хочу».

Действительно, побывав в Америке, мы воочию увидели преимущества страны, обеспечивающей население продовольствием и всеми необходимыми для нормальной жизни благами, но здесь, выражаясь в духе воробья из анекдота, можно было и вволю «чирикать», то есть человек мог говорить и писать то, что думает. Но, наряду с этим, в заморской стране существуют и неписаные регулирующие законы относительно свободы слова и печати. В те же дни по одному из каналов американского ТВ я услышал очень мудрые слова религиозного деятеля: на атлантическом побережье Америки в нью-йоркской гавани возвышается гигантская статуя Свободы. А на западе, на тихоокеанском побережье, в Лос-Анджелесе ли, в Сан-Франциско ли, надо бы возвести еще одну статую – Ответственности, дабы общество уразумело, что

наша страна может нормально жить только в сопряжении Свободы и Ответственности.

Наблюдая с белой завистью проявления свободы слова, убеждений, печати в Америке, мы вновь сокрушались о том, в сколь жалком состоянии находятся права человека в нашей стране, тогдашнем СССР.

Нашим гидом была пожилая женщина родом из Югославии, принявшая американское гражданство и свободно изъяснявшаяся по-русски. Мы с писателем Максудом Ибрагимбековым останавливались в отелях «тандемом» в двухместных номерах. Наша гидесса принесла массу книг, изданных на русском языке и вручила их нам тайком. Разумеется, это была диссидентская литература. Выкраивая время, мы читали эти книги. Последнюю ночь провели в Нью-Йорке. Наутро вылетать в Москву. А мы успели прочесть только мизерную часть этих книг. Максуд сказал: «Не беда. Возьмем с собой и дочитаем дома». Я возразил: «Не получится. Нас могут прошмонать при переходе границы, если обнаружат в багаже эти книги, самое меньшее – не видать нам больше заграницы». «Ты как знаешь, – сказал он, – а я увезу». «Нет, – говорю, – и тебе не дам увезти. Лучше не поспим эту ночь, сколько успеем – столько и прочтем».

Всю ночь мы читали, передавая книги друг другу. Чего только не было в этих изданиях! Методы слежки, преследования, пыток в КГБ. Невыносимые условия содержания в советских тюрьмах, психушках, ссыльных местах, ужасы «ГУЛАГ»ского ада...

«Ты прав, – сказал под утро Максуд. – Если узнают, что мы провезли эти книги в СССР, нам дадут прикурить... «

Мы договорились взять с собой из непрочитанных книг только одну: роман Оруэлла «1984». Полагали, что это сугубо фантастическое произведение. Позже, по прочтении романа в Москве, мы поймем, что

это произведение похлеще оставленных нами по антисоветской, антитоталитарной зараженности... Словом, все книги, кроме этой, мы решили оставить. Но где? В гостиничном номере – нельзя. Как бдительные советские граждане, мы понимали, что «разведка» моментально выявит принадлежность этой литературы. Возвращать их гидессе тоже негоже.

– Давай-ка оставим их здесь же в отеле, на другом этаже, – предложил я.

– На котором?

– Ну, скажем, на семнадцатом.

– Почему именно на семнадцатом?

–Потому, что в семнадцатом году свершилась Октябрьская революция...

Собрав книги, мы поднялись лифтом на семнадцатый этаж, «посеяли» их там и вернулись к себе в номер.

Однако история эта имела удивительную концовку. Наш самолет совершил посадку в аэропорту Шереметьево. Подойдя к контрольно-пропускному пункту, мы увидели встречающего нас Полада Бюльбюль оглу. Полад в те годы блистал в ряду популярнейших эстрадных звезд страны, большую часть времени проживал в Москве и часто летал в загранку. Потому у него было много приятелей и знакомцев в аэропортовских службах.

Увидев нас, он сказал пограничнику:

– Пропусти, Вася. Это мои друзья.

И пограничная, и таможенная служба пропустили нас обоих без проволочек, не задерживая ни на минуту.

Перейдя кордон, Максуд сразу накинулся на меня:

– Видишь? Никто нас не шмонал! Надо было мне не слушаться тебя и забрать книги.

– А не появись Полад...

Наш спор разрешило само время.

Спустя лет пятнадцать-шестнадцать после нашей первой поездки в Америку те запрещенные книги и еще более крутые антисоветские произведения получили зеленый свет, стали издаваться в самой России, все получили возможность читать их. И в газетах появились столь резкие, разоблачительные инвективы об ужасах советской эпохи, что читанное нами в ту нью-йоркскую ночь на ... энном этаже отеля «Командор» выглядело умеренными и безобидными текстами наподобие тургеневских лирических страниц.

Если же определенные события, отношения, понятия советских времен изобразить сугубо реалистическим пером, то все это покажется сценами из театра абсурда Беккета или Ионеско...

Например, в 1967 году в составе официальной делегации представителей культуры нашей республики мне довелось побывать в Польше. Перед поездкой нас пригласили в Общество дружбы с зарубежными странами и некий ответственный чиновник начал учить нас уму-разуму; мол, вы будете под прицелом по меньшей десятка разведок мира (это в Польше-то!), за вами будут следить, пытаться обработать, завербовать, спровоцировать, и прочие предостережения в этом духе.

Самым поразительным было предложение чиновника: «Может статься, что там вам будут задавать вопросы. Было бы хорошо подготовить ответы заранее, показать их нам здесь, чтобы мы утвердили... «

Я спросил – не из храбрости, а по простоте душевной:

– Но ведь мы не знаем, какие вопросы нам будут задавать. Как же можем подготовить ответы заранее?

Чиновник оторопело уставился на меня. Похоже, этот вариант не приходил ему в голову.

Нашу делегацию сопровождал другой службист. В Польше ему предстояло прочесть длиннющий доклад, естественно, заранее подготовленный, утвержденный во всех инстанциях, конечно с учетом замечаний и предложений. Пафос этого сочинения заключался в том, что до советской власти в Азербайджане ничего путного не было, и все было создано в советский период. А самая смехотворная фраза гласила, что азербайджанские женщины до революции не могли выходить замуж...

И поляки диву давались: если уж до революции девушки в Азербайджане «не могли выходить замуж», то откуда и каким образом возникла эта нация? Неужто все сплошь незаконнорожденные?!

Как бы то ни было, польское турне шло своим чередом, и перед каждой встречей сей службист зачитывал свой получасовой опус. В том числе – в костеле, перед органным концертом, в яслях, во Дворце бракосочетаний и т. д. Наконец, мы прибыли в горный курорт Закопане. Люди отдыхают себе, развлекаются. Здесь был предусмотрен концерт нашего камерного оркестра на лужайке для отдыхающих. Руководитель оркестра, наш талантливый дирижер Назим Рзаев отвел меня в сторонку. «Мы хотим здесь исполнить старинные музыкальные произведения – Вивальди, Телеман, Корелли. Доклад совершенно не к месту. Боюсь, что наш оратор перед концертом начнет талдычить, и люди, собравшиеся послушать музыку, разбредутся. Прошу тебя, займи его разговором, а мы начнем концерт». «Хорошо», – сказал я и, взяв нашего докладчика под руку, затеял с ним беседу о том о сем, уводя его подальше от места предстоящего концерта. Ко мне он относился неплохо, и мы вели разговор в абсолютно человеческом тоне на человеческие темы. Вдруг, вижу, он навострил уши, совершенно изменился в лице, напрягся;

оказывается, он уже издалека услышал звуки музыки. Отпрянув от меня, чуть ли не бегом устремился к месту, где играл оркестр и, когда настала пауза между исполняемыми произведениями, выскочил вперед и принялся читать свой доклад, доводя до сведения отдыхающих поляков и интуристов весьма важную информацию о том, как тяжко было азербайджанским женщинам до революции выходить замуж...

С тех пор много воды утекло, а после распада советской системы минуло семь лет. Но отрезок времени кажется столь протяженным, как если бы речь шла о незапамятной старине, точнее, о средневековье. Ибо по многим своим симптомам советская эпоха напоминала именно средневековые, а может, рабовладельческие формации. Но удивительно и то, что ныне, при воспоминании недавних времен, на ум приходят не только преступления рухнувшей системы, но и забавные эпизоды. Вспоминается и то, что трезвомыслящие советские сограждане могли выражать свои истинные мысли об обществе, строе, руководителях страны лишь посредством политических анекдотов, рассказываемых друг другу тет-а-тет, на ушко. Анекдот в советское время стал своего рода фольклорным жанром, причем самым демократичным и популярным. Знаю уйму анекдотов о коммунизме, советской системе, СССР и его вождях, однако один из них по емкости содержания наиболее характерен. В этом анекдоте, построенном в виде перечня парадоксальных пунктов, как бы пародирующих советский бюрократический менталитет, обнажается вся сущность той системы:

«1. В СССР нет безработицы, но никто не работает.

2. Никто не работает, но планы выполняются.

3. Планы выполняются, но в магазинах пусто.

4. В магазинах пусто, но у всех дома все есть.

4. У всех все есть, но все недовольны.

5. Все недовольны, но все голосуют единогласно «за».

Больше всего анекдотов гуляло о советских вождях – Сталине, Хрущеве, Брежневе... Дело еще в том, что сама манера поведения, определенные высказывания, реплики, выражения этих лидеров давали пищу для анекдотов и пародирования. О Сталине рассказывали: вызывает он партфункционера Поликарпова к себе и отряжает его в секретари Союза писателей, дескать «инженеры человеческих душ» ведут себя плохо, идите, дайте им укорот, и со временем доложите.

Спустя некоторое время Поликарпов является к вождю: Иосиф Виссарионович, дело обстоит хуже, чем мы себе представляли. Фадеев пьет не просыхая, Эренбург только и знает, что расхваливает Францию, Симонов меняет жен, как перчатки, и прочее... Словом, «катит бочку» на писательскую братию почем зря. Сталин, попыхивая трубкой, некоторое время хранит молчание и говорит:

– Товарищ Поликарпов, ищите себе другую работу.

– Почему, товарищ Сталин?!

– У меня нет других писателей для вас.

Рассказывали и такое: во время войны служители муз без конца жаловались Сталину на начальника комитета по делам искусств Храпченко: вождь, которому надоели эти жалобы, умерил пыл плакальщиков: «Дайте мне сперва покончить с Гитлером, а уж потом я займусь Храпченко».

Забавный эпизод, связанный со Сталиным, поведал мне ныне покойный наш дирижер Ниязи.

В тридцатые годы, на декаде искусства Азербайджана в Москве в Большом театре показали оперу Узеира Гаджибекова «Кероглу». После спектакля Сталин с другими членами Политбюро встретился с композитором, режиссером и артистами. Когда Ворошилов обратился к Гаджибекову со словами: «Хорошо бы вам написать еще пару таких опер», – Сталин резко возразил: «Нэт». Узеир-бек смешался! «Может,

Сталину опера не понравилась? «Тогда как-то сложится участь произведения и автора?.. После долгой паузы последовало: «Не пару, а две пары таких опер».

Во время визита Хрущева в Баку на Нефтяных Камнях в честь высокого гостя устроили банкет. Один из местных руководителей, желая подольстить генсеку, сказал: «Мы вот здесь, руководя небольшим участком, испытываем трудности... А как трудно для вас, дорогой Никита Сергеевич, руководить такой огромной державой!» Хрущев, к тому времени изрядно выпивший, возразил: «Ничуть. Нашей страной может руководить всякий дурак!»

То, что это суждение было не столь далеким от истины, генсек вольно или невольно доказывал, брякнув встречавшим-привечавшим его в одной из среднеазиатских республик аксакалам: «Здравствуйте, уважаемые саксаулы!» или колотя снятой с ноги туфлей по столу на Генеральной Ассамблее ООН... Но, справедливости ради, нельзя забывать и о роли Хрущева в сокрушении ледяных торосов сталинизма и первых шагах на пути раскрепощения общества, в конечном счете приведшего к распаду СССР... И с учетом этой заслуги мы должны бы помолиться за упокой его души.

Невеселый казус, случившийся с Брежневым, я уже видел воочию. На церемонии вручения ордена Азербайджану во Дворце Республики, генсек перед вручением стал читать по бумажке приветственную речь. Но в ходе чтения я заметил, что сидевшие в президиуме Гейдар Алиев и прибывшие из Москвы гости обеспокоенно переглядываются и подают мимические знаки друг другу. Чуть погодя один из московских гостей приблизился к трибуне и что-то шепнул на ушко Леониду Ильичу. Брежнев хмыкнул и продолжил речь.

За столом президиума возобновился обмен жестами и началось перешептывание. Наконец, с места поднялся Гейдар Алиев, подошел к

трибуне и, решительным движением переняв у Брежнева озвучиваемый текст, подал взамен другой. Брежнев принялся было зачитывать новый текст с той же роботоподобной интонацией, но, увидев повторение уже знакомых пассажей, обратился к залу: «Ну, это я уже, кажется, читал».

Оказалось, он перепутал два текста, – один предназначался для торжественного заседания, другой предстояло озвучить вечером на банкете. Хотя в обоих текстах содержались общие, совпадающие куски, но можно представить, какой был бы конфуз, заверши он церемониальную речь банкетным спичем: «А сейчас давайте поднимем этот тост...»

В те дни я увидел Брежнева совсем близко. Дышал он, как рыба, выброшенная на сушу, казалось, ему не хватало воздуха, и он задыхался. Взгляд застывший,

какой-то стеклянный. При близком рассмотрении чудилось, что это не живой человек, а некий робот, облаченный в человеческую одежду и снабженный маской.

Брежнев умер, его сменил Андропов, вскоре и он скончался, на его пост был избран Черненко.

В один из дней мы по линии театрального общества отправились в Нахичевань. После проведения намеченных там мероприятий предстояло поехать в другой район Автономной Республики. Однако наутро мы услышали, что руководитель нашей делегации, председатель театрального общества Шамси Бадалбейли занедужил: сердечный приступ. Он вызвал меня к себе: «Я поехать не смогу. Возглавь группу, едущую в тот район».

Он лежал в постели с бледным бескровным лицом. При нем был сын, наш знаменитый пианист Фархад Бадалбейли.

Мы с тревогой в душе расстались с Шамси-муаллимом и отправились в район. Руководитель района, встретивший нас, сообщил

нам программу. Тут кто-то подошел к нему и что-то шепнул на ухо. Районный руководитель изменился в лице; переговорив с партийным секретарем – женщиной, прибывшей из Нахичевани, обратился ко мне: «Мероприятия придется отложить... Но, во всяком случае, давайте пообедаем, а после возвращайтесь в Нахичевань». «А что случилось? « «Киши скончался». «Что вы говорите? « – Я был потрясен. – Дайте мне машину, я должен незамедлительно ехать в Нахичевань! «Анар-муаллим, вы пообедайте, у нас небольшой банкет. Потом уж поедете». «Какой банкет! – воскликнул я. – Мы же близкие семьями люди. Сейчас там, при нем один только сын его... Я немедленно должен добраться туда!»

Говорю и замечаю на себе изумленные, даже несколько опасливые взгляды местного руководства и нахичеванского партсекретаря. Все прояснилось после долгих минут недоразумения. Оказалось, что скончался, слава Аллаху, не Шамси-муаллим, а руководитель страны Черненко... Потому все посвященные в новость люди были ошарашены моими столь серьезными переживаниями, «семейной дружбой» с почившим генсеком и нетерпеливым стремлением разделить горе его осиротевшего сына... Кончина, смерть каждого человека – это утрата, и царствие небесное Черненко. Мы радовались не кончине Черненко, а тому, что Шамси-муаллим жив. Короче, и обед состоялся, и тосты на банкете прозвучали. А женщина-партсекретарь из Нахичевани резонно заметила: «Что вы, Анар-муаллим, разве мы бы согласились устраивать банкет, если бы, не приведи Аллах, Шамси-муаллим скончался?! Разве мы не мусульмане?»

Эти слова в моем в сознании возвещали о начале нового периода в жизни страны – перестройки. Я думал: разве могли советские люди, в частности, партноменклатура, вот так реагировать на смерть Сталина, или пусть даже Брежнева? В психологии людей вообще, в климате

общества, в существе строя обозначались некие перемены. Но, хотя мы были в состоянии уловить начало этих перемен, в ту пору никто из нас не мог и представить, к чему приведут они в течение короткого отрезка времени...

В связи с кончиной Черненко в Москве начались траурные дни, а мы в Нахичевани пребывали в добром расположении духа, шутили, смеялись. Очевидно, нам было суждено расставаться с нашим тяжелым, трудным прошлым вот так вот – смеясь. Близился к концу печальный фарс советской системы.

1 августа 1999 года,

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

КУЛЬТУРА В ОПАСНОСТИ

(Заявление деятелей науки, литературы и культуры Азербайджана)

Наш народ переживает важнейший и труднейший период своей истории. Первые шаги по пути свободы, национального суверенитета и демократии, первые успехи, большие или малые, каждая добрая весть с фронта переполняют наши сердца гордостью. В то же время политическое противостояние, экономический кризис, всевозможные проблемы, множащиеся изо дня в день, вызывают у нас тревожные чувства. Самое тяжелое испытание, выпавшее на нашу долю, – бедствия и горести, жертвы и утраты в кровопролитной войне с посягнувшим на наши земли оголтелым врагом. В этой битве за правду и справедливость, за национальное достоинство и самостоятельность во имя территориальной целостности, чести и достоинства нашего Отечества, которую ведет наш народ, своя роль принадлежит интеллигенции, и ее голос, ее призывное слово, несомненно, должны звучать еще громче.

Древнее изречение гласит: «Когда говорят пушки, музы молчат». Но сегодня речь идет не о молчании или не молчании «муз», а об их жизни или смерти. Сегодня судьба наших духовных ценностей – научных, художественных, культурных, составляющих историческую славу нации – под угрозой. Посягательство на культуру, духовный мир столь же опасно и пагубно, как и посягательство на нашу землю.

Многовековая азербайджанская культура ныне оказалась в противостоянии, в противоборстве с рыночными критериями, рыночными понятиями и вкусами, с рыночным уровнем и моралью. Сегодня подвергается повальной ревизии все культурное наследие нашего народа. Горе-литераторы, понимающие свободу как разнузданность, улучив момент, дискредитируют личности, веками составляющие гордость азербайджанского народа.

Кого только не поносят! Любая известная личность, уже занявшая свое место в истории народа, подвергается «разборке»! Самозваные инспекторы истории экзаменуют, как нерадивых школьников, привлекают к следствию с обвинительным уклоном – Бабека и Хатаи, Кероглу и Мирзу Фатали Ахундова, Сабира и Джалила Мамедкулизаде, Н.Нариманова...

Чего добиваются люди, которым позволили быть храбрыми, не совершившие и тысячной доли того, что совершили славные предки во имя азербайджанского народа, нации, культуры? Сегодня они состязаются в том, как ославить тех, кого вчера прославляли.

Могут сказать: мол, такое пишут отдельные авторы, к тому же стоящие зачастую на противоположных позициях. У того, кто корит Бабека за антиисламскую борьбу, нет претензий к Шаху Исмаилу Хатаи, а вменяющий последнему в вину противоборство с Османским султаном, не трогает Кёроглу, и тот, кто не одобряет бунт Кёроглу против власть имущих, в свою очередь, не прохаживается по адресу Мирзы Фатали... Развенчивающие Мирзу Фатали как царского службиста не задевают Сабира, Мирзу Джалила: недовольные антиклерикальными произведениями последних не поминают лихом Нариманова, а «антинаримановцы» пока оставили в покое Узеира Гаджибекова (впрочем, найдутся и такие, которые занесут и его в «черный список» за образ Асли). Стрельба по историческим личностям ведется выборочно, но эти нападки в совокупности создают весьма удручающую картину. То есть, все наше наследие ставится под сомнение, в сознание и души подрастающих поколений вносятся семена нигилизма, неприятия, неверия ко всему достоянию прошлого. Мы еще не говорим о том, что вся наша литература, созданная после 28 апреля 1920 года, клеймится оскорбительными эпитетами, наподобие «бесчестная», «двурушническая» и проч... Когда подобные

ультрареволюционные демарши совершают зеленые юнцы, – это еще можно понять и простить, как «детскую болезнь», вроде кори и коклюша. Но когда авторитетный, вполне зрелый автор обрушивается на тени (вернее, души) всех поголовно интеллигентов, переживших после 37-го года, то это не что иное, как убогая мстительность, неблагодарная беспамятность.

Иные выступают против семидесяти лет тоталитарного режима с подобных же тоталитарных позиций. То есть, все культурные ценности, творческие удачи, литературные достижения, научные обретения этих лет и, разумеется, их творцы очерняются с позиций тотального бесплодного и огульного отрицания. Между тем, лучшие явления искусства, литературы и науки Северного Азербайджана XX века, в том числе и последних семидесяти лет, могут служить образцом для многих стран Востока и Запада. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований прибедняться и краснеть за нашу поэзию, прозу, музыку, изобразительное искусство, кинематографию, зодчество последних десятилетий. Азербайджанский народ вправе гордиться этими достижениями.

Хватит куражиться недоумкам, хватит ловкачам всех мастей попирать наши святыни, хватит сбывать с молотка историческую память народа, творения и творцов его культуры и науки, составляющих нашу гордость!

Низложение признанных – единственный способ самоутверждения тех, кто не способен снискать себе признание иначе. Сегодняшние разнузданные нападки на известных представителей интеллигенции, клевета, ложь, инсинуации – суть продолжения этих попыток. Те, кто молчал, помалкивал в труднейшие времена, нынче обернулись обвинителями тех, кто прежде не молчал. Беда в том, что есть свои потребители, свои покупатели у этих пошлых пересудов, этой клеветы и

инсинуаций; сбывающие свой «жаренный товар» подороже, тем самым повышают тиражи, оклады и гонорары собственных изделий. Но эти дешевые игры могут дорого обойтись нашему народу. Мы можем потерять не только прошлое нашей культуры, но и ее будущность. Это – реальная опасность, грозящая нашему народу.

Если начало XX века ознаменовало подъем азербайджанской культуры, и за последующий период это восхождение, несмотря на все трудности, давления, гонения, цензуру и ссылки, продолжалось шаг за шагом, ступень за ступенью, то конец столетия может завершиться упадком всей нашей культуры. Революция и культура, как ни пытаются сегодня увязать эти понятия, уживаются с трудом. Революция связана с надеждами сокрушить мир до основания и построить его заново, совершенно иным, – надеждами, оставшимися надеждами и иллюзиями. А главный принцип культуры – последовательность, преемственность, эволюционность, восхождение на фундаменте былого. Пословица «Трава восходит на своих корнях» – относится не к революции, а к культуре: любая революция начинается с крушения основ, и в первую очередь рушится культура. Выкручивание рук начинается с интеллигенции, и всякий выдвинувшийся столоначальник мнит, что он смыслит в поэзии лучше поэта, в музыке – лучше композитора, что ему сам Бог велел поучать актеров, живописцев, ученых.

Конечно, в литературе, в искусстве происходят свои революции, свои эстетические прорывы. Здесь – свои законы художественно-стилистического обновления, обновления форм, средств выразительности, но, когда эти эстетические эволюции привязываются к политическим переменам – начинается крах искусства!

Если сегодня наша наука и культура вязнут в трясине кризиса, то завтра будет впору готовить поминальную халву (если к тому времени не переведутся сахар и мука).

Для жизни литературы нужны книгоиздание, литературные журналы и газеты. Если наши издательства, оказавшись перед необходимостью экономического выживания, начнут плодить развлекательное и бульварное чтиво, то о каких истинных и серьезных литературных критериях можно говорить? Если наши толстые и тонкие литературные журналы и альманахи из-за материальной несостоятельности прекратят существование, – кто будет писать крупные объемные произведения: романы, поэмы, исследования? Кто примется за солидную переводческую работу? Если и найдутся отдельные подвижники, то никто ведь не будет читать их работы, написанные в «стол», и новые поколения читателей, привычные к литературным «жвачкам», и впредь не проявят интереса к подлинной литературе. Сейчас, в последнее десятилетие уходящего века, есть основание опасаться, что азербайджанская письменная литература уступит свое место устно-поэтическому творчеству. Прозаикам видно надо научиться сказки сказывать, а поэтам – распевать свои стихи под аккомпанемент саза (если к тому времени не разучатся изготовлять саз).

Поколения, взращенные без литературы, окажутся и без национального киноискусства, театра, ибо эти виды искусства тесно взаимосвязаны.

Мы можем потерять не только будущее, но и прошлое нашего кинематографа. Наша киноистория может просто исчезнуть в буквальном смысле слова. Все, что создано нашей кинематографией, лучшее, худшее, оригиналы всех наших кинолент, а в большинстве случаев, единственные экземпляры, находятся в Москве, в кино – и телехранилищах. Кто может поручиться за их сохранность?

Вот уже столько лет в Азербайджане угасает тяга к созданию опер и балетов, крупных симфонических произведений. Нас не может не тревожить вопрос: кто же будет исполнять уже созданные и будущие

оперы и балеты после вынужденной эмиграции наших исполнителей, оказавшихся под материальным и моральным прессом?

В области скульптуры, правда, ощущается определенное «обновление» – мы сокрушили сегодня многие монументы, это хорошо, но, кто знает, сможем ли мы восполнить места сокрушенных кумиров столь же масштабными и профессиональными творениями?..

Наш национальный театр влачит существование, сродни старым бродячим труппам. Наши талантливые дирижеры, музыканты, видя полную невостребованность своей профессии, уезжают за рубеж. Но горше внешней эмиграции – эмиграция внутренняя. Остаешься там, где жил, не покидаешь Родину, но расстаешься с творчеством, которому посвятил всю жизнь, и наступает апатия, потеря профессиональных навыков, мастерства, и те произведения, которые не созданы тобою, оборачиваются потерей для всей национальной культуры.

Музей ковроткачества, которым наш народ по праву гордился, оказался выброшенным на улицу; театральный музей, за 60 лет со дня своего создания не имевший подобающего помещения, поныне, после затеплившейся было надежды, остается ни с чем.

Государство не только не проявляет должного радения о культуре, а лишает культурные очаги того, что они имели. Помимо названных, еще четыре музея (в Баку и районах республики) на грани экспроприации. Отняты помещения у Союза композиторов, объединения ашугов, библиотеки имени М. Арифа.

Забота государства о культуре, обязанность защитить ее от материального краха трактуется иными ретивыми авторами превратно. Они истолковывают заботу государства о литературе и искусстве, как мнимую попытку создать «придворную» литературу и искусство. Это в корне неверно. Во-первых, напомним, что и на Востоке, и на Западе многие шедевры поэзии, зодчества, живописи, музыки, ковроткачества

были созданы при покровительстве дворцов. Во-вторых, и дворцов-то таких ныне нет: сходство нынешних документированных субсидий плановых и финансовых ведомств, считающих копейки, также похожи на щедрые дворцовые ассигнования, как похожи иные новоявленные беки на былых беков. В-третьих, разве поддержка государством, допустим, здравоохранения, просвещения, спорта означает подпитку придворных врачей, педагогов или придворных спортсменов?!

Культура в опасности! Литература и искусство, оторванные от народа, немыслимы. Это верно. Но трудно представить и народ, лишенный литературы, искусства, науки.

Необходимо ускорить принятие Закона о культуре Милли Меджлисом.

Азербайджанская литература и искусство в тяжелейшие времена были проникнуты духом сопротивления и протеста против существующего строя, общества, среды (естественно, речь идет о подлинной литературе; конъюнктурщики были и прежде, находятся и теперь).

Сегодняшние идеи свободы, независимости, демократии не упали с неба, они произросли в глубинных пластах этой почвы, из семян, посеянных нашими самыми честными творцами.

Важнейшая задача, стоящая сейчас перед нами, – достойно представить наш Азербайджан всему миру, утвердить на всей планете подлинный и полнокровный образ нашего народа.

Во имя осуществления этих целей, сохранения и выживания нашей культуры, во имя того, чтобы не дать погаснуть светочу духовности, унаследованному от предтеч и предназначенному потомкам, необходимы:

– забота о подлинных ценностях нашей литературы, искусства, науки, истории о добром имени и памяти выдающихся деятелей азербайджанской культуры;

– ограждение нашего художественного слова, литературы, театра, киноискусства, музыки, исполнительства, изобразительного искусства, науки от диктата рыночных критериев;

– спасение наших музеев, исторических памятников, внимание к деятелям искусства и науки, оказание им материальной и моральной поддержки, своевременной их защиты от несправедливых нападок.

Мы создаем независимое движение творческой и научно-технической интеллигенции «Айдынлар Оджагы» – «Очаг интеллигенции».

Наш «Очаг» – не политическая организация, не ставит перед собой политических целей и не имеет никаких политических амбиций. Однако, в случае необходимости, во имя защиты нашего духовного достояния и развития азербайджанской культуры, мы не отказываемся от участия в политической жизни республики.

В наших рядах есть интеллигенты различной политической ориентации, но они вступают в это движение не как представители своих партий, а лишь как индивидуумы для защиты культурных ценностей.

В наше движение может вступить любое лицо, независимо от нынешней или прежней партийной принадлежности, солидарное с нашими целями.

После обнародования настоящего обращения мы намерены провести широкий форум (учредительную конференцию) участников движения, создать на нем компактное административное ядро, составить и утвердить устав, пройти официальную регистрацию в соответствии с нашей Конституцией.

Мы ждем солидарности и поддержки от каждого из наших сограждан, кому небезразлична судьба азербайджанской культуры, литературы, науки, искусства.

В дальнейшем, по мере расширения наших возможностей, мы намереваемся выпускать свою газету, журнал, создать наше издательство, наладить культурные связи с зарубежными странами. Мы поднимаем вопрос о предоставлении нам часов на телеэкране и радио для подготавливаемых нашим движением самостоятельных программ, освещающих его деятельность.

Забот и тревог у нас немало, но еще больше у нас добрых намерений. Мы убеждены в том, что широкая общественность встретит наше беспокойство с пониманием, а история даст справедливую оценку нашему тревожному призыву.

Это письмо, написанное мной,
подписали 35 других деятелей культуры.
Русский перевод опубликован
в газете «Вышка» 5 ноября 1992г.

«ОБЩЕСТВО НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»

– Анар-муаллим, что есть нынешняя интеллигенция?

– Для начала хотелось бы сделать небольшой филологический экскурс. Как вы знаете, интеллигенцию в Азербайджане называют «зиялы». Джалил Мамедгулузаде в свое время употребил слово «ишыглылар». В Турции интеллигенцию называют «айдынами». Как видите, везде присутствует слово «свет».

Первое назначение интеллигенции нести свет в массы, в народ. Когда мы говорим такие слова, как «массы», «народ», сразу же вспоминается марксистская терминологии. Тем не менее, народ – это понятие реальное, масса – понятие реальное, интеллигенция – понятие реальное. Так что в этом смысле предназначение интеллигенции всегда идти впереди, нести факел, по которому будут ориентироваться все те, кто пойдет вслед. Всегда общество и народ идут по тем ориентирам, которые сперва намечает интеллигенция. Это было во все эпохи и в европейской истории, и в нашей.

Если говорить конкретно об азербайджанской интеллигенции, то в наше время в ее рядах чувствуется некоторая растерянность, у нее появилось чувство неприкаянности. К сожалению, наша интеллигенция не востребована обществом, то есть общество как бы не нуждается в ней. Хотя общество не может существовать без интеллигенции. Оно может идти за популистскими политическими лидерами, за какими-то националистическими или интернационалистическими лозунгами, может идти за религиозными лозунгами. Интеллигенция же не может выражать себя в лозунгах, она выражается в разноцветии мыслей, идей. И вот это разноцветие оказалось невостребованным нашим обществом. Общество оказалось неподготовленным к принятию мира во всей его

сложности. Наше общество ждет каких-то однозначных, знаковых определений, а это противопоказано. Интеллигенции не может руководствоваться знаковыми, однозначными понятиями.

– Интеллигентность не взвешивается, ее невозможно купить и т. д. Она либо есть в человеке, либо нет, независимо от того, имеет ли он вузовский диплом. Но многие считают: если окончил вуз, то уже интеллигент.

– Это абсолютно неверно. Считаю, что к понятию интеллигенция применимо то отношение, которое мы должны применить к аристократии. Я признаю аристократию по крови, но уверен, что духовный аристократизм может быть и у пастуха, и у крестьянина. Для меня крестьянин, который понимает язык природы, язык земли, такой же интеллигент, как и тот, который знает, допустим, латинский язык. Это разные сферы. Интеллигенция не кастовое понятие. Это состояние души, способ существования в мире, способ поведения.

– Во все времена главными чертами интеллигенции являлись независимое мышление и обостренная совесть. Обычно интеллигентный человек размышляет о судьбах своего народа. Но, к сожалению, многие интеллигенты эмигрируют за рубеж. Есть среди них и такие, которые больше думают о своем желудке...

– Давайте-ка ко всему относиться не по знаковому принципу и не однозначно. Нужно определить, кто уезжает, на сколько и зачем. Потому что одним знаком определять всех как меркантильных людей, которые уезжают только из-за желудка, я бы не стал. Есть, конечно, среди тех, кто уезжает, люди, которым сладко живется за рубежом. У них есть деньги, которые есть там на что потратить. Есть категория людей, по роду своей деятельности должны уезжать, приезжать, быть все время в движении. Это коммерсанты. И, наконец, еще одна категория людей, которых мне не хотелось бы осуждать – музыканты, артисты и т.д.

Писатель, скажем, может подождать, написав свое какое-то произведение. Допустим, написал роман, и через 50 лет его опубликуют, о нем узнают. А вот как быть с балеринами, как быть с певцами, с артистами, которые сейчас не востребованы. Нет театра, нет возможности проявить талант, который потом навсегда зарывается в человеке. Я уж не говорю о материальной стороне, особенно имею в виду музыкантов, актрис. И никто не может их осудить за то, что во имя какого-то абстрактного патриотизма они должны этим жертвовать. Если артист не имеет возможность выступать – это признак патриотизма? Я даже допускаю, что они должны чем-то жертвовать, если уж брать высокие понятия. Но кругом же мало кто жертвует. Когда видишь, что одни обогащаются за счет войны, а другие просто погибают, невольно появляется циничное отношение. В принципе, я считаю, что лучше, если ты со своим народом, воспринимаешь все как есть, со всеми плюсами и минусами. Но я и не осуждаю тех людей, которые вынуждены уезжать.

– В бывшем Союзе интеллектуальная деятельность обычно подчинялась той или иной политической программе. А как теперь?

– У нас за последние тридцать лет не подчинялась. При Сталине была другая система. Все-таки разница между до и после сталинской системы существенна. Вот если взять этап, начиная с XX съезда, на котором Н. Хрущев выступил с разоблачением Сталина, то существовала иная модель. Конечно, была партия, которая требовала каких-либо определенных условий. Были две формы литературы. Одна литература, которая слепо следовала инструкциям, а другая – не следовала. Она была резко диссидентская, например, в России, которая порывала со всем строем. За что шла в тюрьмы, психушки, уезжала за рубеж и т.д. В Азербайджане не было диссидентов. Этому тоже есть своя причина. В России диссидентское движение было под пристальным вниманием всего мира, и каждый шаг диссидентов отражался в мировой

прессе. В Азербайджане же могли утопить человека, и никто бы об этом не узнал. Поэтому диссидентское движение у нас приняло другие формы. У нас режим был несколько либерализован, и эта либерализация дала возможность литературе и искусству подточить и свалить существующий режим. В его падении большую роль сыграли интеллектуальные движения в целом. Я думаю, что интеллигенция должна служить истине. Это банальные слова, но тем не менее... Если она видит в каких-то действиях существующего государственного режима неправильные шаги, то должна об этом сказать. То же самое относится и к оппозиции. Когда оппозиция действует правильно, по мнению интеллигенции, она должна поддержать их. Интеллигенция должна бороться за правду, за истину.

– *Анар-муаллим, с чего нужно начать духовное возрождение? Ведь хорошо усвоенные духовные ценности прошлого всегда служат своеобразной лестницей для восхождения на новые высоты в духовном и культурном развитии народа.*

– Надо начинать с себя. Я придерживаюсь общеизвестной истины: и народы, и люди всегда должны поступать так, как они хотели бы, чтобы поступали по отношению к ним. Если, допустим, представитель одного народа говорит, что он более сильный, поэтому у него есть право сильного; он более великий, поэтому у него есть право великого или же он был когда-то великим по отношению к другим народам, то, естественно, отсюда вытекают свои последствия. Мыслящее ядро любого народа должно поставить перед собой вопрос: а если другой народ по отношению к моему народу скажет, что он более сильный, поэтому у него больше прав, что он более древний, поэтому у него больше претензий. Понравилось бы им? Нет, не понравилось бы. То же самое по отношению к людям. Когда вы обвиняете кого-то в неблагодарности, сразу же нужно проецировать все на себя. Если

честно, я согласен чтобы со мной поступали так, как я поступал бы по отношению к другому. Именно с этого начинается внутреннее совершенство человека и народа.

Сейчас перечитываю философа Бердяева. Поражаюсь, с одной стороны, глубине его ума, эрудиции, пониманию исторических процессов, с другой стороны, удивляюсь, как он узко может мыслить, когда дело доходит до каких-то имперских амбиций России. Он говорит, что Россия имеет миссию порабощения других народов, потому что это к лучшему для самих же порабощаемых. А спрашивал ли он у этих народов их мнения на этот счет?

Русский народ, безусловно, великий народ, с великой цивилизацией, с великой культурой. Но я поражаюсь, когда самые умные русские люди вдруг заявляют, что Россия никогда не вела завоевательных войн, никогда не была империалистическим государством. Я бы попросил их хотя бы сходить в Третьяковскую галерею и посмотреть на картину Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» и хотя бы перечитать повесть Толстого «Хаджи Мурат». Вот тогда все стало бы на свои места. Видимо, порой даже у людей с широким кругозором появляется исторический склероз.

– Не привлекает ли вас политическая деятельность. Принадлежите ли вы к какой-нибудь партии?

– Я был членом Коммунистической партии. Кстати, до сих пор мои недоброжелатели спекулируют на том, что я якобы в черные январские дни 1990-го года сдал свой партийный билет, а затем взял его обратно. Так вот, я никогда никому не сдавал своего партийного билета. Правда, в январские дни я устно заявил, что не хочу оставаться в рядах партии, допустившей такое насилие над моим народом. Но потом, по настойчивой просьбе очень уважаемых мной людей, я остался в рядах партии, чтобы иметь реальные возможности вести борьбу. Об этом

предельно откровенно я сказал на съезде Компартии Азербайджана (*Выступление публикуется в этой книге)*.

Когда Коммунистическую партию ликвидировали я, естественно, тоже оказался вне нее. Сейчас, как вы знаете, восстанавливают коммунистическую партию, но не хочу вступать ни в нее, ни в какую-либо другую партию.

Что означает слово «партия»: Партия от слова «парти» – часть. Я не хочу быть частью, хочу быть целым. Для меня ощущение народа – это ощущение нации, общества. Это ощущение целого. Вы скажете, что я был членом коммунистической партии. Да, был. Общество как бы состояло из двух блоков – коммунисты и беспартийные, но по существу, неважно был ли ты в партии или нет, все равно автоматически должен был разделять коммунистические идеи. Можно сказать и так: не разделяя коммунистические идеи, ты мог быть членом этой партии. В этом есть какое-то лицемерие. Безусловно. Но еще большим лицемерием было бы отрицать сегодня это.

В то время не было возможности выбора. Если ты хотел служить своей нации, своему народу, то должен был быть членом партии. Даже если ты хотел разрушить эту партию, то должен был быть внутри нее. Я не говорю, что моей целью было разрушить партию. Моей целью было служить своему народу, своей литературе и быть честным.

Что касается политической деятельности, я был в нее вовлечен невольно, когда стал депутатом сперва Азербайджана, а потом Верховного Совета СССР. Сейчас можно по-разному относиться к нашей тогдашней депутатской деятельности. В данное время, к счастью, стали трезво ее оценивать. Одно же время оценивали негативно. Возможно, у нас были свои недостатки, но я убежден, что в тот период лучшего состава для представления интересов республики в Москве не было. В этом я абсолютно убежден. В то время только с трибуны

Верховного Совета СССР можно было говорить о проблемах Азербайджана, можно было прорывать информационную блокаду.

Дело в том, что армянская сторона готовилась задолго до начала так называемой карабахской проблемы. Допустим, приходил я в редакцию журнала «Дружба народов», и, беседуя с редактором Баруздиным о литературных делах, выяснял, что он уже в своей почте имеет письма от армянских писателей, в которых они выражали свои претензии нашей республике. Мы даже не могли представить, что может возникнуть такая проблема.

Когда мы узнали о том, что в Париже было опубликовано сообщение о встрече Аганбегяна с армянской общиной, где он, официальный представитель бывшего Союза, поднял территориальный вопрос, я тут же написал письмо Горбачеву.

В Москве наша делегация встречалась с Яковлевым, Примаковым, Язовым и многими другими. Мы пытались объяснить и рассказать о том, что же происходит у нас...

В результате понял, что политика не мое дело. В каждом деле нужно иметь призвание. В принципе, через культуру и литературу можно влиять на политические процессы и создавать общий политический имидж нации. Так что в этом смысле культура – форма политики. Я уважаю политиков, которые являются профессионалами, но сам бы не хотел непосредственно заниматься политикой.

– Грешно было побывать у вас и не спросить, над чем работаете?

Работаю над книгой, в которой собраны все мои политические статьи, выступления на сессиях Верховного Совета, телевизионные обращения, интервью. Это история, которая останется последующему поколению. Завтра скажут: что вы сделали? У меня будет алиби. Я не бездействовал. В то время мною было написано более тридцати писем

только на адрес М.Горбачева, я уже не говорю о бесконечных обращениях, выступлениях в различных аудиториях и т. д. Правильно делал или нет, оценит история.

Очень много планов. Хочу написать сценарий по повести Банин «Последний поединок Ивана Бунина».

– Анар-муаллим, что помогает вам работать, что вдохновляет?

– Последнее время ничто не вдохновляет. Больше получаю отрицательных эмоций. Достаточно включить телевизор, прочитать газеты и одного дня приема в Союзе писателей, чтобы на тебя обрушился целый шквал отрицательных эмоций.

– С какими же проблемами к вам обращаются?

– С самыми разными – житейскими, бытовыми, только не творческими. Вы сами недавно присутствовали на встрече с вайшнавами. Это для меня было какой-то отдушиной. Видел одухотворенные лица. Правда, не разделяю их философию, тем не менее, мне было с ними спокойно.

Люди приходят с тысячами бед. Когда могу помочь им, нахожу духовное наслаждение в этом. Если же я не могу помочь, то воспринимаю это как свою вину, словно я виноват в возникновении их проблем. Самое маленькое удовлетворение я получаю оттого, что они, излив душу, чуть-чуть освобождаются от тяжести.

– Анар-муаллим, если вы обратили внимание, возраст молодых писателей у нас совсем немолодой. Почему это так и кому из молодых писателей симпатизируете?

– Я бы с удовольствием назвал имена талантливых молодых писателей до того, как стал работать в Союзе писателей, и когда уйду отсюда, мы с вами обязательно встретимся и тогда я назову их имена. Так как я здесь председатель, поэтому не хотел бы конкретно называть их имена. Сразу начнутся обиды.

Что касается возраста, я с вами согласен. У нас какие-то перезрелые молодые писатели. Таланты у нас как-то поздно созревают. В наше время было трудно пробиться в печать, сделать себе имя. Сейчас же все наоборот, не время для литературы. Мне кажется, во всей мировой литературе какой-то спад. К чему же мы пришли в конце столетия? Нет ничего и в мировой литературе, за исключением двух-трех имен. То же самое в живописи и в кино.

– В чем же причина?

– Видимо, век выдохся. Наверно, существует смена вех, даже чисто хронологически. Несмотря на все его трагические катаклизмы, мировые войны, революции, XX век создал великое искусство, великую культуру. Может быть, мы идем к концу света или же мы на грани нового этапа цивилизации.

– Анар-муаллим, спасибо за беседу, желаем вам творческих успехов.

«Молодежь Азербайджана» 19-26 мая 1994г.

ИЗ БЕСЕДЫ С ЛЕЙЛОЙ ЭРАДЗЕ

Азербайджан и Грузия, грузины и азербайджанские тюрки – традиционно дружественные страны, исторически дружественные народы. Ныне, с восстановлением государственной независимости наших стран эта дружба приобретает более высокий статус и более широкие масштабы. Сегодня это не только дружеские взаимоотношения двух соседних стран – это яркий показатель того, что могут не только уживаться, но и по-братски взаимодействовать – страна с христианской духовной культурой со страной исламских традиций. Взаимоподдержка, взаимообогащение Грузии и Азербайджана – достойный ответ всем мусульманским и христианским экстремистам, всем апологетам избранничества – исламского и христианского, ответ всем, кто утверждает, что Запад и Восток – несовместимы. Грузия и Азербайджан – Европа и Азия одновременно, их культурное пространство немыслимо без западных и восточных ценностей. И в этом смысле история представила нам уникальный шанс – плодотворное совместное развитие, совместное преодоление всех трудностей и проблем, навязанных нам извне, полное взаимопонимание двух близких стран, традиционно принадлежащих разным конфессиям.

Я, как человек давно и пылко влюбленный в Грузию, мечтаю о таком времени, когда у двух стран будет скоординированная политика на международной арене – Азербайджан будет отстаивать интересы Грузии, как свои собственные, в странах, в которых он пользуется большим влиянием, и Грузия будет защищать позицию Азербайджана, как свою собственную, в государствах, традиционно ей, Грузии наиболее близких и дружественных. А в глазах всего остального мира Азербайджан и Грузия будут выглядеть как единое целое, разумеется, сохраняя при этом всю степень своей самостоятельности и независи-

мости. Тогда с нами будут больше считаться, тогда к нам будут прислушиваться с большим вниманием. И тогда все поймут, что этот наш союз не направлен против какой-либо третьей страны, а служит лишь цели нашего самосохранения.

Независимый Азербайджан, как и независимая Грузия – члены ООН и других международных организаций, вошли в мировую семью стран в своих официально всеми признанных границах и никто не вправе посягать на эти границы. Принцип территориальной целостности страны лежит в основе международных правовых норм. Естественно, в рамках территориальной целостности государства должны быть соблюдены все права национальных меньшинств, включая их право на национальное автономное образование. Если все народы – большие и малые – нашего многострадального Кавказа признают эти основополагающие принципы цивилизованного человечества, к которым оно, человечество, пришло после бессмысленных и кровавых войн, то мир и покой воцарится в этом райском уголке земного шара, именуемого Кавказом. И тогда в наш регион, в каждый наш дом придут благоденствие, процветание. И всем без исключения будет хорошо, как ныне всем, без исключения, плохо.

Я не экономист, но достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в жизненной необходимости экономического взаимодействия Грузии и Азербайджана. Очевидно, должны разрабатываться совместные широкомасштабные экономические проекты. Как писатель, я, конечно, мечтаю о более интенсивных культурных связях, взаимных переводах и изданиях книг, совместных кинопостановках, театральных гастролях, музыкальных фестивалях, выставках художников. Было бы целесообразным предварительно провести азербайджано-грузинский диалог в Баку и Тбилиси, с участием пяти-шести человек с каждой стороны – творческих работников, ученых, журналистов.

Сегодняшнее состояние наших культурных взаимоотношений не может нас удовлетворять. Для оживления этих связей надо составить тщательно продуманную программу – стратегическую, на будущее, когда, надеюсь, и условия для этого будут соответствующие, и на ближайшее время, когда все же кое-что могли бы сделать. Азербайджано-грузинский диалог, о котором я говорил выше, и который можно было бы организовать, скажем, осенью этого года в Баку, как раз и может наметить какие-то конкретные шаги на этом пути. Естественно писатель не может, попросту не имеет права отстраняться от проблем, которые жизненно важны для его народа. Но часто, во всяком случае, у нас, активность писателя оценивается по его выступлениям, устным или письменным. Отнюдь не отрицая значение этого направления писательской деятельности, я все же, считаю, что основной вклад прозаика, поэта, драматурга в жизнь общества – это его романы, рассказы, поэмы, стихи, пьесы, переводы, и именно в этом качестве художественно отражая, осмысливая, а возможно и прогнозируя время, события, он может принести наиболее ценную пользу своей культуре, своему народу.

Безусловно, священные книги – Библия, Коран крайне необходимы для формирования духовного, хотя и не обязательно чисто религиозного начала в людях, особенно в молодом поколении, для которого, как, кстати, и для старших, все это книги долгие годы были за семью печатями. Но здесь тоже нельзя допускать перебора. Засилье чисто религиозной литературы, может отодвинуть на задний план литературу светскую, а ее бессмертные образцы, то, что мы называем классикой национальной и мировой, да и современная беллетристика, так же насущно необходимы для нравственного обогащения людей.

Отношение к азербайджанскому национальному меньшинству в Грузии – к ее культурным потребностям, к проблемам сохранения языка,

обычаев, исторических и архитектурных памятников, равно, как и отношение в Азербайджане к запросам грузинского национального меньшинства – ингилойцев – всегда должно быть наглядным примером искренности в братском добрососедстве двух наших стран.

У нас сейчас выходит чрезмерно много газет, и следить за всеми просто невозможно. Я за плюрализм мнений, за то, чтобы каждый печатный орган мог свободно выражать свою позицию. Но это право не имеет ничего общего с самовольно присвоенным себе «правом» оскорблять, унижать чье-то ни было достоинство. Это относится и к достоинству отдельных личностей, и к достоинству целых народов. Ни один народ нельзя мазать черной краской, объявлять его «палачом» и т. д., что, к сожалению, позволяют себе некоторые нечистоплотные московские писаки. Если и в нашей прессе появляются подобные пассажи, то это, тоже, разумеется, достойно самого решительного осуждения.

Опубликовано в Тбилисских газетах

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Время, как историческая категория, имеет разные темпы отсчета. Бывают эпохи, когда время – ползает. Бывают годы, когда оно равномерно шагает. И бывают, наконец, месяцы, дни, часы, когда время мчится галопом, меняясь в калейдоскопическом вихре и меняя все и вся – привычные политико-философские ориентиры, судьбы целых народов, стран, систему ценностей и ценности системы; в конечном счете – мировоззрение каждого человека – расклад его мыслей, гамму чувств, логику поступков, образы его снов.

Мог бы я предполагать, когда два с лишним десятка лет тому назад выпускал первый номер альманаха (топлу) искусств «Гобустан», обвиненный в самых высоких инстанциях тогдашней власти в пантюркизме за совершенно безобидное стремление вводить в наш язык определенные искусствоведческие термины, не наличествующие в азербайджанском и созвучные турецким, за желание шире знакомить читателей с современной и классической культурой Турции, Южного Азербайджана, так вот, мог ли я предполагать, что настанет день и жупел пантюркизма перестанет быть преградой на пути взаимного духовного тяготения родственных народов, желающих больше знать друг о друге, о своих общих исторических и генеалогических корнях. Сегодня преграды, барьеры и стены (китайские ли, берлинские ли) смяты, повержены, и поток так долго сдерживаемого обоюдного интереса необходимо ввести в русло разумного и взаимоважного обмена идеями, истинными достижениями культуры, науки, литературы, искусства. Надо исключить элементы стихийности и спонтанности в том естественном порыве.

Пантюркизм – как течение мысли, как определенная идеологическая и философская концепция – достоин того, чтобы его изучали, исследовали, анализировали подобно, скажем, славянофильству. Попытки свести пантюркизм к химерической в наши дни цели объединения всех тюркских народов в одной державе, – это сужение, а порой и сознательная подмена гораздо более широкой, продуктивной, исторически обоснованной и, главное, вполне реальной мечты – мечты о культурном единении тюркских народов, или, выражаясь модными в наши дни словами, – мечты о создании Единого Духовного Пространства тюрков.

Новые независимые тюркские государства бывшего СССР не для того выпутались из оков одной империи, чтобы растворить свою самобытность в другой. Кстати, два великих лидера – М.К.Ататюрк и М.Э.Расулзаде также мыслили Турцию и Азербайджан как два дружественных, но самостоятельных и независимых государства.

Разве объединяются два с лишним десятка арабских стран, или к примеру, испаноязычные, родственные латиноамериканские республики в одну сверхдержаву? Нет, но зато при всем отличии даже политических режимов и государственных устройств арабских стран (республики, монархии, конституционные и теократические, демократия, тоталитаризм), они имеют общее духовно-культурное пространство: доступную для всех этих стран прессу, охватывающую их жизнь и проблемы. Координирующий разные свои части литературный процесс. Широкий обмен аудиовизуальной информацией, фильмами. Общую общественно-политическую ауру, со всеми ее противоречиями и разномыслием. Общее культурно-историческое наследие, нравственные и этические ценности, мировоззренческие основы. Словом, все то, что позволяет говорить об арабском мире, как о некой цельности.

Идеальным взаимоотношением представляется мне культурно-духовная интеграция англоязычных стран – США и Канады (с учетом в последней франкоязычной провинции Квебек), не говоря уже о мощных интеллектуальных контактах между этими странами и их исторической праматерью – старушкой Англией.

Расчлененные историей, идеологией, религиозными отличиями, навязанной им алфавитной графикой, тюркские народы должны закладывать институты и механизмы интеллектуальной, культурной интеграции и координации, которые превратят ныне в достаточной степени аморфное тюркское пространство в единый тюркский мир.

Это исторически неизбежный процесс. (Хотя я не исключаю и обусловленные внешними и внутренними факторами зигзаги общественно-политической судьбы тюркских народов. Эти зигзаги способны затормозить, отстрочить процесс, но бессильны предотвратить его конечную детерминированность).

И в этом исторически естественном процессе Азербайджан, на мой взгляд, призван сыграть ключевую роль – роль Керпю – Моста между в значительной мере европо-ориентированной частью тюркского мира (собственно Турция, турецкая часть Кипра, балканские тюркские анклавы) и бескрайними просторами исторических тюркских территорий от Уйгурии до Казахстана и Средней Азии. В центре этого пространства – Азербайджан. И по своему геополитическому расположению, и по исторической традиции духовного первопроходца – Первый драматург Востока, Первые ласточки театрально-драматического и оперного искусства, Первая в Российской империи мусульманская газета. Первый республиканский государственный строй (в этом последнем наш приоритет распространяется на весь мусульманский Восток), Первый съезд народов Востока в 1921-ом году

в Баку, и в Баку же Первый тюркологический съезд (1926г.) – все это – вехи духовной истории и Азербайджана, и всей тюркской общности.

И как обидно, что эта судьбоносная роль в жизни тюркских народов была нами утеряна за мрачные годы сталинщины. Да и позже. Точно так же как не сберегли тюркскую латиницу, инициаторами и пионерами которой были мы.

Сегодня восстановление письменности на основе латинской графики – важнейший шаг к духовному единству. Причем эта акция должна быть осуществлена с учетом особенностей каждого из тюркских языков. Точно так же должны быть скоординированы усилия в терминологической сфере, процессы введения в наши языки неологизмов. Все это вызывает острую необходимость во Втором тюркологическом съезде и, отдавая должное традициям, справедливо было бы созвать его в Баку – в сердце тюркского мира. Возможно, результатом Съезда было бы решение не только вышеупомянутых вопросов, но и создание какого-то постоянного органа. Я вижу этот орган как «Тюркское ЮНЕСКО» – организация, занимающаяся гуманитарными проблемами тюркских народов, их историей, искусством, памятниками культуры, архитектурой. Она могла бы субсидироваться всеми независимыми странами в твердой и даже не очень твердой валюте[1].

Ассоциация «Огуз Эли», учрежденная творческими союзами Азербайджана и уже выпустившая несколько номеров своей одноименной газеты, и задумывалась, по существу, как прообраз такой общетюркской гуманитарно-культурной организации. Но скудные материальные возможности, отсутствие помещения (хотя оно и обещается городскими властями), отсутствие технической базы (не говоря уже о своей типографии, Ассоциация не располагает

[1] Позже эта идея воплотилась с созданием организации «Тюркcой».

компьютерами, ксерокопирующими машинами, современными средствами связи – телексом, факсом) не дают этой весьма перспективной Ассоциации широко развернуть свою деятельность. А ведь такой культурно-гуманитарный Тюркский Центр в масштабе исторических горизонтов мог бы преобразовать весь духовный облик огромного пространства. Облагораживаемый культурой, гуманизмом, основанный на цивилизованности, толерантности, светскости и демократических идеалах, он самим своим существованием преграждал бы поползновения любого тоталитаризма – коммунистического ли, национал-фашистского ли, теократически-фундаменталистского ли...

Уже к концу этого столетия и в начале будущего тысячелетия тюркские страны станут существенным фактором в геополитической структуре мира, и от того, каким будет менталитет этого сверхрегиона, в значительной степени зависит и проблематика, с которой столкнется огромное Евразийское пространство. Но прежде всего тюркские народы сами должны узнать друг друга лучше.

«Тюркское ЮНЕСКО» могло бы регулировать процесс образования – при наличии высшего тюркологического обучения, ни в одной тюркской стране, включая, и Турцию, нет таких специальных дисциплин, как скажем азербайджановедение, казаховедение, узбековедение и т. д.

Необходимо готовить специалистов широкого профиля (не только научных работников) – страноведов, профессионально осведомленных в истории, языке, литературе, искусстве, географии и экономике отдельных тюркских стран. Бывая в Турции, я неоднократно – на страницах прессы и в беседах – ставил вопрос об организации азербайджанского отделения на тюркологических факультетах в университетах Стамбула, Анкары, Измира и других городов, с привлечением преподавательского контингента из Баку. Наряду со

специальными дисциплинами, посвященными изучению Азербайджана, целесообразно проходить там и курсы по освоению кириллицы. Независимо от того, нравится нам тот алфавит или нет, без его знания невозможно изучить общественно-политическую жизнь Азербайджана за последние 50 с лишним лет.

В этой связи насущно необходим культурный центр Азербайджана в Турции, пункт о котором имеется в соглашениях, подписанных в январе этого года Президентами Турции и Азербайджана... Если официальное посольство Азербайджана, как и положено, будет располагаться в Анкаре, то Культурный Центр разумнее открывать в Стамбуле, в городе, в котором сосредоточен в основном, интеллектуальный потенциал страны, где находятся редакции ее наиболее влиятельных газет, большинство издательств, театров, музеев. И, думается, это должен быть не только культурный, но информационный центр, ибо в условиях информационной блокады, турецкий канал, один из главных шансов донести правду об Азербайджане, в частности, и о Карабахском конфликте до мировой общественности.

Возвращаясь к организации типа «Тюркского ЮНЕСКО», хочется отметить, что она могла бы вплотную заниматься не только проблемами образования, студенческого и преподавательского обмена, но и вопросами медицины, спорта, туристических связей, гастрольных поездок театров, музыкальных коллективов и отдельных солистов, презентаций художественных выставок, посредничеством в постановках тюркских фильмов – игровых, концертных, документально-ознакомительных.

Можно было бы составлять культурологические, просветительские программы – и не только в эфире, на телеэкране, но и, так сказать, в живом варианте – дни поэзии, чтения, посвященные классикам,

тематические концерты и выставки, научные симпозиумы, конгрессы, совместные экспедиции, к примеру, в Монголию, к Орхонским памятникам – общему достоянию, наследию всех тюркских народов. И, конечно, издание книг-сериалов: фольклор, классическая и современная литература, тематические серии – «Сокровища тюркских литератур», «Тюркское литературное наследие», «Исторический роман тюрков», «Современный тюркский рассказ», «Произведения молодых авторов», «Избранные тексты из тюркской публицистики», «Тюркская поэзия. 1500 лет», «Сказки, пословицы тюркских народов» и т.д., и т. п.

Кстати, Союз писателей Азербайджана выдвинул идею издания пятитомной Антологии азербайджанский литературы (фольклор, поэзия, проза, драматургия, критика, публицистика) на турецком языке и соответствующей пятитомной антологии турецкой литературы на азербайджанском языке[1]. При активном участии Госкомпечати республики, с привлечением сил Центра по переводам и литературным связям Союза писателей Азербайджана и в кооперации с турецкой стороной, мы могли бы в кратчайшие сроки осуществить это уникальное издание на высшем полиграфическом уровне. (Что касается полиграфического уровня, то участие турецкой стороны необходимое условие, ибо у нас, к сожалению, нет соответствующей производственной базы и технической квалификации для издания такого богато и красочно иллюстрированного многотомника).

В типографские трудности упираются и два других наших заветных желания. При Союзе писателей Азербайджана создана редакция «Энциклопедия Деда Горгуда»[2]. Эта энциклопедия, задуманная как первый и единственный в своем роде свод знаний не только о великом эпосе, но и о целом пласте нашей истории, культуры,

---

[1] Эту идею я воплотил в жизнь единолично – составил и издал в Турции антологию азербайджанской, а в Азербайджане тюркской поэзии.

[2] Воплотилась в жизнь и эта идея. В Баку издана двухтомная энциклопедия «Деде Горгуд».

географии, быта, ментальности, также неосуществима без технико-полиграфической помощи Турции. И, конечно, без такой помощи нельзя осуществить и вторую заветную мечту: издавать в Баку журнал типа «Курьер ЮНЕСКО».

Может быть, эта идея осуществима на базе полиграфических возможностей газеты «Керпю»? Хотелось бы надеяться.

Мы даже нашли хорошее, на мой взгляд, название для этого журнала: «Шелковый путь». Надо ли объяснять, что Великий Шелковый Путь, тянувшийся от Китая до Европы, проходил, в основном, по тюркским землям. Конечно, та торговая магистраль, сыгравшая неоценимую роль в истории взаимоотношений Азии и Европы, вбирало в свою орбиту не только тюркские народы. Исторически соседствуя с другими этносами – Китаем и Монголией, Россией и Кавказом, Индией и Ираном, арабскими и балканскими странами, тюркские народы обогащались культурными достижениями разных стран и сами обогащали эти страны своими духовными ценностями.

Шелковый путь в широком культурно-историческом осмыслении этого образа – не только Дорога, соединяющая Восток и Запад. Это и некая прокладка между Севером и Югом, вернее – Мост-Кёрпю, перекинутый между этими двумя частями света.

Веротерпимость тюркских народов, в подавляющем своем большинстве исповедующих ислам, стимулировало их тесные контакты с христианами, иудеями, буддистами. Уместно напомнить и то, что некоторые из тюркских народов в прошлом, и даже в настоящем, принадлежали (и принадлежат) к разным религиям – христианской (гагаузы), иудейской (караимы), буддистской, манихейской (древние уйгуры), некоторые сохранили даже свои исконные верования – шаманизм и тенгрианство.

«Шелковый путь» видится мне журналом, лишенным каких-либо изоляционистских тенденций. Журналом, раскрывающим тюркские духовные сокровища, богатство тюркской души всему остальному человечеству, а высшие культурные, философские, эстетические и нравственные достижения всех других цивилизаций – тюркским народам. Помимо исторических аллюзий в названии «Шелковый путь» мне слышится и некая мягкость, блеск и красочность, отрицающие всякую жесткость, тем более жестокость, исключающие нетерпимость, угрюмую ксенофобию, черно-белое разделение мира на своих и чужих, кичливое самодовольство.

В международный обиход вошли выражения «революция гвоздик», «бархатная революция». Путь духовной эволюции тюркских народов, путь их культурного возрождения и взаимного сближения представляется мне шелковым путем.

Это путь мира и добра, гуманизма и демократии, свободы и достоинства.

23 февраля 1992г.

АЗЕРБАЙДЖАН: ХОТИМ МИРА!

Я читаю прессу регулярно: русские писатели считают, что больше всего не повезло русскому народу. Наверное, в этом есть большой резон, но мы, азербайджанцы, считаем, что нам тоже очень не повезло.

Я не из тех нигилистов, которые отрицают весь период советской власти, – много было достижений и в экономике, и в культуре. Я хочу сказать лишь о тех вехах подавления национального самосознания, которого, быть может, ни один народ в Советском Союзе не испытал в такой мере, как азербайджанский. Я не говорю об экологии, о разбойничьем отношении к недрам земли... Ответьте мне: какой народ в течение десяти лет трижды менял свой алфавит? Чтобы было более понятно, представьте себе: вдруг Россия решает переходить на латинский алфавит, отбрасывая всю свою многовековую культуру, всю свою периодику, историю. Переходит на латиницу, изучает ее, осваивает. Через десять лет русскому народу говорят, что надо перейти на арабский алфавит...

Вот такая трагедия произошла в Азербайджане в 1929 году. Азербайджанский народ – не младописьменный народ; его памятники датируются тысячелетиями. И все это тысячелетнее наследие было отброшено с переходом на латинский алфавит. Еще через десять лет переходим на кириллицу. Как бы почувствовал себя русский интеллигент, писатель, если бы ему вдруг объявили, что «Слово о полку Игореве» – а в этом эпосе выражен весь этнический потенциал народа – осужден и запрещен?! Именно такое произошло с великим азербайджанским эпосом «Деде Горгуд».

В нашем Союзе писателей есть доска в память азербайджанских писателей, репрессированных в 1937 году. Их 27 человек – это почти половина всего тогдашнего состава СП Азербайджана...

Или возьмем наш праздник Новруз – это весенний праздник, земледельческий. 22 марта те, кто в ссоре, мирились друг с другом, очищали свои жилища... Словом, ничего, кроме добрых, светлых чувств, в Новрузе нет. А было ведь запрещено даже его упоминание.

Согласимся, то был сталинский период, период культа личности. Сейчас эпоха перестройки, эпоха радужных надежд. А что мы от нее имеем? Карабахскую проблему? 200 тысяч изгнанных самым жестоким, бесчеловечным образом из собственных домов азербайджанцев? Кладбище шахидов (мучеников) – 130 с лишним могил, где похоронены ни в чем не повинные люди: азербайджанцы, русские, евреи, двенадцатилетние девочки, тринадцатилетние мальчики – никакими боевиками они не были и не могли быть...

И против всего этого, естественно, растет в душах людей протест, растет национальное самосознание.

И последнее, о чем хочу сказать: об отношении к Союзу писателей СССР. Честно говоря, мы несколько в обиде на него. Когда произошла январская трагедия, все в республике находились в шоковом состоянии (не дай Бог ни одному народу никогда пережить того, что пережили мы), и в те горькие дни мы не получили ни одного слова сочувствия, была лишь обтекаемая телеграмма от СП СССР: вообще-то насилие – это плохо, а в подтексте читалось: так вам и надо.

Поэтому обида эта – чисто моральная. Сколько людей поехало в Тбилиси, когда там разыгралась национальная трагедия? Это и наша боль, и то, что случилось в Вильнюсе – тоже наша боль. Но когда есть такая избирательность, очень обидно, и задаешь себе вопрос: как мы будем строить отношения с «большим» писательским союзом?

Сегодня СП Азербайджана – совершенно независимый союз, где присутствуют разные политические течения, мысли, но люди сотрудничают друг с другом. В этом я вижу независимость нашего СП

прежде всего. А что касается «большого» СП, я бы его ликвидировал, как, впрочем, и все республиканские, все организации – «Апрель» и прочие, а на высвободившиеся деньги создал бы несколько изданий, еще несколько журналов, вокруг которых группировались бы писатели разных течений. Ведь литература всегда создавалась вокруг журналов, а не вокруг бюрократического аппарата...

Газета «День» 17 августа 1991 года.

ИМЯ ЯЗЫКА НАШЕГО

Милли Меджлису Азербайджанской Республики

Уважаемые депутаты, члены Милли Меджлиса!

Идущие в последнее время разговоры, связанные с самоназванием родного языка и выдвигаемые предложения побуждают и меня высказать свое отношение к этому вопросу. Оговорюсь, что сейчас не время поднимать этот вопрос – есть более актуальные и наболевшие проблемы, требующие решения. Но поскольку этот вопрос стал объектом дебатов, то прошу учесть и мое мнение.

Речь идет о том, как называться нашему государственному языку.

В некоторых случаях название страны и языка однородны: Франция – французский, Италия – итальянский[1] и т. д. В иных же случаях такого соответствия нет. Например, государственный язык США и Австралии – английский, Мексики, Аргентины – испанский, Бразилии – португальский, Австрии – немецкий, Египта, Ирака, Судана – арабский и т. д. и т. п.

Как же должен именоваться государственный язык Азербайджана? На этот счет существуют различные суждения и мнения. Некоторые предлагают называть наш язык, по многовековой традиции «TÜRK DİLİ» (в оригинале это определение звучит идентично с понятием «турецкий язык» – Ред.), другие – как он называется с 1936 года, «AZƏRBAYCAN DİLİ» («азербайджанский язык» – Ред.). Приверженцы обоих предложений резко выступают друг против друга, не останавливаясь даже перед политическими обвинениями. Думается, поддаваться эмоциям, клеймить друг друга, ставить под сомнение намерение оппонента – неверный путь. Самый верный путь – научная,

[1] В оригинале обращения автор называет в этом ряду немецкий и русский языки, по-азербайджански идентичные с названиями стран. (Ред.).

историческая корректность и соблюдение полной объективности, если мы будем опираться на научные, исторические аргументы и учитывать сегодняшнюю реальность, то самое точное название, по-моему, таково: «AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ». В этом словосочетании оба определения, по моему мнению, чрезвычайно важны.

Сперва несколько слов об определении (TÜRK) – составной части этого словосочетания. Нет нужды особо доказывать, что наш родной язык на протяжении веков именовался «TÜRK DİLİ». Это вопрос настолько очевидный и опирается на столько исторических документов и текстов, что здесь я ограничусь лишь несколькими фактами: все наши классики, начиная от Низами, Хагани, Насими и далее, осознавали наш язык именно как «TÜRK DİLİ», и такое искусственное название, как «Azərbaycan dili» им и в голову не приходило. Современники Шах Исмаила Хатаи отмечают, что он писал стихи на «TÜRK DİLİ». Физули говорил о трудности стихотворства на «TÜRK DİLİ», брал на себе миссию творческого разрешения этой задачи и успешно решал ее.

Мирза Фатали, Гасанбек Зардаби, Сеид Азим Ширвани, Сабир, Джалил Мамедкулизаде, Абдуррагимбек Ахвердиев, Фиридунбек Кочарли, Гусейн Джавид, Ю.В.Чеменземинли именовали язык, на котором создавали превосходные творения – «TÜRK DİLİ». Парламент первой независимой Азербайджанской Республики, созданный в мае 1918 года, принял наш государственный язык как «türk dili». Эта позиция не менялась, и на первых порах советского режима. Первый глава правительства Советского Азербайджана, писатель и публицист Нариман Нариманов писал: «ТЮРКСКИЙ ЯЗЫК» («türk dili» – Ред.) является государственным языком Азербайджана, и он должен полностью воспользоваться правами и преимуществами этого языка. Азербайджан не может поступиться родной речью. И никому не

позволит принижать этот язык. Пусть это хорошо знают все, кто под разными предлогами выступают против тюркского языка».

Вплоть до конца тридцатых годов – когда по одной сталинской реплике понятие «TÜRK DİLİ» было заменено на «AZƏRBAYCAN DİLİ» – наш родной язык именовался «TÜRK DİLİ», Театр наш назывался «ТЮРКСКИМ ТЕАТРОМ», говорилось и писалось: ТЮРКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ТЮРКСКАЯ ПЕЧАТЬ, ТЮРКСКАЯ ШКОЛА, издавались ТЮРКСКО-РУССКИЕ и РУССКО-ТЮРКСКИЕ словари.

А после 1936 года при употреблении «TÜRK» в любом историческом тексте, документе нам приходилось в скобках давать пояснение «АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ».

Что ж, нам и теперь, когда и сталинские мощи истлели, и независимость мы обрели, взяв в свои руки, став хозяевами не вымышленной, а истинной истории своей, – всякий раз встречая слово «TÜRK», сопровождать его заскобленным «АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ»?

Если уж мы отрицаем, что наш язык – это «TÜRK DİLİ», тогда нам придется принять, что Физули, М.П.Вагиф, Мирза Фатали, Зардаби, Сабир, Мирза Джалил писали не на нашем языке. Или – мы должны сказать, мол, эти гении не знали верного названия родного языка, и ошибочно называли его «TÜRK DİLİ». Абсурд? Конечно же!

Таким образом, сохранение определения «türk» в названии нашего языка правомерно, важно и необходимо с научной, исторической точки зрения. Но это лишь один аспект вопроса. Есть и другая сторона, и при невнимании к ней, наше заключение вновь будет половинчатым и поспешным. Дело в том, что вопрос о названии нашего языка поднимался и три года тому назад. В ту пору, когда было принято поспешное постановление о категоричном именовании нашего языка, как «türk dili», мы выразили свой протест. В ответ на вопрос

корреспондента «Адабият газети» Бахтияр Вагабзаде сказал: «Милли Меджлис допустил поспешность. Решил этот серьезный вопрос без подготовки. Что касается моего мнения, то нашу нацию надо бы именовать «AZƏRBAYCAN TÜRKLƏRİ» («азербайджанские тюрки» – Ред.), а язык – «AZƏRBAYCAN TÜRKCƏSİ» («азербайджано-тюркский» – Ред.). В том же номере газеты на соответствующий вопрос отвечал и я: «До тридцатых годов наш язык именовали «TÜRK DİLİ», а литературу – «TÜRK ƏDƏBİYYATI», нашу нацию «ТЮРКАМИ». Потому восстановление этого слова исторически справедливо. Но это – одна сторона вопроса. Вторая – та, что сегодня, говоря о «TÜRK ƏDƏBİYYATI», мы подразумеваем... литературу Турции на турецком языке. Потому было бы вернее называть наш язык «AZƏRBAYCAN TÜRKCƏSİ» или «AZƏRİ TÜRKCƏSİ». Пусть в Конституции напишется так; государственный ЯЗЫК АЗЕРБАЙДЖАНА – АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК. Или «АЗЕРИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ». (*«Адабият газети», 8 января 1993г.)*

Так как этот вопрос поднят вновь теперь, по прошествии трех лет, я вынужден повторить и несколько шире раскрыть свои суждения. Неоспоримая истина – то, что собственно ТУРЕЦКИЙ и АЗЕРИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ – возникшие из одних и тех же истоков, на протяжении веков расходившиеся лишь мизерными различиями, и поныне очень близкие языки. Близкие, но не тождественные. И различия между ними, порой приводящие к комическим недоразумениям, блестяще и образно отражены в таких неувядаемых произведениях нашего искусства, как «Книга матери моей», «Не та, так эта», «Севиль». В отличие от азербайджано-турецкого, литературный язык собственно в Турции был известен как «османский».

Пять лет спустя после объявления государственным языком Азербайджана «TÜRK DİLİ» («турецкого языка») в 1918 году,

государственный язык Турции также был поименован «ТУРЕЦКИМ ЯЗЫКОМ», а определение «ОСМАНСКИЙ» отошло в историю. Впоследствии, по милости сталинской политики, нам и туркестанским республикам пришлось отказаться от определения – этнонима «ТЮРК», и во всем мире современный «ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК» стал пониматься как именно самоприсущий язык Турции. Сами турки в Турции, учитывая наши языковые различия, стали употреблять определение «AZƏRİ TÜRKCƏSİ» («азерийский турецкий»). Наш язык даже был прозван «наречием».

Я решительно возражал против этого, и здесь, и в Турции.

Ведь что значит наречие? На наречии можно говорить в определенных регионах, либо же в домах, на улицах, на базарах. Литературный язык негоже считать наречием. «Диалектом» какого же литературного языка является наша родная речь? Турецкого, на котором говорят в Турции? По этой причине выходит, что нормативный литературный язык – ТУРЕЦКИЙ в Турции, а наша азерийская литература – лишь провинциальный вариант, созданный на диалекте. Литературный язык, на котором творили Вагиф, Мирза Фатали, Сабир, Мирза Джалил не может принять сей «диалектный» статус.

Приводят и другой аргумент – дескать, все турецкие языки суть наречия (диалекты). Спрашивается, что же, тогда и ТУРЕЦКИЙ (в Турции) – наречие? Конечно, нет. Почему же в таком случае АЗЕРИЙСКИЙ, ТУРКМЕНСКИЙ или УЗБЕКСКИЙ, ТАТАРСКИЙ, УЙГУРСКИЙ, КАЗАХСКИЙ ЯЗЫКИ должны низводиться в наречия?

Есть общая славянская группа языков, но в составе ее ПОЛЬСКИЙ фигурирует не как наречие, а как самостоятельный язык. Точно так же – и русский, и чешский, и болгарский, и украинский. Поэтому и азербайджано-турецкий никак не может именоваться наречием. Это – автономный язык. Верно, что ближайшие друг другу среди тюркских

языков – турецкий в Азербайджане и турецкий в Турции. В средние века наши языковые различия были незначительны. Нет существенных различий между языком Юнуса Имре и Хатаи, Пир Султана Абдала и Гурбани, Вагифа и Гараджаоглана. И поныне в селениях Восточной Анатолии говорят на языке, мало чем отличающимся от азерийско-турецкого.

Речь идет о значительном расхождении наших языков в последние два столетия и, в особенности, после тридцатых годов двадцатого столетия. Исследование причин этого процесса – тема отдельного разговора.

Речь идет о том, что, сколь ни близки азерийско-турецкий и собственно турецкий, языки официальных документов, терминов, книг, прессы, телевидения и радиовещания, – не идентичны. В таком случае два данных языка не могут именоваться единым названием. Именно исходя из этой логики, мы в свое время возражали против именования нашего, однозначно, без учета сегодняшней реальности, государственного языка «ТУРЕЦКИМ». Я писал в «Адабият газети»:

«Не надо создавать путаницы. Например, если мы сейчас станем употреблять только лишь определение «türk», сообразно решению Меджлиса, то завтра, при выходе книги с названием «Türk dili» возникает вопрос: «Это какой же турецкий – тот, который относится к Турции, или тот, который употребляется в Азербайджане? « Завтрашним университетским студентам, идущим на занятия по турецкому языку, придется уточнять, какой же язык они изучают – турецкий в Турции или турецкий в Азербайджане. Я уже не говорю о том, что азербайджанско-турецкий словарь придется окрестить таким абсурдным названием, как «турецко-турецкий». *«Адабият газети», 8 января 1993г.*

К сожалению, тогда наш голос не был услышан. А сегодня мы наблюдаем полярно противоположное, и вновь опасаемся не быть

услышанными. Как тогда я возражал против изъятия определения «АЗЕРБАЙДЖАН» из формулировки «Азербайджан турк дили», так и сейчас протестую против изъятия определения «TÜRK» из той же формулировки. Когда при советской системе тюркские народы были вынуждены отказаться от слова – определения «TÜRK», то за Турцией была монополия на понятие «ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК». Ныне в этой стране, дабы отличать ее государственный язык от других тюркских языков, все чаще употребляется понятие «TÜRKİYƏ TÜRKCƏSİ» («турецкий (в) Турции»). И если возможно «Türkiya türkcəsi», то почему бы не быть «Azərbaycan türkcəsi» или «Azəri türkcəsi»?

Иногда выдвигают такой довод, что не может быть названия языка, состоящего из двух определительных слов, дескать, и аналогов в мире нет. Во-первых, заметим, что аналогия – еще не доказательство. Во-вторых, и аналоги есть. Разве БЕЛОРУССКИЙ не является таким двусоставным определением? Есть ГРЕКО-РОМАНСКИЙ ЯЗЫК, и КАРА-КАЛПАКСКИЙ и КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ. А самый сходный пример – КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ язык. Известно, что обоюдно принадлежа к тюркской системе, язык многострадальных крымских татар отличен от языка татар казанских. Потому как государственный язык Татарстана именуется собственно «ТАТАРСКИМ», в случае с крымскими татарами к названию их языка добавляется эпитет, обозначающий их родину.

Учитывая все это, – и принцип историзма, и научную корректность, и сегодняшнюю реальность, мы считаем необходимым сформулировать название нашего языка двусоставным определением, настаиваем на сохранении понятий «Азербайджан» и «türk» в этом названии. То есть, НАШ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК – «AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ» (азербайджано-тюркский язык).

Соответственно, изучаемая дисциплина и учебники – AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ dərsi, AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ dərsliyi.

Конечно, за исключением официальных документов, в прессе, на телевидении и радио могут употребляться и понятия «AZƏRBAYCAN TÜRKCƏSİ», «AZƏRİ TÜRKCƏSİ» «AZƏRİ TÜRK DİLİ». Быть может, до официального утверждения, узаконения этого названия (как мы оговорились выше, не стоит пороть горячку, может, и вовсе не время заниматься этим вопросом), надо допустить в обиход эти формулировки. Какая из них окажется более приемлемой в произношении и на слух, какая более заслужит «права гражданства», ту можно будет в дальнейшем узаконить. Во всяком случае, не будем спешить с окончательным вердиктом, чтобы через несколько лет не пришлось его менять.

Уважаемые депутаты, члены Милли Меджлиса!

Мне хотелось привлечь ваше внимание к этому вопросу. Если даже вы не учтете высказанное мнение, утешусь хотя бы тем, что исполнил долг писателя перед историей нашего народа, высказав и обосновав свою позицию в связи с этим вопросом.

С глубоким уважением,

АНАР

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Газета «Гюнай» 10 июня 1995г.

*** * ***

«Мы 200 лет жили рядом с Россией, и за эти годы в азербайджанский язык вошло от силы пять-шесть русских слов (имеются в виду чисто русские слова или словосочетания, к примеру, колхоз, совхоз, комсомол и т.д., а не интернациональные понятия, как радио, футбол и т.п. – А.) а за 10 лет независимости наш язык

пополнился куда большим количеством английских и прочих европейских слов (все эти маркеты, шопинги, имиджи, менталитеты, блокбастеры и пр. – А.) – и я не думаю что это очень хорошо» – сказал Председатель Союза писателей, депутат Милли Меджлиса, Народный писатель Анар. По его словам, очень скоро на рассмотрение парламента будет представлен проект закона «О развитии и защите азербайджанского языка». Смысл заложен в самом названии документа. Усиление позиций азербайджанского языка не следует рассматривать как наступление на русский – отметил писатель. «То, что делается сегодня в Азербайджане, – это робкая попытка защитить свой собственный государственный язык», – подчеркнул Анар. Писатель указал на то, что в стране по-прежнему действует огромное количество русских школ и вузов, печатаются русские газеты и журналы – в частности, журнал «Литературный Азербайджан», как и прежде выходит на русском языке, идут теле- и радиопередачи для русскоязычного населения республики, функционирует Русский драматический театр. Что же до обвинений в дискриминации, то Анар счел их несостоятельными. При этом он указал на недавно принятый в России Закон «О гражданстве», в котором знание государственного языка декларируется как обязательное для всех граждан страны

Опубликовано в «Независимой газете» (30 апреля 2002г.) под провокационным заголовком: «Говоришь по-русски – будешь наказан. В Азербайджане активно взялись за внедрение национального языка».

Парламент продолжил вчера обсуждение законопроекта «Об использовании и охране азербайджанского языка» во втором чтении. Конкретные предложения по документу практически совпадают с теми, которые выдвинуты на прошлом заседании парламента 3 мая. Общее мнение сводится к тому, что знание государственного языка должно быть обязательным условием для государственных служащих.

Законопроект требует знания государственного языка «в совершенстве», однако некоторые парламентарии считают целесообразным изъять из документа этот термин.

Тем не менее, противодействие принятию данного законопроекта оказывается до сих пор. Об этом заявил также председатель парламентской комиссии по культуре Анар Рзаев, выразив недоумение в связи с тем, что шаги по охране государственного языка наталкиваются на открытое и латентное сопротивление. Парламентарий высказался за принятие законопроекта без оглядок по сторонам. По его мнению, карабахская проблема в свое время разрослась таким же образом – все молчали, не предпринимая профилактических мер, думая о том, как отреагируют на это те или иные инстанции.

«Продолжается обсуждения законопроекта о языке. Вместе с тем не прекращаются попытки воспрепятствовать принятию этого документа».

Газета «Зеркало» 8 мая 2002 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДАЛЮ

Весьма актуально, что текущий год объявлен в России Годом русского языка. И вот на какие размышления потянула меня эта неиссякаемая тема.

Я уже неоднократно говорил о том, что и в сегодняшнем независимом Азербайджане русский язык нам не просто нужен, а необходим. Нет смысла скрывать тот простой факт, что очень небольшой процент мировой литературы, как художественной, так и специальной, переведен на азербайджанский язык, в то время как все это существует в переводах на русский. Ведь помимо богатейшей русской литературы, которая по праву занимает одно из ведущих мест в мире, именно русский язык дал нам Гомера, Шекспира, Данте, Бальзака. И сегодня подключение к мировой культуре у нас осуществляется именно через русский язык. Без всего этого богатства мы были бы нацией обделенной, то есть народом, оторванным от культурных процессов, происходящих на планете. Иногда приходится слышать, что сегодня русский язык в республике успешно заменяется английским – возможно, это мнение справедливо в том, что касается области бизнеса, информационных технологий, рыночной экономики и т.п., тут английский действительно активизируется. Но все-таки весь тот огромный объект ценнейшей информации, которая приходит к нам через посредство русского языка – со страниц регулярной печати, через библиотеки, телевидение и т. д. – не сравним с ареалом действия английского. Ну и, кроме того, миллионы азербайджанцев (как, например, я сам) не владеют ни английским, ни французским, ни немецким, но все знают русский. Поэтому я считаю, что в обозримом будущем – лет 50, а может и больше – русский язык нам будет по-прежнему необходим.

Правда, сегодня существует реальная опасность засорения языка (как русского, так и азербайджанского), иностранными словами. В свое время именно по моей инициативе как Председателя Комиссии по культуре в Милли Меджлисе, был принят закон о языке. И сейчас меня очень беспокоит то, что с ним происходит. Приведу простой пример: за годы нашего совместного «проживания» с Россией – а это почти два столетия – в азербайджанский язык вошло с десяток чисто русских слов (я не говорю сейчас о словах интернациональных), а вот за недолгие последние годы наш язык оказался до предела засорен всевозможными «мессажами», «блокбастерами», «имиджмейкерством», «пиаром» и т. д. Но, как я уже говорил, эта общая беда: то же происходит сегодня и с «великим и могучим». Если вы не знаете английского, то не поймете и половины из того, что пишется в современной русской прессе. Так что сегодня, читая на русском, приходится иметь под рукой не словарь Даля или Ожегова, а словарь иностранных слов.

Как-то в Баку приезжала моя давняя и добрая знакомая, замечательный литератор Людмила Евгеньевна Лаврова, принявшая участие на нашем писательском съезде. Во время пребывания в Баку она перечитала последние номера «Литературного Азербайджана» и по прочтении высказала такое мнение, что у нас замечательные прозаики и поэты, но по языку все они очень уж отстали от «современного» русского языка. Но если под современным русским языком подразумевается тот сленг, который мы видим в газетах и слышим на ТВ, то славу Богу, что русский язык наших писателей ближе к языку Тургенева, а не некоторых современных литераторов. Что касается нашей русскоязычной литературы, то у нее давняя история. Союз писателей всегда уделял ей достаточное внимание. Литература на русском языке в Азербайджане существует и развивается и сегодня. Даже в тот период, когда у нас были натянутые отношения с Россией, я

сделал все, чтобы сохранить «Литературный Азербайджан», пусть даже с мизерным тиражом. Сегодня журнал активно работает (тираж увеличился во много раз), на его страницах появляются все новые имена. Кстати, приток русскоязычных авторов в последние годы превзошел показатели прежних лет. Имея в виду этот фактор, мы два года назад организовали еще одно русскоязычное издание Союза писателей Азербайджана – ежемесячную газету «Мир литературы».

Газета «Азербайджанский Конгресс». Май 2007 г.

ШИНЕЛЬ ГОГОЛЯ И КАЛОШИ СУСЛОВА

Так не хотелось мне писать эту статью. Не хотелось мараться, но видимо наша гнетущая, мрачная, грязная и лживая действительность заставляет порой заниматься и деятельностью ассенизатора. За последние годы набралась у меня целая папка публицистических упражнений товарища-господина Андрея Нуйкина, но вынужденный хранить всю эту литературу, я брезгливо отворачивался, не решаясь копаться в дурно пахнущей кучке, которую оставлял на страницах газет этот не в меру плодовитый автор. Да и другие представители нашей интеллигенции оставляли без ответа Арараты лжи, которые за такой короткий срок сумел нагромоздить Нуйкин. Последней каплей, переполнившей чащу терпения, стал очередной его перл азербайджанофобии «Бросок на север». Конечно, писания этого активнейшего разжигателя межнациональной розни, тянут не на литературную полемику, а на прямое обращение к правоохранительным органам. Общественность Азербайджана, наш Парламент и Союз писателей не раз требовал привлечь к ответственности Нуйкина за оскорбление национального достоинства азербайджанского народа, преднамеренное, злоумышленное искажение фактов («Известия» 21.X. 91г.). «Карабахский дневник», «Запланированная кровь», «С тобой одной крови» и другие столь же замешанные на крови опусы Нуйкина по всем законам цивилизованного мира содержат в себе состав уголовного преступления, на что, кстати, обратили внимание не только в «оскорбленном» Азербайджане. И можно понять члена экспертной группы по Азербайджану от Комитета социальной защиты международного общества прав человека М.Н.Ростовцеву, которая в обращении в Прокуратуру тогда еще существовавшего СССР, с отчаянием писала: «То, что Нуйкин называет азербайджанский народ

палачом, это тем более оскорбительно для нас, русских, ибо от нашего имени наносится это оскорбление» («Бакинский рабочий» от 6 августа 1991 г). Но, очевидно, Нуйкин прочно застрахован индульгенцией, что и придает ему дополнительную уверенность в подстрекательской деятельности. Азербайджаноненавистничество Нуйкина получило и получает отпор со стороны других авторитетных представителей интеллигенции. Я имею в виду, в частности, четкую, взвешенную, хотя и далеко не адекватную оценку «Карабахского дневника» в заметке Михаила Баткина «Традиция или фобия» (газета «Демократическая Россия» 3. IX. 91г.)

Нет ни одной статьи т. г. Нуйкина за последние годы, где он так или иначе не облил бы грязью азербайджанцев, в самых непотребных выражениях. Мне хотелось бы выяснить сперва, для себя лично, чем же так не угодил Нуйкину мой народ, откуда эта клокочущая ненависть к целой нации, заметьте, не к отдельным личностям, группам, властям, интеллигенции, а ко всей нации вообще. Из его пасквилей можно сделать лишь одно заключение: Нуйкин очень любит, ну просто невозможно сильно любит армян. Что ж прекрасно, когда представитель одного народа так пылко влюблен в другой, но разве самая пылкая любовь к одной нации обязательно предполагает лютую, оголтелую, прямо-таки патологическую, граничащую с манией, ненависть к другой нации, соседу любимой, хоть и находящейся ныне с ней, любимой, в конфликте. И разве любовь, симпатии к одним должна неизбежно сочетаться с нравственной слепотой и глухотой к боли других и к доводам, фактам, аргументам, документальным свидетельствам противоположной стороны? А где же так часто декларируемая верность истине, принципам демократии, да и просто цивилизованного отношения к действительному положению вещей, к подлинным, а не выдуманным проблемам? В связи с этим я почему-то вспоминаю

Достоевского, хотя отлично осознаю: само это противопоставление Достоевского Нуйкину кощунственно, как по масштабам личности, так и по шкале отстаиваемых тем и другим духовных ценностей. Тут уж впору вспоминать не Достоевского, а одного из его героев. Смердякова, скажем.

И все же Достоевский вспомнился не зря. Великий мученик истины и справедливости, терзаемый глубокими внутренними противоречиями, результатом которых были порой не очень лицеприятные оценки других племен, все же, в итоговых размышлениях превыше всего ставил истину. Выше всего, даже собственного народа, надо полагать, не менее любимого им, чем Нуйкиным армян. И потому боль Достоевского была искренней, вызванной подлинным состраданием к «оскорбленным и униженным». Причина, думается, именно в этом – Достоевский вышел из «Шинели» Гоголя, а бывший сотрудник «Правды» товарищ Нуйкин из калош Суслова (приоритет такого определения принадлежит не мне).

Нуйкин трогательно признается, что ему все недосуг заняться переизданием своих старых работ, предварительно, разумеется, «исправить», «подновить» их – ведь «в те времена приходилось судорожно приспосабливать написанное к той «марксистской» эстетике («Книжное обозрение» №12. 1991). Теперь «приспосабливающийся» Нуйкин пытается выйти из калош Суслова, чтобы вновь сесть в калошу – на этот раз в калошу «демократическую».

Нуйкин провозглашает: «Я сам – атеист, поэтому не считаю возможным оперировать религиозными аргументами». Отметим ради справедливости, что в наши дни, когда большинство бывших коммунистов в одночасье стали жутко религиозными, такое заявление нужно должным образом оценить. Но разве нельзя, будучи атеистом, хранить верность понятиям, которые Нуйкин в том же интервью

(«Книжное обозрение» №12. 1991г.) берет в кавычки – «совесть», «милосердие», «сострадание», «достоинство». И как же любое из этих понятий сочетается для Нуйкина с чисто фашистским принципом разделения народов на палачей и жертв. И это верность «общечеловеческим ценностям»? Да грош цена этим ценностям, если один из народов, составляющих часть человечества, ставится в положения пария, изгоя, выводится за пределы этого самого человечества. Не может же палач быть приобщен к общечеловеческим ценностям? Так что ату их азербайджанцев. Не знаю только, носили ли Геббельс и Розенберг калоши?

Стреляют не только ружья и автоматы. Стреляют и перья, тем более опасны – отравленные. Догадывается ли Нуйкин сколько крови – азербайджанской и армянской – пролил лично он, своими кровожадными статьями. Или атеисты не боятся ничего – ни суда небесного, ни земного, ни духовного возмездия? Не хочется лишний раз тиражировать все те мерзости, которые наплел Нуйкин по поводу якобы какой-то изощренной жестокости азербайджанцев. Верит ли сам Нуйкин всем тем нелепым «фактам», которыми его услужливо снабжают? В каких голливудских видеоужасах насмотрелся он на те чудовищные, садистские преступления, которые так лихо приписывает азербайджанцам? Или это плод собственного воспаленного воображения? Конечно, жестокость на войне не исключение. Но разве она присуща только одной, ненавидимой Нуйкиным стороне? Можно было бы представить кипу документально подтвержденных, зафиксированных на кино- и фотопленках актов жестокости по отношению к мирным жителям –азербайджанцам – старикам, женщинам, детям. Можно было бы вспомнить душераздирающие факты: безжалостно уничтоженный со всем своим населением азербайджанский город Ходжалы, стертое с лица земли азербайджанское селение

Баганисайрум. Не буду этого делать по трем причинам. Первая – эти факты давно известны мировой общественности, вторая, и основная – нагнетанием страстей, эмоций, ненависти не следует заниматься людям, взявшимся за перо, наоборот, необходимо стараться к умиротворению, к поискам путей взаимопонимания. И хотя в моей душе, как и в душе любого азербайджанца, накопилось немало горьких обид, я никогда не позволю себе, хоть каким-то оборотом речи обидеть и оскорбить другой народ. Жестокость может быть присуща отдельным людям, а не целым народам. Третья же причина не предоставления Нуйкину других, подлинных фактов, заключается в том, что ему это и не нужно. У него совершенно другая, четкая задача: по возможности больше замарать азербайджанцев, авось не отмоются.

Но все же в чем причины такой озлобленности? Самым мягким из предположений была бы полная, исключающая какое-либо соприкосновение с реальными фактами – ангажированность.

Просто диву даешься, читая Нуйкина. В печально известном «Карабахском дневнике» он сокрушается по поводу того, что в состав азербайджанской (заметьте – азербайджанской) делегации был включен представитель Азербайджана. Его, представителя республики, ведущего переговоры на территории своей родины, Нуйкин называет незваным гостем. Кто его должен был звать на свою же родину? Кто полномочен включать или не включать его в состав собственной делегации? Уж не прерогатива ли это господина–товарища Нуйкина? И тут же Нуйкин сообщает, что «карабхацы оказали мне великую честь, включив в свою делегацию для переговоров в Степанакерте». Конечно в этих переговорах «абориген» Нагорного Карабаха Нуйкин – гость желанный, азербайджанский представитель – незванный. Кстати, сам этот факт, столь «простодушно» выданный Нуйкиным, разъясняет многое, а

именно: какие силы завербованы в движении за «самоопределение» Карабаха.

Но самая выгодная ангажированность не может служить оправданием для невежества в области истории. «Договор 1813 года о добровольном вхождении Нагорного Карабаха в состав Российского государства был заключен не на определенный срок, а на «вечные времена» – глубокомысленно изрекает Нуйкин. Откуда ему знать, что в 1813 году никакого Нагорного Карабаха не существовало и в помине, и согласно Гюлистанскому договору между воюющими странами – Россией и Персией – к России было присоединено Карабахское ханство. (Как позже по Туркменчайскому договору, к России было присоединено азербайджанское Иреванское ханство). Карабахское ханство было основано азербайджанским тюрком Панахали ханом, заложившим столицу своего ханства город Панахабад (ныне Шуша), правившим этим ханством до самой своей смерти, после чего владение его перешло в руки сына Ибрагим хана, во времена которого и был присоединен к России Карабах – как равнинный, так и нагорный. Во все исторические периоды обе географические части Карабаха составляли одно целое, вплоть до выделения, уже в советское время, Нагорного Карабаха в отдельную административную единицу в составе Азербайджана.

В Нагорно-Карабахской автономной области в течение долгих лет совместно проживали в мире и добром согласии как азербайджанцы, так и армяне, до того, как определенные силы, преследующие свои собственные, весьма далекие от самой карабахской проблемы, цели, вовлекли два народа в кровавый омут противостояния, вражды и войны. Сотни раз приведены всем известные факты – все руководящие кадры в НКАО были людьми армянской национальности – Первый и третий секретари обкома (второй – по традиции русский), Председатель исполкома и его заместители (лишь один из заместителей –

азербайджанец и этот пост –единственный руководящий, занимаемый в номенклатурной иерархии области, азербайджанцем). Выходили газеты на армянском и русском языках (но не было на азербайджанском, хотя азербайджанцы составляли четверть населения области). В Степанакерте (бывшем Ханкенди) действовал армянский театр, были педагогический институт с обучением на армянском языке, армянские школы, клубы, библиотеки, было радиовещание на армянском языке.

В Шуше – колыбели азербайджанской культуры – родине Узеира Гаджибекова и Бюльбюля, где азербайджанцы составляли абсолютное большинство, азербайджанского театра не было. Что все это значило? Дискриминацию азербайджанцев в своей же республике? Да нет, не дискриминация, а геноцид. Но геноцид армянского народа со стороны Азербайджана. По Нуйкину, конечно (см. «Книжное обозрение» №12, 1991). Что Нуйкину до реальных фактов, да в гробу он их видел – эти факты (как, впрочем, и азербайджанцев). Хотя буквально за считанные дни были изгнаны ВСЕ азербайджанцы Нагорного Карабаха – около 40 тысяч человек, ВСЕ 200 тысяч азербайджанцев, испокон веков живущих на территории нынешней Армении, и все население (вот уж где пригодились бы нуйкинские глобальные определения) семи азербайджанских районов, находящихся за пределами бывшего НКАО и оккупированных ныне армянскими войсками. В результате этого, сегодня на территории Азербайджана в нечеловечески трудных условиях ютится миллион беженцев – переселенцев на своей собственной родной земле. Не буду распространяться по поводу того, как, каким образом, в каких условиях и какими методами была изгнаны эти люди, и сколько при этом погибло: соблюдаю свое собственное табу – не нагнетать эмоции, замечу только, что вполне справедливый вопрос Нуйкина: «Дает ли суверенитет право на истребление и депортацию

тысячи людей иной нации, иной религии? « – направлен явно не по адресу. Да и цифры не те – не тысячи, а миллион…

Нуйкин – человек двойных стандартов. Выступая якобы за самоопределение карабахских армян, он абсолютно не хочет считаться с принципами территориальной целостности Азербайджана как суверенного государства. Совсем другое, когда дело касается Чечни. Тут Нуйкин немедленно становится рьяным поборником территориальной целостности. На глазах происходит прямо-таки поразительное сальто-мортале, когда коммунист, идеологический боец ПОЗАВЧЕРА, демократ, пекущийся об «общечеловеческих ценностях» ВЧЕРА, СЕГОДНЯ становится несгибаемым державником, больше всего якобы обеспокоенным проблемами российской государственности, видящим всюду угрозу исламского фундаментализма, пантюркизма? Что же будет ЗАВТРА, товарищ-господин, атеист-христианин Нуйкин? Какие еще метаморфозы своей быстро меняющейся личности продемонстрируете вы миру? Как тут не согласиться с точным диагнозом замечательного русского писателя С.П.Залыгина, что «демократы типа Нуйкина (а ныне у власти и около ее корыт), начиная по-другому, кончают все тем же бременем державности»… «Сам по себе Нуйкин бы ничего не значил, если бы он не выражал некое среднестатистическое мышление клана державных демократов», тех самых державных демократов, которые, опять же по словам Залыгина, только-только вышли из школы коммунизма, и которые, кстати говоря, Нуйкин сотоварищами прошел от «а» до «я» («Известия» 18 января 1995).

Нуйкин, конечно, умный человек, недаром на почве умелой мимикрии даже в Думу проскочил. Но уже давно известна разница между умом и мудростью. Мудрость может быть только доброй, ум же может быть не только добрым, но и злым, циничным, абсолютно беспринципным, руководящимся тем самым моральным кодексом,

который увековечен в ответе готтентота миссионеру: «добро – это когда я украду чужой скот и чужих жен, а зло – когда у меня украдут».

Маленький Азербайджан в горячечном бреду Нуйкина приобретает поистине глобальные масштабы огромной «империи зла».

Сразу после разгрома фарсового путча гэкачепистов Нуйкин задавался вопросом: «Так подавлен путч в нашей стране или это произошло только в Москве, а на окраинах, например в Азербайджане, он победил? «Тогда в галлюцинациях Азербайджан виделся Нуйкину плацдармом, где очень скоро начнут концентрироваться силы реванша, и с неотвратимостью втянут в воронку гражданской войны всю страну. («Карабахский дневник», «Известия» от 19 октября 1991г.).

Бедный, бедный Азербайджан! Неспособный решить проблему у себя на крохотной территории, он, оказывается, был способен перевернуть одну шестую часть суши. Да что там, одна шестая часть? Склонность Нуйкина к глобальным масштабам во всем, рисует ему картины планетарного апокалипсиса, угроза которого исходит – догадались, откуда же? – естественно, из Азербайджана. Утверждая, что «азербайджанские фашисты на мирных жителях оружие массового уничтожения в гигантских размерах обрушивают», Нуйкин с проницательностью гадалки предсказывает что «скоро вступит в действие и химическое оружие». Но и на этом фантазии публициста никак не угомониться. «А разве трудно предположить, что кто-то …доберется до тактического атомного оружия»?

Не знаю, право, в самом ли деле Нуйкин искренне напуган азербайджанской угрозой человечеству, или только прикидывается. На самом деле так думает, или просто ему в бредовых видениях мерещится, «что азербайджанцы, накопив с помощью обретенных нефтедолларов новую армаду танков, самолетов, пушек, ракет и наемников, обрушат ее на крохотный, держащийся из последних сил Карабах». Это

Азербайджан-то, двадцать процентов территории которого оккупировал «крохотный, держащийся из последних сил Карабах (Ведь Армения заявляет, что она не причем, с Азербайджаном воюет Карабах).

Какой здравомыслящий человек может поверить во весь этот маниакальный бред? А все это необходимо, оказывается Нуйкину для того, чтобы на нынешнем этапе своей политический мимикрии отчеканить еще одну вечную истину: «Падет Карабах – не удержаться Армении, рухнет Армения – прощай Закавказье. Утратим Закавказье – не удержимся и на Северном Кавказе. И Средней Азии мы станем не нужны, и Украине». Ну и так далее. Удивительно, что не приплел сюда и Прибалтику, да Кубу с Анголой или Руанду с Бурунди? Глобально мыслит человек, ничего не скажешь. Приближаются выборы в Думу, пора начинать разыгрывать любые карты – державно «патриотические», антиисламские, антитюркские – на каждый товар свой спрос и соответственная цена. Расчет, как нынче принято говорить, на определенный электорат.

Ведь не случайно последний (во всяком случае, последний из известных мне) опус Нуйкина имеет характерное название «Бросок на север» (отчего же Владимиру Вольфовичу не предъявить иск Нуйкины за плагиат? Впрочем, свои люди, сочтутся). И в этом опусе Нуйкин вновь мечет громы и молнии, обрушивает лавины гнева, шума и ярости на всех «кто не с нами», призывает к солидарности, с призывами «дать отпор туркам и их агентам – азербайджанцам».

Уже почти век над азербайджанским народом висит дамоклов меч обвинения в пантюркизме за вполне естественный, казалось бы, интерес и симпатии к родственным по языку, корням тюркским народам. В период «террористического правительства и преступной партийной клики» (так определяет Нуйкин режим, которому долгие годы прилежно и безропотно прислуживал), десятки тысяч азербайджанцев были

осуждены, расстреляны, умерщвлены, сосланы по обвинению в том, что они агенты Турции. Эти обвинения предъявлялись и коммунисту Н.Нариманову – первому Председателю Совнаркома Азербайджана, одному из Председателей ВЦИК, и мусаватисту Мамеду Эмину Расулзаде, лидеру первой независимой Азербайджанской Республики, просуществовавшей два года(1918-1920) и драматургу Гусейну Джавиду, сосланному в Сибирь, и расстрелянным поэтам Ахмеду Джаваду, Мушвигу, писателям Ю.В.Чеменземенли, С.Гусейну, актерам А.М.Шарифзаде, У.Раджабу, ученому Б.Чобанзаде и тысячам других. Нуйкин не разменивается на мелочи – отдельные личности, он обвиняет, по своему обыкновению чохом, весь азербайджанский народ в том, что тот агент Турции. Впрочем, никакому агенту Турции неизвестно то, что ведомо одному Нуйкину. Он посвящен в самые тайные ее – Турции – замыслы. Турция, оказывается инициатор, идеолог и тайный организатор преступной политики вытеснения армян из Карабаха. Факты? А зачем они? Сказал, как отрезал. Надо полагать, воплощая в жизнь этот самый тайный замысел Турции, на сегодняшний день изгнаны из Карабаха и не входящих в Нагорный Карабах семи азербайджанских районов, поголовно ВСЕ, повторяю, ВСЕ азербайджанцы.

Ну это так, мелочи, главное заключается в том, что таким вот странным способом азербайджанцы, турки, другие тюркоязычные народы задумали создать Великий Туран. Ох, как долговечен жупел пантюркизма, какое все же это нержавеющее оружие в руках провокаторов всех мастей.

В чем реальные признаки возрождения никогда не существовавшего в действительности «Великого Турана»? В том, что народы, родственные по языку, проявляют интерес к прошлому, к культурным, духовным ценностям друг друга? В том, что в Турции

издаются книги киргизских, татарских, туркменских, узбекских писателей, в том, что в Казахстане открыт совместный Турецко-Казахский университет», в том, что в Баку (как, кстати, и в Ереване), читают турецкие газеты, смотрят передачи турецкого телевидения? И это – угроза кому бы то ни было?

«Великомания» не в традициях азербайджанского народа. Ему достаточно своего, чужого не надо. Почему весь духовно общающийся испаноязычный мир никому не кажется футурологической угрозой? И единое культурное пространство арабских стран – отнюдь не грозит превратиться в единое имперское пространство – новую сверхдержаву, подобную былому Халифату.

Да и панславянизм, при любом отношении к его философии и мировоззренческим основам, ни у кого не вызывает геополитических опасений. И только лишь стоит тюркским народам после многолетней насильственной духовной изоляции друг от друга, попытаться восстановить какие-то экономические, культурные, информационные, научные связи, как выскакивает очередной нуйкин с воплями об угрозе пантюркизма. Криками о вымышленных территориальных притязаниях хотят отвлечь внимание от реально лелеемых территориальных вожделений.

Читаешь Нуйкина наших дней и не веришь собственным глазам. Когда это написано?

«Пока, слава Богу, суровый выбор между чумой и холерой нам жизнь еще не предложила, но предложит, если мы и дальше будем благодушно взирать, как Турция, заручившись поддержкой своего стратегического союзника США и партнеров по НАТО, входит во вкус в осуществлении совсем было забытой мечты своих предков – создание на «бесхозных землях» бывшего СССР и сегодняшней России – Великого Турана» («Бросок на север»).

Господи, Боже мой, ну когда, когда же написаны эти строки: в разгар холодной войны, в годы, когда Сталин предъявлял Турции территориальные притязания, а следователи ЧК-ГПУ-НКВД выбивали показания в своих застенках у интеллигенции, общественных и политических деятелей Азербайджана, Крыма, Узбекистана, Татарстана, Башкортостана, Казахстана, Кыргызстана, Карачая, Балкарии – признаний в том, что они агенты Турции, заговорщики, подкупленные для осуществления пантюркистских идей? Или это написано в наши дни, в году 1995-м, когда с такими – дешевыми и кровавыми одновременно – трюками покончено, казалось, раз и навсегда, когда все страны СНГ, не исключая и Россию, ищут дружбы, сотрудничества и с США, и со странами НАТО, с Турцией в том числе, да и со всеми прочими стратегическими и нестратегическим союзниками – «акулами империализма», как любили выражаться нуйкины в былые годы.

Нет, видимо, способ мышления, как и стиль, лексику аппаратчиков из службы товарища Суслова и иных служб, не так легко преодолеть. Можно выйти из шинели Гоголя, из калош Суслова вырваться значительно труднее. Во всяком случае, судя по всему, товарищ-господин Нуйкин прописан там основательно.

1 марта 1995г.

Опубликовано в газете «Эхо» и в книге
«Ночные мысли»

ОЧИЩАЮЩИЙ СТОН КЯМАНЧИ

По инициативе ОБСЕ в 2000-ом году в Швейцарии на английском, немецком и русском языках издана книга «Защита будущего. Кавказ в поисках мира». Спонсорами книги явились правительства Швейцарии, ФРГ, Австрии, Норвегии и Лихтенштейна. Инициаторами и редакторами книги являются Фраймут Дуве, полномочный представитель пресс-службы ОБСЕ, бывший в 1980-1988 годах депутатом Бундестага ФРГ и швейцарский дипломат Хайди Тальявини. Координатором русского издания является критик Наталья Иванова. По предложению инициаторов книги 26 авторов из Кавказа или связанных с кавказской проблематикой, написали тексты о своем видении будущего этого региона. В числе авторов Зазва Абзианидзе, Георгий Нижарадзе из Грузии, Грант Матевосян, Агаси Айвазян из Армении, Анатолий Приставкин, Фазиль Искандер, Нафи Джусойты, Чингиз Гусейнов из Москвы. Азербайджан представлен эссе Анара «Очищающий стон кяманчи» и статьей Мамеда Исмаила «Каким должен быть Кавказ?»

В начале несколько объяснительных слов в связи с заглавием моих заметок, ибо, по всей вероятности, не все знают значение этого экзотического слова «КЯМАНЧА».

Кяманча – это азербайджанский национальный струнно-смычковый музыкальный инструмент, на котором испокон веков исполнялась наша народная музыка и в числе исполнителей также испокон веков, были как азербайджанцы, так и армяне. Вообще в культуре, музыке, бытовых особенностях, кухне этих, увы, ныне столкнувшихся народов – много общего. Собственно говоря, и сталкиваются не народы сами по себе, а определенные силы в их среде,

при активном, хотя и невидимом участии заинтересованных кругов извне. Но об этом, как и о самой кяманче – чуть позже.

* * *

Вначале же мне – на пороге нового тысячелетия, хотелось бы оглянуться без гнева и пристрастия на свой уходящий век, в котором нам довелось родиться, жить, работать, страдать и радоваться, надеяться и терпеть разочарования. Вопреки календарям (да и календари у разных народов разные, скажем, у мусульман, буддистов другое летосчисление), но все же если за основу брать принятый человечеством христианский отсчет времени, – так вот, вопреки этому календарю XX век начался не 1 января 1901 года, а несколько позже, с революционных событий 1905 года в России, на Дальнем и Ближнем Востоке, и завершился в декабре 1991 года в Беловежской пуще распадом СССР и исчезновением так называемого социалистического лагеря, жестко противостоящего, по существу, всему остальному миру.

И вот у меня, как, наверное, у многих, такое ощущение, что век XX уже закончился, но век XXI еще не наступил и неизвестно, наступит ли он 1 января 2001 года. Лицо столетия определяют не формальные даты, а эпохальные события.

Лицо XX века определили революции, перевороты и войны. Конечно, и в предшествующие века были кровопролитные войны, грандиозные революции, но ни одна из них не оказывала такого тотального воздействия на судьбы всего человечества, как катаклизмы нашего столетия. Я выскажу мысль, которая, конечно же, может быть оспорена. Вопреки общепринятому мнению, на мой взгляд, в XX веке произошли не две мировые войны, а три. Ушли в историю войны 1914-1918 и 1939-1945 годов, оставив после себя не только ни с чем

несравнимые человеческие потери, материальные разрушения, но и руины духа, рухнувшие надежды нескольких потерянных поколений.

В настоящее же время – вот уже более полувека – идет третья мировая война: от Кореи, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, через Кашмир, Афганистан, Ближний Восток до Африки и Центральной Америки, а в последние годы она включает в свою кровавую орбиту и Балканы. И эта война, по-моему, имеет не меньше прав именоваться мировой, чем две предшествующие. Некоторые политики определяют все это как дугу нестабильности, но это слишком мягкий эвфемизм для определения кровавых столкновений, в которых погибают сотни тысяч людей, рушатся веками устоявшиеся ценности быта, взаимоотношения народов, мечты и чаяния целых изувеченных физически и духовно поколений, принесенных в жертву на алтарь ложно понимаемых политических приоритетов, неверно осознаваемых национальных и государственных интересов.

Истинные или мнимые национальные интересы – вот, видимо, наиболее точное определение причин и побудительных мотивов третьей, необъявленной мировой войны.

Если в первых двух войнах XX века сражались страны или группа стран друг с другом, то в третьей мировой войне часто противостоят друг другу этносы внутри самих стран, но все же это не гражданская война, как можно было бы определить на первый взгляд, а этнические столкновения, локальные каждая в отдельности, ограниченные пределами определенного региона, но в своей совокупности образующие зловещую картину мирового пожара.

Это как бы отдельные, автономные участки общей мировой бойни, но причины этих трагических событий в рамках границ каждого отдельного государства нередко одни и те же. Разумеется, с учетом

специфических особенностей и условий каждой страны и каждого конфликта.

Концептуальная основа этих кровавых столкновений, порой переходящих в настоящие боевые действия, в том, что очень трудно увязать два основополагающих принципа международного кодекса – принцип территориальной целостности страны, неприкосновенности ее границ – с одной стороны и стремление проживающих в этих странах национальных меньшинств к самоопределению – с другой. Оба этих принципа, безусловно, крайне важны для стабильности как вовлеченных в конфликт регионов, так и мира в целом. Любой пересмотр границ, их передел или перекройка не только губительны для данной страны, но и чреваты созданием прецедента для всех остальных государств. Цепная реакция подобных эксцессов может взорвать мир.

С другой стороны, должно быть понято стремление любой нации, большой или малой, сохранить свою самобытность, своеобразие и уникальность своей культуры, языка, экономического уклада, ментальности.

Цивилизованное, но, к сожалению, пока еще далеко нереальное решение этой донельзя сложной и болезненной проблемы – в увязке двух этих принципов. Территориальная целостность страны должна быть сохранена без всяких оговорок, но в этой единой стране национальным меньшинствам должны быть созданы все условия для полноценного морального и материального существования, для гармоничного развития своей экономики, культуры, языка в условиях широкого самоуправления. То есть тот самый идеал, который уже давно достигнут в развитых европейских странах, таких, скажем, как Швейцария. Хотя и сама сытая и благополучная Европа временами содрогается от взрывов в Ольстере или в Стране басков.

В странах с компактным проживанием национальных меньшинств закономерны автономии с самыми широкими правами и с самым высоким статусом. Именно такую форму национальной автономии для Нагорного Карабаха предлагает Азербайджан, получая в ответ неизменный отказ. Отказ, опирающийся на аргументы свершившегося факта и на заемную силу. Кстати, 200 тысяч азербайджанцев, компактно проживающих, до их поголовного изгнания, на территории Армении, и мечтать не могли о какой-либо форме автономии.

Именно с карабахского конфликта, к которому советское руководство того времени отнеслось преступно беспечно, возник прецедент, который в конце концов привел к Чечне.

Политика двойных стандартов, которой до сих пор отдается предпочтение в определенных кругах и России, и Запада, еще более усугубила проблему и создала еще одну, дополнительную новую проблему в самом общественном сознании как Азербайджана, так и Армении. В азербайджанском, по всей видимости, и в армянском обществе возникло противостояние между теми, кто относился и относится, несмотря ни на что, дружелюбно к России, уважительно к ее истории и с восхищением к ее великой культуре, и теми, кто воспринимает политику северного соседа как политику двойных стандартов и предлагает дистанцироваться от нее как можно дальше.

Будучи глубоко признательным за приглашение высказаться по поводу Кавказа и его будущего, понимая и уважая благородные цели инициаторов книги, не хотелось бы здесь более подробно излагать свою точку зрения на истоки и причины карабахского конфликта, приводить свои доводы и аргументы, – а их у меня достаточно, я, тем не менее, не мог, хотя бы в общих чертах, не коснуться проблемы, которая сегодня является самой острой проблемой и кровоточащей реальностью Азербайджана и, я думаю, и Армении. И представляю, предаваясь

фантазиям, как было бы замечательно, если бы того конфликта, как и конфликтов в Абхазии, Осетии, Чечне не было, и каким благословенным краем – раем (простите за каламбур) туризма, гостеприимства, благоденствия стал бы наш Седой Кавказ. Кавказ, процветающий в ладу всех ее населяющих больших и малых народов, в добром соседстве с сопредельными странами. Фантазии фантазиями, но ведь такое время рано или поздно непременно наступит. Хочется, чтобы оно наступило не слишком поздно. Это еще и эгоизм 63-летнего человека, мечтающего увидеть счастливое время своими собственными глазами и хоть немножечко пожить в нем на старости лет.

Мои фантастические мечты все же опираются на реалии истории. В войнах – больших и малых – победителей не бывает, ибо якобы побежденная сторона копит в себе обиду и жажду возмездия, а это залог будущей войны, результаты которой могут быть прямо противоположными. А ведь альтернативой проигрыша может быть не реванш, а согласие и взаимопонимание, мужество найти в себе силы понять другую сторону.

Европейские народы пришли к этому пониманию, умению жить в мире и согласии, экономически взаимовыгодно сотрудничая (что не исключает здоровой конкуренции в определенных областях), через трагический опыт двух больших войн. И если есть отдельные исключения, – вспомним опять же Балканы, – они лишь подтверждают необратимость самой перспективы разрешения возникающих споров невоенным путем.

Я надеюсь, что в XXI веке – в новом тысячелетии – многие страны Азиатского и Африканского континентов придут к таким же формам толерантного взаимососуществования через не менее горький опыт все еще продолжающейся третьей мировой войны в разных регионах этих огромных пространств.

И закончатся, наконец, не столетние, а тысячелетние войны государств, рас и наций.

Ведь должен же прорыв в космос – свершение XX века – стать в грядущих десятилетиях качественно более крупным скачком, более дальним прыжком в глубины Вселенной, а в этом случае он – этот качественно новый скачок человечества в глубины космоса – неизбежно должен породить в населяющих Землю разумных существах чувство единства, общности перед лицом загадок или угроз Галактики, ощущение нашей планеты, не как калейдоскопа стран, а как единого Отечества. В том случае, если мы встретимся где-то с иными формами разумного существования, мы независимо от принадлежности к разным нациям и расам обнаружим свою однородность перед лицом другой цивилизации, и это сплотит нас, как сплачивается каждый народ во время противостояния с чужой силой. А если мы все же одиноки во Вселенной, то это чувство космического одиночества должно заставить нас забыть все распри и дрязги между собой во имя нашей уникальной жизни и ее хрупкой недолговечности перед лицом Бесконечности во времени и пространстве.

Написав эти строки, я подумал о том, что иной читатель воспримет мои «космические пассажи» как уход от конкретных решений межнациональных проблем на Кавказе, как упование если не на Бога, то, по крайней мере, на «космических пришельцев» для преодоления наших реальных бед, с которыми мы сами не в состоянии справиться. Но это отнюдь не так. Просто я уверен, что прогресс науки – а он в наше время в основном связан с космическими задачами, – заставит землян жить в иных координатах, изменить сам способ мышления, основанного ныне на местечковых инстинктах.

Но еще большую надежду на решение болезненных вопросов я возлагаю на культуру. Может, это тоже плод фантазии мечтателя, но

решение многих вопросов, казалось бы, таких далеких от забот культуры, я вижу в активной роли литературы, искусства, духовной деятельности в целом. Литература, музыка в этом направлении могут сделать больше, в этом я абсолютно убежден, чем политика и дипломатия, не говоря уже об оружии. Народы не могут и не должны разговаривать друг с другом орудийными залпами, не должны ездить друг к другу на танках, жить в постоянном страхе взрывов, террористических актов, растить поколения, отравленные ненавистью, привыкшие к жестокости и насилию с детства.

Если остервенение, ненависть, мстительность – это тоже эмоциональные состояния, то ведь есть и другие эмоции – ностальгические чувства к мирному прошлому, светлые воспоминания о минувших днях дружеского общения, есть, наконец, общая память о совместно пережитом – репрессиях, экономических невзгодах, несвободе, потерях...

И здесь, в конце моих заметок, я хочу вернуться к их началу, к кяманче, и объяснить, почему я выбрал это слово и символом чего оно является.

У классика нашей литературы Джалиля Мамедкулизаде есть небольшая одноактная пьеса, которая так и называется – «Кяманча». В основе – события начала века, когда тоже происходили, правда, не в столь глобальных масштабах, азербайджано-армянские столкновения.

Вооруженный отряд азербайджанцев в горах... Вдруг кто-то замечает одиноко бредущего из одного горного села в другое старого человека. Им оказывается армянин, которого знает каждый в этих горах – он замечательный исполнитель на кяманче. Его тут же схватывают, и кто-то предлагает сразу убить – ведь идет война не на жизнь, а на смерть.

Не надо сразу обвинять азербайджанцев в излишней жестокости, по ходу текста выясняется, что у каждого из участников отряда совсем недавно убиты близкие люди – члены семьи, родственники, друзья. И неважно, что мстить будут совершенно невинному человеку, ведь и убитые родственники членов отряда тоже ни в чем не были повинны.

На казни особенно настаивает главарь отряда – крутой и суровый человек, у которого погибла вся семья. Решение принимается убить, но вдруг кто-то вспоминает, что старик изумительный музыкант-исполнитель. Предлагают, чтобы он напоследок, перед смертью, исполнил что-нибудь на кяманче, благо и инструмент при нем – старик возвращался со свадьбы.

Обреченный старик просит лишь об одном: чтобы кяманчу после его смерти отдали сыну, он и его растит музыкантом. И начинает играть.

Печальные звуки кяманчи, напоминающие человеческий стон, гулко раздаются в обезлюдевших горах, и самый жестокий человек в отряде, его глава, опаленный горем и тоской, вдруг говорит: «Прекрати, бери свою кяманчу и убирайся с моих глаз. Когда ты играешь, все былое оживает у меня в сердце, все минувшие дни... «.

Скупой на слова главарь вспоминает то блаженное время, когда не было никакой вражды между народами, когда были общие радости и горести, когда люди встречались на свадьбах. Когда не было между ними глухой стены ненависти – убийств, крови, жестокой мести. И, отпуская старика, он говорит слова, которые вроде бы и не очень соответствуют его твердому характеру: «Сейчас же уходи, иначе я убью тебя, а потом и себя».

Узнавая страшные подробности кровавых сцен карабахской беды, я всегда находил надежду, быть может, последнюю, в том, что когда-нибудь все – и армяне, и азербайджанцы – прислушаются к звукам

кяманчи, к ее грустным мелодиям, к ее стону и очистятся от всего, что мешает понимать боль и страдания друг друга.

И в этом будет залог того, что ломкий голос кяманчи заглушит наконец грохот орудий и лязг танков.

Ведь у каждого народа есть такой инструмент, способный затронуть самые сокровенные струны очерствевших сердец. У одних он может называться кяманчой, у других – чеховской «скрипкой Ротшильда».

2000 г.

P.S. В последние годы из-за отсутствия контактов я не могу знакомиться с армянской прессой, которая в 90-е годы много писала обо мне. Но вот мне попалась статья Марины Янаевой «О бедном поэте и интернете», в которой говорится о недавно созданном сайте литературного объединения русскоязычных авторов «Луч», при Союзе писателей Азербайджана. Автор пишет:

«Идея создания сайта родилась после выхода в свет нашей четвертой по счету Антологии прозы и поэзии «Очищающий стон кяманчи», названной по одноименному эссе Анара, вошедшего в книгу. Эта радостная весть пронеслась по печатным и электронным изданиям русскоязычных газет. Радостная для нас и наших друзей, но не для недоброжелателей. Набрав в поисковой системе «Очищающий стон кяманчы» с целью найти новые публикации о нас, я неожиданно обнаружила следующую информацию в армянском электронном издании «Гуманность» по-азербайджански» Елены Шуваевой-Петросян».

Как сообщает в своей статье М.Янаева, Елена Шуваева-Петросян объявляет материалы азербайджанского сайта низкопробным чтивом. «Оно-то и неудивительно – брызжет бешеной слюной Шуваева-Петросян, – в стране, не отличающейся особыми, выдающимися

талантами, либо присваивают чужое (Низами, Хагани, или даже Саят-Нова, имевший в своем репертуаре пару песен на тюркском языке и т. д.), либо возвышают то малое и низкое, но свое…»

Прервем на время низкие выводы «Прекрасной Елены» и разоблачим ее ложь, пока хотя бы в одном только этом абзаце. Оставим в покое Низами и Хагани, весь мир, кроме наших совсем уж недобросовестных противников, признает их азербайджанскими поэтами, и, они, конечно, не являются для своего народа чужими как это пыжиться доказать мадам Шуваева-Петросян. Кстати, неплохо было бы ей ознакомится с книгой Мариэтты Шагинян, посвященной азербайджанскому гению Низами Гянджеви. Что же касается Саят-Новы, то здесь все до точности наоборот. Как раз-таки, на армянском языке этот этнический армянин, написал всего несколько стихов, основу его творческого наследия составляют стихи, написанные под сильным влиянием азербайджанских ашугов на азербайджанском, отчасти на грузинском языках. С чисто расистской (то бишь фашистской) позиции Шуваева-Петросян объявляет Азербайджан страной, не отличающейся особыми, выдающимися талантами. Непонятно только, если это на самом деле так, как считает Шуваева-Петросян, то почему же армяне постоянно крадут образцы нашей музыки, «не отличающиеся особыми, выдающимися талантами» – от знаменитой оперетты Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан» до песен современных азербайджанских композиторов. Я уж не говорю о нашей народной музыке, мугамах, которые бесцеремонно цитируются в произведениях армянских сочинителей.

Шуваева-Петросян продолжает:

«Центральное место в альманахе занимает наиболее обсуждаемое, показывающее «гуманность» азербайджанского народа, эссе писателя Анара – «Очищающий стон кяманчи».

Я сейчас приведу пассажи из опуса Шуваевой-Петросян, являющиеся типичным образчиком чисто армянского метода откровенной лжи и фальсификации, на которых, по существу основана вся идеология националистических кругов соседней страны. Итак, Шуваева-Петросян продолжает:

«В основе творения – война в Карабахе. Во время ожесточенного боя отряд азербайджанских военных берет в плен группу армянских азатамартиков (Что это за азатамартики, которых и в помине нет в тексте? – А.) среди которых есть и кяманчист. Пользуясь временным затишьем, командир приказывает *расстрелять всех пленных армян* (курсив этого насквозь лживого утверждения автора мой – А.), а кяманчиста подзывает к себе и просит его сыграть перед смертью. Когда стихают последние звуки инструмента, командир азербайджанского отряда со словами «не мучай мое сердце» (? – А.), вытирая сопли, отпускает армянского кяманчиста. Такова «азербайджанская гуманность», с которой они носятся, как курица с яйцом, по пустующему полю азербайджанской литературы! И, видно, не хватает собственных мозгов, чтобы осмыслить, что в принципе – бахвалиться-то нечем».

Пришлось привести такой большой кусок этого дурно пахнущего текста, чтобы показать какими приемами лжи и фальсификации пользуются наши оппоненты, для введения в заблуждение читателей и пользователей интернета. Конечно, нельзя требовать от Петросян, чтобы она ознакомилась с замечательной, подлинно гуманной пьесой Дж.Мамедкулизаде, если она проявляет полное невежество даже в области собственной литературы, не зная, на каком языке, в основном писал Саят-Нова. Но если бы она внимательно прочла хотя бы мое эссе, перед тем как излить на бумагу всю накопившуюся желчь своей души, она попыталась бы выразить свою вражду в не столь откровенно

клеветнической форме. Ведь никакого армянского отряда в пьесе (и, естественно, в моем эссе) нет, ни в какой плен эти несуществующие в тексте так называемые азатамартики не попадают, и естественно, никто их не расстреливает, как об этом лжет Шуваева-Петросян. В пьесе и в моем обстоятельном ее пересказе, есть лишь старый кяманчист, одиноко бредущий из одного селения в другое. Он то и натыкается на отряд азербайджанцев в горах. Почти у всех в отряде, члены семей безжалостно уничтожены теми, чьим «гуманизмом» Шуваева-Петросян, по всей видимости, так гордится. И первый порыв руководителя, у которого также уничтожена вся семья, – отомстить за все это ни в чем не повинному кяманчисту. Но этот порыв сразу же заменяется желанием выслушать его исполнение. И вот при исполнении мелодий, одинаково близких обоим народам и недоступным глухим сердцам Шуваевых-Петросянов, в памяти бойцов отряда, всплывают былые дни, а суровый глава отряда, опаленный горем, приказывает старику сейчас же забрать свою кяманчу и убираться, иначе он убьет и себя и его. Да, госпожа Шуваева-Петросян – это и есть гуманизм без кавычек по-азербайджански, недоступный вашим очерствевшим от злости и ненависти сердцам. Это и есть умение прощать даже тех, кто принес тебе неисчислимые страдания и в этом залог того, чтобы народы соседи, наконец-то преодолев распри, найдут возможность жить в мире и согласии. Собственно этой идеей пропитана международная книга, изданная в Швейцарии на русском, английском и немецком языках, где первоначально и было опубликовано эссе «Очищающий стон кяманчи». Понятно, что для таких как вы, с вашей закоренелой и черствой ксенофобией, душевные переживание и милосердие главы отряда, воспринимается всего лишь как «вытирание соплей».

К вашему сведению, животворящее поле азербайджанской литературы, никогда не было и не будет засеяно ядовитыми семенами

ненависти, лжи, зависти… И наших мозгов, хронически не будет хватать для изготовления подобных ублюдочных измышлений, в которых преуспели вы и вам подобные.

Не надо далеко ходить. Пусть читатель прочтет в этой книге и мое эссе, и вашу лживую интерпретацию этого текста. Этого вполне достаточно для того, чтобы убедиться в том, каким методами пользуетесь вы и иже с вами для обмана общественности. В том числе общественности своей собственной страны.

ИЗ «НОЧНЫХ МЫСЛЕЙ»

Драма нашего поколения – шестидесятников – не в том, что мы разочаровались в советской системе и в Брежневе. Мы никогда ими и не были очарованы. Наша драма в том, что мы разочаровались в Сахарове и Солженицыне. А ведь мы так им верили…

Выяснилось же, что этнические пристрастия жены для Сахарова оказались выше чувства исторической справедливости, а Солженицын, так скрупулезно изучающий любой исторический документ, способен сплеча рубить, когда дело касается, например, проблем Нагорного Карабаха, даже толком не вникнув в них.

Я прихожу к такому заключению не потому, что именно эти вопросы больно касаются моего народа, но потому, что здесь я компетентен и осведомлен лучше, чем вышеназванные знаменитые правозащитники. И начинаешь невольно думать, если они могут ошибаться, говорить и действовать настолько необъективно там, где для меня все однозначно ясно, то такой ли уж безупречно объективной была их позиция и в других вопросах?

* * *

Настал час черни, надо жить по собственным часам. Подобное не раз происходило в истории. В 1848 году Виссарион Белинский писал: «Явилось множество маленьких великих людей и, со школьными тетрадками в руках, встали около машинки, названной ими «святая гильотина» и начали всех переделывать в римлян. Поэтам *приказали* (курсив мой. – А.) и они во имя свободы принялись воспевать республиканские добродетели, думая, что искусство должно служить обществу: мыслителям *повелели* (курсив мой. – А.) тоже во имя свободы доказывать равенство прав, а кто бы из поэтов и мыслителей, следуя свободе вдохновения или мысли, осмелился воспевать и доказывать

противное, – тем во имя свободы рубили головы. Искусство и знания погибли – нет больше развития идеи, остановлен навсегда ход ума»…

Замечательно, что так высказывается «неистовый Виссарион», сам радикал из радикалов, революционер скорее якобинского толка. И, тем не менее, он интуитивно предугадал трагические результаты репрессий даже во имя свободы, то, что еще более ярко прогнозировал в своих провидчески-гениальных «Бесах» Достоевский, напророчивший, по существу, всю русскую историю XX века.

* * *

Первая битва любой революции – битва с памятью. Исторической, культурной, нравственной, да и просто человеческой. И любая революция пытается свою собственную болезнь – склероз исторической памяти – привить всему обществу. Наша азербайджанская действительность тоже не исключение. Кто был ничем, тот стал всем и мстит тем, кто был кем-то. И модель та же – «разрушим до основания, а затем»…А что затем? Ничего. Ничего не бывает затем, после разрушения, краха, землетрясения, трясины памяти, засасывающих все былое. И начинают строить на трясине, на болоте. Болото засосет и эти нестойкие постройки.

* * *

Демократия, как сказал Черчилль, – строй, у которого множество изъянов, но лучше которого человечество пока ничего не придумало, имеет лишь то преимущество, что в час, когда ее ненавистников травят, сажают, преследуют, уничтожают в своих собственных «недемократических» странах, они находят все же политическое убежище и шанс выжить в столь ненавистных им демократических обществах.

«Первая битва любой революции – битва с памятью». Отрывки из дневниковых записей «Ночные мысли» «Литературная газета» 13 августа 1997 г.

* * *

В «Лит.газете» (20-26 декабря 2006) большая статья Александра Ципко «До полной гибели всерьез. Почему распался СССР».

Этот опус, на мой взгляд «цивилизованная» программа скинхедства, наукообразное обоснование действий бритоголовых. Уже в первом абзаце натыкаешься на странную дефиницию: «Не может Россия бросить на произвол судьбы своих детей и русский Севастополь, и русскую Одессу, русский Баку (? – А.). С каких это пор Баку стал русским? Девичья башня и Ханский дворец – это что – образцы русского зодчества? Или государство Ширваншахов, столицей которого был Баку – русское княжество?

Да, в Баку жили, слава Богу, и сейчас живут русские, дай Бог, чтобы они никуда не уезжали. Они никогда не чувствовали себя изгоями в этом городе, так же как и их никто и никогда из коренных бакинцев не считал чужими. Но означает ли это, что господин Ципко волен объявлять столицу независимого Азербайджана – русским городом, о котором именно он и должен заботиться? По этой логике автор не должен «бросать на произвол судьбы» русских, живущих в Париже или Нью-Йорке, где их гораздо больше чем в Баку.

Чаще всего автор сокрушается по поводу статьи Советской Конституции о «свободе выхода из СССР». Автор, очевидно, предпочел бы силой жестокого подавления лишить права даже мыслить о самостоятельности все народы бывшего Советского Союза. По его мнению, даже местные руководители былой эпохи – то бишь, первые секретари ЦК республик, грешили тем, что думали об интересах своих народов. Все эти настроения, по мнению автора, надо было бы выжигать

каленым железом, как это превосходно умел делать Иосиф Виссарионович, судя по всему, – идеал господина Ципко.

И он искренне сожалеет, что среди руководителей ГКЧП не нашлось достаточно сильного диктатора, этакого советского Пиночета, который взял бы на себя смелость стрелять в народ, дабы насильно возродить империю.

Из «Ночных мыслей»

Газета «Мир литературы»

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУКОВОДИТЕЛЬ БРАТСКОЙ СТРАНЫ

Нурсултану Абишевичу Назарбаеву – Президенту Казахстана исполняется 70 лет. Его качества выдающегося руководителя доказаны более чем двадцатилетней работой на посту Первого секретаря ЦК Казахстана в советское время и Президента в годы независимости.

То, что азербайджанцы и казахи народы-братья подтверждает история многих веков.

У нас общие тюркские корни, мы с одинаковым правом гордимся нашим общетюркским культурным наследием – Орхоно-енисейскими письменами, Энциклопедическим словарем Махмуда Кашгари, «Книгой о счастливом знании» Юсифа Баласагуни.

Вещий Горгуд – праотец многих тюркских народов, в том числе азербайджанцев и казахов. Древний текст этого великого эпоса сохранился на староазербайджанском – огузском языке. В казахском фольклоре – много мотивов связанных с Горгудом, отсутствующих в нашей версии эпоса, в том числе мотив его бегства от смерти. Именно по этой легенде казахский писатель Мухтар Ауэзов создал известный рассказ. В Азербайджане вышла «Энциклопедия Деде Горгуда», снят художественный фильм по эпосу. В Казахстане ему установлен оригинальный памятник.

Я очень хотел бы, чтобы азербайджанские и казахские кинематографисты создали совместный сериал по мотивам обеих наших версий.

Великий Абай высоко ценил творчество Физули. Эпопея «Путь Абая» Ауэзова широко известна в Азербайджане.

Я горжусь дружбой со многими казахскими писателями, тем, что на казахском языке изданы мои книги.

Свои заметки о Н.Назарбаеве я не случайно начал с экскурса в область литературы. Нурсултан Абишевич всегда с особым уважением и заботой относился и относится к вопросам литературы и искусства, по свидетельству казахских писателей он и сам пишет стихи, прекрасно играет на домбре. Благодаря личной инициативе Н. Назарбаева на международном уровне торжественно отмечались юбилеи – 150-летие Абая, и 100-летиие Мухтара Ауэзова.

В этом плане Н. Назарбаева можно сравнить с нашим общенациональным лидером, покойным Г. А. Алиевым, который также был истинным ценителем литературы и искусства, всегда относился к классикам и современникам с уважением, вниманием и заботой. Кстати, я лично наблюдал с каким уважением, как к старшему брату, аксакалу относился Нурсултан Абишевич к Гейдару Алиеву. Сегодня теплая дружба связывает Н.Назарбаева с Президентом Ильхамом Алиевым.

У казахов есть мудрая пословица: «В процветающей стране правитель ищет поэта, в угасающей стране поэт ищет правителя».

Взаимоуважительные отношения Президента Н.Назарбаева с деятелями культуры, еще одно подтверждение того очевидного факта, что Казахстан – страна процветающая.

Мне посчастливилось быть лично знакомым с Нурсултаном Абишевичем в годы нашего союзного депутатства в Москве. Я помню, с каким живым интересом он прислушивался к нашим сообщениям о карабахском конфликте.

Он не был простым наблюдателем этого конфликта, пытался принять более активное участие в разрешении проблемы.

В начале девяностых годов Н.Назарбаев и Президент России Б.Н.Ельцин приезжали в Баку с целью как-то содействовать решению карабахского конфликта. На встречу с двумя Президентами в числе других представителей интеллигенции, был приглашен и я.

В перерыве Н.Назарбаев обратился ко мне: «Что это Муталлибов (тогдашний президент Азербайджана) обращается все время к Ельцину. Мы с Борисом Николаевичем Президенты двух стран с одинаковым статусом».

В этих словах не было никакой личной амбиции, а было осознание своего статуса, как главы суверенного государства. Этот высокий статус он с достоинством несет всегда, в том числе и на совещании глав тюркских государств. Мне пришлось участвовать на одном из таких совещаний. Оно происходило в Алма-Ате и было приурочено к юбилею Абая. На совещании участвовали главы всех шести тюркоязычных стран, включая Президента Турции Сулеймана Демиреля. Гейдар Алиевич пригласил и нас – азербайджанских писателей, покойного Юсифа Самедоглу и меня на это совещание. Наряду с чувством гордости за мудрые выступления нашего Президента, мне запомнилась и яркая речь Нурсултана Назарбаева.

Мне было приятно, что, выступая в Баку в июне 1997-го года, Н.Назарбаев процитировал стихи моего отца, Народного поэта Азербайджана Расула Рза.

«Каспийское море, являющееся для кого-то водной преградой, давно стало для наших стран мостом дружбы и взаимоотношений. И как тут не вспомнить прекрасные стихи выдающегося азербайджанского поэта Расула Рза:

Море, море
Вечное волнение,
Силы неизбывная вода,
Нескудеющее единение,
дружество и верность навсегда.

Я тоже мечтаю, чтобы Каспий всегда объединял народы, в том числа – казахов и азербайджанцев, которые испокон веков тянулись друг к другу, общими корнями, общим духом, общими культурными ценностями.

И, поздравляя достойного сына казахского народа Нурсултана Абишевича Назарбаева с его славным юбилеем, я желаю долгих лет плодотворной деятельности глубокоуважаемому Президенту братской страны.

8 декабря 2009г.

ПОКОЛЕНИЕ «КУЛЬТПРОСВЕТА»

Для меня Баку во временном смысле – это не один город, а сразу несколько. Есть Баку прошлого, есть – настоящего, который сильно отличается от прошлого, и существует Баку будущего, который я вижу в своих мечтаниях. Сбудутся они или нет, не знаю... Я часто думаю о том, что можно было бы сделать, какими могут быть эти новые здания, памятники, бульвары и парки... И я вижу их в своем воображении...

Самое первое мое воспоминание... Мне три года и мы с мамой идем по улице Кривой. Мама в берете... Мы проходим мимо цветочного магазина, какого-то дощатого кафетерия с окнами в виде иллюминаторов... А потом я спрашиваю ее:

– Сколько мне лет?

– Тебе три года, – отвечает мама...

Я написал об этом в своей повести «Без вас», и получил отклик от Леонида Зорина, драматурга и бакинца, который написал мне много добрых слов: «Как же в вашей памяти могло это сохраниться? Я тоже помню Нигяр-ханым именно в берете».

Этот район, где сейчас находится Площадь фонтанов, мне почему-то особенно запомнился... Когда-то там был летний зал кинотеатра «Азербайджан», а рядом – жилой дом, весь увитый плющом. В детстве я часто смотрел там фильмы – «Знак Зорро», «Капитан армии Свобода», и очень завидовал людям, живущим в окрестных домах, потому что они из окон и балконов могли видеть эти фильмы каждый день... Рядом был аттракцион, в котором при помощи зеркал и затемнения появлялась женщина без туловища, и была видна только ее голова, которая существовала как бы в пустом пространстве... А чуть выше, рядом с кинотеатром «Араз» был еще один аттракцион – круглое деревянное строение, по стенам которого разъезжал мотоциклист, поднимаясь по спирали все выше и выше...

Я помню затемненные окна военного времени... Помню, как мама выходила на ночные дежурства на крышу и почему-то брала меня с собой... Помню, как в 1942 году с фронта должен был приехать отец, и мы с бабушкой вышли его встречать из нашего дома над Книжным пассажем. Тогда там проходил трамвай, сворачивая на улицу Ефима Саратовца, которая сейчас носит имя моей мамы Нигяр Рафибейли. Мы с бабушкой договорились, что будем смотреть в разные стороны, потому что папа может приехать и на трамвае, и на машине. И мы долго ждали его, вглядываясь в лица и присушиваясь к каждому трамвайному звонку...

Помню, как по дворам ходили точильщики ножей со своими точилами и высекали из них снопы ярких, далеко разлетающихся искр... Помню заунывные голоса старьевщиков: «Ста-а-рый вещь покупаю, старый вещь покупаю»...

Помню трамваи темно-красного цвета, битком набитые людьми, с висящими на подножках людьми. Однажды трамвай, спускавшийся по Коммунистической улице, сорвался с рельсов, врезался в Музей Низами и убил одного ученого, который в этот момент там проходил...

Мы часто ходили на стадион, который раньше находился на месте теперь уже бывшей гостиницы «Азербайджан». Затем его перенесли в поселок Разина, куда было сложно и долго добираться, а потом уже построили рядом с нынешней станцией метро «Гянджлик». В детстве это место казалось мне окраиной города, а сейчас это почти что центр. Такие же чувства возникали у меня, когда мы ездили к бабушке со стороны мамы на улицу Щорса, около Советской. Это путешествие казалось мне поездкой почти что в другой город. Ощущение расстояний было совершено другим...

Мы очень увлекались футболом. Я слушал по радио все репортажи Озерова, особенно Синявского, который умел как-то удивительно зримо

передавать ритм футбольного матча. Я не только сам гонял мяч, но и знал имена всех футболистов, включая дубль-состав. И даже моя мама их знала, потому что дома я постоянно о них говорил. Мы ходили не только на основные игры, но и на игры дубля. Помню однажды, мы с папой на каком-то из дублей встретились с Кара Караевым. Он был очень удивлен: «Вы даже на эти игры ходите?»

Атмосфера нашего дома была пронизана любовью к литературе. Я рос среди книг, стихов своих родителей и бесконечных разговоров о писателях и поэтах. В нашем доме всегда было очень много гостей, и я прекрасно помню Назыма Хикмета, Светлова, Антакольского, Расула Гамзатова, Самеда Вургуна, Сулеймана Рустама, Кара Караева, Ниязи, Тофика Кулиева, Джахангирова, Смелякова...

Баку моей молодости был городом невероятно дружелюбным, но каким-то зажатым, потому что в людях сидел страх 37-го года и все старались быть очень осторожными... К нам приходили самые разные люди, и некоторых родителя подозревали в том, что они специально подосланы, чтобы сообщать даже не о том, о ***чем*** у нас говорят, а о том ***кто*** чаще приходит. Но, несмотря на это, в нашем доме все репрессированные писатели Джавид, Джавад, Мушвиг всегда упоминались только с пиететом, а стихи Джавида и Джавада я часто слышал из уст моей мамы. А Мушвиг вообще был близким другом папы, и его любили не только родители, но и моя бабушка и тети, у которых на глазах выступали слезы, когда о нем заходил разговор... Но страх все-таки поселился в доме и, конечно же, при посторонних эти разговоры никогда не велись. К тому же, над моей мамой долгие годы висел «дамоклов меч» высылки, потому что ее отца, врача по специальности, выпускника Харьковского медицинского института, расстреляли в 1920 году за то, что он был министром здравоохранения Азербайджанской демократической республики, а затем губернатором Гянджи. И когда

там вспыхнуло восстание, его арестовали, несмотря на то, что он не входил ни в какую партию. Из семьи Рафибейли высылали девять раз! Те, кто успел уехать, оказались в Турции. А недавно я был в Киргизии, и тоже там встретил нескольких Рафибейли. А уж сколько было расстреляно, сколько погибло в ссылках...

Мне было пятнадцать лет, когда умер Сталин и, несмотря на всеобщую скорбь, мне не было его жалко после тех разговоров, которые были у нас дома, я уже все понимал. Не могу сказать, что я был антисталинистом. Нет... я просто не любил его. Но я помню, как многие люди плакали, и даже мой отец... А мама была несколько другим человеком. Она очень сдержанно к этому отнеслась. Вскоре, когда выяснился весь масштаб сталинских злодеяний, отец тоже стал его люто ненавидеть. И опять-таки, он заблуждался, думая, что если бы остался жив Ленин, то все было бы по-другому, – Ленину он верил. Поколение моих родителей не могло перечеркнуть всю свою жизнь, они верили, что это – лучший строй, и ошибки неизбежны... А потом оказалось, что они не только неизбежны, но их могло бы и не быть! Есть такое понятие – «русская рулетка». Я не знаю, как им удалось выжить? Наверное, случайно... Были и доносчики, и завистники, были и те, кто писал гадость вслед арестованным... Но, все-таки, наиболее порядочным поведением тогда было молчание.

С оттепелью в Баку пришел другой мир. 1956 год, я даже писал об этом много раз, стал переломным и в моей биографии, и в биографии нашего поколения. Как будто кончилась одна эпоха – Хрущев разоблачил Сталина, застрелился Фадеев, умер Самед Вургун, и началась другая, пока еще неведомая жизнь... Правда, были еще страшные венгерские события, но мы их тогда восприняли как «отрыжку» старой системы, после которой все будет хорошо. И долго в это верили... Действительно, этот период оказался настолько плодотворным

для нас, что если бы мы родились раньше, то стали бы другими писателями и, наверное, писали бы про колхозы и совхозы. Нам повезло, что уже можно было писать о том, что по душе. Этот период между разоблачением культа Сталина, и, через некоторое время, возникновением культа Хрущева остряки назвали «культпросветом». И мое поколение успело в него проскочить.

Первыми диссидентами в СССР, еще до появления диссидентов-писателей, стали, все-таки, музыканты. Джазовая музыка и феерический мюзик-холл в Москве, великолепный оркестр, который организовал Тофик Кулиев в Баку. Причем, среди музыкантов были и те, кого репрессировали – знаменитый саксофонист Парвиз Рустамбеков, арестованный за тягу к американскому джазу, который по лапидарному выражению Горького, считался «музыкой толстых». Тофик Мирзоев, мой родственник и один из знаковых людей Баку, как-то сказал: «Мне про Советский Союз стало все ясно, когда я посмотрел фильм «Серенада Солнечной долины. Я понял, где есть жизнь, а где ее нет». И появление стиляг это тоже была своеобразная форма протеста. Меня, правда, это не захватило. Однажды кто-то даже сказал про меня: «Непонятно, он стиляга, или чушка». Этим словом иногда называли деревенских, про которых еще говорили «220», потому что тогда в районах было другое напряжение в сети – 220, а в Баку – 120. Я никогда не любил, не поощрял и не пользовался этими словами, потому что в этом есть какое-то пренебрежение к людям. Один мой друг как-то сказал – если человек не читал «Мурзилку», он не может считаться интеллигентом. Может быть... Но если азербайджанец в детстве не читал, сказку про Малик Мамеда, он тоже не может считаться азербайджанским интеллигентом!

Меня увлекала джазовая музыка, правда, сам я не пробовал ни петь, ни играть. Есть огромное количество фанатов джаза, но неужели мы никогда не научимся получать такое же удовольствие и от нашей,

национальной музыки? Я, например, получаю гораздо большее удовольствие от мугама, чем от джаза. Но это не значит, что я его не люблю...

Я прекрасно помню Лемберанского, о котором написал эссе «Человек-легенда». Он «освободил» от железных решеток все бакинские скверы и парки – Губернаторский, Парапет, сад напротив памятника Самеду Вургуну. Рядом с нашим домом был Молоканский сад, но для нас, мальчишек, это была запретная территория, потому что там могли гулять только детсадовские малыши, а мы лишь проходили мимо. В городе появились разноцветные скамейки, которые сразу же назвали лемберанками. Это все очень украсило город. И Баку стал городом ярким, поющим, карнавальным, особенно в 60-е годы. Помню, как мимо нашего дома проходил какой-то человек, которого я так никогда и не увидел, но каждую ночь я слышал, как он пел арию из оперы «Шах Исмаил»...

А бульвар у меня связан с воспоминаниями уже более поздних лет… Тогда мы часто ходили в чайхану, которую Юсиф Самедоглу, автор сценария к фильму «Семеро сыновей моих», назвал «Марокко» в честь коня, который погиб во время съемок. Мы собирались там поздними вечерами и сидели до глубокой ночи, а после трех-четырех утра мы ходили в «Венецию»... Однорукий Ибад-даи делал нам яичницу, доставал водку и мы засиживались там до рассвета...

Мы ходили на все концерты в филармонию. Я помню Рихтера, Ойстраха, Гилельса, а балет «Семь красавиц» я смотрел, наверное, раз двадцать. И не столько смотрел, сколько слушал завораживающую музыку Кара Караева...

Это было время совершенно других ценностей и принципов. Для моего поколения тогда открылся целый мир – Хемингуэй, Ремарк, Фолкнер, потом Пруст, Кафка, Селинджер, фильмы итальянского

неореализма... Мне вообще повезло – я окончил Высшие сценарные курсы в Москве, и посмотрел весь мировой кинематограф. В кинотеатре «Вэтэн» каждое воскресенье, в двенадцать часов ночи, была премьера фильма, который должен был идти с понедельника. И мы ходили на этот полуночный сеанс, чтобы первыми посмотреть новое кино...

Деньги никогда не были для нас главным... За десять рублей мы могли хорошо посидеть в «Старом Интуристе», хотя туда было довольно трудно попасть, но тогда в Баку особенно и не было других мест. Сейчас мне кажется невозможным позвонить другу и прогуляться с ним по бульвару. А тогда мы, каждый вечер созвонившись с Вагифом, Юсифом Самедоглу, Эмином Сабитоглу, Фикретом Годжой, Тогрулом Нариманбековым гуляли, гуляли по городу…

Разрушили здание Старого Интуриста. Как жаль...

«Старый Интурист», кроме того, что его построил знаменитый Щусев, что это один из немногих строений в стиле конструктивизма, был известен тем, что там останавливались Назым Хикмет, Шостакович, Фадеев, Тихонов и очень много других знаменитостей. Как можно было снести его? В Турции есть одна старинная гостиница XIX века – «Пере палас», в которой находится сразу два музея. Первый – это номер, где останавливался Ататюрк, а второй – номер Агаты Кристи, где она написала «Восточный экспресс». И на других номерах висят таблички с именами знаменитых постояльцев... А у нас...

Мне кажется, сейчас дело даже не в людях, а во времени. Время такое настало, и не только в Баку, но и во всем мире. Говорят, что сейчас в Азербайджане мало читают. Так и везде мало читают, потому что главной движущей силой стала прагматичность. Я не могу представить, что кто-то сейчас может влюбиться, полюбить... А мы жили именно этим чувством, и совершенно по-другому, очень возвышенно и трепетно, относились к девушкам, потому что изначально все строилось

на любви...

Я родился и прожил в Баку всю свою жизнь, за исключением нескольких лет. Когда я учился в Москве, то так сильно тосковал по Баку, что почти каждый день ходил на Курский вокзал встречать бакинский поезд – вдруг увижу кого-то из знакомых? То же самое было и в Стамбуле, когда я поехал туда преподавать. Потом, конечно же, привыкаешь и начинаешь любить этот город... Но познание чужих стран лишь еще сильнее притягивает меня к Родине, к Баку, главному городу моей жизни, городу моего рождения, любви, встреч с друзьями... Городу, который помнит моих близких...

ХАГАНИ 25

Вот уже семьдесят лет Союз писателей Азербайджана располагается в здании по адресу: улица Хагани, дом номер 25.

Улица Хагани одна из примечательных улиц Баку, на ней находятся несколько творческих союзов, несколько очагов культуры.

В ее начале, там, где пересекаются улицы Расула Рза и Нигяр Рафибейли расположен Книжный пассаж. Я вырос на третьем этаже над пассажем, в доме моего отца, первые книги покупал в магазине, внизу.

Путь с одного конца улицы Хагани в другой – это как бы и моя жизненная дорога. В квартале от Книжного пассажа – здание Русского театра драмы имени Самеда Вургуна. В этом театре шли две мои пьесы. Рядом с театром уютное здание, которое сейчас занимает посольство Ирака. До этого здесь был Союз архитекторов. В 1967-ом году я был назначен редактором только что созданного альманаха «Гобустан». Союз архитекторов гостеприимно принял нашу редакцию в своем помещении, выделив две комнаты.

Напротив этого здания находится Дом актера и Союз Театральных деятелей. В дальнейшем редакция «Гобустана» перешла в Дом актера, а еще через некоторое время я был избран Первым заместителем Председателя Театрального Общества (так оно называлось тогда).

Стоит пройти еще один квартал и мы окажемся перед Союзом художников. Писателей с художниками связывают тесные узы дружбы, мы часто участвуем на мероприятиях друг друга. Точно такие же теплые отношения у нас с композиторами, Союз которых находиться по соседству с нашим, в доме 27 по улице Хагани. Песни, оперы, оперетты наших композиторов создаются в содружестве с нашими поэтами, драматургами.

А по соседству с Союзом композиторов – монументальное здание библиотеки имени М.Ф.Ахундзаде. Там в богатейшем собрании хранятся и наши книги, выдаются читателям. Писатели участвуют на различных мероприятиях библиотеки.

Нетрудно догадаться, что главная тема моих заметок, – Союз писателей, расположенный в доме 25 на улице Хагани.

В этом году наша организация отмечает свое 75-летие. Когда окидываешь взором эти семьдесят пять лет, видишь в истории Союза наряду со славными, заслуживающими гордость явлениями и многие горькие страницы минувших мрачных лет. Мы рады, что безжалостные, жестокие собрания 37-го года не проводились в этом здании. Но и в последующие годы было немало сварливых сборищ уже в этом помещении. Однажды, когда я еще не работал в Союзе писателей, выступая на совещании в Клубе имени Натаван сказал, что я ничего так не боюсь, как этого клуба. С отроческих лет посещая разные совещания в этом клубе, я хорошо запомнил, КТО О КОМ И ЧТО ГОВОРИЛ ...

Но чтобы, ни было, как бы натянуты не были нервы, своры и споры, камни, бросаемые друг в друга, все это проходит и уходит, остаются лишь истинные критерии и настоящие ценности литературы. Во всяком случае, в истории Союза писателей светлых страниц несравненно больше, чем темных.

Союз писателей – самая авторитетная общественная организация Азербайджана в советские годы, всегда стоял на страже родного языка, ценностей классической литературы, национальной самобытности. В самые судьбоносные моменты истории народа громче всех звучали голоса наших писателей. Дороги, которые вели к площади Азадлыг (Свободы) в конце восьмидесятых – в начале девяностых годов, начинались в Союзе писателей. Писатели были в первых рядах Народного движения.

Но и до этих лет в формировании национального самосознания, освоения настоящих нравственных ценностей роль поэзии, прозы, драматургии, критики Азербайджана неоценима. Об этом не раз говорил наш незабвенный лидер Гейдар Алиев.

Нельзя забывать и заслуг людей, руководивших Союзом писателей в трудные времена. С большим почтением и уважением называю я их имена: Мамедкязым Алекперли, Сейфулла Шамилов, Самед Вургун, Расул Рза, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов, Мехти Гусейн, Имран Касумов, Исмаил Шихлы… Избранный 18-го июня 1987-го года руководителем Союза я повесил в своем рабочем кабинете портреты этих девяти писателей. Рядом с ними висит портрет Юсифа Самедоглу, работавшего первым секретарем с 1993-го года, моего дорогого друга, замечательного писателя, которого мы так рано потеряли.

Сейчас первым секретарем Союза является другой выдающийся литератор, Народный поэт Фикрет Годжа. Вместе с ним и с тремя другими секретарями Союза – Арифом Амрахоглу, Чингизом Абдуллаевым, Рашадом Меджидом, с заместителем Председателя Назимом Ибрагимовым мы – с одними в течение долгих лет, с другими в последние годы – работаем дружно и слаженно, в условиях полного взаимопонимания и плодотворного сотрудничества.

22 года, в течение которых я являюсь руководителем Союза, наверное, самые трудные годы и в моей биографии, и в истории Союза. За эти годы одна политическая система сменилась другой, в корне ей противоположной. Изменилось общественно-политические понятия, экономический строй, нравственный климат. Мы старались сохранить лицо нашего Союза, его целостность в столь сильно изменившемся мире. И добились этого.

Как только возникла надуманная Карабахская проблема, первый протест против этого выразил Союз писателей. В письмах и обращениях, направленных в тогдашний Центр – в Москву, руководству страны, в выступлениях по республиканским, московским, турецким телеканалам, и когда удавалось пробиться в российскую, европейскую прессу, писатели доносили голос нашего народа до мира, а свой народ призывали к бдительности. Когда люди, разочарованные в тогдашней власти потоками устремлялись в Союз писателей, мы по мере наших возможностей, пытались решать их проблемы, а некоторую часть беженцев и переселенцев поместили в своем Доме творчества в Шувелянах.

Во времена, когда не было никаких партий, кроме одной лишь Коммунистической, Союз писателей взял на свои плечи и груз политической жизни. Первые гневные сообщения о Кровавом Январе 1990-го года и о Ходжалинской трагедии на страницах Центральной московской прессы, были в текстах, посланных из Союза писателей.

В настоящее время, когда действуют политические партии, когда видим такое обилие различных общественных организаций, в условиях свободы слова и печати, Союз писателей, не устраняясь ни от одного из судьбоносных проблем народа, свою главную задачу видит в сфере творческих вопросов. И к членам своим относится не с позиций их партийной принадлежности или политических взглядов, а с творческой точки зрения. Очевидно, именно и поэтому наш Союз не развалился, не раскололся, не допустил дрязг из-за имущества, как это случилось с Московскими, Российскими и со многими бывшими республиканскими Союзами. Если в советское время Союз писателей Азербайджана имел всего четыре филиала (в том числе армянский в Нагорном Гарабахе), сейчас его 11 филиала (в том числе Гарабахский) охватывают всю территорию страны. Нахчыванский филиал именно в последние годы

приобрел статус Союза. Функционируют отделения Союза писателей Азербайджана в Москве, в Борчалах (Грузия), в Стамбуле.

Газета «Адабият ве инджесенет» – совместный орган Союза писателей и Министерства Культуры, стал сейчас органом только Союза писателей и выходит как «Адабият газети». В последнее время на ее базе стала выходить и ежемесячная газета на русском языке «Мир литературы».

Альманах «Гобустан», бывший прежде органом Министерства Культуры, сейчас является печатным изданием только Союза писателей. К традиционным нашим изданиям журналам «Азербайджан», «Литературный Азербайджан», «Улдуз» в последнее время добавились альманахи «Дунйа адебияты» («Мировая литература»), «Кёрпю» («Мост»), «Мутарджим» («Переводчик»).

Упорными усилиями Союза писателей был создан Центр по переводам и литературным связям. Первый председатель этого Центра достойный ученый и критик, покойный Айдын Мамедов строил свою работу в Центре в тесном контакте, взаимном уважении и в сотрудничестве с руководством Союза писателей. Центр организовывает переводы произведений мировой литературы, часто с языков оригинала, публикует эти переводы в виде отдельных книг или на страницах выпускаемого им сборника «Хазар».

Наш Союз имеет контакты, а с некоторыми и соглашения, договора с писательскими организациями Москвы, Турции, Грузии, Украины, Польши, Румынии. Журнал «Дружба народов» посвятил целый номер азербайджанской литературе, чего не было даже в советское время. Наши писатели широко печатаются и в турецких журналах, их книги выходят в братской стране. Несколько книг турецких писателей изданы и в Азербайджане по инициативе Союза писателей и на его средства. Также на свои средства Союз издал книги о

Назыме Хикмете и Чингизе Айтматове, трехтомную антологию азербайджанской поэзии на русском языке. Азербайджанские писатели участвуют на различных международных мероприятиях. И мы часто приглашаем в Баку зарубежных писателей. После изменений в нашем уставе на последних съездах мы смогли принять в Союз ряд зарубежных писателей в качестве почетных членов, среди них Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова, Джавада Хеййата. Однако первым почетным членом нашего Союза стал Общенациональный лидер нашего народа Гейдар Алиев.

В постсоветское время и до 1993-го года наша организация испытывала серьезные материальные трудности. Сдавая в аренду первый этаж нашего здания, мы обеспечивали издания наших журналов и газеты.

После возвращения к власти Гейдара Алиева были приняты на государственный бюджет и сам аппарат Союза и его печатные органы. Это стало спасением и нашей литературной печати, и нашей литературы и, в какой-то мере нашего литературного языка. Гейдар Алиев участник всех наших съездов последних лет, был приглашен нами и на IX съезд, когда он был не у дел. Выступая уже в качестве Президента Азербайджана на нашем X съезде, он с благодарностью отметил этот факт. В избрании Г.Алиева Почетным членом писательского Союза имело значение и его многочисленные ценные выступления по вопросам литературы, речи на юбилеях классиков нашей литературы.

Достойный продолжатель дела Гейдара Алиева уважаемый Президент Ильхам Алиев также с большим внимание и заботой относится к проблемам писателей и Союза писателей. Переводческий Центр по нашему предложению и благодаря помощи Ильхама Алиева был также принят на бюджет. Президент подписал распоряжение о капитальном ремонте нашего здания, он был сделан на самом высоком

уровне и И.Алиев лично посетил наше здание после ремонта, поздравил писателей. Он выделил 70 стипендий для членов Союза, в числе которых 20 молодых до 35-ти лет.

Союз писателей считает приоритетной сферой своей деятельности работу с молодыми авторами. На X и XI съездах были избраны секретари по работе с молодыми, был создан Совет молодежи под руководством Эльчина Гусейнбейли. Журнал «Улдуз» – целиком отдан молодым.

Мы ясно осознаем, что молодые таланты – это будущее нашей литературы. Каким оно, это будущее станет, в значительной степени зависит и от нас старших. Мы стараемся достойно нести эту миссию.

Хагани 25… Многие годы я приходил в это здание как рядовой член Союза, а последние 22 года хожу сюда на работу, как ответственное лицо. Поднимаясь по лестницам здания, в котором витает дух нескольких поколений писателей, я думаю о том, что камни и стены, более долговечны, чем человеческие жизни. Подобно тому, как ушли наши предшественники, уйдем и мы, уйдут и наши последователи…

А здание останется. Не только как архитектурный памятник. Оно, это здание, будет передаваться из поколения в поколение и как очаг культуры. Подумать только, представители скольких поколений встречались здесь, иногда радовались, иногда обижались, порой ссорились, порой мирились.

Дом номер 25 по улице Хагани – одна из достопримечательностей города и этот Дом всегда будет жить, как храм, связанный с именами писателей.

29 ноября 2009

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Уважаемые товарищи депутаты!

Письмо группы депутатов, которое огласил тов. Горбачев М.С., его настоятельный призыв к взвешенности и корректности в выступлениях, недопущении ничего такого, что могло бы привести к обострению межнациональных отношений, были встречены азербайджанской делегацией с глубоким удовлетворением. К сожалению, этот призыв был проигнорирован депутатом Дадамяном, использовавшим трибуну для дезинформации. В частности, относительно истинного смысла вопроса о Нагорном Карабахе как в его историческом, так и современном аспекте.

Наша азербайджанская делегация прибыла на этот съезд с твердым желанием внести конструктивный вклад в его работу, в принятие решений, архиважных для будущего и всей страны в целом, и каждого народа, каждой республики в частности. Мы готовы обсудить самые острые, тревожные вопросы в духе доброжелательства и взаимопонимания.

Мы не хотели бы вступать в бессмысленную перепалку, когда не желают слышать призывов к конструктивному диалогу, доводов разума, ответственности, исторической справедливости и объективной оценки событий, с тем, чтобы найти взаимоприемлемые и реальные пути к решению столь деликатной, острой и болезненной проблемы, затрагивающей чувства и судьбы миллионов людей. Но и молчать мы больше не в состоянии, ибо кое-кто, видимо, воспринимает наше молчание как знак согласия.

Молчать – это значит согласиться с тем, что ошибочными были решения Политбюро ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета, как это провозгласил с трибуны Дадамян.

Смолчать означало бы согласиться с насквозь неверным заявлением, что ассигнования, выделенные на развитие Нагорного Карабаха союзным правительством, а также фонды на эти цели оседают в Баку, задерживаются властями Азербайджана. Истинная же причина неиспользования этих фондов в эффективных целях, направленных на поднятие благосостояния жителей Нагорного Карабаха – непрекращающиеся забастовки. И с этой точки зрения всего 4% из этой суммы, которые используются для нужд азербайджанских селений НКАО, хотя азербайджанское население составляет четверть населения области, уже самим фактом своего использования вызывает раздражение.

Не соответствует правде и прозвучавшая здесь версия истории Карабаха. Любой человек, обратившийся к названию области, может сделать свои выводы. Карабах – чисто азербайджанское слово, означающее «большой сад», именно азербайджанское, а не арабское, не персидское, и не армянское. Азербайджанское Карабахское ханством со столицей в городе Шуша было в начале XIX века присоединено к России. На Карабахской земле, так же, как и во многих районах Армении, в долгом историческом добрососедстве жили азербайджанцы и армяне.

Объяснять выезды из Карабаха местных жителей какой-то дискриминацией так же неверно, как и объяснить какой-то дискриминацией очень большой процент лиц армянской национальности, эмигрирующих в зарубежные страны из СССР.

Уместно вспомнить и то, что если в 20-х годах в Армянской ССР проживало около полумиллиона азербайджанцев (правда, не имея автономии), то уже на самом деле сталинским произволом почти половина из них в 40-х годах была насильно переселена в равнинные районы Азербайджана, а ныне, после событий прошлого года, были изгнаны и все остальные оставшиеся – 160 тысяч, и сейчас в Армении практически нет азербайджанцев.

Неоднократно сурово и решительно осуждая преступления в Сумгаите, мы требуем осудить и гораздо менее известные советской и мировой общественности факты насилия, жестокости в отношении азербайджанцев в Армении. «Именно из-за халатного отношения к выполнению служебного долга, например, не удалось своевременно предупредить беспорядки в Гугаркском районе (Армении), где убито 8 азербайджанцев», – говорится в интервью начальника Главного следственного управления СССР, опубликованном в газете «Известия» 5 января 1989 года.

Всего же во время этих трагических событий в Армении и Азербайджане на почве межнациональных столкновений погибло 83 человека, среди которых 48 азербайджанцев, 32 армянина и 3 представителя других народов, (газета «Красная звезда» 24 февраля 1989г.)

Мы не акцентировали и не собирались акцентировать на этих трагических фактах, но наша сдержанная позиция, видимо, провоцирует некоторых ораторов, выступающих с разнузданными поношениями, оскорбляющими честь и достоинство азербайджанского народа, вроде грубого выпада депутата Игитяна, прозвучавшего в первый же день Съезда.

Почему бы Игитяну, взывавшему к совести других, не спросить у своей собственной совести: разве азербайджанский народ виноват за действия сумгаитских убийц, в числе которых был и армянин?

Или разве армянский народ виноват за убийства и изгнание азербайджанцев из Армении?

Я говорю это с единственной целью донести до сведения всех присутствующих, что у нас не меньше причин для горьких обид и глубоких страданий, но мы не хотим вечной напряженности, противостояния.

Все мы устали от конфронтации, от нервных стрессов, которые длятся уже полтора года и парализуют два наших народа, сужая их духовное существование рамками взаимных претензий, обвинений. Пора одуматься, остановиться. Пора хотя бы интеллигенции, ибо она часто и является детонатором взрыва, протянуть руку друг другу во имя будущего наших народов. Не надо сжигать мосты, по которым, я верю, будут ходить друг к другу наши дети.

Пусть наше искреннее желание пойти навстречу друг другу никто не воспринимает как признак слабости или уязвимости наших позиций. Они продиктованы лишь одним чувством – чувством ответственности за нравственное здоровье наших народов, которым суждено жить соседями и от этого никуда не уйдешь.

Сейчас, в эпоху перестройки и гласности, когда речь идет об укреплении суверенитета республик, Азербайджанская Советская Социалистическая республика, первой с Востока ставшая на Октябрьские баррикады, ни при каких обстоятельствах не согласится с антиконституционными посягательствами на свою территориальную целостность гарантированную Договором, скрепившим наш великий Союз Советских Социалистических Республик.

Вновь и вновь я призываю к справедливости и ответственности, выступаю против огульных обвинений и амбициозных претензий, не подкрепленных ничем, кроме желания настоять на своем и направленных, в конечном счете, на дестабилизацию страны и демонтаж ее национально-государственного устройства. Чем это было бы чревато, догадаться нетрудно.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ В КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Голодающие студенты уже не верят словам, никаким. Не верят тому, что стоит союзным республикам делегировать определенные права Центру, если он, Центр не в состоянии защитить республики, не от гипотетической угрозы мирового империализма, а от агрессивных поползновений своих же единоверных по светлому будущему соседей.

Если автономные образования не доверяют республикам, в которые они входят, то как же республики могут доверять Союзу, в котором намерены сосуществовать? Стало быть, надо начинать с двухсторонних связей. Сперва надо вернуть доверие – через культуру и взаимовыгодность сотрудничества, содружества, сосуществования – через экономику. И лишь как результат этих крайне безотлагательных условий выживания, можно выйти, как любит говорить Горбачев, на формулу политического сотрудничества, Конфедерации.

Предложения (кажется Старовойтовой в «Вестнике межрегиональной группы», Сахарова) и др. о том, что все национально территориальные образования – их едва ли не сто – вошли бы в Союз в качестве союзных республик – несерьезно и несостоятельно. Конечно, можно для каждого национального округа придумать свой герб, флаг, сочинить гимн, составить Конституцию, создать Совет министров, академию, университет, киностудию и т. д. – (почему одни республики могут обладать всем этим, а другие нет) – но не создаем ли мы тем самым иллюзию – формальную версию равноправия и чудовищно громоздкий бюрократический аппарат, который будет сидеть на шее своих суверенных народов. Ведь дело не в форме, а в сути. Большим ли суверенитетом обладали союзные республики всеми теми внешне демократичными атрибутами владеющие? Каков выход в этой патовой

ситуации всевозможных претензий – быть субъектом Федерации, причем равноправным? Чтобы, любой национальный округ обладал бы такими же государственными, правительственными, научными институтами, как скажем Россия, Украина или Казахстан. Если такое формальное равноправие не реально, и ничем кроме демагогии и популизмом не является, тогда может пойти по другому пути – лишить уже существующие в довольно долгой исторической традиции союзные республики всего того, всех тех институтов, которыми не обладают будущие – предполагаемые республики. По каким градациям определить статусы уже существующих в качестве союзной республики и тех образований, которые претендуют на это или в явочном одностороннем порядке уже объявили, или могут еще объявить себя суверенными союзными республиками – субъектами федерации? А если отнестись к этому выборочно? Тогда на чем основать принцип выбора – по размерам территории, количеству населения, экономическим вкладом в общую копилку, культурному потенциалу, стратегическому, геополитическому положению? Ни один из тех принципов не может быть взят за основу, не ущемляя кого-то, кто не попал в тот или иной реестр. И как же быть с миллионами русских в каждой из союзных республик, почему они также не имеют право на самоопределение в местах своего компактного проживания в разных республиках. И не означает ли это, что под предлогом формального увеличения суверенитета одних автономий будут существенно урезаны и ограничены суверенитеты союзных республик.

Есть, очевидно, другой, более разумный путь – подобно тому, как союзные республики предположительно делегируют часть своих прав Центру, так и автономии, входящие в составы союзных республик, могут делегировать часть своих прав республиканским органам, сохраняя за собой самостоятельность в других вопросах. Причем должно

быть четкое разграничение этих прав, закрепленных как в союзной, так и в республиканских Конституциях.

Аморфные и фактически бездействующие в прошлые годы республиканские министерства иностранных дел могут быть преобразованы в Министерства иностранных и межреспубликанских дел, со своими постоянными представителями как за рубежом, так и в союзных республиках. По крайней мере, в тех республиках, в которых имеется компактное и значительное национальное меньшинство, однородное с населением другой республики.

Я не настолько утопист, чтобы в ближайшем будущем видеть СССР в чем-то похожим на Британское содружество, не говоря уже на ООН. Но кое-что из опыта Британского содружества, когда бывшая метрополия и бывшие колонии, не говоря уже о доминионах, установили вполне корректные, уважительные и цивилизованные отношения между собой, не грех и учитывать. Да и опыт ООН не бесполезно было бы принять к сведению, Например, было бы справедливо, если бы в Совете Федерации, каждый из представителей союзных республик имел бы право на вето в обсуждении вопросов, непосредственно касающихся его региона. И если уж вспомнили ООН, мне представляется крайне необходимым создать нечто вроде Советского ЮНЕСКО. Если юридические гарантии, обеспечивающие единство Союза сводятся к законодательно-административным аспектам, то духовно-нравственную основу этого единства можно обеспечивать только культурой, в широком смысле этого слова, т. е. включая в это понятие помимо собственно культуры, литературы, искусства, науки, образования, широкие программы общения, культуру знания друг друга, культуру понимания друг друга, включая и такой важный фактор, как национальная, религиозная и лингвистическая толерантность, терпимость. С

этой целью необходимо создание Института народов СССР (Можно придумать и менее одиозное название).

Наполнить понятие национального суверенитета можно реальным содержанием, а не чисто механическим понятием статуса автономных образований. Ибо это будет чисто формальная акция, по части которой у нас немалый и достаточно печальный исторический опыт. Разве статус республик уберег их от вопиющего ущемления не только политического и экономического плана, но и от культурного геноцида? Кто спрашивал о настоящем мнении азербайджанского народа, когда на протяжении десяти лет дважды меняли ему алфавит, отсекая от тысячелетних культурно-исторических корней. Когда репрессировали не только цвет интеллигенции, но и народный эпос «Деде Горгуд», насчитывающий тысячелетнюю историю? Когда меняли само название народа, переиначивали его историю? Наверное, в каждой из республик можно привести достаточное количество подобных фактов. Я говорю, что суверенитет просто топтали, когда одним росчерком выселяли целые народы. Какое в этом случае имело значение автономии – республики ли, область ли?

Порой примером правильного решения национальных вопросов считают США. Но разве в США есть, скажем, негритянский Штат или индейская автономия? Или есть Калифорнийская автономная область, где проживают сотни тысяч армян. Вы скажете, что мэром Вашингтона является негритянка, а губернатором Калифорнии армянин по происхождению Дюкмеджян. И у нас Президентом всей страны был Микоян, ну и что? Реальный, а не фиктивный Союз может держаться только на подлинной, взаимной заинтересованности в этом Союзе, политическом, экономическом, культурном. Мы обязательно придем к тому, пока же пытаемся переиграть или даже перехитрить историю. Эти процессы неизбежны. Не надо говорить, что республики не могут отъединяться,

ибо то будут крошечные государства, если у нас республика по размерам территории и количеству населения превосходит члена ООН Люксембург? Пугают невозможностью отдельного экономического существования. Как же существуют сотни самостоятельных государств в мире?

НЕ СЖИГАТЬ МОСТОВ

(Выступление на сессии Верховного Совета СССР 3 октября 1989 г.)

Уважаемые товарищи!

В этот чрезвычайно ответственный момент, я считаю своим долгом депутата и писателя, выступить с обращением к сессии, ибо речь идет о жизненных вопросах целых народов. Я хочу попросить, чтобы мое выступление не транслировалось по телевидению по двум причинам. Во-первых, потому, что мне ненавистна сама мысль о том, что эта речь будет кем-то воспринята, как слова, рассчитанные на телевизионную аудиторию, и, во-вторых, чтобы они не были восприняты как нагнетание эмоций, программа действий, призыв к определенным поступкам и т.д. Единственная цель моего выступления – предостеречь Верховный Совет от действий, которые могут стать неугасающей болью нашей совести до конца дней наших. Я обращаюсь с тем, чтобы высказать одну простую истину: так называемая проблема железнодорожной блокады – не только экономическая, но и политическая проблема, и меры, которые возможно примет Верховный Совет, это не только административные меры. Министр Т.Конарев вчера здесь пытался представить ситуацию, как действия каких-то чеховских злоумышленников, отдельных лиц, действующих, якобы, вследствие запугивания.

Надо посмотреть правде в глаза; как бы ни оценивать эти действия, речь идет об акции целого народа, отчаявшегося найти справедливость в конституционных и правовых решениях.

Если здесь называют беспрецедентным сам факт блокады, такой же беспрецедентной акцией является территориальные притязания одной республики к другой, Армении к Азербайджану. Если «блокада»

термин из военного лексикона, то попытка захвата чужой земли – тоже из того же лексикона и односторонние чрезвычайные меры, которые могут быть приняты, чреваты самыми серьезными последствиями, возможно, не менее трагичными, чем события в Тбилиси. Нам необходимо это осознать, прежде чем принимать столь ответственные решения, если, конечно, нет избирательности в отношении разных народов. Штыками, вероятно, можно добиться определенных успехов на время, но невозможно управлять целым народом, сидя на штыках. Единственный выход, это не заниматься сейчас взаимными обвинениями, не соревноваться в том, кто поэффектнее на публике осадит своего оппонента, не смаковать подлинные или мнимые, старые или новые обиды, не вдаваться в спорные исторические изыски, а искать взаимоприемлемый выход из тупика, не сжигать мостов, по которым, если не мы, то наши дети «обречены» ходить друг к другу. Надо во что бы то ни стало предотвратить то страшное, что случилось в Сумгаите и Гукаркском районе Армении, о котором почему-то не говорится, где убито 8 азербайджанцев. (А всего в Армении самым жестоким образом убито более 50 азербайджанцев). Необходима добрая воля, надо пожертвовать личными амбициями во имя будущности народов, в верности которым мы так горячо клянемся. Ради родины можно рисковать всем чем угодно, но родиной рисковать нельзя. Эту истину мы должны осознать искренно и честно.

Не вдаваясь в данный момент в подробности проблемы НКАО, необходима всего лишь констатация того тезиса, который неоднократно высказывался на высших партийных и государственных форумах: недопустима перекройка границ советских республик, ибо с такой перекройкой не согласится ни одна союзная республика, и в их числе Азербайджан.

Я уверен, что твердое и окончательное подтверждение этого наиважнейшего фактора – территориальной целостности и административного суверенитета всех республик, в том числе Азербайджана, с учетом соблюдения законных гарантий обеспечения культурных и экономических интересов всех национальных меньшинств, проживающих в этих республиках – успокоит все народы, в том числе и в нашем регионе, снимет напряженность и разрешит все проблемы, связанные с нормальной работой транспорта. Все другие меры, какими крутыми они не были, обеспечат лишь временную передышку, сохранят постоянную опасность взрыва, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Древняя мудрость гласит: посеяв ветер, пожнешь бурю. Я призываю высшее руководство страны, депутатов от Армении и Азербайджана, членов Верховного Совета – осознать эту тревожную, но неоспоримую реальность. Итак, подтвердив положение о недопустимости перекройки границ, о территориальной целостности и административном суверенитете республик, в том числе и республик Закавказья, мы сняли бы вопросы блокады с той и с этой стороны, сели за стол переговоров с тем, чтобы найти взаимоприемлемые и достойные для обеих сторон решения. Иначе нам не оправдаться не только перед своими избирателями, но и перед историей. Спасибо.

ВРЕМЯ РЕШЕНИЙ – БРЕМЯ РЕШЕНИЙ

(Выступление на сессии Верховного Совета 28 ноября 1989 г.)

Вот уже около двух лет вся наша страна, весь мир с пристальным вниманием следят за развитием событий в Нагорном Карабахе. Напряжение не спадает, обстановка продолжает нагнетаться, льется кровь, взрываются не только мосты и дороги, но и многовековые устои совместного существования двух народов, рвутся семейные, производственные, бытовые узлы и завязывается тугой узел взаимной вражды, ненависти, ожесточения. В вертолетах, предназначенных для перевоза продовольствия, обнаруживают оружие и взрывчатку. Атмосфера пропитана страхом, подозрительностью, настороженностью. Все устали от конфронтации, от жестких слов и жестоких поступков. В тоже время внушается мысль, что неуступчивость есть признак силы, что непримиримость – доблесть. Два народа – азербайджанский и армянский, столкнувшись в этом роковом конфликте, выдвигают фактически одно и то же требование – мы хотим окончательного и справедливого решения карабахской проблемы. Но вся беда в том, что справедливость понимается по-разному.

Справедливость, на наш взгляд, не может быть выгодна кому-то одному, справедливость – и в данном случае, – это совокупность всех факторов – исторических, экономических, геополитических, демографических, конституционно-правовых. Нельзя выпячивая одни факты и умалчивая о других, исходя лишь из своих амбиций, не считаясь с доводами и интересами другой стороны, говорить о справедливости. К сожалению, эти два года и некоторые средства массовой информации, в том числе центральные, порой доносили общественности односторонние сведения. Я никак не пойму, почему острая и, в общем-то, интересная газета «Московские новости», к

примеру, плюрализм понимает как последовательную азербайджанофобию. На страницах этой газеты могут быть высказаны любые точки зрения... лишь бы они выставляли Азербайджан в неприглядном свете. Когда же Азербайджанское информационное агентство дает опровержение ложным сообщениям этой газеты, то плюрализм не позволяет ей извиниться за дезинформацию.

Тенденциозно провозглашая одно и утаивая другое, нельзя восстановить истину. Истина не может быть усеченной, справедливость не может базироваться на неведении или слишком назойливом повторении одних и тех же подтасовок. Говорят, к примеру, о том, что за последние десятилетия произошли определенные демографические изменения в Нахичеванской АССР, что там существенно уменьшился процент армянского населения. Правда ли это? Это только часть правды, иначе говоря, полуправда. К полной же правде мы может пробиться лишь в том случае, если учтем Нахичеванскую ситуацию в общем контексте демографических процессов, проистекающих в Армении и Азербайджане. А в этом случае надо сказать и о том, что в течение последних 70-ти лет из полумиллиона азербайджанцев, живших на территории нынешней Армении, в том числе в ее столице Ереване в 20-ом году, сейчас там фактически никого не осталось. Наряду с видимо естественной, неизбежной мирной миграцией азербайджанцев из Армении и армян из Азербайджана, истории известны и насильственная сталинская депортация сотен тысяч азербайджанцев из Армении во второй половине сороковых годов, и прошлогоднее, увы, далеко уже не сталинское, хотя и не менее жестокое и чудовищное, изгнание последних оставшихся там 200 тысяч азербайджанцев, причем вся эта акция была проведена до, подчеркиваю до, а не во время или после трагического землетрясения. Хочу сразу сказать, что считаю глубоко прискорбным и тот факт, что в результате этой ужасной конфронтации,

вынуждены были покинуть Азербайджан, Баку многие тысячи армянских семей. И справедливость, с моей точки зрения, заключается не в противопоставлении одной из этих акций другой, не в их оправдании или в утаивании, а в осуждении обеих, в попытках, может и пока безнадежных, к сожалению, вернуть всех беженцев туда, где они родились, жили, работали, возделывали землю или строили дома, где любили, создавали семьи, рожали детей, где похоронены их предки, близкие и родные.

Цитирую газету «Коммунист» – орган ЦК КП Армении (от 20 октября с.г.): «Всякое цивилизованное государство должно стремиться создавать благоприятные условия для компактно проживающих на ее территории наций и народностей, в том числе и путем создания той или иной формы автономии для них».

Похвальные слова. В Азербайджане эта верная мысль воплощена созданием НКАО, почему же не помечтать о том, что Армения примет обратно своих изгнанных сограждан – азербайджанцев и как цивилизованное государство представит им ту или иную форму национальной автономии.

Возможно это утопия, но я верю, что рано или поздно отношения между двумя нашими народами восстановятся на принципах подлинного добрососедства, взаимной справедливости, понимания проблем, интересов, болей, бед и обид противоположной стороны, а не только своих собственных. Все закавказские народы близки между собой нитями истории, культуры и обрядами. Кавказ – это место, где в течение долгих веков происходило взаимопроникновение ценностей христианской и исламской культуры и исторически нелепо выглядела бы ситуация, при которой, народы, в общем-то, за вычетом нескольких лет, мирно сосуществовавшие в монархических империях, стали бы враждовать в условиях социалистического государства. Конечно, очевидно,

невозможно избегнуть каких-то спорных вопросов или конфликтных проблем. Но опыт прошлого учит нас тому, что ссоры соседей должны решать они сами, а попытки, как это было в первые два десятилетия XX века, решать наши проблемы в Петербурге или Париже, Версале или Стамбуле, Вашингтоне или Москве оказались малопродуктивными. История дала нашим народам важный, и может быть последний шанс в условиях перестройки и дальнейшей демократизации общества, в условиях строительства правового государства и укрепления республиканского суверенитета сделать наш общий дом, в том числе его кавказский этаж – лучше, чище, добрее. Нельзя допустить, чтобы наши народы оказались заложниками неразумного национализма, ложно понимаемых национальных интересов в наши дни, точно так же, как они часто оказывались заложниками узкодогматических идеологических и пропагандистских клише ложно понимаемого интернационализма в дни минувшие. Если перестройка это действительно революция, Карабах и Закавказье в целом, не должны стать ее Вандеей.

Я не хочу вдаваться в исторический экскурс по истории Карабаха, интересующиеся могут обратиться к солидным исследованиям и веским источникам по этому вопросу. Достаточно, хотя бы вспомнить название области – Нагорный Карабах, чтобы сделать выводы. Карабах – чисто азербайджанское слово, означающее большой сад. Именно азербайджанское, а не арабское, не персидское, не армянское. До самого последнего времени никто и не оспаривал это географическое понятие, никто не пытался найти ему, как модно сейчас говорить – альтернативное название Арцах. Многие армянские писатели выносили слово Карабах не только в названия своих книг, но даже пользовались им как литературным псевдонимом.

Что же касается определения Нагорный, то оно означает, что эта часть большого Карабаха, исторического азербайджанского ханства, он

приобрел статус автономии в составе Азербайджанской ССР в 1923году, т.е. еще при Ленине. Ярким образцом дезинформации является то, что, ссылаясь на официальный документ, решение Кавбюро этому вопросу стыдливо избегают привести глагол. Ведь в решении-то сказано: **оставить** НКАО в составе Азербайджана, **оставить**, так как он там и был, а не передать, следовательно по этому решению Нагорный Карабах просто не передали соседней республике. Это и было справедливым решением; учитывающим все факторы и подлинные интересы всех сторон. Нет никаких оснований конъюнктурно приплетать сюда Сталина. У Сталина достаточно тягчайших преступлений перед русским, грузинским, армянским и азербайджанским народами, перед всеми народами нашей страны, чтобы приписывать ему вину и в якобы единоличном решении в те годы, когда он единолично решать еще был не в состоянии.

Приобретя статус автономной области, Нагорный Карабах достиг внушительных успехов и в экономической, и в культурной сферах. Маленькое селение Ханкенди – в буквальном переводе с азербайджанского «Ханское село» – превратилось в крупный индустриальный и культурный центр – город Степанакерт, со своим педагогическим институтом и драматическим театром на армянском языке, с домами культуры, клубами, школами на армянском языке, с областной газетой на армянском и русском языках.

Безусловно, в Нагорном Карабахе были допущены определенные искривления в национальной политике, как в отношении армянского, так и азербайджанского населения, недопустимо халатным было отношение к историческим и архитектурным памятникам обоих народов. Эпоха застоя тяжело сказалась и на жизненном уровне НКАО, хотя он все же был выше среднего уровня как в Азербайджане, так и в Армении, и уж во всяком случае, гораздо выше уровня многих регионов России.

Учитывая, что карабахский вопрос в начале был поставлен как вопрос об экономическом ущемлении, было принято известное постановление о выделении больших средств для развития области, в очень сложный в экономическом плане момент истории страны. Это было воплощением на деле ленинского принципа: «Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить».

Но, к сожалению, вполне понятные экономические или культурные требования – трансформировались в нечто совсем другое – антиконституционные, ущемляющие принципы суверенитета, лозунги о перекройке, переподчинении и т. д.

Когда в ответ на авторитетно провозглашенный тезис «перестройка не есть перекройка границ» говорят, что это просто неудачная рифмовка, то ясно, что речь идет отнюдь не о поэтическом совершенстве. Речь идет и о конституционных гарантиях в правовом государстве или об их отсутствии, об их прочности или об их зыбкости, незыблемости или условности, подверженности любому произволу, любым случайностям. «Не перекройка» означает не только сохранение национальных цветов республики на административной карте страны, речь идет и о реальном осуществлении юрисдикции каждой республики на своей территории. Требование непосредственного переподчинения части территории республики административным органам вне ее или над ней есть фактическое осуществление перекройки границ.

Я глубоко уважаю академика А.Д.Сахарова, он был кумиром моей молодости, я восхищался его поведением в годы застоя, считал его как бы гарантом справедливости и мне больно видеть, какую несправедливую и одностороннюю позицию занимает академик Сахаров в вопросе об НКАО. Андрей Дмитриевич просит, даже «умоляет», как он здесь выразился, азербайджанцев отдать часть своей территории. Но

кто бы, как бы ни умолял, ни одна республика не согласится дарить часть своей территории кому-то в качестве сувенира. Азербайджан суверенная, а не сувенирная республика. Суверенная республика сама может, должна и способна обеспечить благосостояние, процветание, безопасность, гарантирование всех социально-экономических, культурных прав всем своим согражданам, с особенной бережностью заботясь о национальных меньшинствах. Парадоксальная структура и специфическая особенность нашей страны еще и в том, что представители одной и той же нации могут быть в одной республике большинством, а в другой меньшинством.

Более того, эта ситуация может иметь место и внутри самой республики. Так, армянское население Нагорного Карабаха составляет около двух процентов 7 миллионного населения Азербайджанской ССР и является в Азербайджане национальным меньшинством. Но, в самом Нагорном Карабахе национальным меньшинством являются азербайджанцы, составляющие 25 % от общего населения области. Так вот, с одинаковой чуткостью необходимо относиться к запросам, как этих двух процентов, так и этих 25.

В связи с НКАО приводят и такой, прямо скажем странный довод: «Почему один народ должен жить в подчинении у другого? «. Как же тогда, в чьем подчинении живут 60 миллионов советских людей, проживающих не в своих коренных республиках. Автономные республики и области входящие в состав РСФСР – в чьем они подчинении живут? А русские, живущие во всех республиках? Азербайджанцы, живущие в других республиках, и, наконец, сами армяне, компактно проживающие в Грузии, в РСФСР, в республиках Средней Азии, не имея там своих автономных образований? Там не ставится вопроса ни о самоопределении в форме отделения, ни о переподчинении, ни о перекройке границ. Как-то интересно получается;

когда не имеешь автономию, это не подчинение другому народу, а когда имеешь автономию, свои партийные, политико-административные, общественные институты, свою прессу и телевидение на своем языке, свою квоту депутатских мест в Верховном Совете – то это – подчинение. Думаю, азербайджанцы, компактно проживающие за пределами своей республики, и нигде не имеющие каких-либо форм национальной автономии, не отказались бы от такого рода «подчинения».

Клубок всех карабахских проблем на сегодняшний день можно свести к двум извечным вопросам, поставленным великой русской литературой XIX века: «Кто виноват? « и «Что делать? «. Думается сейчас, в данный исторический момент, мы не должны заострять свое внимание на первом вопросе, гораздо важнее сосредоточиться на втором. История, конечно, в более спокойные времена выяснит: кто и в какой степени был виноват. Сегодня же необходимо думать о другом: что делать? Как найти выход из тупика? Ответ может быть один – уважение к достоинству обеих народов, уважение к закону. Конкретно: однозначное, четкое подтверждение всеми сторонами принципа территориальной целостности и суверенитета союзных республик, никаких лазеек для вычленения из состава республики какого-либо ее региона, под любым предлогом и в любой форме. Гарантия со стороны республики в отношении обеспечения экономических, культурных прав всех своих сограждан, с особенно бережным отношение к национальным меньшинствам и их административным образованиям. Понимание несостоятельности разговоров о временном подчинении какой-либо части одной республики другой республике или Центру, ибо, в конечном счете, все мы и так «подчинены» Центру. И то, что Центр в лице Верховного Совета, его специальной Комиссии рассматривает вопросы, касающиеся только самой республики, подтверждает не только его широкие полномочия, но и силу, реальную власть. Окончательное же

решение, я полагаю, вынесут не латиноамериканские латифундисты и арабские шейхи, как намекает на это любимый мной певец Шарль Азнавур. Решение, рано или поздно, примут пастух Карапет и пастух Ахмед, землепашец Мамед и виноградарь Акоп, учитель Ашот и сельский врач Али. Ведь жить-то вместе им и их детям. И не в Париже, не в Калифорнии, а в Карабахе.

Так пусть же с благословенной земли Карабаха слышатся чарующие голоса певцов, мелодии тара и кяманчи, а не стоны матерей. Пусть эта земля оросится потом крестьян, а не кровью солдат. Пусть там будет больше новых домов и меньше новых могил.

И Я НЕСУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

(Выступление на XXXII съезде Коммунистической партии Азербайджана 13 июня 1990г.)

Уважаемые товарищи!

Очень хотелось, чтобы нынешний съезд коммунистов Азербайджана вошел в историю как съезд торжества правды, искренности. После кровавых январских событий в Баку я не хотел оставаться в рядах партии. И хотя никому партбилета не отдавал, не считал себя после этих ужасов членом партии. И если я сегодня здесь, если я выступаю с этой трибуны, то должен объяснить причину этого. После длительных, мучительных и серьезных раздумий я пришел к выводу, что как член партии с 23-летним стажем я в полной мере несу ответственность за ее ошибки перед страной и народом. Вину за ошибки и преступления сталинско-брежневской системы нельзя перекладывать только на прежних и нынешних руководителей, она лежит и на остальных рядовых и не рядовых членах Коммунистической партии. За все, что произошло за эти годы со страной и с нашей республикой, когда буквально фонтанировала ложь, погибала природа и города, извращалась история, торжествовали фарисейство, взяточничество, кумовство, местничество – в ответе партия. Ей и выводить страну из подобного состояния. И каждый из нас, рядовых членов партии, должен бороться за это, используя все возможности, сосредоточенные в ее партии, руках, в том числе и трибуну съезда. Да, партия сосредоточила в своих руках бразды правления. И исторический парадокс в том, что теперь она сама же должна протянуть руку тем общественным силам, что способны претендовать на власть. Это может стать самым славным ее деянием в глазах будущих поколений. Празднуя недавно 72-ю годовщину Азербайджанской Демократической республики, знакомясь

со многими документами той поры, мы вновь осознаем, сколь богаты демократические традиции нашего народа. Об этом особенно следует помнить сегодня, когда мы утверждаем суверенную республику. Ибо суверенитет без наличия четких демократических институтов и законов может обернуться новым тоталитаризмом, личным, политическим или религиозным деспотизмом, тиранией. Вот почему необходимо бороться за укрепление демократии, причем в рамках демократизации общественной жизни всей страны.

Многопартийность не может искусственно насаждаться сверху. Политический плюрализм и демократия – суть плодотворного сотрудничества с теми силами, которые вышли из народа, выражают мысли и чаяния значительной его части. В этом плане здоровые силы Народного фронта Азербайджана должны занять достойное место в общественно-политической жизни республики, консолидироваться с Компартией и теми партиями, которые могут быть созданы в будущем, с общественными организациями. Народный фронт Азербайджана должен занять подобающее его авторитету место на политической арене республики, причем это место должно быть представлено не как подаяние, а как завоеванное в битвах право. Когда мы говорим о здоровых силах Народного фронта, предполагается, что в нем есть и нездоровые силы. Так ли это? Конечно так. В Народном фронте есть карьеристы, демагоги, двуличники. Но разве в рядах Коммунистической партии одни лишь праведники, разве нет там жуликов, проходимцев, бюрократов, догматиков? Есть. Есть ли серьезные ошибки и упущения в деятельности Народного фронта? Конечно, есть. Но, во всяком случае, ошибки, допущенные Народным фронтом за два года, значительно меньше ошибок, допущенных коммунистами за 70 лет.

Товарищи! Народу ещё долго надо будет говорить правду, чтобы он, в конце концов, поверил нашим словам. Уши, в течение долгих лет

привыкшие слушать одну ложь, трудно приучить к правде. Дело в том, что ложь продолжается и сегодня. Разве сообщение центральных средств массовой информации о проблемах Нагорного Карабаха не такая же беспардонная ложь? Как объяснить, почему нечистый на руку Манучаров, изобличенный как финансовый махинатор, будучи в тюрьме, избирается депутатом и потом отпускается на волю, а мы до сих пор не знаем, в чем же обвиняются Этибар Мамедов и другие, арестованные во время январских событий. Прошли установленные законом три месяца предварительного следствия, но ничего вразумительного ни народу, ни депутатам по этому поводу не сообщается и это вызывает справедливое недовольство и возмущение.

Родина не предмет торга. Сегодня я вновь повторяю то, что сказал на заседании Верховного Совета СССР; Азербайджан – не сувенирная, а суверенная республика. Не пожалеем же сил для сохранения суверенитета нашей Родины, ее целостности, торжества демократии и свободы человека.

НЕ ЗАБЫВАТЬ УРОКОВ ПРОШЛОГО

(Выступление на Внеочередном пятом Съезде народных депутатов СССР от 5 сентября 1991 года)

Уважаемые товарищи депутаты!

Наша азербайджанская депутация приехала на съезд с конструктивными предложениями, с желанием конструктивно работать. И по выступлениям наших товарищей вы это видели.

Я тоже хотел бы выступить здесь совсем с другими предложениями и темами. Но обстоятельства сложились иначе. Конфликты на межнациональной почве начались с территориальных притязаний на НКАО Азербайджанской Республики. Первая кровь, пролитая в межнациональных столкновениях, была кровью двух азербайджанских юношей, погибших в Карабахе. За четыре года этот конфликт унес сотни жизней.

Сегодня на этом важнейшем съезде, когда намечаются контуры нового устройства Союза, армянские сепаратисты снова выступают в роли детонатора, готового сорвать хрупкое согласие. Именно такой акцией является решение давно распущенного Верховным Советом СССР областного Совета НКАО двадцатого созыва, который самочинно перекраивает карту Азербайджана, включая в свой состав несуществующий Шаумяновский район и игнорируя волю азербайджанской части автономной области.

Еще одной провокацией уже на этом съезде стало выступление известного вдохновителя карабахского кровопролития Зория Балаяна. Именно на дрожжах его махровой националистической идеологии взошла беда двух народов – азербайджанского и армянского. Его выступление подчеркивает, что августовский путч еще не окончен. В этом

ключе выдержана и его клевета на Президента Азербайджанской Республики, высказывания которого искажены и вырваны из контекста. Все инсинуации об использовании тягачей, оружия и тому подобного являются не чем иным, как попыткой вбить клин между Россией и Азербайджаном и уйти от ответа на вопрос: откуда-то грозное современное оружие, каким армянские боевики стерли с лица земли селение Баганис Айрум и другие азербайджанские села.

Высший орган государственной власти Республики Азербайджан принял акт о независимости. Республика Азербайджан гарантирует права и свободы всех граждан, независимо от их национальности, вероисповедания. В этот ответственный момент истории страны мы требуем от председательствующих на съезде пресекать любые попытки разжигания межнациональной розни, не допускать обсуждения вопросов, уводящих съезд от его главных задач.

Хочу воспользоваться редкой, может быть, единственной возможностью и обратиться прямо к армянской депутации и грузинской депутации: давайте не забывать уроки прошлого, историю 18-20-х годов.

Все мы хотим независимости. Независимость трех закавказских республик возможна только тогда, когда между ними будут мир и согласие. Никогда, если одна из республик будет придираться к другой или две будут придираться к третьей, у нас не будет ни независимости, ни свободы. Давайте подумаем над этим вместе.

Опубликовано в газете «Известия»

6 сентября 1991 г.

P.S. Это было мое последнее выступление в качестве Народного депутата СССР. До этого я выступил более двадцати раз на Съездах Народных депутатов, на Сессиях Верховного Совета и в ее комиссиях. Представленные в этой книги тексты, сохранившиеся в моем архиве или опубликованные в прессе, лишь часть этих выступлений.

Два года союзного депутатства, едва ли не самая трудная пора моей жизни. Мы, азербайджанские депутаты были под обстрелом со всех сторон. Республиканские власти были недовольны нами, за то, что мы общаемся с представителями Народного фронта Азербайджана, принимаем их и обсуждаем с ними наши действия, когда они приезжают в Москву, что мы имеем контакты с Межрегиональной группой. Оппозиционеры, представители Народного фронта упрекали нас в недостаточной радикальности по отношению к властям, в невхождении в Межрегиональную группу, которая, кстати, всегда была на стороне Армении в карабахском конфликте. Сами же армяне, помимо баталий на депутатском уровне, осыпали нас бранью в своей прессе, письмами, телеграммами, бесконечными телефонными (порой анонимными) звонками, шантажировали и угрожали каждому из нас жестокой расправой. Плюс еще прессинг рядовых избирателей.

Я, в силу своей писательской профессии, более известный, чем другие наши депутаты, подвергался наиболее массированному шквальному огню со всех сторон. Каждый день получал более ста телеграмм, телефон в моем номере звонил беспрерывно – звонили из Баку, Москвы, Еревана. Конечно, часть наших сородичей поддерживали нас, пытались выразить свою солидарность. Но было немало и таких, кто не вникнув в ситуацию, не оценивая расстановку сил в Союзном Парламенте, безучастно и даже в во многих случаях враждебно, проармянски настроенном по отношению к Азербайджану и его депутатскому корпусу, требовали от нас того, что мы, да и никто на нашем месте не мог бы совершить. Тем не менее, мы сделали все, что было в пределах наших возможностей ради отстаивания интересов своего народа. Мне хочется привести здесь два текста, которые, в какой–то мере проливают свет на нашу депутатскую деятельность и на ее отдельные моменты. Первый текст из большой статьи покойного

журналиста Балаша Аббасзаде, аккредитованного в Союзном парламенте, наблюдавшего деятельность нашей депутатской группы непосредственно. Второй, касается пресловутого случая, когда Горбачев не дал мне слова на сессии.

«До избрания Анара Народным депутатом СССР, я был одним из многочисленных поклонников его творчества, но не знал его близко, никогда не общался с ним лично. Читал все, что он публиковал.

Случилось так, что я поменял место работы, а Анар был избран Народным депутатом. Многие вздохнули с облегчением – среди депутатского корпуса будет человек, который воспринимает боли, страдания, трагедию народа, как свои собственные, человек, способный говорить от имени народа. Но не надо было бы забывать, что Анар писатель, а не политик. Тем не менее, его деятельность в качестве депутата в последние два года – бесценна.

После Первого съезда Народных депутатов СССР отношение к Анару в какой-то степени изменилось. Это было естественно, ибо народ, разочаровавшийся во всем, только от Анара и ожидал того, на что было неспособно все руководство республики. Так развеялся миф о всемогущем Анаре, выяснилось, что он не волшебник, способный решить сразу все проблемы.

Если армяне считают своими заклятыми врагами двух-трех человек, одним из них является Зия Буньятов, другим Анар. И уже довольно продолжительное время занимаются его очернением в мировом масштабе.

Анар с первых же дней своего депутатства был вовлечен в игру. И эта игра, как бы отрицательно не влияла на Анара как на писателя, не могла никак сломать его гражданскую волю. Народ в основном оценивает деятельность депутатов по кадрам, показываемым на телеэкранах или по публикациям в газетах. И многие депутаты,

пользуясь именно этим, набирают политический капитал, стараются выступать по возможности часто и по возможности радикальней. Многие из них и в период так называемого застоя в жизни были одними, а на трибунах другими. Глубоко ошибаются те, кто деятельность депутатов оценивают только лишь по выступлениям. Как мы можем забыть, что первые беженцы из Армении шли прежде всего в Союз писателей, к Анару, искали именно его поддержку. И Анар делал для них все возможное, все, что было в его силах. Нельзя зачеркнуть все это.

В связи со своей работой я часто общался с нашими депутатами в Москве. Я свидетель и их деятельности, и их бездействия. В те дни я не помню другого депутата, который бы столько работал, столько бы трудился как Анар. Помимо собственных выступлений, он писал тексты для речей некоторых других депутатов, вел разъяснительные беседы с представителями других групп, с которыми был лично знаком. Когда кое-кто из наших депутатов, ссылаясь то ли на усталость, то ли на незнание языка, отказывались от встреч с общественностью, которые удавалось организовывать с большим трудом, Анар неизменно участвовал на этих встречах. И он никогда не заботился о том, чтобы о его деятельности знали в Азербайджане. Он стремился только к одному – постепенно, капля за каплей, опровергнуть армянскую версию событий и донести до людей правду Азербайджана. И это давало свои результаты. Если на Первом съезде Народных депутатов СССР попытка армянской делегации внести в повестку дня пять предложений не удалась, то в этом заслуга наших депутатов.

Все помнят резкие выступления Анара с обвинениями в адрес Союзного правительства, в феврале, марте 1990-го года.

БАЛАШ АББАСЗАДЕ. «Большое бремя – понимать» газета «Республика» 14 ноября 1990.

Еще один вопрос, который постоянно муссируется недоброжелателями Анара, вопрос о том, что однажды председательствующий на заседании М.Горбачев не дал ему слова. Писатель так прокомментировал это в прессе:

«В тот день я не записывался на выступление. Спонтанно пошел к трибуне. Там есть одна особенность: председательствующий может отключить микрофон, ты будешь махать руками на трибуне, но никто ничего слышать не будет. Так поступил и Горбачев и, чтобы не выглядеть в смешном положении, я сошел с трибуны. На следующий день покойная академик П.Азизбекова, сидящая в Президиуме рядом с Горбачевым, принесла мне от его имени извинения: я не знал, что это ваш писатель, я приношу ему свои извинения…

Это было опубликовано в газетах. То, что тогдашний руководитель страны, Президент государства извинился передо мной, и это нашло отражение в прессе, никто не вспоминает, так же как и мои многочисленные выступления, а вот тот единственный случай, когда мне не дали слова, помнят и напоминают всем каждый раз, с единственной целью очернить меня.

Позже я познакомился с Горбачевым лично, несколько раз принимал участие на встречах с ним, говорил ему о волнующих нас проблемах, спорил. Об этом я рассказал в очерке «Гора шахидов». В последний раз я видел Горбачева живьем на юбилее Низами в Москве. После торжественного вечера в Большом Театре, где я сделал доклад, и выступили представители нескольких республик, там же состоялся фуршет. На нем были Президент Азербайджана Аяз Муталлибов, Председатель Совета Министров республики Гасан Гасанов, Министр культуры СССР Н.Губенко. Был и М.С.Горбачев. Мы стояли на разных концах длинного стола, он рядом с Муталлибовым. Увидев меня, он

специально подошел, пожал руку и сказал, вы просто молодцы, что смогли собрать столько представителей из разных республик.

Это было октябре 1991-го года, спустя два месяца после августовского путча и за два месяца до распада СССР.

Горбачев не смог сделать то, что «удалось» нам на юбилее поэта, не смог «собрать» республики в некий обновленный Союз. СССР перестал существовать, и его первый Президент стал и последним».

«*Двуличный характер лидера перестройки верно почувствовал писатель Анар, опубликовавший свое суждение в январе 1991 года, когда Горбачев стоял у штурвала власти, выполняя чужие команды:*

«Во встречах с М. Горбачевым я нашел его гибким, умным, изощренным политиком. По натуре это, безусловно, не жестокий человек. Но это – человек, что называется, у себя на уме, и разгадать его истинные намерения непросто…И, повторяю, не будучи, на мой взгляд, человеком жестоким, он порой оправдывает, если даже не санкционирует, весьма жестокие и кровопролитные акции (Тбилиси, Баку, Литва). Президенту сейчас как никогда нужна армия, и он, по-моему, может оправдать любые ее действия, даже такие, какие он как человек, а не как политик, безусловно, не одобрил бы. Конечно, жизнь людей для него – далеко не мелочь, но в то же время все это не является для него, как политика, неприемлемой ценой для достижения какой-либо цели»

ЮРИЙ ПОМПЕЕВ.

Из книги «КРОВАВЫЙ ОМУТ КАРАБАХА»

Санкт-Петербург 1992г.

ТРАГЕДИЯ ХОДЖАЛЫ

«Известия» получили обращение азербайджанских писателей к коллегам из бывшего СССР, посвященное недавнему (26 февраля) штурму и захвату армянской стороной города Ходжалы в Нагорном Карабахе.

«…Уничтожен целый город с тысячами жителей, – говорится в этом документе, – погибли тысячи людей, тысячи других ранены, остались калеками на всю жизнь, пропали без вести, изгнаны из своих домов, которых уже нет… Если в отношении сожженных армянскими боевиками азербайджанских сел проводились аналогии с Лидицей, Хатынью, Сонгми, то трагедия Ходжалы сопоставима для нас с трагедией Хиросимы. Да, для семимиллионного Азербайджана полное уничтожение десятитысячного города – такая же глубокая рана, как для многомиллионной Японии гибель 200 тысячной Хиросимы!…Не дай вам Бог когда-нибудь иметь свой Ходжалы».

Такое заявление, каким бы эмоциональным и «необъективным» оно не было, не может остаться без внимания и расследования. Если на самом деле стерт с лица земли целый город со всеми его жителями, то родившаяся из межнационального конфликта война в Нагорном Карабахе переросла в самую страшную стадию- войну на взаимное уничтожение»

«Известия», 4 марта 1992

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО НА ОТКРЫТИИ ПЕРВОЙ СЕССИИ МИЛЛИ МЕДЖЛИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АНАРА

24 ноября 1995 г.

Уважаемый господин Президент! Уважаемые дамы и господа! Вести первое заседание нашего Парламента, избранного в период независимости, большая честь для меня и я выражаю всем вам глубокую благодарность и признательность за это доверие. В то же время, пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность нашим избирателям, то есть всему азербайджанскому народу, избравшему нас в этот Милли Меджлис.

Народ доверил нам. Мы должны стараться, чтобы не потерять это доверие народа. Есть и те, кто нам не верит, давайте постараемся, чтобы поверили и они. Поверили бы, что наша единственная цель – работать во имя настоящего и будущего Азербайджана.

Наши мысли могут отличаться друг от друга, у нас могут быть разные убеждения, разные философские взгляды. Но та цель, которая нас объединяет – выше всего того, что нас разъединяет. А это цель заключается в том, что мы хотим видеть Азербайджан вечно независимым, мы хотим укреплять государственность Азербайджана, мы хотим вернуть наши оккупированные земли, хотим обеспечить территориальную целостность нашей родины. Мы хотим, чтобы вернулись к своим родным очагам наши беженцы, хотим развивать нашу экономику, хотим укреплять нашу армию, хотим заботиться о нашей культуре, просвещении.

Все это возможно лишь в условиях демократии. Революции могут совершаться в течение одного дня, перевороты могут быть устроены в течение одного дня или одной ночи. Опыт разных народов подтверждает, что развитие демократии происходит годами, иногда

веками, шаг шагом, ступенька да ступенькой. Случается и спотыкаются на этом пути, случается и падают, встают. И наш путь таков – шаг за шагом, ступенька за ступенькой насаждать в Азербайджане демократию.

Сегодня мы воспринимаем независимый Азербайджан как наследника Азербайджанской Демократической республики 18-20 годов. Если это так, мы должны извлечь уроки из горькой судьбы той Республики, помнить, что наши недруги извне могли свергнуть власть, когда внутри самого государства начались распри, в парламенте начались дрязги и это нарушило единство общества, единство народа. Это должно стать горьким уроком для нас.

Хочу верить, что в условиях разномыслия, плюрализма, демократии Милли Меджлис Азербайджана станет для всей нашей нации образцом политической культуры, будет учить общество тому, что споры – это отнюдь не вражда. И именно такая мораль, такое поведение Парламента повлияет на общество в целом, в том числе и на средства массовой информации.

И да будет Всевышний опорой нам в этом великом и благородном деле.

А теперь разрешите приступить к работе в соответствии с нашим сегодняшним регламентом.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА 200-ЛЕТИИ ШАМИЛЯ

Уважаемый Президент Азербайджанской Республики!

Дорогие дагестанские гости, уважаемые дамы и господа!

200-летие шейха Шамиля, одной из известных личностей в истории, проводившей борьбу во имя национальной независимости и освобождения, которое отмечается в независимом Азербайджане, при участии Президента независимого Азербайджана уважаемого Гейдара Алиева и руководителей Дагестана, само по себе – славное и большое историческое событие. 200 лет назад в ауле Гимры Дагестана у кузнеца Мустафы родился второй ребенок. Первым ребенком была девочка. Сына назвали Али. Но через какое-то время Али начинает болеть. Не помогают никакие лекарства, лечения. Они идут в пир[1] – и это не помогает, и тогда родители решают поменять его имя и назвать Шамилем. Таким образом в историю вошел Шамиль – шейх Шамиль, который 25 лет вел героическую борьбу против царской России, этой огромной мировой империи, шейх Шамиль, с которым ни справлялись русские генералы, победившие маршалов Наполеона, и который превратился в символ свободы и независимости кавказских народов.

Более 200 лет царская Россия вела на Кавказе колониальную войну, и в течение такого же времени Кавказ вел борьбу против этой колониальной политики. Когда Шамилю было 7 лет, гянджинский правитель Джавад-хан ответил наглому царскому генералу князю Цицианову: «Ты можешь захватить мой город, лишь перешагнув через мой труп» и, сдержал свое слово, героически погибнув у стен Гянджинской крепости. Позже генерал Цицианов лишился своей буйной головы у стен Бакинской крепости.

---

[1] Пир – святое, почитаемое верующими место.

Борьба, проводимая героическими сынами Дагестана Гази Магомедом, Гамзат-беком, имамом Шамилем, велась как религиозная, основываясь на философии мюридизма. Гази Магомед, который был старше Шамиля по возрасту и был его другом, оказал на него большое влияние. Он сказал Шамилю, что пришло время газавата. После этого начался продолжающийся несколько лет газават – борьба дагестанского народа, кавказских народов против колонизаторов. В этой борьбе народы Азербайджана и Дагестана сражались плечом к плечу. Отголосками этой борьбы в Дагестане были восстания в Губе в 1837-ом году, восстания в других местах Азербайджана. Имя Шамиля попало в фольклор, песни Азербайджана.

Первую философскую статью, о Шамиле написал в XIX веке азербайджанец Казымбек под названием «Шамиль и мюридизм». В XX веке азербайджанский писатель Мехти Гусейн написал пьесу «Шейх Шамиль», посвященную шейху Шамилю. Однако, как это ни горько, но нужно сказать и то, что в шельмовании личности шейха Шамиля принял участие бывший в то время первый секретарь Центрального Комитета КП Азербайджана Мирджафар Багиров. Если мы говорим об этом с горечью, то с гордостью и с печалью должны сказать и о том, что в советский период, одной из первых жертв борьбы во имя Шамиля был наш большой философ, прекрасный ученый Гейдар Гусейнов.

Я хочу рассказать о своем личном воспоминании. Я учился в средней школе. В то время в наших книгах была фотография шейха Шамиля. Под фотографией было написано слово «Герой» и в тексте Шамиль был представлен, как борец за свободу. Однако после выступления Мирджафара Багирова Гейдар Гусейнов был освобожден от должности. Он был членом Союза писателей, и оттуда его исключили, и его жизнь завершилась трагически. У нас был учитель, который говорил нам, чтобы мы не смотрели на эту фотографию и что

все написанное в книге – неправда. Шамиль, мол, был шпионом Турции, плохим человеком и т. д. Он спросил у меня, кто в Азербайджане хвалил Шамиля? Я ответил, что не знаю. Хотя я знал имя Гейдара Гусейнова. Он ответил: нет, ты знаешь и скажешь. Я сказал, что не знаю и не скажу. Тогда он ответил, что поставит мне двойку. Я сказал: ставьте. Он и поставил ее. Он знал, что я знаю имя Гейдара Гусейнова. Это был в моей жизни первый гражданский поступок, и оценка, полученная в этом противостоянии, стала первой оценкой.

Шейх Шамиль верил в Бога, а история – это терпение Бога. Когда происходят события, Аллах не расставляет все по местам, ждет, проходит время, и история все расставляет по местам, каждый получает оценку, выясняется, кто есть кто. Через год Мирджафар Багиров сел на скамью подсудимых истории. Через какое-то время светлое имя Гейдара Гусейнова вновь было восстановлено. Я горжусь, что в период моей работы в Союзе писателей в знак уважения к его памяти Гейдар Гусейнов восстановлен в членстве Союза писателей.

В Баку существовала комиссия по присвоению имен улицам. На заседании этой комиссии я предложил присвоить одной из улиц Баку имя шейха Шамиля. Сейчас в Баку, в различных городах Азербайджана есть улицы, носящие имя шейха Шамиля, есть памятник ему. Президент Азербайджана Гейдар Алиев издал распоряжение о широком проведении в нашей стране юбилея шейха Шамиля, направил поздравление в Дагестан и сегодня присутствует на торжественном юбилейном вечере.

Азербайджанский народ любит шейха Шамиля, как своего национального героя, гордится, им как своим национальным героем. Во многих местах нашей республики есть всевозможные башни. Однако только две из них связаны с именами личностей – башни Кёроглу и башни шейха Шамиля. Но кроме этих башен есть духовная башня,

возведенная шейхом Шамилем во имя свободы и независимости, она живет в душе наших народов.

11 ноября 1997г.

«Вышка» 21 ноября 1992 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ОТКРЫТИИ III СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ ТЮРКСКОГО МИРА В БАКУ 6-ГО НОЯБРЯ 1996-ГО ГОДА

Уважаемый Президент Азербайджанской Республики господин Гейдар Алиев!

Уважаемые делегаты III съезда писателей тюркского мира, дорогие гости, представители прессы!

Я испытываю чувство гордости за честь, предоставленную мне – открытие III съезда писателей тюркского мира.

Первый съезд писателей тюркского мира состоялся в городе Анкара и на этом съезде присутствовал и выступил с речью покойный Президент Турции Тургут Озал. Второй съезд также состоялся в Анкаре и там присутствовал и выступил с речью нынешний Президент Турции уважаемый Сулейман Демирель.

Мы очень рады, что Президент Азербайджана уважаемый Гейдар Алиев принял наше предложение и участвует на III съезде тюркских писателей, который проходит в Баку. Я хочу особо отметить, что нам удалось провести и этот съезд, и важные мероприятия, связанные 500-летием Физули, конференцию ТЮРКСОЙ, международный научный симпозиум в Баку благодаря тому, что Президент Гейдар Алиев проявил большую заинтересованность, внимание и заботу к этим мероприятиям и оказал всяческую помощь, отдал соответствующие распоряжения чтобы, несмотря на все нынешние трудности Азербайджана, все прошло на высоком уровне.

Знаменательно, что время проведения нашего съезда совпало с рядом других важных мероприятий. Несколько дней тому назад мы присутствовали на открытии мавзолея Гусейна Джавида, великого художника не только Азербайджана, но и всего тюркского мира,

олицетворяющего его дух, его нравственные ценности. Хочу особо подчеркнуть и то, что останки сосланного советским режимом в Сибирь и погибшего там Гусейна Джавида были через многие десятилетия возвращены на родную землю, в Азербайджан, благодаря доброй воле и политическому мужеству Гейдара Алиева.

В эти дни мы отмечаем и 500-летие гениального Физули. Мне представляется, что проведение нашего съезда между двумя этими важнейшими событиями культурной жизни – это и дань памяти нашим великим предшественникам. Это и дань памяти Джалила Мамедкулизаде, который ровно 90 лет тому назад вместе с великим Сабиром, Омером Фаиком, Гамгюсаром стал издавать журнал «Молла Насреддин», боровшийся за идеи демократии, за просвещение народа. Мы в этом году чтим память и другого нашего выдающегося деятеля – Алибека Гусейнзаде, который также 90 лет тому стал издавать журнал «Фуюзат», в котором проповедал идеи тюркизма, духовного единства тюркских народов.

Сегодня мы являемся наследниками тюркской письменной культуры, насчитывающей по меньшей мере 1500 лет своей истории, считая со знаменитых Орхонских рунических текстов. Мы – писатели тюркского мира – духовные наследники Юнуса Имре и Насими, Навои и Махтумкули, Мирзы Фатали и Намика Кемала, Абая и Габдулла Тукая, Махмуда Кашгари и Исмаил бека Гаспринского. Мы писатели тюркского мира, в котором живы дух мудрого Деде Горгуда, непобедимого Кероглу, отважного Манаса, бесстрашного Салавата Юлаева.

Не случайно, что и первый Тюркологический съезд был проведен в 1926-ом году в Баку, в этом зале, в этом самом здании Исмаилии, где ныне расположен Президиум Академии Наук Азербайджана. На том съезде были приняты многие очень важные для тюркского мира решения.

Хочу напомнить и о том, что из 16 представителей Азербайджана, участвовавших на том съезде, лишь один – открывший первое заседание Самед бек Агамалы оглу – умер своей смертью. Остальные 15 делегатов были сосланы, расстреляны, уничтожены, стали, так же как и представители других тюркских республик – Галимджан Шараф и Галимджан Ибрагимов из Татарстана, Ахмед Байтурсун из Казахстана, Омар Алиев из Карачаево-Балкарии и многие другие, жертвами сталинских репрессий.

Сегодня утром мы посетили аллею Шахидов. Я предлагаю почтить память жертв всех наших народов – как участников Первого тюркологического съезда, так и тех, кто безвинно погиб во все последующие годы испытаний и борьбы. Аллах ряхмят етсин хамысына!

Тюркский мир – вбирает в себя семь морей – Средиземное, Эгейское, Мраморное, Черное, Азовское, Каспийское, Аральское, простираясь от Балкан до Великой Китайской стены, от Якутии-Саха до Киркука, и в этом огромном пространстве проживает миллионы людей. Среди тех, кто хранит дух этого мира, особая миссия возложена на писателей. В самые тяжкие годы преследований наши литературы стояли на страже наших языков, нашего духа и часто являлись последними бастионами, последними цитаделями зашиты наших нравственных и культурных ценностей, в первую очередь родной речи.

Какое счастье, что сегодня эти вышеупомянутые культурные мероприятия, в том и числе и этот съезд мы проводим, вместе с другими свободными, независимыми тюркскими народами. Какое счастье, что мы проводим эти мероприятия в независимом Азербайджане, под нашим государственным флагом вместе с Президентом независимого Азербайджана. Это великое счастье подарила нам судьба, это великое счастье наши народы завоевали в многолетней борьбе.

На I и II съездах писателей тюркского мира было выдвинуто много предложений и большинство из них уже претворено в жизнь. Было предложено создать организацию типа тюркского ЮНЕСКО и теперь успешно действует такая организация – ТЮРКСОЙ. Было предложено издание «Энциклопедии Деде Горгуд» и эта работа сейчас близка к завершению. Надеюсь, что и предложения, которые будут выдвинуты III съездом, воплотятся в жизнь и духовно-культурное единство тюркских народов еще более укрепится. Духовное культурное единство тюркских народов не направлено против какого-либо государства или народа. Древний «Шелковый путь» проходил по исконным тюркским землям. Грядущая дорога тюркских народов – это дорога взаимообщения с другими – исторически и пространственно-соседними народами, дорога мира, культурного, экономического взаимосближения, дорога, открытая для всех. Путь освоения культурных ценностей всего мира, путь людей, которые хотят донести духовные богатства тюркских народов всему миру. Пусть Бог будет нам в помощь на этом пути. Разрешите Третий съезд писателей Тюркского мира объявить открытым.

24-го апреля 1997-го года.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ, ОРГАНИЗОВАННОЙ ГАЗЕТОЙ «ВАШИНГТОН ПОСТ» И МЕЖДУНАРОДНЫМ ФОНДОМ КУЛЬТУРЫ В ГОРОДЕ ВАШИНГТОН

20 апреля 1994-го в городе Вашингтон открылась Конференция, организованная газетой «Вашингтон таймс» и Международным Фондом культуры, на тему «Поиски путей литературы нового мира и перспективы литератур Азии». На открытии конференции выступили Председатель Конференции Профессор из США Ричард Рубинштейн, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1992-ой год Дерек Уалкот, идейный вдохновитель и организатор конференции, живущий в Америке знаменитый кореец Сон Мьонг Мун и Анар.

«*Первым достижением нашей делегации в Вашингтоне стало выступление на открытие Конференции Анара. Нас радовало, что на форуме, в котором участвовало 300 делегатов из 60 стран, представитель Азербайджана выступил вторым, сразу после начала заседания. Со свойственным ему тактом Анар коснулся вопросов, волнующих писателей мира, довел до сведения участников положение дел в Азербайджане*. (*Флора Халилзаде. «Азербайджан» 11 мая 1997г.)*.

Уважаемый Председатель! Уважаемые дамы и господа!

Как член Парламента Азербайджана и Председатель Союза писателей, я приветствую Вас от имени Парламента, Союза писателей Азербайджана, нашей литературной общественности.

Моя родина Азербайджан – страна древнейшей культуры и страна, на долю которой в течение веков и тысячелетий выпало немало испытаний. Имена наших великих поэтов, мыслителей, ученых и художников широко известны. В прошлом году решением ЮНЕСКО во всем мире было отмечено 500-летие тюркско-азербайджанского поэта Физули, поэта любви и добрых чувств. Азербайджан всегда был в авангарде культурного прогресса в своем регионе. В XIX веке в Баку

был создан первый на мусульманском Востоке драматический театр, и стала выходить первая газета мусульман на территории Российской империи. Хочу оговориться, эта первая газета мусульманского населения России под названием «Экинчи» («Сеятель) не имела никакой религиозной окраски, а была чисто светским изданием, пропагандирующим демократические идеалы.

В 1908-ом году азербайджанский композитор Узеир Гаджибеков создал первую оперу на исламском Востоке «Лейли и Меджнун» по мотивам поэмы Физули. И, наконец, 28 мая 1918 года, впервые на Востоке была провозглашена независимая Азербайджанская Демократическая республика, в парламенте которой, были представлены разные политические партии и разные национальные меньшинства, проживающие в стране. К сожалению, эта республика просуществовала только два года и 28-го апреля 1920-го года, как позже Армения и Грузия, была оккупирована Красной Армией.

В 1991-ом году мы вновь обрели государственную независимость, как и другие республики бывшего СССР. И как все эти страны постсоветского пространства, Азербайджан столкнулся с рядом серьезнейших общественных и политических проблем.

Переход от статуса фактической провинции Советской империи к статусу независимого государства, одна из этих проблем. Переход от советской тоталитарной системы к строительству демократического и плюралистического общества – вторая из этих проблем. Переход от плановой социалистически экономики к рыночной – третья проблема. За короткий исторический период мы столкнулись с такими глубокими проблемами, которые другие народы решали или решают в течение десятилетий, а порой и столетий. Но сложность нашей ситуации и отличие от других бывших республик Советского Союза, сталкивающихся в той или иной степени с аналогичными проблемами,

заключается в том, что, Азербайджан решает эти трудные проблемы в условиях войны. 20 процентов нашей территории оккупированы Арменией, в стране с 7 миллионным населением более 1 одного миллиона беженцев, изгнанных как из территории Армении, где они жили испокон веков, так и со своих исконных мест обитания в Нагорном Карабахе и прилегающих к этой области захваченных районов Азербайджана. Наш уважаемый Президент Гейдар Алиев неоднократно подчеркивал, что мы за мирное решение карабахской проблемы, мы привержены признанным всем миром принципам территориальной целостности Азербайджана, мы за претворение в жизнь резолюций ООН и других международных организаций, однозначно призывающих к освобождению захваченных земель. И мы за уважение всех прав всех национальностей, проживающих в нашей стране. Мы готовы предоставить Нагорному Карабаху самый высокий статус автономии в составе Азербайджана.

Азербайджанцы и армяне говорят на разных языках, но матери погибших с этой и с той сторону плачут на одном и том же языке. Мы хотим оставить следующим поколениям, нашим детям и внукам, которые будут жить в новом тысячелетии – не вражду и ненависть, а чувство понимания, чувство сострадания и справедливости. Именно эти чувства проходят красной нитью через все творчество наших писателей-классиков и современников. Именно с этими чувствами мы участвуем на этом форуме, который проходит в столице государства, для которого всегда были приоритетными ценности свободы, национального достоинства и справедливости. Желаю успехов нашей конференции.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ КОМИТЕТА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
25 -го мая 1999-го года, в Страсбурге.

Уважаемый Председатель! Уважаемые депутаты Европарламента! Мы преодолели тысячи километров пути от Баку до Страсбурга не надеясь на то, что в течение отведенных нам нескольких минут разъясним во всех подробностях историю и развитие событий в связи с нагорно-карабахским конфликтом. Некоторые из уважаемых депутатов имеют какое-то представление об истоках и причинах этого противостояния, то есть о территориальных притязаниях Армении к Азербайджану. Как вам должно быть известно, Азербайджан не оккупировал ни пяди армянской территории, в Армении нет ни одного палаточного городка беженцев. Но именно Армения захватила 20 процентов азербайджанских земель, в результате которого каждый седьмой азербайджанец оказался в незавидной роли беженца. Многие европейские парламентарии, политические деятели и журналисты могли собственными глазами убедиться в ужасающих условиях жизни в палаточных городках беженцев. И при всем при этом кое-кто пытается обвинить в чем-то именно нас. Мне кажется, столь высокий европейский форум не должен руководствоваться двойными стандартами, не должен в своих выводах опираться на домысли более сильной и влиятельной по части пропаганды, стороны. Одним из таких неверных постулатов является попытка связать этот конфликт с религиозными причинами, в то время как территориальные притязания одной страны к другой не имеют под собой никакой религиозной почвы, как это пытался представить здесь уважаемый член Политического комитета Дэвид Аткинсон. За примерами на надо далеко ходить, в течении многих веков мирно уживаются между собой два народа, принадлежащих к разным религиозным конфессиям – христианская Грузия и мусульманский

Азербайджан. Тем же, где пытается противопоставить общепризнанному мировым сообществом принципу территориальной целостности любой страны – принцип самоопределения наций, следует напомнить, что в цивилизованных странах Запада эти два принципа также порой приходят в противоречие, и не религиозная разность является тут причиной. Достаточно вспомнить страну Басков в Испании, Корсику во Франции, Ольстер в Великобритании, Квебек в Канаде. И никогда и нигде не поднимается вопрос территориальной целостности Франции, Испании, Великобритании или Канады. Не помнится, чтобы это было предметом обсуждения и тем более силового захвата. Этого не должно быть и в отношении Азербайджана, если мы не хотим придерживаться двойных стандартов. Благодарю за внимание.

P.S. *Информируя депутатов Милли Меджлиса о результатах поездки в Страсбург спикер Муртуз Алескеров в частности сказал: Проармянски настроенный член Политического Комитета Дэвид Аткинсон в очередной раз попытался представить Гарабахский конфликт, как межрелигиозный. С резкой отповедью ему выступил Анар Рзаев, который рассказал о том, как были изгнаны азербайджанцы со своих исконных земель. (газета «Азербайджан» 1-2 июня 1999)*

* * *

С 28-го сентября по 1-ое октября депутаты Анар, Гюльчохра Мамедова, Залимхан Якуб, сотрудник Милли Меджлиса Гамлет Годжаев были в Швейцарии. Анар выступил на 111-ой Международной парламентской Ассамблее с сообщением об экологическом вреде, нанесенном армянской агрессией природе Азербайджана. Наши представители встретились с Председателем Парламентского Союза, чилийским сенатором Сержо Таймсом, с Генеральным секретарем Ассамблеи Андреасом Джонсоном и подробно рассказали им о

сложившейся в регионе ситуации. Информируя Милли Меджлис об этих встречах, Анар подчеркнул, что в последнее время Армения разместила в Карабахе 150 семей, и замыслила довести до 2100-го года число поселенцев до 140 тысяч. «Это, по-моему, химера, несбыточная затея, но все-таки такой план существует, и мы должны принять заявление с протестом против этих намерений». Выражая свое отношение к этому предложению, спикер Муртуз Алескеров согласился с тем, что необходимо принять такое заявление»

«525-çi qəzet» от 6-го октября 2004г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА III-й АССАМБЛЕЕ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОГО СОЮЗА В ЖЕНЕВЕ 29 ОКТЯБРЯ

Уважаемый Председатель, уважаемые коллеги!

Еще в середине минувшего века западный мыслитель Маршал Мак Клюэн, учитывая невиданное развитие средств коммуникации и информации, предсказывал, что в скором времени мир превратится в огромную деревню. Эти его прогнозы в наши дни полностью подтверждаются, и человек, живущий в любой отдаленной точке мира, в одно мгновение узнает о событиях, происходящих в любом пункте нашей планеты, подобно тому, как любая весть моментально разносится по всему селу... Но это сравнение имеет один недостаток. Село обычно располагается на лоне природы – кругом сады, леса, поля... А в нашу эпоху глобального технологического прогресса сама природа под угрозой. И если экологические драмы и трагедии – следствие обитания человечества в техническом и бытовом комфорте, то ущерб, наносимый природе войнами, межгосударственными и этническими конфликтами, совершенно противоречат логике развития человеческого сознания.

В этом смысле одна из колыбелей мировой цивилизации – наш Кавказский регион, не обделенный Создателем ни единым благом, регион с чарующей природой и древней историей, мог бы превратиться в Мекку туризма, но, к сожалению, превратился в арену кровопролитных столкновений.

В связи с темой этого нашего форума я не буду говорить об истории Карабаха, о том, что и Нагорный, и Равнинный Карабах испокон веков являлись древней землей Азербайджана. Полный текст моего выступления роздан делегациям.

Здесь я доведу до вашего сведения только два факта. Армения оккупировала 20% территории Азербайджана. Число беженцев, жестоко изгнанных из Армении и из оккупированных районов Азербайджана,

достигает одного миллиона, то есть в нашей стране с 7-миллионным населением каждый седьмой беженец или вынужденный переселенец.

В связи с темой нашего форума я хочу поведать вам только об экологической агрессии против моей родины.

В результате армянской агрессии 120 тысяч лесных участков – «легких страны» – находятся под оккупацией. Честь этих лесов истреблена в результате военных операций, другая часть вырубается для удовлетворения потребностей мебельных фабрик Армении или же на основе договоров, заключенных с иностранными компаниями. Большинство 150 уникальных реликтовых видов деревьев уничтожено.

Заповедник в оккупированном Зангиланском районе был богат чинарами, которым было по 1200-1500 лет. В этом отношении он значился как первый в Европе и второй в мире заповедник. Тысячелетние редкостные деревья, пережившие века и уберегавшиеся от всяческих бед, сегодня уничтожены.

Азыхская пещера, чьи изображения демонстрировались в парижском Музее Человека на выставке «Первые жители Европы», числящаяся ЮНЕСКО в ряду памятников, подлежащих защите, пришла в плачевное состояние. Подвергаются глумлению не только исламские памятники, но и христианские, – многие древние албанские храмы превращены в склады боеприпасов.

Неизлечимые раны нанесены и миру фауны. Истребляются и находятся на грани исчезновения ряд редкостных зверей, пернатых, занесенных в Красную книгу. Озера в двух наших оккупированных районах превращены в отстойники радиоактивных отходов Армянской АЭС в Мецаморе. Ядерные отходы сбрасывают и в одну из крупнейших рек Южного Кавказа Араксе и его приток Охчу-чай. Часть этих отходов подвергаются захоронению в оккупированных районах Азербайджана.

Радиоактивному облучению подвергаются и армянские солдаты на захваченных территориях. Есть сведения о тяжело больных и даже умерших от радиации. Если принять во внимание, что в таких семьях и дети рождаются уродами, то еще раз подтвердится древняя мудрая истина – не рой другому яму – сам в нее попадешь.

Уничтожение любых признаков всего живого наблюдается не только на земле, в атмосфере, но и под землей. Точнее, это можно назвать подземным грабежом. Из недр благодатных карабахских земель разбойнически выгребаются золото и другие драгоценные металлы.

Целые села превращаются в руины, камни разрушенных домов используются в строительных целях, – начисто забыта и другая древняя заповедь – преступно строить свой дом на развалинах чужого...

Эта тактика «выжженной» земли носит не только экономический или мстительный характер (неизвестно, за что хотят отомстить, ведь Азербайджан не захватил ни пяди земли у Армении). Эта тактика преследует и другую цель. Хотят возвестить всему миру, дескать, на этих землях не было ни людей, ни истории, ни жилищ, ни деревьев, ни птиц, ни рыб... Есть и другие цели. Они хорошо знают, что Азербайджан непременно освободит свои земли, – стало быть, надо эти места привести в такое состояние, чтобы люди долгое время не смогли здесь нормально жить.

По международным экологическим правилам конфликтующие стороны должны соблюдать нормы международного права, охраны окружающей среды. Армения игнорирует эти нормы. Так же это государство не считается с мнением мирового сообщества, признающего территориальную целостность Азербайджана, тогда как эта позиция открыто заявлена во многих резолюциях ООН и Межпарламентского Союза.

Азербайджанский народ не зарится ни на чьи земли, и, как я говорил, не оккупировал ни пяди территории Армянской Республики. Вместе с тем, мы используем все средства во имя восстановления справедливости, освобождения наших земель и пресечения истребления нашей природы агрессором.

В заключение своего выступления, используя предоставленную мне возможность, хочу обратиться к вам, уважаемый Председатель, и к членам Комитета с призывом не оставаться безучастными к этой трагической ситуации. Потребовать от Армении выполнения международных обязательств, в том числе четырех резолюций Совета Безопасности ООН о безоговорочном выводе оккупационных вооруженных сил из захваченных территорий Азербайджана.

Благодарю вас за внимание.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В МОСКВЕ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОТ ТЕРРОРА К ПЛАНЕТАРНОЙ ЭТИКЕ» в июле 2005 г.

Уважаемые участники Конференции! Провести подобное мероприятие в Москве, собрать вместе столько представителей различных религий, выслушать каждого из них в атмосфере терпимости и мира – большое событие. На мой взгляд, событие мирового уровня. Такие программы должны повторяться. Налаживание взаимопонимания между людьми разных вероисповеданий имеет такое же колоссальное значение, как и развитие культурных отношений.

Сегодня, к сожалению, Ислам часто ассоциируется с терроризмом. Этот очень большая ошибка. СМИ оказывает давление на Ислам, и это тоже один из видов терроризма. Я считаю, что нужно провести еще одно мероприятие, темой которого станет «Ислам против террора. Террор против Ислама». Это не секрет, что в печати, на телевидении и обществе существует террор по отношению к Исламу. Всем известен международный террорист Карлос, которого долго считали террористом №1. Но никто не называл его «христианским террористом», а Бен Ладена, как правило, представляют как «исламского террориста». Карлос был Карлосом – сам по себе. Без какой-либо религиозной окраски. Бен Ладен тоже должен оставаться только Бен Ладеном. Зачем нужно привязывать его к Исламу.

Сейчас в мире мы все чаще наблюдаем политику двойных стандартов. На примере Палестины видно, что стремление людей защитить свою землю называют терроризмом. Но когда одно государство пытается оккупировать землю другой страны, это не называют терроризмом, хотя, несомненно, это самый настоящий государственный терроризм.

Этику можно понимать очень широко, ее трудно свести к практике. Есть вечные нормы морали, не меняющиеся с течением времени: не убий, не укради и т. д. Но кроме этого в разные времена у разных народов существовали свои собственные представления о морали и нравственности. Так, например, в Азербайджане, Турции и других странах Востока гомосексуализм считается безнравственным явлением. Но во многих странах Европы он признан вполне приемлемым и даже разрешены однополые браки. Что бы ни говорилось о правах человека, мы, тюрки, не можем принять женитьбу мужчины на мужчине. Но и европеец не может понять, как это по исламскому законодательству разрешается иметь одному мужчине четырех жен.

Необходимо осознать, что этические нормы имеют как всеобщие измерения, так и локальные. Понимание демократии было дано миру Древней Грецией. А древние греки рабов не считали за людей. Они считали демократию привилегией только свободных людей. Спустя тысячелетия в Америке не считали за людей негров, ведь они были невольниками. И это в стране, провозгласившей принципы демократии и равноправия людей основой своей жизни. США считается оплотом демократии, а всего 50 лет назад дети белых американцев не хотели садиться вместе с детьми негров в один автобус, ходить в одну школу. Предрассудки прошлого живут в наших умах. Но в прошлом эти предрассудки освящались законом. И потому так различаются критерии морали в разные эпохи у разных народов.

Я думаю, что культура, в первую очередь литература и искусство, могут играть самую большую, возможно, решающую роль в сближении народов, в их взаимопонимании, преодолении всяких религиозных и национальных предрассудков. Конечно, каждый народ может считать свою, скажем, музыку и литературу, лучшими в мире, превосходящими все остальное, но ни одна война не возникала из-за этого спора. Войны

всегда имели религиозные, политические, экономические, идеологические, национальные причины, но никогда не культурные. Так будем же бережны к культурным ценностям каждой нации. В конце концов, в широком понимании и религия является частью культуры.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ ФОРУМА ПО ГУМАНИТАРНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ 21 ЯНВАРЯ 2010-го ГОДА В БАКУ, В МУГАМ-ЦЕНТРЕ

Уважаемые участники форума, дамы и господа! Дорогие товарищи по счастью и несчастью былых лет. Когда говорят о постсоветском пространстве, я думаю и о другом пространстве – Пространстве нашего общего Прошлого. Прошлого, в котором было много мрачного, трагического, беды и обиды. Были 37-ой год и Великая Отечественная война, Черный январь 90-го года в Баку и геноцид в Ходжалы. Но было и немало светлых страниц и связаны они, прежде всего, с нашими культурными контактами.

Границы между странами воздвигают государства, культура их сокрушает. За более чем двухвековую общую историю России и Азербайджана было много горьких событий, насилие и зло, но были и светлые, прекрасные дни нашего литературного, культурного взаимообщения. Образы Кавказа, в том числе Азербайджана, обогатили русскую литературу, прозу и поэзию, русскую музыку и изобразительное искусство. Россия открыла Азербайджану не только великую русскую, но и мировую культуру. Именно благодаря этому Азербайджан стал форпостом современной цивилизации на Востоке. Если соседняя страна является военным форпостом, Азербайджан был и остается форпостом русской и Западной культуры.

Мы гордимся нашими достижениями, но не скрываем и наших проблем. Самая большая, острая и болезненная проблема нашего народа проблема Нагорного Карабаха. Здесь присутствует цвет российского общества. Мы просим Вас только об одном – о Понимании. Понимании наших проблем, прежде всего самой большой нашей проблемы – Гарабахской. Мы не располагаем информационными, вернее

дезинформационными возможностями наших оппонентов. Но мы хотим, донести миру Правду – Азербайджан не оккупировал ни пяди чужой страны, 20 процентов же нашей территории оккупированы армянскими войсками.

Наш форум проходит в этом замечательном Мугам Центре. Мугам – великое достояние нашей музыкальной культуры. Колыбелью мугама является город Шуша – столица Азербайджанского Карабахского ханства. Шуша – город музыки и поэзии, ныне под пятой оккупантов превратился в город руин и призраков.

Уже который год ведутся бесконечные и малопродуктивные переговоры по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. Нам предлагают идти на уступки. На какие уступки? Мы уже уступили в 1918-ом Армении город Иреван, большую половину жителей которого в начале прошлого века составляли азербайджанцы. Мы уступили Армении огромные территории, на которых испокон веков жили азербайджанцы, опять же в прошлом веке их было более полмиллиона, а сегодня не осталось ни одного.

Об этом говорил здесь и Рамиз Энверович. На какие еще уступки мы должны пойти? Уступить еще десять процентов своей территории, чтобы вернуть оставшиеся десять? Азербайджан никогда не согласится с ущемлением своей территориальной целостности.

Мы хотели бы, чтобы вы увезли из Азербайджана самые лучшие воспоминания о пребывании в нашем городе. Чтобы вы сохранили память о гостеприимстве, лояльности и доброжелательности нашего народа, о нашей культуре и нашей кухне, но и о наших бедах и обидах.

Спасибо за внимание.

НЕЗАБВЕННЫЕ

Этот раздел посвящен профессиональным политикам или ученым, которые по требованию времени стали политиками. Кроме того, сюда же включены прощальные слова, написанные в связи с уходом Риммы Казаковой, Чингиза Айтматова, Василия Аксенева. За исключением, естественно, М.Э.Расулзаде и Наги-бека Шейхзаманлы, со всеми остальными я был знаком лично. Это были люди разных масштабов, одних я знал лучше, других – хуже. Но все они были людьми, оставившими след в современной политике.

Я неоднократно встречался с выдающимся политическим деятелем Азербайджана и современного мира Гейдаром Алиевым, имел с ним обстоятельные беседы. Об этом я подробно написал в книге «Незабываемые встречи». А из двух эссе, вошедших в эту книгу, одно – «Масштаб личности» – написано по просьбе московского журнала «Огонек» к 75-летию Гейдара Алиева, второе же – «Победителем пришел, победителем и ушел» – я написал сразу после кончины великого политика, под впечатлением понесенной утраты.

Трагически погибшие Тофик Исмайлов, Вели Мамедов, Айдын Мамедов были моими близкими друзьями. У меня были добрые отношения с погибшим от руки убийцы Зиёй Буньятовым, с Абульфазом Эльчибеем. Были у меня две короткие встречи с Булентом Эджевитом. Было немало встреч и искренних бесед и с Чингизом Айтматовым и с Риммой Казаковой, я был знаком с Василием Аксеновым. Чингиз Айтматов незадолго до смерти, выступая в телефильме, посвященном моему 70-летию, сказал: «Несмотря на разницу в годах, я воспринимаю Анара как своего ровесника, потому что мы понимаем друг друга с полуслова».

Я выступал в Стамбуле на 75-летии Чингиза Айтматова, написал большую статью об этом великом писателе. Статья же, включенная в эту книгу, написана уже после его кончины. Мы с нашим министром

культуры Абульфазом Караевым, Назимом Ибрагимовым поехали в Бишкек, присутствовали на похоронах Айтматова.

Я, естественно, не мог быть лично знаком с выдающимся деятелями нашей первой республики, эмигрировавшими в Турцию, М.Э.Расулзаде и нашим дальним родственником Наги беком Шейхзаманлы (Н.Кейкуруном). Я написал предварительные слова к публикации в журнале «Литературный Азербайджан» лекции об азербайджанской литературе, прочитанной М. Э. Расулзаде в 1936 году, написал также предисловие к изданной в Баку в 1997 году книге Н. Шейхзаманлы «Воспоминания о борьбе за независимость Азербайджана». Включив в книгу это предисловие, я добавил интересные факты из воспоминаний Наги-бека, касающиеся политической истории Азербайджана и СССР.

МАСШТАБ ЛИЧНОСТИ

Юбилей нашего уважаемого Президента Гейдара Алиевича Алиева – счастливый повод для того, чтобы выразить мои самые искренние чувства любви и признательности к этому поистине великому человеку. То, что Г.Алиев один из самых выдающихся политических деятелей современности, не вызывает сомнений не только у нашего народа, обратившего свой взор к нему в самый суровый час испытаний, когда решалась сама судьба страны, но и у его недругов и оппонентов, понявших, что только он может спасти положение в решающие дни весны 93-го года.

Но говорить хвалебные слова действующему руководителю страны, чьим гражданином являешься, тем более петь ему дифирамбы, представляется мне неэтичным, да и не совсем корректным в отношении самого объекта восхваления.

И я не хотел бы быть голословным, даже в эти дни, когда мы с искренней радостью отмечаем 75-летие уважаемого Президента. Потому я хочу привести лишь несколько фактов, которые говорят сами за себя. Причем это будут факты только из области литературы и искусства, к которым Гейдар Алиевич всегда, и в бытность руководителем партийной организации республики или членом Политбюро в Москве, и сейчас, будучи главой независимого Азербайджана неизменно проявлял особый интерес, особо чуткое отношение, особое внимание и особую заботу.

4-го апреля 1998-го года в канун 75-летия Гейдара Алиева решением Секретариата и Совета старейшин Союза писателей Азербайджана он стал почетным членом нашей организации. И это не только долг вежливости и признательности. Если собрать в книгу все выступления Гейдара Алиевича на наших писательских съездах, на разных литературных форумах и встречах, на юбилеях, как классиков,

так и современников – то это в своей совокупности очень важный литературоведческий труд, причем на самом высоком профессиональном уровне. Хочу отметить и то обстоятельство, что в отличие от иных руководителей, полагающихся на своих спичрайтеров, Гейдар Алиев свои литературные, да и не только литературные выступления, как правило, произносит без всяких бумажек, импровизируя на ходу, с присущей только ему способностью острого аналитического мышления, обобщения и четкого формулирования. Выступая, он как бы чеканит фразы, которые затем, без всякого редактирования, без поправок, дополнений или изменений становятся законченными и завершенными во всех отношениях публикуемыми текстами.

И это не только в области литературы. С такой же глубокой профессиональной подготовленностью Гейдар Алиев может говорить о проблемах музыки, кино, архитектуры, изобразительных искусств, театра. Может быть, он заранее готовится к таким выступлениям? Конечно, очевидно, что перед каждым выступлением он как-то формирует свои рассуждения, определяет наиболее важные моменты, мысленно расставляет акценты, выстраивает последовательность тезисов и тем. Но я много раз был свидетелем того, как после впервые просмотренного спектакля азербайджанских или приезжающих на гастроли в Баку театров Гейдар Алиевич сразу же общался с творческим коллективом и так тонко анализировал режиссерскую, актерскую работы, драматургический замысел, работу сценографа, что мало кто из профессиональных театроведов способен на такую моментально сымпровизированную оценку и экспромт-анализ. Разумеется, за этим стоит колоссальный опыт – схватить суть явления, заметить и обобщить основное, главное, сверхъестественная, цепкая память, солидная эрудиция, общий культурный багаж – то есть все то, что добыто ценой

неустанного труда души и разума, богатой жизненной биографии. Но все же, думается, больше во всем этом то, что от Бога: уникальный талант ПОНИМАНИЯ – понимания людей, их психологических особенностей, душевного состояния, образа мыслей, характеров, достоинств и недостатков, сильных сторон и слабостей. То есть редкий талант глубинного понимания людей. А что такое литература, театр, кино, как не попытка разобраться во всем этом, попытка понять человека, во всей его многосложности? И Гейдар Алиев оценивает искусство именно с этой точки зрения – раскрытия в нем глубины человеческой природы. И даже в рамках строгой советской идеологической схемы он никогда не ставил перед художниками чисто утилитарно-прагматических, дидактических задач.

Конечно, было бы непростительным упрощенчеством сводить весь комплекс взаимоотношений нашего Президента с культурой только к его речам и выступлениям. Он всячески помогал (в тот советский – «бакинский» и «московский» периоды) и помогает сейчас культуре конкретными делами.

Именно в период его руководства в 60-70-ые годы были построены многие значительные архитектурные объекты в Баку и других городах республики, воздвигнуты величественные мавзолеи и памятники классикам нашей литературы, открыты мемориальные музеи писателей, композиторов, певцов. Беспрецедентный случай в советской действительности: Гейдар Алиев добился того, что в далекой Сибири были найдены и перевезены в Азербайджан останки великого азербайджанского драматурга Гусейна Джавида, репрессированного в 37-ом году и скончавшегося в ссылке.

Безусловно, в два периода своей политической жизни, работая в полярно-противоположных социально-политических системах Гейдар Алиев действовал по-разному. Совершенно свободно и раскованно

сейчас и с учетом возможностей, в рамках социалистической реальности, в советскую эпоху. Но и тогда, в советский период Гейдар Алиев старался принести возможно больше пользы Азербайджану, его экономике, науке, культуре. Сегодня некоторые люди могут с иронией относиться и к большим всесоюзным культурным мероприятиям проводившимся в Баку или Москве, Киеве, Ташкенте, и к разного рода высоким наградам, премиям, которые получали деятели нашего искусства. Но тогда, в те годы, все это служило утверждению духовного имиджа Азербайджана, популяризации его культурных достижений в масштабах страны и мира. На всесоюзном уровне высоко оценивалось то, что на самом деле заслуживало такой оценки. Но в этом, то есть в адекватной оценке сотворенного нашими художниками, большую и решающую роль играли авторитет Гейдара Алиевича. его воля и упорство.

К примеру, ни в одной республике бывшего СССР (за исключением РСФСР), не было такого количества Героев Социалистического Труда в области литературы и искусства, как в Азербайджане – 10 человек.

Гейдар Алиев сыграл исключительно важную роль и в жизни моего поколения-»шестидесятников». Отечественные доброхоты тех лет, по славной традиции советской идеологической модели пытались отыскать аналогов московских диссидентов в Азербайджане, с дальнейшим шельмованием и соответствующим преследованием их. И, казалось, таковые почти были найдены – ведь именно в те годы в азербайджанской литературе, театре и кино были созданы произведения, которые удивляли наших московских и прибалтийских коллег не только своей гражданской смелость, но и тем, что они у нас не запрещены, и их авторы не преследуются, а даже поощряются, получают премии. И это все благодаря только одному человеку – Гейдару Алиевичу Алиеву,

который уже в наше время откровенно признался, что всегда сочувствовал диссидентам, порой спасал их, ибо сам тоже в душе был самым большим диссидентом.

Эти высказывания на первый взгляд могут показаться парадоксальными как же, генерал КГБ, Первый Секретарь ЦК КП Азербайджана, затем член Политбюро, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, один из руководителей мощной сверхдержавы и вдруг… диссидент?! Да, парадоксальная правда заключается в том, что руководители государства и в особенности ее соответствующих структур, как раз таки больше, чем кто-либо иной знали об истинном положении в стране, о настоящем, а не показном состоянии общества, о настроениях людей, понимали степень разложения общества, и, следовательно, делали верные выводы о его близком крахе. Конечно, это понимали лишь наиболее прозорливые из руководителей тех лет, но, может быть, больше всех остальных понимал Гейдар Алиев, ибо в отличие от других он осознавал и национальную подоплеку этих взрывоопасных тенденций. Именно поэтому он был единственным членом Политбюро, кто не согласился с волевым решением о снятии казаха Д.Кунаева с поста руководителя Казахстана и замены его русским Колбиным. Верность оценки Г.Алиева вскоре трагически подтвердились событиями в Алма-Ате.

Г.Алиев совершенно искренен, когда говорит о своем диссидентстве сейчас, когда провозглашает, что независимость Азербайджана вечна и необратима, когда объективно оценивает и определенные положительные и многие отрицательные моменты советской системы, когда не отказывается ни от одного момента своей биографии, когда с радушием принимает в Баку бывших диссидентов М.Ростроповича и Г.Вишневскую. Но он искренно не вписывался в нормативный образ партийного функционера и в те, советские годы,

когда прямо и честно говорил народу о коррупциях, протекционизме, некомпетентности в обществе, в ее высших эшелонах власти, когда настаивал на включении в Конституцию Азербайджана пункта о Государственном языке, когда упорно посылал юношей и девушек республики в самые престижные вузы страны, когда в самом Азербайджане организовал, к удивлению многих, военное училище. («К чему нам свои офицерские кадры» – удивлялись тогда. Через десять лет, опять-таки трагически, выяснилось, зачем они были нужны).

Ни в те, советские, якобы «интернационалистические» годы, ни в наши дни национально независимого существования Гейдар Алиев не был узким националистом, пренебрежительно, если не сказать враждебно относящимся к другим народам. Но он всегда, и в Баку, и работая в сложнейших условиях в Москве, был и оставался настоящим патриотом родного Азербайджана, патриотом своего народа, своей истории, своей культуры, своего языка. И при этом крайне доброжелательным к культурам других народов, внимательным к их особенностям и проблемам.

В судьбе Гейдара Алиева, удивительно богатой событиями, один момент представляется мне особенно поучительным с исторической точки зрения.

Обычно политических деятелей в полном объеме оценивают после того, как они сходят с исторической сцены. Ибо только тогда выясняется истинный масштаб личности, истинная цена сделанного им. Биография Гейдара Алиева дает нам уникальную возможность осмыслить масштабы его личности уже сейчас, когда он активно участвует в политической жизни региона и постсоветского пространства. Ибо, сделав очень много исторически значимого в одной общественно-политической формации, он не отошел в тень, как казалось многим, навсегда, И вот потеряв его, к счастью на время – наше общество

осознало не только ТО, ЧТО было при руководстве Гейдара Алиева, но и ТО, ЧТО бывает в его отсутствии. И наш народ сделал верный вывод из этого горького урока: общество в целом, его политические силы, интеллигенция (и я в том числе), осознали, что Гейдар Алиев, быть может, последний шанс Азербайджана в жесткой и жестокой борьбе за выживание. Гейдар Алиевич вернулся к власти, чтобы вторично руководить Азербайджаном, теперь уже независимым и вынужденным свои проблемы решать самостоятельно.

И несмотря на неисчислимые трудности, сложнейшие проблемы, конфликт с Арменией, оккупацию Карабаха и других территорий Азербайджана армянскими вооруженными формированиями, с помощью определенных сил извне, несмотря на явно ощутимое давление из-за рубежа по всем азимутам, несмотря на миллион беженцев, невысокий жизненный уровень населения, порой неуклюжую официальную пропаганду, ошибки в кадровой политике, на издержки в развитии демократических процессов, да, несмотря на все это, мы все же верим в счастливое будущее нашей родины, нашего Азербайджана, с восстановленной раз и навсегда территориальной целостностью.

Гарантом нашей веры является – менталитет нашего народа, его жизнеутверждающий дух и деторождающая плоть. Гарант – наша история, заполненная тяжкими испытаниями и победными преодолениями этих испытаний. Гарант – богатство нашей земли и моря. Гарант – ценности нашей культуры, многовековая поэзия, народные песни, красочные ковры и неприступные орлиные крепости. И наша духовная крепость – Президент Гейдар Алиев, которого я от души поздравляю со славным майским днем-днем рождения.

Апрель-май 1998

Журнал «Огонек» « 22 июня 1998г.

ПОБЕДИТЕЛЕМ ПРИШЁЛ, ПОБЕДИТЕЛЕМ И УШЁЛ

Вот уже несколько месяцев как наши сердца были полны переживаний. Несмотря на то, что время от времени мы слышали о поправлении его здоровья, о скором возвращении, наше волнение не прекращалось. Я понимал отсутствие фотографий, кино и видео кадров, отражающих последний период его жизни, потому что я был более или менее знаком с его нравами. В лице и в теле тяжело больного человека, перевалившего за 80, отразились бы следы страданий и слабость. Гейдар Алиев ни за что бы не согласился показаться в таком виде своим друзьям, врагам и своему народу. Он хотел остаться в памяти людей статным человеком с гордой походкой, добрым лицом, с улыбкой, а иногда, и с резким и суровым взглядом. Таким он и остался в памяти людей. В кадрах, демонстрирующихся в эти дни на экранах различных телеканалов, мы увидели не только его официальный облик, но и его очень искренние, естественные, человеческие черты, услышали его веселые шутки, стали свидетелями грустных моментов и даже слез человека, взволнованного музыкой. Даже на те кадры, которые мы видели раньше, мы смотрели другими глазами. Во всех переживаниях и волнениях этих нескольких месяцев я ни на миг не терял надежды. Я верил, что однажды он спустится по трапу самолета в Бакинском аэропорту, посмотрит на сбегающихся к нему журналистов и скажет: – Вы уже меня похоронили в своих газетах, а я, как видите, жив и здоров.

В ту мрачную ночь с 12-го на 13-ое декабря наши надежды рассыпались в прах. Телеканал ANS распространил эту чёрную весть на весь Азербайджан, народ осиротел. Ильхам Алиев и Севиль-ханым потеряли отца, Азербайджан – великого сына, а я – очень близкого и родного человека.

Я говорю эти слова с полной искренностью. Мы не были родственниками, а разница в возрасте и социальном положении не позволила бы нам быть друзьями. Но всю мою жизнь я чувствовал его внимание и заботу. Я знал, что и в советское время, и в годы независимости ему обо мне наговорили много нехорошего. Он даже об этом упомянул, когда выступал на X съезде писателей. Но я также знаю, что все эти доносы никогда бы не изменили его мнения обо мне. Потому что он был знатоком людей. Он прекрасно знал, кто есть кто. И он легко отличал высокопарные славословия от реальных действий. Есть люди, которые не верят в искренние чувства других людей, не верят, что любовь может быть бескорыстной, а уважение – взаимным. Я никогда не просил лично для себя ничего от какого-либо должностного лица. И всегда питал чувства глубокого уважения к личности Гейдара Алиева. Но я не мог выразить свои чувства в полной мере при его жизни, опасаясь, что это неправильно истолкуют. Хотя добрых слов, сказанных Гейдаром Алиевым обо мне и моих произведениях и в связи с моим 60-летием, были не меньше того, что было сказано и написано мной о нем. Лишь раз я написал о нем статью под названием «Масштаб личности» по заказу журнала «Огонек» по поводу его 75-летия.

Сейчас я признаю, что масштаб этой личности был намного больше, чем я тогда написал. И я не сомневаюсь, что с годами мы будем осознавать его величие еще сильнее.

Я был очень молод, когда впервые узнал Гейдара Алиева. Потом я имел много возможностей наблюдать его вблизи во время поездок в различные районы Азербайджана, в Гяндже, Нахичевани, Шуше, стал свидетелем его переговоров с главами государств в Анкаре, Москве, Риме, Пекине и Шанхае, Алма-Ате и Бишкеке, его общения с представителями науки и искусства, его встреч с простыми людьми на полях и улицах. Я слушал его речи в многочисленных собраниях,

участвовал во встречах с писателями и людьми искусства, 2 или 3 раза лично беседовал наедине. Осенью 1997-го года возвращаясь из Италии, мы проговорили с ними весь путь из Рима в Баку в салоне самолета. Я делал подробные заметки об этих беседах в своем дневнике. Сейчас мой долг перед памятью этого человека – написать большую статью о феномене Гейдара Алиева, а также во всех подробностях описать мои с ним беседы, которые живы и в моей памяти и на бумаге. И я обязательно это сделаю.

В этих же кратких заметках, написанных под влиянием тяжелой утраты, я хочу остановиться лишь на одной важной детали жизни Гейдара Алиева. Думаю, что он пришел в наш мир, чтобы всегда побеждать.

Он никогда не бежал от трудностей, с которыми встречался. Он выходил победителем из самых тяжелых положений.

Вывод российских войск из Азербайджана во время правления Народного Фронта многие считают большой исторической удачей. Согласен. Но основу офицерского корпуса, который занял покинутое место, положил Гейдар Алиев, когда много лет назад создал военную школу имени Нахичеванского, посылал молодых людей в высшие военные учебные заведения СССР.

Не секрет, что в советские времена призывники из Азербайджана служили или в стройбатах или на кухне. Воспитание национальных военных кадров – дело, важность которого мы осознали лишь 15-20 лет спустя, когда началась Гарабахская война – было великим прорывом и победой над догмами советского строя, Создание новых индустриальных центров, вопреки желаниям некоторых видеть в Азербайджане сырьевую базу страны, было победой над внутриэкономической политикой СССР. Возвращение на Родину праха великого Гусейна Джавида, одного из миллионов жертв репрессий, было

победой над страхом, посеянным Сталиным в умах и сердцах людей. Добиваясь высоких наград и премий для азербайджанских деятелей литературы и искусства, он возвеличивал не только имена конкретных людей, но и все искусство, литературу Азербайджана, а тем самым, престиж нашей республики. Это было победой патриотизма, ума, воли и дальновидности Гейдара Алиева.

И все это раздражало, злило и вызывало зависть наших соседей. В Москву шли доносы: «Гейдар Алиев очистил Нахичевань от армян, а теперь собирается очистить Карабах» – это было основной темой доносов.

Гейдар Алиев знал это, но он не обращал на это внимания. Одной из причин его хороших отношений с Брежневым было то, что он хотел застраховать свой народ и свою республику от микоянов, баграмянов и им подобных.

Воздвигнув в Шуше величественный мавзолей Вагифа, памятник Натаван, открыв музеи Узеира Гаджибейли и Бюльбюля, проводя многочисленные международные праздники искусств в Шуше Гейдар Алиев пытался сохранить национальный колорит и образ этого древнего азербайджанского города. Я хорошо помню, что до этого в Шуше было всего 2 памятника – бюсты Нельсону Степаняну и Тевосяну. Я также помню решение ЦК КП Азербайджана об опасности возрастания националистических настроений в Нагорном Карабахе. Ни до, ни после этого не было партийного решения так резко осуждающего вспышки армянского национализма.

Несмотря на все это, Гейдар Алиев дважды награждался орденом Героя Социалистического труда, был избран членом Политбюро. Как же тут армянским националистам не сгореть от зависти? Но что особенно обидно, что многие доносы о нем в Москву шли из его родины – из Азербайджана, и писали их его соотечественники – азербайджанцы.

Жаль что, такое несправедливое отношение к Гейдару Алиеву продолжалось и в наши дни. Он боролся с армянскими националистами, а «наши» боролись с ним. Может это стало нашей «национальной» чертой? Когда кто-то из нас приносит славу своему народу, стране в какой бы то ни было области, – политике, науке, искусстве, литературе, становится известным за рубежом, достойно представляет свой народ, все это вызывает черную зависть и увеличивает число его недоброжелателей.

В 1987 году Гейдара Алиева отстранили от высшего эшелона власти СССР, что было результатом настойчивых усилий армянских кругов и находящегося под их влиянием Горбачева. Всего через несколько дней небезызвестный академик Аганбекян дал старт гарабахской компании в Париже.

Г.Алиев был отправлен в отставку, члены его семьи подверглись гонениям. Московские газеты оговаривали его во всю, некоторые даже пытались завести уголовное дело против него. Несмотря на то, что он остался один, покинутый всеми (многие, кому он делал добро, отвернулись от него – это тоже наша «национальная черта? «), подвергался всяческим гонениям, он бесстрашно пришел в постпредство Азербайджана в Москве и проклял Советскую Армию в связи с кровавыми событиями января 90-го, перед лицом мировой прессы осудил Горбачева. И это было его победой.

Тогда, в Москве я позвонил ему. Он с болью говорил о клеветнических статьях в прессе. – Не обращайте на них внимания. Вы историческая личность, и все это знают, – сказал я.

О другой важной стороне и результатах этого телефонного разговора я напишу в будущем. А сейчас только скажу, что понял по его словам и тону, что он не хочет больше оставаться в Москве.

Но ему даже не позволили жить в Баку, и ему пришлось уехать на родную землю – Нахичевань. В эту холодную и морозную зиму он сказал людям, сплотившимся вокруг него: – «мы или умрем, или выживем вместе». Могло показаться, что политическая карьера Г.Алиева завершена, и он окончательно побежден. Любой другой, возможно, смирился бы с поражением, но не Гейдар Алиев.

Прошло всего несколько лет, и сам Горбачев, и его страна потерпели крах. Сейчас первый и последний президент СССР озвучивает детские сказки на радио, чтобы заняться хоть чем-то, рекламирует Мак Дональдс, чтобы заработать хоть что-то. А Г.Алиев ровно 10 лет был президентом Азербайджана, второй раз в истории завоевавшего свою независимость. И он был таким большим президентом маленькой страны, что с ним считалась руководители самых великих государств. Кто победил? Горбачев, который не смог сохранить ни своей власти, ни своей страны, или Алиев, который спас падающую в бездну Родину, предотвратил все следующие попытки переворотов.

Некоторые обвиняют его за режим прекращения огня с Арменией, в замораживании Карабахской проблемы.

Тогда мы не имели сильной армии, а армяне при явной и скрытой поддержке российских войск могли бы дойти до Евлаха, и если бы они оккупировали территории между Азербайджаном и Грузией, это был бы конец и трубопроводу.

Я совершенно уверен, что карабахская проблема будет решена, территориальная целостность Азербайджана будет восстановлена, оккупированные земли вернуться своим хозяевам, но я также понимаю всю сложность решения этой проблемы. Ни одна из подобных проблем в постсоветском пространстве не была решена: ни молдавонско-приднестровская, ни грузино-абхазская, ни русско-чеченская. Я уже не

говорю о полувековой палестино-израильской проблеме. Политика – это искусство возможного. Во всяком случае, Г.Алиев не пошел ни на единую уступку, ущемляющую интересы Азербайджана. И это было победой в политике – искусстве возможного.

Последний, 2003 год в своей жизни, Г. Алиев тоже завершил как победитель. Человек, переживший тяжелый инфаркт, не имеющий ни дня, ни ночи, ни выходных, ни отпусков, переносит сердечный кризис и падает, сломав 7 ребер, но находит в себе силы подняться во второй и третий раз и завершить свою речь, несмотря на адские боли. Это было победой над всеми, кто спекулировал состоянием его здоровья.

Интересно, верили ли сами в это люди, которые похоронили его заживо, основываясь на слухи. Кто бы поверил в то, что можно хранить в тайне смерть известного политического деятеля, руководителя государства в таких открытых странах как Турция и США. Знали ли они как были смешны, когда в день действительной смерти Г. Алиева писали о том, что сообщали об этом 4 месяца назад? Он одержал победу над этим дешевым шоу, когда будучи больным, управлял Азербайджаном, участвовал в президентских выборах и вовремя отозвал свою кандидатуру, убедился в правильном выборе народа и только потом умер. Пришел победителем и ушел победителем.

Роль Г.Алиева в защите, укреплении, процветании независимого Азербайджана несомненна. Как правильно написал один журналист, он был Гулливером, а очерняющие его дела люди – лилипутами.

Все бывшие обиды, недовольства и жалобы будут забыты, но страна, останется такой, какой оставил ее Г.Алиев – стабильной и целой, с демократией и свободой слова, без цензуры и смертной казни, многопартийной и цивильной, занимающей достойное место в мировом сообществе. Конечно же, в будущем Азербайджан может стать еще стабильнее и сильнее, и надеюсь, так оно и будет. Но основа этого

будущего была заложена Г.Алиевым, победившим в борьбе с темными силами, путающимися у него под ногами временщиками. Современный Азербайджан – это произведение Гейдара Алиева. Наш долг – хранить, усовершенствовать и передать это произведение будущим поколениям.

Судьба дарит таких людей народам раз в век или намного реже. Он пришел победителем. Опечалил народ своей смертью, но этой печалью и скрепил его, огорчил, но вместе с тем объединил. Он вышел победителем и в смерти своей. Кто бы, что бы ни говорил, ни писал, Гейдар Алиев пришел победителем и ушел победителем.

Перевод Сиявуша Мамедзаде

Опубликовано в газете «Обозрение» 16 августа 2004г.

ЧЕЛОВЕК – ЛЕГЕНДА

10-го мая Алишу Джамиловичу Лемберанскому исполнилось бы 85 лет. Несколько дней назад его не стало. В официальном некрологе отмечены этапы богатого жизненного пути его достойно прожитой жизни. Эти вехи являются также историей страны, именовавшейся СССР и Азербайджана – некогда части этой страны. К этой в не столь отдаленном прошлом существовавшей стране можно относиться по-разному, в том числе и сугубо негативно. Можно отрицать чего-то даже относительно положительного, позитивного в ее истории. Нельзя отрицать лишь одно – само наличие этой страны и ее истории, как важнейшей составной XX века. И, естественно, нельзя вычеркнуть из истории нашего столетия выдающихся людей, независимо от того в какие годы, в какой атмосфере и в каких условиях они работали. Условия были в самом деле суровыми и жесткими, но жили, работали эти люди добросовестно, честно, с полной отдачей занимались своим нелегким делом. Занимались упорно, целеустремленно, самоотверженно и талантливо. Одним из таких выдающихся людей был Алиш Лемберанский, профессией и призванием которого было Созидание. А.Дж.Лемберанский занимал различные высокие посты в Баку и Москве, но в иерархии советских чиновников он был одним из немногих выделявшихся своей неординарностью, одним из тех, кого общество воспринимало не как определенное должностное лицо, а как Личность с большой буквы. И поэтому, он еще в те далекие года, возглавляя мэрию, Баку стал человеком-легендой.

Много говорилось и писалось о хрущевской «оттепели» в жизни советского общества, когда появилась относительная возможность чуть-чуть более свободного самовыражения для писателей, художников, композиторов, деятелей театра и кино. С зодчеством было сложнее –

архитектурным символом эпохи стали «хрущобы» – удручающе однообразные типовые постройки, которые были призваны якобы решить жилищную проблему в стране, но так и не решили ее. Зато своей безликостью, серостью нивелировали само разноцветье городского пейзажа. И вообще делали скучную жизнь еще более скучной, монотонной и монохромной. Проходя по улицам любого советского города, глазу негде было отдохнуть, отвлечься от унылого одноцветья, невозможно было порадоваться яркости красок. Это, безусловно, давило на психику человека, которого, видимо, для того, чтобы определить как отличающуюся от всех остальных людей особь, нарекли ***советским*** человеком – хомо советикус – приученному и привыкшему только к стандарту, уравниловке, блеклому существованию. И вот, мэр Баку, может быть первым на всем пространстве СССР стал вносить в облик города яркие краски – отдельные мазки существенно меняли общую картину. Начиналось с малых форм – на тротуарах, скверах, бульварах поставили маленькие, непривычные для нас скамейки и стали их ярко раскрашивать. Бакинцы тут же прозвали их «лемберанками». Разноцветными стали газетные киоски, телефонные будки. «Лемберанки» в мире «хрущоб» выглядели неким вызывающим протестом, своеобразным урбанистическим диссидентством. Вскоре стали воздвигаться и более масштабные постройки с необычными для того периода архитектурными формами – например, ресторан на бульваре, которого называли «Мирвари» («Жемчужина») или «Лепесток». На бульваре же появились разнообразные павильоны, выставочные салоны, небольшая сценическая площадка, фасад которой был расписан, тоже в непривычной для тех времен манере Горхмазом Эфендиевым, художником тогда не признанным, для многих неизвестным. Возможно, эта роспись была его единственным произведением представшим перед широким зрителем. (На днях

состоялась посмертная выставка этого оригинального художника, благородно организованная Союзом художников).

И во всем этом был почерк, были воля, фантазия, труд и вкус Лемберанского, мечтавшего видеть свой город и современным и… свободным. Да, именно это ощущение свободы, раскрепощенности были присущи бакинскому мэру в ту далекую и другую эпоху. Ведь система не только воздвигала железный занавес между СССР и всем остальным миром. По какой-то абсурдной логике даже скверы, парки, бульвары в городах были закованы, ограждены железными заборами, превращены в какие-то закрытые, режимные зоны, недоступные горожанам. Молодые люди вряд ли могут себе представить, что в детские годы нашего поколения попасть в огражденную со всех четырех сторон железными решетками Молоканский сад, рядом с моим отцовским домом, было так же невозможно, как и поехать в зарубежную страну. Так же были ограждены от горожан и другие сады, парки, скверы, бульвары города – Губернаторский сад у Филармонии, сквер перед гостиницей «Баку», знаменитый «Парапет» и многие-многие другие зеленые участки города. Лемберанский снял все эти железные заборы – зеленые массивы – легкие города – как бы сбросили металлический панцирь и город стал дышать полной грудью. Под сенью деревьев, зажатых до этого в железных тисках, стали слышны голоса жизни – лепет детворы, стук костяшек нард или домино, неторопливые беседы пожилых, жаркий шепот влюбленных.

Разумеется, все эти перемены диктовала эпоха и, естественно, Лемберанский делал это не один. Но любое начинание персонифицируется в массовом сознании в определенном лице. И подобно тому, как нынешние изменения в облике Москвы (кстати не всегда к лучшему), ассоциируются прежде всего с личностью мэра Юрия Лужкова, перемены в Баку тех лет неотделимы от имени

Лемберанского (Эти два человека с большой разницей в возрасте, чем-то напоминают друг-друга – инициативностью, энергией, вездесущностью, да и внешним обликом).

Я начал с далекой эпохи, да и не с самых главных дел Алиша Лемберанского – скамейки, заборы – но основной его заслугой перед городом является воздвижение фундаментальных и эпохальных зданий.

Потомственный интеллигент, сын известного врача, члена парламента Азербайджанской Демократической республики Джамиль бека, Алиш-муаллим был страстным поклонником литературы, музыки, театра, эрудитом и эстетом. Не случайно его усилиями построены или восстановлены (по существу также заново построены), многие значительные очаги культуры Баку, в их числе Театр Оперы и Балета, Театр Музыкальной комедии – последний подвиг строителя.

Кипучая деятельность Лемберанского не была бы столь плодотворной без решающей помощи, поддержки, общего руководства Г.А.Алиева, по идеям, инициативам и конкретным указаниям которого Алиш Джамилович строил и в 70-ые годы и в 90-ые.

Кстати и родились они – Гейдар Алиевич и Алиш Джамилович в один день – 10-го мая, конечно в разные годы.

С Алишом Джамиловичем я лично не был знаком, когда однажды совершенно неожиданно получил теплую телеграмму из Москвы. Лемберанский работал тогда в Москве на ответственной должности и, просмотрев по Центральному Телевидению инсценировку одного из моих рассказов, счел нужным поздравить молодого и только-только начинающего свою творческую деятельность автора. После его переезда в Баку мы познакомились лично, и Алиш Джамилович неизменно откликался телефонными звонками или при встречах на мои публикации в газетах, книги, фильмы, спектакли самыми теплыми словами.

В феврале 1993-го года мы с покойным Юсифом Самедоглу оказались в Каире на писательской конференции и на приеме, устроенном Исрафилом Векиловым, нашим послом в Египте, неожиданным и приятным сюрпризом для нас была встреча с Алишом Джамиловичем. Оказалось, что он приехал в Каир договариваться с египетскими фирмами об их участии в оформлении театра Музыкальной комедии. Лемберанский с увлечением рассказывал нам, какой яркий занавес с портретами выдающихся деятелей музыки и театра будет украшать сцену. Он осуществил свой замысел – есть обновленный театр, есть тот самый занавес, но, к сожалению, теперь нет самого Лемберанского.

Я был глубоко тронут и когда в марте прошлого года в день моего шестидесятилетия Алиш Джамилович пришел в Союз писателей, чтобы поздравить меня и подарить мой портрет, специально им заказанный талантливому художнику Исмаилу Мамедову. Разве я могу забыть это? Глядя на эту работу на стене своей квартиры, я всегда со светлым чувством вспоминал Алиша Джамиловича. Теперь, после его кончины это светлое чувство окрашено в грустные тона.

В последнем интервью, опубликованным в газете «Вышка» за месяц до кончины, он также тепло отозвался о моем творчестве.

Для меня Алиш Джамилович Лемберанский навсегда останется воплощением лучших качеств моего народа – символом подвижнического, бескорыстного и честного служения своему делу. Делу созиданию без громких слов. Человек, корни которого из далекой карабахской деревни Лемберан, чье название стало основой фамилии Лемберанских, Алиш Джамилович своей бурной, созидательной энергией был и реальностью столицы Азербайджана и его живой легендой. И он навсегда останется в памяти многомиллионных жителей

Баку, города, который он горячо любил, неутомимо строил, в котором он беспокойно жил и в котором нашел свой вечный покой.

9 мая 1999

ЗВЕЗДНЫЙ ЗИЯ – СИЯЮЩАЯ ЗВЕЗДА

С древних времен слово «звезда», понятие «звезда» обозначает не только небесные тела, но и имеет еще множество других значений. Сколько звезд на изображениях государственных символов, сколько их украшают государственные флаги. Люди верят в звезды счастья, говорят «его звезда засияла» или «его звезда угасла». Говорят о звездных часах человечества.

А еще есть звезды политики, науки, литературы, искусства, сцены.

Многие из значений этого слова применимы к большому ученому, гражданину, символу борьбы и бесстрашия академику Зия Буньятову. И поэтому мы с полным основанием можем именовать именно его «звездным Зия». Прежде всего потому, что Зия с честью и гордостью носил полученную за храбрость и мужество в годы Второй мировой войны звезду Героя Советского Союза, во все изменчивые времена. Ибо эта звезда не была знаком какой-либо системы, строя, идеологии, а символом достоинства, отваги и героизма.

Зия – по-азербайджански означает свет, сияние.

Герой кровавых испытаний войны, Зия Буньятов мог бы прожить всю оставшуюся жизнь в свете славы и почета. Однако он не пошел по этому удобному пути. Поборник науки, знаний, он, в совершенстве владевший арабским языком, поставил на прочные научные основы изучение истинной истории Азербайджана средних веков. И поэтому к нему стало вполне применимо и второе значение понятия «звезда»: «Звезда истории», «Звезда востоковедения», «Звезда нашего источниковедения».

Но гражданская честь, интеллигентность, беспокойная совесть увлекли Зию Буньятова в новую область. Он стал неустанно собирать материалы о жертвах сталинских репрессий, вскрывать неизвестные

факты, восстанавливать забытые имена, белые пятна истории. Подобная работа по плечу не каждому человеку, она впору гражданину, утвердившему в обществе свою значимость, заслужившему его уважение, и то не каждому гражданину, а именно «сияющей звезде» – Зие. Именно поэтому я назвал свою статью «Звездный Зия – сияющая звезда». Прочитав статью Зии Буньятова о жертве 37-го года Мединеханым Гиясбейли, я сказал ему, что среди жертв сталинских репрессий была еще одна интеллигентная женщина – Койлю гызы Гюлара. И если бы он нашел материалы о ней, то хорошо было бы написать и об этом человеке. Поэтому, увидев в журнале «Женщина Востока» статью о первом редакторе этого журнала – Гюларе Койлю гызы, я позавидовал вниманию и исследовательскому мастерству Зии Буньятова.

Я знал Зию Буньятова с юности и с юношеской страстью поклонялся его жизненному пути, поведенческой манере вести себя в обществе. Очень молодым, отвечая на анкету журнала «Улдуз», на вопрос о моих творческих планах, я ответил, что хотел бы написать очерк о великом сыне нашего народа Зие Буньятове. К сожалению, до сих пор мне не удалось сделать это, хотя верю, что настанет день, когда я смогу сдержать свое обещание. Некоторым оправданием столь долгой отсрочки – в целую жизнь – может служить то, что по моему предложению московская театровед Любовь Лебедина приехала в Баку именно для знакомства и написания материала о Зие Буньятове, и после обстоятельной беседы с ученым напечатала о нем интересный очерк в журнале «Театральная жизнь».

Я не хотел писать о Зие поверхностно и старался подробней изучить биографию, получше узнать его характер, чтобы написать достойную героя вещь.

Я виделся с ним в гостях у моего двоюродного брата, историка Октая Эфендиева, с которым он дружил, еще лучше узнал его, когда он

приходил к моему отцу и, наконец, впоследствии сам часто встречался с этим неповторимым человеком. В годы, когда он подвергался критике, я пригласил его в редакцию «Гобустана», около двух часов мы слушали его суждения по самым различным вопросам и поместили о нем обширный материал в альманахе. Мы с ним были в совместной поездке в Турцию, Иран, Гёйчай. На одних и тех же выборах нас избрали депутатами Милли Меджлиса и дважды в неделю встречались во время заседаний.

Я никогда не забывал своего давнишнего желания написать о Зие Буньятове, был уверен, что однажды обязательно сделаю это. Однако человек полагает, а Бог располагает… Откуда мне было знать, что придется выступать на похоронах Зии, что придется писать о нем уже после его кончины… Мы сидели рядом в задних рядах на заседаниях Милли Меджлиса: Али Ансухский, рядом с ним Зия Буньятов, за ним Юсиф Самедоглу и я… Сейчас, думая об этом зловещем ряде, я испытываю некоторый страх. Ансухский и Буньятов были убиты при загадочных обстоятельствах. Мы слишком рано потеряли и Юсифа Самедоглу. И пустота, которую я каждое мгновение ощущаю от отсутствия Зии и Юсифа, касается не только этих двух кресел в парламенте, но и всего Милли Меджлиса. Последний день, когда я видел Зию Буньятова в Милли Меджлисе, оказался, последним днем его жизни. За десять-пятнадцать минут до конца вечернего заседания он попросил у меня свежие газеты, просмотрел их и вернул.

А через два часа уже дома я услышал черную весть. Зия Буньятов, прошедший через все ужасы войны, стойко шедший в первых рядах борцов за нашу национальную независимость, человек, никогда не остерегавшийся говорить в лицо, что он думает, был убит руками подлых убийц из подлых намерений.

Наше утешение в том, что историк Зия сам стал достоянием истории. В истории каждого народа имена таких людей как Буньятов вписываются в самые славные страницы.

Говорят, что свет давно угасших звезд доходит до нас через многие и многие годы. Звезда Зии Буньятова не угаснет никогда, ее сияние – свет звездного Зии во все времена будет точкой веры и надежды азербайджанского народа.

Перевод Мирзы Гусейнзаде

ЧЕЛОВЕК ВЕРНЫХ И СТОЙКИХ УБЕЖДЕНИЙ

Я уважаю Абульфаз-бея. Уважаю за то, что он – человек убеждений. Верен и постоянен в своих убеждениях.

Что означает быть человеком убеждений? В первую очередь – быть готовым к любым испытаниям, лишениям, страданиям во имя своей веры, идеалов, в верности которых убежден. Жизнь Абульфаза – яркий пример верности своим идеалам в самые трудные, тяжелые месяцы, годы, выпавшими на его судьбу. Это человек, который не может изменить своим убеждениям под чьим-то давлением или сладким посулом. Лишь хамелеоны могут сегодня под бурные аплодисменты говорить одно, а завтра при малейшем изменении конъюнктуры, утверждать противоположное.

Можно соглашаться с взглядами Абульфаза на будущее нашего народа, можно спорить, однако я не смею сомневаться в абсолютной искренности этого человека, его намерений, поступков, в том, что они не носят расчетливого характера. Вера Абульфаза в идеи национального пробуждения и возрождения отнюдь не противоречат его демократическим взглядам. Он рассматривает борьбу за суверенитет Азербайджана, будущее нашей родины только на твердой демократической основе и в этом отношении я с ним полностью солидарен. Если идея национальной независимости примет какую-то форму нового тоталитаризма, угнетения, оков, сковывающих мысль, это приведет народ к новым, еще более страшным испытаниям и бедам. Мне по душе, что эта мысль последовательно проводится Абульфазом во многих своих выступлениях и в том числе в интервью газете «Азадлыг» от 24 декабря 1989 года. Это интервью, посвященное оценке роли нашей интеллигенции, писателей в борьбе за демократию, благо народа, можно считать образцом правды, справедливости и объективности. Ибо

попытка огульно охаивать интеллигенцию, очернять ее, пытаться оторвать от народа, посеять раздор между ней и народом – служат политике «разделяй и властвуй». И не мало таких, кто открыто или исподволь проводит ее, кто в погоне за дешевой популярностью пытается запятнать известных людей, чтобы прославиться самим. Тихий, сдержанный голос Абульфаза звучит громче воплей крикунов, и в конечном итоге, оказывается намного убедительней.

Важнее оценок, выставляемых нам нынешним временем, сегодняшним днем, те оценки, которые нам дает история. Как жаль, что существуют политики, не учитывающие этой важной истины. Абульфаз из тех, кто хорошо осознает эту истину.

Я желаю ему на этом трудном и долгом пути борьбы, перед лицом нелегких и серьезных испытаний истории, сохранить свою мудрость и достоинство. Желаю терпения и здоровья.

13 мая 1990 года

P.S. Разбирая свой архив в процессе подготовки этой книги я обнаружил написанную девятнадцать лет назад и забытую мной рукопись. Искренне признаюсь, что не могу вспомнить, в связи с чем, по какому поводу эта статья была написана (так как никаких юбилеев или знаменательных дат, связанных с Абульфазом не предполагалось, и сам он был на свободе, так что незачем было писать в его защиту). Короче, я никак не помнил о существовании этой статьи, пока не обнаружил ее. Может, она написана по просьбе какого-либо органа печати Азербайджана или Турции, ответом на заданный мне вопрос, но очевидно, что она нигде не была впоследствии опубликована. Ни до того, как Абульфаз-бей стал Президентом, ни во время его президентства, ни после. Очевидно, события в то время менялись столь

стремительно, что статья быстро утратила свою актуальность, и, отложив ее куда-то, я совершенно забыл о ней.

События, последовавшие вслед за стоящей под статьей датой – 13 мая 1990 года – поставили перед нами множество самых разных проблем. Абульфаз Эльчибей был избран Президентом Азербайджана, затем потерял этот пост.

Сейчас, не меняя ни единой запятой, включая эту давнюю и забытую статью в книгу, хочу еще раз подчеркнуть, что по-прежнему отношусь с глубоким уважением, теперь уже, увы, к памяти Абульфаза Эльчибея. При этом однако, чувствую дополнительную необходимость поделиться рядом мыслей о времени его президентства и после него.

Прежде всего, хочу отметить, что мое уважительное отношение к Эльчибею во многом определяется его уважительном отношением и симпатией к интеллигенции. Именно этим он сильно отличался от многих своих соратников, советников, товарищей по борьбе. Когда на площадях многие к месту или не к месту стремились «обличать» интеллигенцию, чтобы заслужить признание невзыскательной части толпы, Абульфаз не раз спокойно, сдержанно указывал на самоотверженность и огромные заслуги передовой азербайджанской интеллигенции в борьбе за независимость Азербайджана. Выше я ссылался на его интервью, данное газете «Азадлыг». Сейчас у меня нет под рукой этого номера, и я не помню в точности сказанных им слов, однако по моей статье ясно, что и в этом интервью Абульфаз-бей доброжелательно оценивал деятельность интеллигенции.

До своего избрания на пост Президента Абульфаз Эльчибей в различных интервью не раз отмечал заслуги нашей интеллигенции в борьбе за обретение независимости. Некоторые из его высказываний опубликованы в изданной в 2000 году фотокниге «Анар». Абульфаз-бей говорил:

«Очень подавляли молодежь в республике. Но вдруг появился Расул Рза и взял под свое покровительство 20-30 юношей. Люди видели: есть наверху Расул, и благодаря Расулу осмелели и другие. Расул покровительствовал Фикрету Годже, Вагифу Самедоглу и другим. В те времена были на виду и Айлисли, и Анар, и Эльчин, и Юсиф Самедоглу… Бахтияр-муаллим в те тяжелые годы приобщал своих студентов, народ к патриотическим стихам… Те годы для нас были не подъемом, а спасением от гибели. Литература того периода многострадальна. Надо больше ценить литературу тех лет за то, что она не дала народу задохнуться. Литература вела борьбу за язык. Огромную роль играли в этом журнал «Азербайджан» Акрама, «Улдуз» Юсифа Самедоглу. Но раньше них со своим языком, дыханием явился «Гобустан» Анара. А потом все набросились на него, стали писать против Расула Рза, против Анара. Стали бить их вместе».

В этом месте я хочу прервать мысль Абульфаз-бея и сказать: уважаемый Абульфаз-бей, вам не дано было узнать, увидеть, прочитать, как некоторые недоучившиеся, незрелые недоумки, представляющиеся вашими последователями, наследниками сейчас пишут в той же газете «Азадлыг» прямо противоположное вашим утверждениям, заявляют, что названные вами люди не имеют никаких заслуг перед азербайджанской литературой, языком, и вообще не играли никакой роли в борьбе за независимость Азербайджана. Более того, хотя эти писаки и придерживаются прямо противоположных советской идеологии позиций, методы и логику переняли от нее же: «кто не с нами, тот против нас». Обвинения, предъявляемые им интеллигенции, отличаются от таких же ложных обвинений в адрес писателей со стороны советских идеологических и иных служб лишь по своему содержанию, но не по форме, не по ярости, несправедливости и ложности. Порой эти обвинения еще более безжалостны, бессовестны и бесстыдны; по накалу

ненависти к азербайджанской интеллигенции, они могут быть сравнимы лишь с армянскими нападками на наших писателей. В «революционном» пылу низвержения всех духовных ценностей нации, эти «необольшевики» не жалеют ни живых, ни мертвых, оскорбляют всех подряд. Вернусь вновь к словам Абульфаз-бея, чьи высказывания диаметрально противоречат обвинениям его так называемых «соратников».

«Об интеллигенции того времени надо писать отдельно. Должна быть достойная их оценка. (Знали бы Вы как сейчас достойно оценивают нас, Абульфаз-бей! – А.) Я отлично помню то время, когда вышла книга Анара «Молла Насреддин – 66», ее читали все, молодежь спрашивала друг друга: «Ты прочитал? « Эту вещь обсуждали, молодежь только и говорила о ней. (Где сейчас такая молодежь? – А.) Это было возвращением духа Сабира. Попыткой вновь вернуть бившейся ключом интеллигентское мировоззрение первой половины XX века, возвратиться к ней и идти дальше на его основе. Подобно тому, как мы сейчас стараемся восстановить Азербайджанскую Демократическую Республику, так и они были теми, кто пытался и возвращал нам эту идеологию, сознание. Они сделали многое».

Я вновь возношу благодарность памяти Абульфаз-бея, сказавшего эти слова в 1991 году.

Потом Абульфаз Эльчибей был избран Президентом Азербайджана. И поскольку Абульфаз был человеком искренним, я тоже не могу здесь не сказать искренних слов о периоде его президентства. В тот период Абульфаза Эльчибея (я не говорю правления, а именно – президентства) было сделано много полезного для Азербайджана. Вывод российских войск из Азербайджана, замена рубля на манат, перевод вступительных экзаменов на тестовую систему и прочее, несомненно, были важными шагами на пути укрепления нашей независимости. Никто

не станет отрицать прогрессивности этих шагов. Однако так же никто не станет отрицать, и Абульфаз-бей сам признавал это, что взяточничество, коррупция в стране не только не уменьшились, но и приобрели гораздо большие масштабы. Многие, еще вчера распинавшиеся на площадях о родине, народе, возжаждали власти, размахивая своими мнимыми заслугами в борьбе за независимость, требовали немедленно возместить их усилия высокими должностями. И нередко таким вот способом стали править некомпетентные, незрелые люди, не профессионалы. В Гарабахе шла кровавая война, а каждый более или менее авторитетный политик имел свои вооруженные формирования, противнику были отданы важнейшие стратегические районы Гарабаха, в том числе считавшаяся неприступной крепостью Шуша, оккупация других районов была лишь вопросом времени. Для этого были созданы все условия. Потом обидели некогда удостоенного звания Национального героя Сурета Гусейнова, и он двинул свои отряды на Баку, по дороге сметая глав исполнительной власти районов. А в Баку некоторые горячие головы советовали подвергнуть бомбардировке Гянджу. Подстрекаемые некоторыми соседними государствами на севере подняли голову члены «Садвала», на юге была провозглашена Талыш-Муганская республика. Страна, находящаяся в состоянии тяжелой войны с Арменией, была на пороге гражданской войны, уже пролилась братская кровь.

Я не могу сказать, какова была в этой ситуации личная ответственность Абульфаза Эльчибея, однако, все это происходило в период, когда именно он был Президентом страны. И он сам, да и практически большинство народа видели единственное спасение от этих несчастий в помощи Гейдара Алиева. В каком качестве предполагали они вмешательство Гейдара Алиева в спасении положения, хотели ли они предложить ему один из высших постов в государстве или просто воспользоваться его опытом, советами? Не знаю. Во всяком случае,

Гейдар Алиев приехал в Баку, был избран Председателем Верховного Совета и в короткий срок смог решить наиболее опасные проблемы. Этого никто отрицать не станет. Самое удивительное в событиях тех дней – это внезапный отъезд Абульфаза Эльчибея в родную деревню Келеки. По-разному объясняют причины этого отъезда, высказываются различные версии. Тем не менее, для меня эта история остается загадочной.

Возвращаясь к нашим личным взаимоотношениям, хочу сказать, что стало приятным сюрпризом присланное мне 14 марта 1988 года поздравление Абульфаз-бея в связи с моим 60-летием. В нем Абульфаз Эльчибей писал:

«Уважаемый Анар бей!

Поздравляю Вас, выдающегося деятеля азербайджанской литературы и искусства с 60-летием со дня рождения!

Вы родились и сформировались как личность и писатель в истинно интеллигентской семье Расула Рза и Нигяр ханым, живущей сложной, не простой жизнью нашего народа.

Один из лидеров поколения шестидесятников, сформировавшего новое национальное самосознание, Вы, работая в Литературном музее, на радио, возглавляя альманах «Гобустан», руководя Союзом писателей Азербайджана, своим богатым и многоплановым творчеством привнесли в атмосферу Азербайджана новый настрой, новое мышление, новое видение.

Основу Вашего художественного творчества составляет резкий протест творца против нарушения прав человека, подлого тоталитарного русско-советского режима.

Ваши произведения сыграли исключительную роль в формировании сознания национальной государственности и в истории национально-освободительного движения в Азербайджане. В то же время Ваше

участие в национально-освободительном движении сыграло большую роль в пробуждении тысяч людей, в привлечении интеллигенции к этому движению.

В качестве депутата парламента Вы и сегодня активно участвуете в этих прениях, руководя комиссией по культуре, делаете все, что в Ваших возможностях для демократизации страны, подъема культуры.

Огромны Ваши заслуги в формировании в наши дни общенациональных ценностей, в расширении движения за целостный Азербайджан, за укрепление связей тюркского мира.

От всего сердца я верю в большие дела, которые Вы совершите ради Родины, Нации, государственности и демократии на пути национальной солидарности.

Желаю Вам и Вашей семье здоровья, счастья, а в творчестве и деятельности новых и новых успехов.

С уважением,

Абульфаз Эльчибей

Председатель партии Азербайджанский Народный фронт

14 марта 1988г.

Приведение здесь этого письма может показаться кому-то проявлением нескромности с моей стороны. Ну и пусть. Это достойный ответ некоторым писакам, которые на протяжении многих лет клевещут на меня, причем, это ответ им не мой, это голос Абульфаза, дошедшего к нам из небытия.

Абульфаз-бей был моложе меня на несколько месяцев. В том же году и ему исполнилось 60 лет, и я направил ему поздравительное письмо, которое было опубликовано в «525-ой» газете и газете «Азадлыг».

«Уважаемый Абульфаз-бей! От всего сердца поздравляю Вас, человека, способствовавшего формированию нашего национального сознания, личности, имеющей неоспоримые заслуги в борьбе за свободу и независимость в связи с Вашим 60-летием. Я глубоко уважаю Вас как человека, постоянного и верного своим убеждениям. Страдания и мучения, которые Вам пришлось пережить за Ваши убеждения от советского режима, удваивают мое к Вам уважение. Я высоко ценю Вас и как ученого, любящего литературу, хорошо знающего ее. С благодарностью вспоминаю вашу статью о нашем великом поэте Юнисе Имре, опубликованную в газете «Адабият», помню Ваши высказывания о Расуле Рза, Бахтияре Вагабзаде, Халиле Рза Улутюрке, об альманахе «Гобустан», о поколении шестидесятников, признателен за Ваше поздравительное письмо, присланное в связи с моим шестидесятилетием. Желаю Вам здоровья, счастья.

С уважением,

Анар

Опубликовано в газетах «525» и «Азадлыг»

Я был глубоко опечален известием о кончине Абульфаза Эльчибея. Азербайджан потерял честного и самоотверженного человека. «Адабият газети» опубликовала 25 августа 2000 года соболезнование от имени Союза писателей Азербайджана.

Через несколько лет известный турецкий поэт Явуз Булент Бакилер подарил мне изданную в Стамбуле книгу «Эльчибей». В нее вошли статьи об Эльчибее турецких журналистов, политических обозревателей, воспоминания о встречах и беседах с ним. В конце книги Явуз Булент приводит завещание Эльчибея. Я в первый раз увидел это завещание, и оно произвело на меня огромное впечатление. В этом

завещании было признание, на которое способны лишь очень достойные люди. Абульфаз писал:

«Я в кое-чем виноват перед моим народом. Мои ошибки можно было исправить, но не довелось. Пусть мой народ простит меня. Могут спросить, почему я не извинился при жизни. Так уж предписала судьба».

В завещании Абульфаз-бей писал, что он более семи лет болел раком, и друзья зря скрывали это от него.

«Когда я заболел раком, я многое для себя открыл. Вы знали об этом раньше, однако скрывали от меня, не желая огорчать. Хотя было лучше, если б вы сообщили об этом раньше. За оставшееся время мы обменялись мыслями, подготовили бы национальную программу будущего развития. Можно было начать новые дела. Что теперь говорить…»

Эти слова мог сказать только человек, на пороге смерти смело глядящий ей в глаза. Абульфаз-бей не страшился смерти, потому что свято верил в другую истину, отраженную в его завещании:

«Душа – бессмертна. Души тех, кто любит свою нацию, навсегда останутся с народом».

И я заканчиваю статью с верой в это.

Сентябрь 2009 г.

Перевод Мирзы Гусейнзаде.

ПРЕВРАТИВШИЕ ЗЕМЛЮ В РОДИНУ

После трагедии 20 января 1990 года на наш народ обрушилась еще одна скорбная дата – 20 ноября 1991 года.

Что же за времена, о, Господи, когда звучащая по телевидению классическая музыка еще более напрягает наши и без того напряженные нервы, а наши сердца трепещут в предчувствии новой печальной вести. Вечером 20 ноября, когда вместо обычной программы новостей по телевизору зазвучала симфоническая музыка, сердце мое дрогнуло в предчувствии новой беды. Я был болен, лежал, спросить было не у кого. Позвонил двоюродному брату, полковнику милиции Акифу Рафиеву. Его жена с тревогой сказала:

– Акиф в Карабахе, мы так беспокоимся. Говорят, там снова была перестрелка.

Кому еще позвонить? Наверное, Тофик Исмайлов что-то знает. Я снял трубку. Но словно кто-то сказал мне: «Не звони, он, наверное, еще на работе. Возвращается домой поздно. Если до десяти часов что-то не прояснится, тогда можно будет звонить. Раньше его дома не будет».

Ты больше никогда не вернешься домой, Тофик, ни в десять, ни в одиннадцать, ни сегодня, ни завтра, никогда не обрадуешь свою семью ласковой улыбкой, не будешь втайне гордиться своим сыном Гейдаром, которого любишь больше жизни.

Тофик, дорогой, мой друг, мой брат. Если бы мы потеряли тебя еще три года назад, я тогда бы переживал, страдал бы по утрате только ученого, интеллигентного, умного сына моего народа.

Однако я узнал тебя еще больше за эти три года. За это время ты стал мне настолько родным, столь близким, незаменимым другом, я так привык, что в самые трудные времена мы стояли с тобой плечом к плечу, настолько мне стали необходимы твои мудрые советы, точные

политические прогнозы, да и просто человеческое общение, что теперь твое отсутствие для меня равно потере самого близкого человека. Лишь немногие знают отвагу, проявленную тобой в последние годы, жертвы, принесенные тобой во имя родины, твою смелость и твою несгибаемость. Но, быть может, только мы, твои коллеги по депутатскому корпусу, видели какую тяжкую, мучительную и опасную, мало кому заметную борьбу вел ты. На заседаниях Верховного Совета, на Съезде ты сажал своих оппонентов логичными, яркими выступлениями, ораторским искусством, гражданской позицией, и в кулуарах, в личных встречах, во множестве писем, опросов, обращений, в самых высоких кабинетах ты держался достойно, выдержанно, принципиально. И все это было как сражение, которое вел за родину мужественный солдат, умелый полководец.

Твои заслуги в отражении множества бед, которые могли обрушиться на голову моего народа, бесценны. Немногие знают, что тебе довелось пережить за эти годы, Тофик. И ты отдал последний свой долг нашему Гарабаху, принеся себя в жертву на родной земле. Говорят, место героя в раю. Ты всегда будешь жить в душе своих друзей, своего народа, как самоотверженный герой, достойный райской обители, брат мой.

Дорогой мой Вели! Вся черновая работа, которую ты вел в Верховном Совете – твоя деятельность на заседаниях парламента, в комиссиях, то, что все необходимые актуальные или исторические документы, решения и законы всегда оказывались у тебя под рукой, и ты мастерски использовал их, как самое надежное оружие – все это у тебя с далекой юности литературного критика, с тех лет, когда именно ты разыскал и переписал от руки, написанные с болью в сердце и надолго скрытые письма Нариманова, которые ты выносил из архива тайком, спрятав под рубашкой.

Ты долгие годы работал на партийной работе, однако не перечеркнул всю эту работу, отказавшись от своего прошлого, в угоду политической конъюнктуре. Потому что не был конъюнктурщиком, а был человеком убеждений. Пусть вера оказалась ложной, но убежденность в ней может быть искренней. Ты не набивал себе карманы на высоких партийных должностях, не был среди тех, кто в свое время наживался за счет партии, а потом, когда времена переменились, завоевывали себе популярность, клеймя ее. Ты работал во многих местах, были времена, когда сидел без работы, когда сменял сферу своей деятельности. А в Карабахе ты ушел не с работы, а из жизни.

Дорогой мой Вагиф! На первом Съезде Народных депутатов вместо тебя пытались просунуть бесчестного Зория Балаяна. Ты должен был выступать. Мы переживали, насколько хорошо сможешь выступить ты на русском языке, и как это повлияет на решение Съезда по твоей кандидатуре. Лишь ты был спокоен. «Не беспокойтесь, – говорил ты. – Я выступлю так, как надо и меня изберут».

Так все и вышло. Потому что ты говорил правду, на твоей стороне была справедливость, и твоя победа над соперником была победой истины.

Именно ты успокаивал нас в самые трудные минуты: «Я пришел оттуда, я в курсе всего, все будет хорошо, – говорил ты. – За Карабах будьте спокойны. Мы обязательно победим в этом конфликте».

Мамед, Исмет, Зульфи, Курбан – дорогие мои соотечественники, сколько воспоминаний о каждом из вас, хранится в моем сердце, я помню каждый день, час наших встреч в Баку, Москве, Шуше, Сумгаите, Агдаше… Помню наши веселые беседы, помню и серьезный, горький обмен мыслями… Последняя весть о вас пришла из линии огня, из Гарабаха, который вы хотели защитить и обустроить… Светлая память о вас навсегда сохранится в моем сердце.

Осман, Рафик – сверстники моих юношеских лет, люди, с которыми я делил хлеб-соль, с которыми был рядом в горе и радости, с которыми делился своими печалями. Как страшно в один день, в короткой телевизионной программе услышать, что потерял стольких близких людей, друзей, знакомых…

Игорь, еще один товарищ моих юных лет. Я вспоминаю тот далекий и незабываемый семинар творческой молодежи, который ты с Зауром Рустамзаде организовали в Зугульбе, и как мы все были в то время молоды, и как всем нам тогда было хорошо вместе, и сколько светлых надежд было в наших душах. Как страстно спорили мы о подъеме культуры нашей родины – Азербайджана. Моей и твоей родины, Игорь. Ты родился на этой земле, жил, любил, работал, этой родине с сыновней верностью служил и отдал за нее самое дорогое – свою жизнь. И пусть память о тебе станет символом единства всех граждан Азербайджана разных национальностей, преданных этой земле и по праву считающих ее своей родиной.

Мой юный друг Али! Выходя после каждого закрытого заседания Верховного Совета, куда не допускалась пресса, первое, что я видел, были твои, полные тревоги глаза, первое, что я слышал, был твой нетерпеливый вопрос: «Ну как? Не поднимался вопрос, касающийся нас».

И ты, и Фахреддин, и твой коллега, осветитель Ариф до последней минуты с честью исполнили свой гражданский и профессиональный долг. И высшей оценкой вашего труда можно считать то, что расстрелявшие ваш вертолет бандиты, желая скрыть следы своего преступления, похитили и увезли отснятый вами материал. Как же они боялись истины, заснятой вами!

Я склоняю голову перед вашей светлой памятью. Да упокоит Аллах ваши души.

Я склоняю голову перед памятью миротворцев, прибывших в Гарабах, перед памятью солдат, возвращающихся отсюда в гробах, перед памятью работников органов правопорядка, перед представителями России и Казахстана, перед летчиками, ведшими тот вертолет.

И вечны слова, которые в эти дни повторяет каждый: ЗЕМЛЯ, ЗА КОТОРУЮ ЛЮДИ СЛОЖИЛИ ГОЛОВУ – РОДИНА.

Перевод Мирзы Гусейнзаде

ПАМЯТИ ТОФИКА ИСМАЙЛОВА

Вот и год прошел. В тот роковой день 20 ноября 1991 года в небе многострадального Карабаха с невиданной жестокостью и изощренным коварством был уничтожен вертолет. В результате этого, до сих пор нераскрытого преступления, погибли люди, большинство которых я знал лично; со многими был связан многолетней дружбой, и самым близким другом моим среди них был Тофик Исмайлов.

Бывают друзья детства, друзья юности, друзья на какой-то короткий или относительно длинный период жизни. Бывают, конечно, и друзья на всю жизнь. Тофик был моим другом зрелых лет, когда становишься особенно привередливым в выборе товарищей. Мы стали друзьями в последние, самые трудные, самые мучительные годы и нашей жизни, и жизни нашего народа, и эти годы помимо всего прочего, можно назвать и порой испытаний, временем четкого разграничения слов и поступков, верности и вероломства. Мы стали друзьями в том возрасте, когда друзей, в основном теряют. Теряют, а не приобретают.

Я тоже веду горький счет потерь – в том числе и потерь друзей. Одни умерли, увы, так рано, так преждевременно. Другие уехали, так сказать, с концами, далеко-далеко. Третьи – предали, тихо, незаметно, «скромно», если можно так выразиться о предательстве.

И на этом крутом изломе жизни судьба одарила меня поздней и такой трагически недолгой дружбой – дружбой с Тофиком.

Что я знал о Тофике Исмайлове до 1989 года? Что это крупный ученый, так и обойденный нашей Академией наук, которая не удостоила его чести быть своим членом. Что это человек интеллигентный, вежливый, с которым при встречах мы обменивались парой слов или просто доброжелательно улыбались друг другу.

Как-то в Союзе писателей Азербайджана мы организовали «круглый стол», посвященный проблемам Каспия, кажется, это было осенью 1987 года. Были приглашены публицисты из Москвы, наши азербайджанские писатели, журналисты, ученые, и в их числе Тофик Исмайлов, руководитель Института космических исследований «Каспий». Меня поразило его выступление – яркое, компетентное, – не будучи специалистом по экологии Каспия, он знал эти проблемы глубоко и досконально,

Наверное, и этого было бы достаточно, чтобы его гибель в вертолете я воспринял как большую потерю нашего общества, нашей науки. Но отношения, связавшие нас в тягостную пору союзного депутатства, стали настолько важным элементом моего духовного существования, что его смерть явилась для меня огромным горем, ничем невосполнимой утратой. Не было, наверное, дня в течение прошедшего года, что бы я не вспоминал о Тофике, не ощущал бы так горько и бесповоротно его небытия, его отсутствия в те судьбоносные моменты нашей общественно-политической жизни, когда, если бы он жил, многое могло б сложиться иначе. Но судьба, как и история, не знает сослагательного наклонения. Она не уберегла Тофика в мрачные дни от чувства сострадания к народу, к которому он принадлежал, чьим горем горевал. Горевал по-мужски и по-настоящему, а не напоказ. Сердце Тофика разрывалось от ужасов январской ночи 90-го года, но ему не суждено было пережить боль Ходжалы, узнать о трагедии Шуши. Может, это прозвучит кощунственно, но порой мне кажется, что мертвые в чем-то счастливее живых, ибо не ведают обо всех последовавших после смерти горестях, да и непереносимую печаль по их собственной гибели переживают не они сами, а те, кто их провожает в последний путь.

В Верховном Совете с Тофиком Исмайловым

За годы депутатства я узнал Тофика Исмайлова не только как надежного друга, но и как уникальную личность, воплощающую, на мой взгляд, лучшие черты национального характера – ум и эмоциональность, твердость в убеждениях, подвижническое служение избранному делу, бескорыстие и бесстрашие, упорство и волю и, при всем этом, удивительную деликатность, скромность, отказ от всяческого выпячивания собственной роли, отзывчивость на чужую боль, широту души, рыцарское благородство. Жизнелюб и сибарит, он был человеком жесткой дисциплины в работе. Человек с глубоким внутренним миром, напряженной духовной жизнью, он был легким и светски обаятельным в общении, простым и доступным для всех. Он любил людей, но не декларативно, а реально, с необыкновенной щедростью делился богатством своей необыкновенной души, по первому зову готов был помочь всем, кто в его помощи нуждался. Скольким людям помог он и по работе, и по сложным зигзагам судьбы, и в сложных политических коллизиях, и в элементарных бытовых вопросах. Скольким помог подняться на ноги, скольких выручил, скольким буквально спас жизнь в прямом, а не в переносном смысле слова. Обращаясь к нему, люди знали, что Тофик сделает все, что в его силах и еще сверх этих сил. Своими бесконечными депутатскими запросами, записками, обращениями, письмами, упорными телефонными переговорами, непосредственными контактами, неутомимым посещением высоких кабинетов, в которых он с железной настойчивостью добивался поставленных целей. Но дело даже не в этих индивидуальных, частных добрых поступках, которые, кстати, как бы ни пытались их принизить, тоже очень важны – ведь речь-то идет о человеческих судьбах. Еще важнее то, что Тофик Исмайлов сделал в качестве депутата для своего народа, для своей республики. Причем никогда и ни от кого не ждал благодарности. И это вполне естественно. Он ведь справедливо полагал, что всего лишь

честно выполняет свой долг азербайджанца, интеллигента, гражданина, депутата. И не только на признательность не рассчитывал, но и на простое признание, сделанного им, не надеялся. Помню, как-то после особенно бурной деятельности в парламенте – острых дебатов, соответствующих резких демаршей, изнурительных переговоров в высоких инстанциях, нам удалось предотвратить трагический для нашего народа ход событий, а Тофик был мотором всех этих действий, как вообще был душой и мозгом нашего депутатского корпуса, с легкой шутливостью, в которой, однако, сквозила столь же легкая грустинка, рассказывал мне, как поехал в Баку и на одной из многолюдных встреч в накаленной аудитории желторотый юнец напрямик спросил его: – А что вы собственно сделали для нашего народа?

Обидно было не только проявление столь нагло-дремучего невежества со стороны оболваненного истерическими речами юноши. Обидно было, то, что такие настроения и по отношению к Тофику, да и другим депутатам – Вели Мамедову, Вагифу Джафарову (я называю только погибших) нагнетались людьми, которые были прекрасно осведомлены в том, ЧТО делали азербайджанские депутаты для азербайджанского народа.

В течение всех этих лет я неизменно подчеркивал значение того народного движения, которое выплеснулось на площади Баку и клокотало бурным праведным гневом. Именно эта яростная и бескомпромиссная стихия придавала силы нашему депутатскому корпусу, весомость его словам, требованиям, предложениям. Пусть же кто-нибудь из митинговых ораторов – я называю так без всякого желания принизить их действительные заслуги, – так вот, пусть кто-нибудь найдет в себе достаточную приверженность к справедливости и громогласно провозгласит истину: передовые позиции политических баталий тех лет все же проходили в стенах Союзного парламента перед

равнодушной, безразличной, порой даже неприязненно настроенной, а иногда и явно враждебной аудиторией Верховного Совета и отстаивать интересы Азербайджана там было куда сложней, чем произносить речи перед соотечественниками в Баку, аплодирующими именно тем словам, которые они жаждали услышать.

Я бы не стал сейчас затрагивать этот болезненный и для меня лично вопрос, если постоянно ноющая, как зубная боль, совесть не восставала бы против забвения заслуг тех, кто в этой борьбе отдал, в конечном итоге, самое ценное – собственную жизнь.

И в эти дни, когда отмечается годовщина начала ноябрьских митингов 88 года (хотя и митинги-то начались гораздо раньше – в феврале 1988-го года), как всенародный праздник Возрождения (что само по себе справедливо и отрадно), и законно отмечая заслуги тех, кто пламенно выступал на Площади, забывают тех, кто доносил голос Азербайджана с самой высокой трибуны страны, которая когда-то называлась СССР. И часто этот голос был гласом вопиющего в пустыне, эти голоса, а самым громким был голос Тофика Исмайлова, – звучали и звучали, и к ним стали прислушиваться. Потому и уважали Тофика люди самых разных политических убеждений. Потому и боялись враги. Боялись его острого ума, воли, логики, напора. Боялись правды, которую он нес.

На одном из заседаний Верховного Совета Тофик стоял в очереди у микрофона. Позади него стояла Лидия Арутюнян – депутат Армении. Они были знакомы не только по парламенту, как непримиримые оппоненты, но и по совместной поездке в США в составе депутатской группы. Тофик Исмайлов был к тому же еще и безупречным джентльменом, и когда Л. Арутюнян попросила его: «Тофик Кязимович, уступите мне свое место в очереди», – он галантно пропустил ее вперед.

Заполучив микрофон, Л. Арутюнян попросила председательствующего не давать слова депутату Тофику Исмайлову.

Тофик громко рассмеялся. (И все же получил слово).

Этот эпизод многое говорит мне. И о национальном характере вообще, и о характере Тофика Исмайлова в частности.

Серьезный ученый и активный депутат, хороший семьянин и верный товарищ – таким был, таким остался в моей памяти Тофик Исмайлов.

И еще для меня он – один из первых Национальных героев независимой Азербайджанской Республики. И не столь существенно, оформлено это указом или нет.

«Вышка» 21 ноября 1992 г.

ОБРАЗ АЙДЫНА

Весть о трагической гибели в автомобильной катастрофе двух ярких, незабываемых людей – Диляры Алиевой и Айдына Мамедова я получил в Турции, в сельджукском городе Бурсе.

Я мог бы написать в «зеленой Бурсе» или в «древней Бурсе». Почему на бумаге невольно оказалось именно это определение «сельджукский»? У памяти своя логика, у ассоциаций свои законы и упоминание о Сельджуках, видимо, не случайно. Несколько лет назад среди участников Дней Азербайджана в Ленинграде (тогда еще Ленинграде) были и мы с Айдыном. Мы договорились встретиться со знаменитым ученым-тюркологом Л.Н.Гумилевым. Айдын был знаком с ним. Я попросил, чтобы познакомил и меня.

Айдын созвонился с ним, и мы пошли к ученому, который жил в коммунальной квартире. По всему было видно, что Гумилев с особым уважением относился к Айдыну. Лев Николаевич рассказывал нам о судьбе тюркских народов и о своей собственной трудной судьбе, о том, что оказался в тюремном бараке вместе с отцом Олжаса Сулейменова, и его нары находились над ним.

Речь зашла об этногенезе азербайджанского народа.

– Почему ваши ученые оглядываются по разным сторонам, когда пытаются определить этногенез вашего народа? – говорил Гумилев – вы подлинные наследники сельджуков. В истории Азербайджана решающую роль сыграли три великих сельджука – Тогрул, Алп Арслан и Меликшах.

Затем он внимательно посмотрел на Айдына и на меня и добавил:

– И на ваших лицах отражено сельджукское происхождение.

Разумеется более важным чем внешние проявления являются особенности внутреннего мироощущения, нравственные ориентиры,

духовная направленность. Верность Айдына сельджукскому духу, тюркской нравственности, его интерес к подлинным корням и истории нашего народа, связаны именно с этим. Айдын Мамедов был настоящим ученым. Как серьезный исследователь он искал связи между агглютинативными языками – древним шумерским и тюркскими языками, но не спешил делиться недостаточно аргументированными и обоснованными наблюдениями. В наших неоднократных беседах на эту тему, он повторял, что нельзя на внешнем сходстве отдельных слов строить теорию об идентичности шумерского и тюркских языков, требуется немало усилий и упорных трудов, чтобы убедительно доказать это родство, если оно на самом деле имеется. Серьезный интерес к шумерской тематике сблизил Айдына с выдающимся казахским поэтом и ученым Олжасом Сулейменовым, который также посвятил этому вопросу ценные исследования.

В восьмидесятые годы несколько наших молодых языковедов, очевидно, почувствовав некий вакуум в нашей литературной критике, устремились в эту область, и Айдын был среди них, причем одним из самых вдумчивых и ярких. Его статьи о современном литературном процессе поднимали планку нашей критики.

В 1987-ом году в журнале «Улдуз» был опубликован большой диалог между Айдыном и мной. В этой беседе мы впервые подняли вопрос о переходе на латинский алфавит и резонанс от этого предложения дошел до республик Средней Азии. В этой беседе я сказал, что некоторые вопросы мы будем поднимать до тех пор, пока будет услышан наш голос. Позже Айдын издал сборник своих статей в книге, которой дал название «Пока будет услышан наш голос».

Прошли годы. Многие из вопросов, поднятых нами в том диалоге, остались позади. А в некоторых вопросах жизнь намного опередила наши самые смелые мечты. Созрела новая общественная атмосфера, и во

всех этих процессах Айдын как ученый, критик, публицист, а позже и как политический деятель, сыграл важную роль. Должен сказать, что как политик он созрел очень быстро, стал человеком, к слову которого прислушивались. Когда мы организовали в Союзе писателей встречу с деятелями оппозиции, сейчас широко известными, а в те годы вовсе неизвестными, Айдын принимал самое активное участие в этих встречах. Кассета с записью этой встречи хранится в моем архиве. В ней голоса двух дорогих мне людей Тофика Исмаилова и Айдына Мамедова, которых мы так рано и так трагически потеряли.

Айдын обладал ясным политическим мышлением, уникальным даром оратора, был человеком широкого научного и литературного кругозора, обладал солидной эрудицией. И потому, когда возник вопрос о назначении руководителя созданного по нашей инициативе Переводческого центра при Союзе писателей, естественно, мы остановились на кандидатуре Айдына Мамедова. Айдын с удовольствием принял это предложение. И «верха» одобрили наш выбор, Айдын приступил к работе. За короткое время он собрал профессиональный коллектив, спланировал предстоящую работу. Вместе с этой трудной работой он продолжал заниматься и политической деятельностью, в качестве депутата Верховного Совета Азербайджана.

Как в его личности, так и в политической деятельности были и противоречивые моменты, он был хорошо осведомлен и в «политических играх» и в политических комбинациях, были вопросы, в которых он заблуждался. Но в политической жизни Азербайджана у Айдына была своя весьма важная ниша и его отсутствие ныне явственно ощущается. Его яркие, умные, убедительные выступления с трибуны парламента встречались с одобрением, народ верил его слову. В сегодняшних парламентских дрязгах еще острее чувствуется

необходимость в весомом, мудром слове, в убедительной логике, в конструктивных предложениях Айдына.

Накануне 1X съезда писателей Азербайджана кто-то пустил слух, будто Айдын хочет уйти из Переводческого центра. Эти слухи в какой-то мере основывались на его интервью газете «Йол». Предполагалось, что Айдын всю свою деятельность сосредоточит в Верховном Совете. Ведь он был не только депутатом, но и Председателем комиссии Верховного совета. К тому же был Первым заместителем редактора журнала «Тюркология».

На съезде Айдын был избран членом Правления Союза писателей Азербайджана и делегатом на предполагаемый (но так и не состоявшийся) Всесоюзный съезд писателей.

После нашего съезда за день до организационного пленума, Айдын позвонил мне домой и с некоторой тревогой в голосе сказал:

– Анар муаллим, я не хочу уходить из переводческого центра. Я готов отказаться от всех своих должностей, даже от депутатства, но не хочу расставаться с переводческим Центром.

– О чем речь Айдын, – успокоил я его. – Ты первый Председатель переводческого Центра, ты собрал коллектив и если хочешь остаться и работать, прекрасно, никаких проблем. И ни надо отказываться от депутатства.

Я почувствовал, что Айдын несколько успокоился после этого телефонного разговора. Но, видимо, все же он был чем-то обеспокоен, потому что ближе к полночи позвонил еще раз и наш диалог снова повторился. Я еще раз уверил его, что никто его освобождать от занимаемой должности не собирается.

Утром на Пленуме Союза писателей Айдын Мамедов был избран секретарем Союза и назначен Председателем переводческого Центра.

Это были последние дни марта 1991-го года. Кто знал, что до окончания жизненного срока Айдына остается всего ничего – меньше месяца.

Сразу после возвращения из Турции я вместе с Эмином Сабитоглу поехал в Шеки, в селение Киш. Мы пошли к могиле Айдына, а потом в дом его родителей.

Подобно тому, как люди не похожи друг на друга и горе свое они переживают по разному. Больше потрясаешься, когда видишь, как человек страдает внутри себя, без каких-либо эффектных, внешних проявлений. Никогда не забуду скорбь на светлых и чистых лицах отца и матери Айдына. Они с таким достоинством переживали свое неутешное горе, что в эти минуты я ясно осознал, какие у Айдына были здоровые и крепкие корни.

При жизни Айдын был для своего отца Мирсалеха дитей, которым он гордился, сыном, который вышел из маленького села, поехал в Баку, освоил профессию, стал ученым, приобрел славу. После смерти Айдын стал любимым, умным, достойным сыном всего Азербайджана. Слова, сказанные Мирсалех-киши, были обычными, простыми и очень искренними:

– Я и не знал, что народ так любит Айдына. Телеграммы, письма поступают со всех концов Азербайджана, приезжают люди, несут цветы к могиле…

Мы стоим над могилой Айдына. Могила утопает в цветах, букетах, венках. Вдали курорт Мархал – неописуемо красивый уголок природы. Айдын очень любил это место. И я впервые от него услышал, что «мархал» – древнее тюркское слово.

С другой стороне бурная река Киш, на ее берегу маленькая деревушка Киш, крохотный дворик и два старых родителя, переживающие в себе свое горе – тихо и безмолвно.

И всюду – на улицах Баку и Шеки, в различных уголках Карабаха, всего Азербайджана упоминаемое с уважением, почтением, любовью и благодарностью имя – имя Айдына Мамедова. Его дух, который витает над родной землей.

«Айдын» – означает ясный.

Ясный образ Айдына живет в нашей памяти.

28 марта 1992г.

ЧЕСТНЫЙ ПОЛИТИК

Весть о кончине выдающегося сына братской Турции Буленда Эджевида потрясла меня. Мы были лично знакомы. В Турции его звали и «Караогланом» – «Чернявым», и «Кыпрыз фатехи» – «Героем Кипра». Но более всего ему подходило определение «Честный политик». Как и в каждой профессии, среди политиков тоже встречаются разные люди. В сложном мире политики Эджевид был хозяином своего слова, это был четкий политик, у которого слово не расходилось с делом.

Эджевид был социалистом левого толка. Даже в названии партии, которой он руководил, есть слово «левая». Порой политики левого толка больше характеризуются борьбой за социальную справедливость, равенство между людьми, в определенном смысле оставляя на втором плане национальные проблемы. Но, будучи поборником социальной справедливости, равенства, Эджевид являлся и самым последовательным выразителем, защитником жизненных интересов народа, нации.

Когда над турками-киприотами нависла смертельная опасность, он не оглядываясь ни на кого – ни на внутреннюю оппозицию, ни на мировое общественное мнение, ввел на остров войска, чтобы спасти своих соотечественников от уничтожения. Один турецкий политик, знавший все эти события изнутри, рассказал мне, что, являясь в то время премьером коалиционного правительства, Эджевид отправил своего заместителя – главу другой, входившей в коалицию партии заграницу, потому что знал, что тот будет выступать против такого крайнего решения. Представители и других партий предупреждали Эджевида об опасности такого решения, призывали быть осторожней, не вмешиваться в события. «Чернявый» принял такое решение единолично, и его имя золотыми буквами вписано в историю современной Турции. Речь шла не

о захвате, не об оккупации, а о спасении турецкого населения Кипра, которую в Турции ласково называли «малой родиной».

В какую-то из годовщин этого события я был на Кипре, и смог своими глазами увидеть как многолюдная площадь радостно, с любовью, как истинного героя встречала Эджевида. На состоявшемся там митинге со страстной речью выступил тогдашний президент Турецкой Республики Северного Кипра Рауф Денкташ. Он говорил, что был информирован, что Турция придет на помощь, однако когда турецкие самолеты не появились в небе в назначенное время, это вызвало огромную тревогу. Ведь речь шла о полном уничтожении всей турецкой общины. Но когда, наконец, самолеты появились в небе, киприоты поняли, что они спасены.

Подобные же чувства я пережил несколько лет спустя, когда в азербайджанском небе появилась летная группа «Турецкие Звезды». Потому что за несколько дней до этого соседнее государство предприняло, провокационные полеты над азербайджанской территорией, пытаясь устрашить нас, дабы мы не разрабатывали принадлежащие нам нефтяные месторождения. В то время у нас еще не было такой мощной армии, и всяк старался продемонстрировать нам свою силу. И я, как и все мои соотечественники, с болью в сердце понимал, что мы бессильны перед этим шантажом. Но когда в те дни в нашем небе появились «Турецкие Звезды», у меня на глазах появились слезы, хотя я не сентиментальный человек. Значит, мы не одни в мире, нам есть на кого опереться.

В тот день на Кипре каждую фразу Эджевида встречали бурными аплодисментами.

Мы познакомились с Эджевидом в Москве за несколько лет до кипрских торжеств. Тогда он еще не был премьер-министром, а просто руководил одной из партий. Он прибыл в наше Постоянное

представительство в Москве. Мой покойный друг, наш Постоянный представитель Заур Рустамзаде пригласил на встречу с Эджевидом Рустама Ибрагимбекова и меня. Более всего в словах Эджевида меня заинтересовали его суждения о положении Турции в мире. Буленд-бей убедительно доказывал, что Турция как мусульманская страна может стать равноправным членом «мирового сообщества» (я впервые услышал от Эджевида, как звучит это выражение на турецком языке) в качестве светского, цивилизованного, ататюркского государства. В разговоре мы коснулись и появления в нашем языке и новых выражений. Я напомнил Эджевид-бею, что раньше, употребляя слово «олай» – «явление, факт», обязательно с некоторой иронией добавляли «как говорит Эджевид», а теперь это слово вошло в язык в качестве полноправного выражения, которое используется повсеместно. Эджевид, смеясь, согласился со мной. Когда же я вместо «вертолета» сказал «дикучар» – «поднимающийся прямо вверх», это выражение Буленд-бею очень понравилось и, отметив слово в своей записной книжке, он сказал, что будет использовать его.

Не считая торжеств на Кипре, когда я видел его только издали, во второй раз я встретился с Буленд-беем в Анкаре, когда Эджевид стал премьером коалиционного правительства. Он принял нас, членов азербайджанской делегации Милли Меджлиса, в своем рабочем кабинете. Когда пришла моя очередь высказаться, я подарил Буленд-бею составленную мной антологию «Полторы тысячи лет огузской поэзии», добавив: «Здесь есть и ваше стихотворение «Геолог». Это пришлось по душе Эджевиду, и он тут же подарил мне свою книгу стихов с автографом. Ведь Эджевид был не только политиком, но и поэтом.

Буленд Эджевид был волевым и смелым человеком. Кроме решительных действий во время кипрского конфликта, в его заслугу вписано то, что он добился ареста и предания справедливому суду

Оджалана, на руках которого была кровь нескольких тысяч турок и курдов.

Но жизнь и возраст имеют свои законы, и с этим нельзя не считаться. Тем не менее, нельзя не сожалеть о том, что в мире стало меньше на одного порядочного человека, честного политика, служащего своему народу не на словах, а на деле. Да упокоит Аллах его душу.

7 ноября 2006 года

Перевод Мирзы Гусейнзаде

ОБ ОДНОЙ ЛЕКЦИИ М.Э.РАСУЛЗАДЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ

Мой друг Рамиз Абуталыбов, дипломат и культуртрегер, как истинный подвижник, собравший за годы работы в Париже, в ЮНЕСКО, бесценные документы из архивов азербайджанской эмиграции, ознакомил меня с докладом М.Э.Расулзаде «Современная литература Азербайджана», прочитанном им 17-го января 1936–го года в столице Франции на русском языке. Доклад этот был обнаружен и подготовлен к печати российским ученым, доктором исторических наук Исхаковым Салаватом Мидхатовичем. Ему же принадлежат и примечания к докладу, в которых уточняются некоторые имена и факты, упоминаемые в тексте. Я предложил опубликовать полностью этот доклад в нашем журнале «Литературный Азербайджан», сохранив весь текст как есть, даже с некоторыми его стилистическими шероховатостями. Рамиз одобрил эту мысль и попросил меня написать несколько предваряющих слов к публикации, что я с удовольствием и делаю.

На мой взгляд доклад интересен прежде всего тем, что его автор – виднейший политический деятель первой Азербайджанской демократической республики, человек широкого не только политического, но и литературного кругозора. Ценность доклада и в том, что он знакомит парижскую аудиторию, судя по всему русскоязычную, эмигрантскую, с богатейшей историей нашей национальной литературы.

Специфической особенностью доклада является то, что это взгляд на историю литературы, особенно ее новейшего периода, то есть первой половины XX века, скорее политика, чем литературоведа. И хотя у Мамеда Эмина Расулзаде есть стихи и беллетристические произведения в разных жанрах, он прежде всего политик, крупнейший идеолог

независимости Азербайджана начала прошлого века. Он был в числе создателей самостоятельного Азербайджана, провозгласившего свою независимость 28-го мая 1918-го года. Мы по праву гордимся тем, что наша родина объявила свой государственный строй республикой и стала таким образом первой республикой во всем тюркском и исламском мире, если не ошибаюсь, даже во всей Азии. Но почему-то не всегда подчеркиваем, что, если опять-таки не ошибаюсь, также впервые в названии страны было определение Народная (или Демократическая) – Азярбайджан Халг Джумурийяти.

Лишь спустя почти тридцать лет определение Народная или Народно-демократическая Республика нашло свое место в названиях стран Восточной Европы, вошедших в социалистический лагерь. Но в отличие от этих стран-сателлитов, особенно в сталинские годы , не имеющих ничего общего ни с демократией, ни со своим собственным народом, Первая Азербайджанская Республика, в то трудное время старалась из всех сил построить именно народно-демократический строй. И в этом огромная заслуга М.Э.Расулзаде, идеолога национального, демократического, светского государства.

Не только наше поколение, но и несколько предшествующих, узнали правду о поистине грандиозной деятельности М.Э.Расулзаде, лишь в последние двадцать с лишним лет, когда стали доступны документы той эпохи, появились серьезные исследования по ранее замалчиваемым и запрещенным темам. Одна из первых книг в Азербайджане, освещающих деятельность М.Э.Расулзаде, принадлежит перу талантливого исследователя Насимана Якублу. Патриарх нашей журналистики Ширмаммед Гусейнов периодически публикует статьи и выступления самого Мамеда Эмина Расулзаде. Часть из них собраны в двухтомнике. Есть насущная необходимость в издании следующих томов наследия Расулзаде.

Выдающийся азербайджанский исследователь, профессор Джамиль Гасанлы только за последние несколько лет издал ряд монументальных книг, освещающих по существу всю нашу историю XX века. Историю не только Азербайджана, но и сопредельных стран – Турции, Ирана, по крайней мере во взаимоотношениях этих стран с Советским Союзом. В последней изданной книге Дж.Гасанлы раскрывается дипломатическая деятельность Азербайджанской Республики в годы ее недолгого существования. И здесь четко вырисовывается яркая роль М.Э.Расулзаде в установлении отношений с Турцией, в борьбе за дипломатическое отстаивание независимости Азербайджана, в неустанных усилиях добиться его признания со стороны ведущих стран мира. И, наконец, очень ценным исследованием, посвященным М.Э.Расулзаде является книга Айдына Балаева, изданная в Москве. Все эти источники убедительно раскрывают заслуги этого великого деятеля в утверждении, укреплении, защите азербайджанской государственности, в разработке идеологических и теоретических основ нашей независимости.

Фигура М.Э.Расулзаде симпатична мне и по личным причинам, он был знаком с моим дедом Худадат-беком Рафибейли, послал ему телеграмму соболезнования в связи с кончиной его отца, глубокоуважаемого в Гяндже аксакала Алекпера Рафибейли. А после трагической гибели самого Худадат-бека, его расстрела, М.Э.Расулзаде выразил свою глубокую печаль по этому поводу.

У этого выдающегося деятеля столько подлинных заслуг, что не к чему приписывать ему заслуги мнимые. Так, М.Э.Расулзаде, как известно был Председателем недолго просуществовавшего Национального совета, но это не означало президентского статуса, который приписывают ему не в меру ретивые поклонники. Нельзя считать Э.М.Расулзаде и единоличным создателем независимого

азербайджанского государства, игнорируя заслуги его соратников по борьбе – А.Топчубашева, Ф.Хойского, Н.Усуббекова, Г.Агаева и других, сыгравших важную роль в создании и становлении страны.

В отличие от вышеназванных деятелей М.Э.Расулзаде в период независимости не занимал какой-либо государственной или правительственной должности, оставаясь лишь лидером партии «Мусават», руководителем самой большой и самой влиятельной мусаватской фракции в парламенте.

Фатали-хан Хойский и Насиб-бек Усуббеков были больше практиками, оба они, в разное время возглавляли правительство страны и оба входили в качестве министров в кабинеты друг друга.

Будучи заместителем Председателя Милли Меджлиса А.Топчубашева, Гасан бек Агаев, в его отсутствие, а это был весь период существования высшего законодательного органа страны, исполнял многотрудные обязанности руководителя парламента. Сам же Алимардан-бек Топчубашев, сделавший так много для обретения Азербайджаном независимости, не вкусил радости этого события у себя на родине. Вскоре после провозглашения независимости Алимардан-бек во главе дипломатической миссии отбыл в Турцию, а затем направился во Францию, сосредоточив все свои усилия на том, чтобы ведущие страны мира признали независимость Азербайджана. Ему, как и Мамеду Эмину Расулзаде, так и не было суждено больше увидеть родной Азербайджан.

Алимардан-бек – старший по возрасту, естественно, и свою общественно-политическую деятельность начал раньше М.Э.Расулзаде, был заместителем Исмаил бека Гаспринского на Первом съезде мусульман России, и стал Председателем на Втором, избирался не только депутатом Государственной думы России, но и стал руководителем мусульманской фракции в ней. Сфера деятельности

А.Топчубашева, во всяком случае до 1917-1918-годов, было мусульманство России, сферой же деятельности М.Э.Расулзаде был в основном Ближний и Средний Восток – Иран, Турция, Туркестан, Кавказ. Но в канун провозглашения независимости и в годы независимости вся деятельность как Расулзаде, так и Топчубашева всецело сосредоточилась на проблемах Азербайджана.

Еще одна общая черта в судьбе этих двух выдающихся людей – то, что оба они избегли трагической участи других лидеров АДР. От рук наемных убийц погибли Фатали-хан Хойский, Гасан-бек Агаев, Насиб-бек Усуббеков, Бехбуд-бек Джаваншир, в застенках ЧК-ГПУ были уничтожены Исмаил-хан Зиятханов, Мамед Багир Шейхзаманов, Мамедгасан Гаджинский и многие другие. На одном из каспийских островов был расстрелян Худадат-бек Рафибейли.

Но горькая чаша не миновала и семью Расулзаде, был расстрелян его юный сын, а вся семья, включая престарелую мать, была сослана. Существуют разные версии спасения самого Мамед Эмина из баиловской тюрьмы Сталиным, который и увез его в своем вагоне в Москву. Наиболее расхожая версия заключается в том, что Сталин якобы помнил былую дружбу с Мамедом Эмином и то, как тот спас его от неминуемой смерти. В это мало верится. Сталин не тот человек, который ценил бы верность в дружбе, если бы было иначе, он не уничтожил бы почти всех своих соратников по борьбе, друзей и даже своих ближайших родственников. Порыв благодарности за свое спасение так же мало сочетается с характером Сталина. В народе бытует много анекдотов о Сталине, которые порой лучше выражают суть его натуры, чем реальные документальные свидетельства. Так в одной байке говорится, что надзиратель, который стерег Сталина то ли в тюрьме, то ли в ссылке, после большевистского переворота был арестован, и ему удалось якобы послать письмо Сталину. В нем он напоминал вождю, что

он, надзиратель Иванов (назовем его так условно) по-доброму, по-хорошему относился к политзаключенным и к Сталину в том числе. И, согласно легенде, Сталин наложил такую резолюцию на это письмо: «Надзирателя Иванова помню. К своим обязанностям относился халатно».

Независимо от того, байка эта или быль, в этом – весь Сталин. И если у Сталина была бы хоть капля благодарности, он не допустил бы трагической участи семьи Расулзаде, сжалился хотя бы над его старой матерью, которая в свое время принимала его в своем доме.

Конечно, это мое сугубо личное предположение, но мне кажется, что Сталин рассчитывал использовать Расулзаде, как альтернативу Нариманову, которого он недолюбливал. Есть даже версия, что Расулзаде хотели предложить пост руководителя компартии Азербайджана, учитывая, видимо, его «гумметовское» прошлое. Но Сталин сильно ошибся в Расулзаде, полагая, что тот во имя карьеры может изменить своим убеждениям,

Как бы то не было, Расулзаде удалось вырваться из когтей сталинской системы и продолжить свою общественно-политическую деятельность в Турции, Польше. В его творческое наследие в эмиграции входят не только политические тексты, но и исследования по вопросам литературы, в частности, капитальная монография, посвященная Низами.

Доклад, который М.Э.Расулзаде прочел в 1936-ом году в Париже, носит в основном обзорный характер, но в нем точно расставлены акценты истории азербайджанской литературы, верно указаны две знаковые фигуры в разных этапах развития этой литературы – М.Физули в средние века и М.Ф.Ахундов в новое время. Странно, что в обзоре не упоминаются такие грандиозные явления нашей литературы как «Китаби Деде Горгуд» или творчество Насими, не говоря уже о Низами,

о котором, именно как об азербайджанском поэте Расулзаде написал позже очень ценную фундаментальную книгу-исследование. Но интересно, что если нашу литературу до советского периода Расулзаде оценивает и с эстетической позиции, то литературу советской эпохи – он рассматривает только как политик, с чисто идеологических позиций. То есть истинными образцами литературы этого периода он считает только те произведения, в которых выражены националистические, антисоветские и даже антирусские настроения, вне зависимости от их эстетической значимости. Правда, нельзя было требовать от автора более объемного рассмотрения советского периода, ибо он в силу понятных причин, не мог пристально следить за литературным процессом у себя на родине. О том, что в то время у него под рукой не было соответствующей литературы, говорит и тот факт, что докладчик именует знаменитую пьесу Дж.Мамедкулизаде «Книга моей матери», как «Книгу моего отца», так и называя, вернее переиначивая заглавие пьесы. Спорным представляется мысль Расулзаде о том, что произведения, посвященные Димитрову или Тельману, трогают азербайджанского читателя не больше чем судьба лузитианского диктатора Лонга. Не знаю как насчет Лонга, но и Димитров и Тельман в те годы были символами борьбы с фашизмом. И как бы не относиться к советскому строю, на совести которого чудовищные преступления против целых слоев населения, против целых народов, против многих выдающихся людей, это никак не оправдывает его антипода – нацизм. И иллюзией являлось наивное представление о том, что сокрушив сталинскую империю, Гитлер даст свободу порабощенным народам Советского Союза. На самом деле, случись такое, эти народы, особенно славянские и мусульманские, подпали бы под еще более жестокое рабство. И потому в те годы, поэты, воспевающие узников фашистских тюрем – Тельмана и Димитрова, были искренны в своем пафосе.

И еще одно – последнее соображение в связи с докладом М.Э.Расулзаде. Он прочитан в 1936-ом году и, несомненно, стал известен советским службам безопасности. Почти все из положительно названных в докладе азербайджанских писателей стали жертвами репрессий 1937-го года. Есть о чем задуматься, не так ли?

Октябрь 2009г.

НАГИ-БЕК ШЕЙХЗАМАНЛЫ ВСПОМИНАЕТ…

Наги-бек Кейкурун (Шейхзаманлы) был одним из деятелей Азербайджанской Демократической республики. Он родился в Гяндже в 1883 году.

В управление контрразведки АДР был назначен сначала его старший брат Мамед Багир Шейхзаманлы (1880-1920), а затем, когда он по собственному желанию оставил этот пост, на его место назначили его младшего брата Наги-бека Шейхзаманлы. Мамед Багир приходился тестем моему дяде, родному брату моей матери Камиль-беку, эмигрировавшему в Турцию. Таким образом, и Наги-бек может считаться нашим дальним родственником.

После падения Азербайджанской Демократической республики Наги-бек тоже эмигрировал в Турцию, где выступал в печати с воспоминаниями, освещающими страницы независимости Азербайджана.

В изданной в 1963 году в Стамбуле книге «Пережитое», он с печалью повествует о трагических событиях периода независимости Азербайджана. В 1964 году в Стамбуле выходит вторая, большая книга Наги-бека «Воспоминания о борьбе за независимость Азербайджана». В предисловии и вступлении автор рассказывает о том, что является темой этой книги, бросает краткий взгляд на борьбу за независимость Азербайджана, определяет место Гянджи в этой борьбе. В последующих главах он рассказывает о создании партии «Дифаи», касается других вопросов. Говоря о причинах создания партии «Дифаи», Наги-бек особо отмечает, как во время русской революции 1905 года, царское правительство решило стравить два соседних, веками живущих в мире народа – азербайджанцев и армян, посеять между ними вражду, натравить их друг на друга. В этом противостоянии царское

правительство открыто заняло проармянскую позицию, вооружая армян против мусульман. (Как видно, за прошедший век в российской политике мало что изменилось).

Река Гянджа делит город на две части. По обоим берегам реки жили азербайджанцы и армяне. Армяне неожиданно напали на азербайджанские кварталы. Они изгнали детей, женщин из своих домов, и, пользуясь отсутствием мужчин, которые в это время участвовали в сражениях, разграбили их имущество, а опустевшие дома сожгли. Азербайджанцы оказали отчаянное сопротивление, во время которого особенно выделялись известный своей храбростью Татоглу Кара со своими людьми, Гачаг Дели Али во главе двух тысяч добровольцев, собранных по деревням, и другие. Согласно воспоминаниям Наги-бека, защитой Гянджи руководил Алекпер-бек Рафибейли, который поднял на ноги всех гянджинцев. Напуганные этим отпором царские чиновники обратились к Алекпер-беку, прося успокоить народ, так как никто, «кроме Алекпер бека, не мог бы сделать этого».

Проживающие в городе дворяне-грузины, отставные офицеры и гражданские лица явились к Алекпер беку с выражениями сожаления по поводу действий армян. Наконец, Алекпер-бек дал приказ о прекращении военных действий. В городе наступил покой. Генерал-губернатор пригласил к себе по десять азербайджанцев и армян для заключения перемирия.

Однако проживающие в Гяндже авторитетные горожане понимали, что этот мир временный, что, подстрекаемые царской властью армяне воспользуются первым же случаем, чтобы вновь приняться свои провокации. Кроме армянских вооруженных отрядов, действовали и их хорошо организованные партии. Поэтому такую же партию должны были создать и азербайджанские тюрки. Основу ее составила созданная в Гяндже подпольная организация.

В это непростое время в Гянджу прибыл известный политический деятель, публицист Ахмед бек Агаев (Агаоглу). Вот, как пишет об этом Наги-бек:

«В те дни нашей подпольной организацией руководили несколько передовых людей-патриотов. Во главе их стояли Алекпер-бек Рафибейли, два брата Хасмамедли – Алекпер и Алескер, Насиб-бек Юсифбейли, доктор Гасан-бек Агаоглу. Как-то вечером наши руководители пригласили на ужин Ахмед-бека Агаоглу и имели с ним продолжительную беседу. Они обсуждали печальное будущее азербайджанского народа, говорили, что русские, посредством армян, могут пойти на любые провокации, а чтобы предотвратить это, надо объединить народ, для сопротивления, объяснить русским, что просто так мы не сдадимся. Было решено создать подпольный комитет, назвать новую партию «Дифаи» – «Самозащита».

Следовательно, именно историческая необходимость защитить народ от возможных опасностей продиктовала необходимость создания партии «Дифаи».

Наги-бек рассказывает и о событиях 1917-1920 годов. Он повествует о том, как на Кавказе отозвалось эхо русской революции 1917 года. История создания Азербайджанской Демократической республики рассказана Наги-беком не по ссылкам на книги, газеты, документы, а на основании личных воспоминаний, это живая, конкретная летопись непосредственного участника и свидетеля происходивших событий.

Руководство АДР командировало Наги-бека в Турцию для организации и сбора средств в помощь Азербайджану. Там Наги-бек встретился с представителями правительственных кругов – Талат-пашой, Энвер пашой. В своих воспоминаниях он приводит интересные, познавательные и для сегодняшнего дня факты. Невозможно читать без

волнения рассказ о встрече с находящимся тогда же в Турции нашим известным публицистом Омаром Фаиком, об их спорах, обсуждениях и конечном единомыслии, которое сдружило этих двух замечательных людей.

В книге есть отдельная глава «Причины падения Азербайджанской Республики». В ней Наги-бек пишет о встречах с Насиб-беком Юсифбейли, в том числе, подробно об их последних встречах, дает высокую оценку этому выдающемуся государственному деятелю.

«Женившись на Шафиге-ханым, дочери известного просветителя покойного Исмаил-бека Гаспринского, Насиб-бек жил некоторое время в Бахчисарае, где редактировал газету «Терджюман» («Переводчик»). Кроме журналистской деятельности, Насиб-бек работал над романом «Поражение», рассказывающем о неудаче школьного учителя, приверженного старым методам преподавания, оставив след и в истории азербайджанской литературы».

В книге есть главы, посвященные и нашим отношениям с соседями – грузинами и армянами.

Скажу честно, приведенные в книге Наги-бека воспоминания о моем прадеде Алекпер-беке Рафибейли, уважение, с которым автор пишет о нем, стали для меня предметом радости и гордости.

«Алекпер-беку было 70 лет. Это был человек высокого роста, широкоплечий, со строгим взглядом, степенный, правдивый, рассуждающий логично и весомо, обладающий высокой культурой и отвагой, уважаемый народом деятель. Он принял на себя защиту всех наших национальных интересов. Он являлся почетным Председателем партии «Дифаи», так много сделавшей в истории Азербайджана. Как и весь наш народ, так и наши враги вынуждены были считаться с ним».

Для меня особо ценны любые открывающиеся факты, сведения о деятельности моих дедов, что долгие годы утаивались. Кстати, на днях я

прочитал книгу, в которой тоже говорится об Алекпер беке. В изданной в Турции книге «История борьбы за независимость Азербайджана», написанной азербайджанским эмигрантом Гусейном Байгара (Стамбул, 1975) об Алекпер-беке сказано:

«Алекпер-бек Рафибейли происходил из известной в Гяндже семьи. Его отец – Гасан-бек был человеком здравомыслящим, придерживался передовых взглядов, и, несмотря на отсталость и фанатичность населения, отдал сына учиться в открытую русскими в Гяндже прогимназию. После окончания этого учебного заведения Алекпер бек сначала проработал на различных государственных должностях, а затем вышел в отставку, посвятив свою жизнь и энергию культурному, экономическому, социальному и политическому развитию и подъему своего народа. И в период работы на государственных должностях и в годы после отставки Алекпер бек отличался честностью, отвагой, чем завоевал популярность в народе, к его словам прислушивались все. Он скончался в Гяндже в 1920 году за 2-3 месяца до оккупации Азербайджана русскими большевиками в возрасте 80 лет. После оккупации Гянджи красными был расстрелян сын Алекпер бека, доктор Худадат-бек Рафибейли – губернатор города. Невозможно перечислить все достоинства Алекпер бека, которые я слышал от его современников. Это был народный лидер, патриот, взваливший на себя всю тяжесть национальной борьбы за независимость, совершивший много доброго как для гянджинцев, так и всему азербайджанскому народу. Он взял на себя лидерство созданной в Гяндже партии «Дифаи», и, как я указывал выше, отважно руководил победоносной борьбой против армян. Большевистские лидеры продолжают делать все, чтобы имена таких героев стерлись из народной памяти. В Азербайджане имена сотен азербайджанцев, подобных Алекпер беку, вычеркнуты из памяти людей и исчезли». (Там же, стр. 136).

Чрезвычайно увлекательны в книге Наги-бека воспоминания, связанные с периодом управления им контрразведкой Азербайджанской Республики. Немалый интерес с точки зрения прояснения некоторых документов советской политики вызывают его отношения с Лаврентием Берией.

В главе «Берия» Н.Шейхзаманлы пишет:

«Я принял Берию на работу по рекомендации партии «Гуммет». В то время нашим границам угрожал царский генерал Деникин, который боролся за сохранение русского царизма. Берия, как социалист, был противником царского режима. Я принял его на работу в отдел цензуры, где как мне казалось, он мог принести пользу. Он был исключительно ответственным работником. Ему в то время был 21 год».

Наги-бек пишет, что однажды Берия с озабоченным видом вошел к нему, в руках его было чье-то письмо. Автором письма был молодой русский парень, письмо было адресовано матери. В этом, перехваченном Берией письме, парень писал, что скоро русская армия победоносно войдет в Баку. В городе будет проведена зачистка (то есть, произойдут погромы). Все здания украсятся флагами с двуглавым орлом. Чуть позже российские флаги водрузят и в Тифлисе. В письме парень сообщал и название корабля, который через пятнадцать дней доставит его в Баку. Берия просил, чтобы ему доверили встретить этого студента. Наги-бек согласился и Берия, отыскав на корабле студента, арестовал его и привел в управление. Это был бледный, посеревший от страха, худой юноша лет 17, который еле стоял на ногах. Наги-бек начал допрашивать его. Однако парень от страха не был в состоянии отвечать. Он так напуган, что у него уже и плакать сил не оставалось. Наги-бек пригласил в кабинет ожидавших в приемной двух русских женщин – мать и сестру парня. Едва войдя, они бросились ему в ноги, умоляя Наги-бека не расстреливать арестованного, их единственного сына и брата. «Не

плачьте и выслушайте меня, – сказал им Наги-бек. – Раз уж ваш сын столь молод, мы ничего с ним не сделаем. Мы ведь не звери. Бояться нечего, ступайте и возвращайтесь через три дня, я верну вам вашего сына, посажу вас на корабль и отправлю в Россию».

Наги-бек именно так и поступил, чем вызвал решительный протест Берии. «Наги-бек, – сказал он, – вы слишком мягки с русскими, как же вы отпустили этого змееныша, не наказав его? « «А я не знал, что ты столь жесток и беспощаден, Берия, – ответил ему Наги-бек. – Мне рассказывали, что ты еще в школе хвастал перед своими одноклассниками, что, когда вырастешь, сбежишь в Америку и станешь гангстером. Вот, значит, каков ты в самом деле? Да ведь этот парень еще ребенок, ну расхвастался в порыве чувств».

Однако события развивались в ином русле. Большевики разгромили Деникина и сами стали угрозой Азербайджану. И именно в это время Берия внезапно исчез. Его долго искали, но найти не удалось. Контрразведчики пришли к выводу, что он уехал из Азербайджана, тем не менее, в течение двух месяцев высылали его жалованье матери.

«После оккупации Азербайджана большевиками, – продолжает Наги-бек, – я уехал в Грузию. В те годы грузинское меньшевистское правительство преследовало большевиков. В одной из больниц я случайно встретил Берию. Увидев меня, он подошел и поздоровался. Но я чувствовал, он не рад этой встрече и что немного опасается меня.

– Берия, почему ты без предупреждения уехал в Грузию? – спросил я.

– Мои товарищи-большевики подвергались преследованиям с вашей стороны, поэтому я не мог там оставаться, – ответил он. – Отныне наши пути расходятся. Но я благодарю вас за то, что вы выплачивали матери мое жалованье. Поверьте мне, Наги-бек, большевики придут и сюда. Поэтому я советовал бы вам уехать и отсюда.

– Значит, если я останусь здесь и меня схватят, ты не спасешь меня, не так ли?

– Нет, не спасу, – ответил он.

Что же я мог сказать, Берии?

Алигейдар (Имеется ввиду Алигейдар Караев, один из руководителей Советского Азербайджана, позже, в 1937-м году расстрелянный. – А.) был депутатом. Он хотел убедить меня, что если «Мусават» передаст власть социалистам, Красная армия в Азербайджан не войдет, что независимость Азербайджана будет признана. Я тогда ответил Алигейдару, что это – русские, и в какой бы цвет они ни были окрашены, останутся русскими. Берия, будь уверен, что настанет день, когда и тебя расстреляют. Хоть и поздно, но Берия перед расстрелом наверно убедился, что я был прав. Потому что, сколько бы ни было в Азербайджане алигейдаров, жаждущих прихода большевиков, все они были казнены бериевскими палачами. А в Кремле расстреляли и самого Берию».

Много лет спустя перед Наги-беком встала еще одна проблема, связанная с Берией. Он уже давно жил в эмиграции в Турции, отошел от политики, занимался торговлей. Однажды, после смерти Сталина к нему в магазин зашел русский, позже выяснилось, что это ответственный работник советского консульства. Этот человек завел разговор о ностальгии Наги-бека по родине, стал намекать, что мог бы организовать его возвращение.

– Мы знаем, что вы одно время работали с Берией, – сказал он, – общались с ним. Вы знаете, что после смерти Сталина Россией управляют трое: Берия, Молотов и Маленков. Среди них Берия отличается по образу мыслей, все в Москве знают, что он более склонен к либерализму, сторонник роспуска колхозов. Напишите ему, посоветуйте договориться с Западом. Может, он прислушается к вам,

тем самым вы сыграете определенную роль в установлении всеобщего мира. Напишите Берии, напомните ему о событиях, о которых знаете только вы двое, чтобы он поверил, что это письмо именно от вас. Я отправлю это письмо курьером, через неделю он его получит».

Наги-бек решительно отверг это предложение. Спустя некоторое время пришло сообщение об аресте Берии. Хрущев в своем выступлении сказал о Берии: «Этот негодяй работал в мусаватской контрразведке, поддерживал связь с живущими за рубежом мусаватистами, вошел с ними в сговор».

Разумеется, Наги-бек понял, для чего хотели, чтобы он написал письмо Берии. «Я очень обрадовался, что не написал письма, – говорит Наги-бек. – Но нельзя исключать, что они составили от моего имени какое-то письмо и на его основе приговорили Берию к расстрелу».

Трудно сказать, какую роль сыграло бы это письмо, если оно в самом деле существовало и было бы написано якобы от имени Наги-бека, в судьбе Берии. Во всяком случае, попытка собрать с помощью мусаватистов материал против Берии укладывалась в методы самого Берии, долгие руководившего советской службой безопасности.

Для того чтобы обезопасить оставшихся в Азербайджане родственников, Наги-бек Шейхзаманлы, как и многие живущие в Турции эмигранты, сменил фамилию и стал именоваться Кейкуруном.

Наги-бек Шейхзаманлы (Кейкурун) скончался в Стамбуле в 1967 году.

Приведу отрывок из большого некролога Наги-беку, опубликованного в стамбульском альманахе «Азербайджан»:

«Наги-бек, подобно Насиб-беку Юсифбейли, Гасан-беку Агаеву, Алекпер-беку Рафибейли, Худадат-беку Рафибейли, Ахмеду Джаваду был личностью, человек патриотически воспитанный, выделялся среди борцов за независимость народа и Родины».

1997-2009

Перевод Мирзы Гусейнзаде

ПАМЯТИ РИММЫ КАЗАКОВОЙ

Из Москвы пришла скорбная весть – скончалась Римма Федоровна Казакова, замечательная русская поэтесса, добрый, давний и верный друг Азербайджана, нашей литературы.

Всего полтора месяца назад я видел Римму Федоровну в Москве, на моем юбилейном вечере в ЦДЛ. Она уже чувствовала себя неважно.

– Я теперь никуда не хожу, – сказала она мне, – но на этот вечер не могла не придти.

Пришла, очень тепло, сердечно выступила и сказала необычайно важные для меня слова.

Римма Казакова принадлежала к той прекрасной плеяде шестидесятников, сыгравших неоценимую роль в обновлении всей ***советской литературы***, которая все же существовала как бы пренебрежительно-иронически не относились к этому понятию сегодня.

И еще Римма Казакова несла на своих хрупких женских плечах и в своем нежном сердце то бремя совестливости, которая всегда отличала истинных русских, да и не только русских литераторов. Помню, после январских событий 90-года, когда советские войска залили кровью невинных людей улицы Баку, я напечатал в «Литературной газете» статью, в которой упрекнул своих сотоварищей по перу в стране за полное безразличие к трагедии моего народа. Многие тогда выражали мне сочувствие, говорили о согласии с моей статьей. И только два литератора – зато каких! – написали мне письма с выражением солидарности: великий русский прозаик Виктор Астафьев и незабвенная Римма Казакова[1].

---

[1] Отрывки из этого письма даны на предыдущих страницах этой книги – А.

В советское время в Союзе Писателей СССР действовали общественные советы по национальным литературам. Азербайджанский совет порой возглавляли незначительные или одиозные личности. Став руководителем Союза писателей Азербайджана я попросили Римму Федоровну возглавить этот совет. Она согласилась и работала не на страх, а на совесть. Ибо, кроме врожденного чувства ответственности за выполняемую работу, ею еще двигала искренняя любовь к Азербайджану, к нашей литературе. Она блистательно переводила многие образцы азербайджанской поэзии, а к Бахтияру Вагабзаде относилась не только как к переводимому поэту, но и как к метру, Учителю с большой буквы.

Вспоминается одна из наших встреч в феврале 1993-го года в Каире. Покойный Юсиф Самедоглу и я прибыли на международную конференцию писателей стран Азии и Африки. Из Турции прилетел Азиз Несин, из Москвы Римма Казакова со своим сыном, талантливым прозаиком. Мы ходили по музеям Каира, выступали на разных мероприятиях, плыли на теплоходе по Нилу, бродили среди развалин Луксора, фотографировались, как полагается, на фоне пирамид и Сфинкса. Подолгу беседовали, вспоминали минувшие дни, годы, встречи. Я сказал, что был знаком с ее покойным мужем Радовым и как-то принимал участие в каком-то застолье с ним в ЦДЛ. Римма Федоровна очень обрадовалась этому известию, подозвала сына: оказывается, Анар был знаком с твоим отцом.

Теперь я понимаю причину такой реакции: ей было приятно, что ее покойный муж не забыт, что его помнит даже далекий от Москвы азербайджанский писатель, и хотела, чтобы их сын знал об этом.

В последние годы Римма Федоровна, может быть помимо своей воли, был втянута в затяжные конфликты по поводу Литфонда, его имущества. Не для ее поэтической и тонкой души были все эти дрязги.

И в одном из последних номеров «Литгазеты» я увидел подпись Р.Казаковой рядом с именами тех, кому она не так давно оппонировала. Это была ее решение. Увы, последнее.

Азербайджанские литераторы будут хранить память о Римме Казаковой, как о настоящем друге, надежном, верном, прошедшим через сложные испытания разных времен. И по нашему обычаю я говорю – Аллах рахмет елесин – Да упокоит Господь ее душу.

19 мая 2008г.

ПРОЩАЙТЕ, ЧИНГИЗ-АКА!

«Мы теперь уходим понемногу» – сказал поэт.

Ушел Чингиз Айтматов – великий писатель современности, великий сын киргизского народа и всего тюркского мира, друг Азербайджана, мой старший брат, как определил он сам в своем предисловии к моей книге.

Незадолго до этого ушла Римма Казакова. «Листопад поколения» – писал другой великий поэт.

Мне трудно осознать, что уже никогда больше не встречусь с Чингизом-акой, не буду общаться с ним, подолгу беседовать на самые разные темы, в Москве или Бишкеке, в Анкаре или Стамбуле.

И в Баку. Всего несколько месяцев тому назад он был гостем нашего города. Президент И.Алиев вручил ему высокий орден Азербайджана. Из-за ремонта в помещении Союза писателей мы отметили его восьмидесятилетие в Центре Ататюрка.

Чингиз Торекулович был бодр, полон энергии, готовился к юбилейным торжествам во многих странах и городах, и, конечно, на своей родной земле. 2008-ой год был объявлен годом Айтматова. Он покинул нас в середине этого года. Вторую половину года мы проживем уже без него. Как и следующие годы, десятилетия из отпущенного нам жизненного срока. Появятся другие писатели, может быть такие же значительные, может быть даже более великие. Но никто не заменит в памяти нашего поколения Ч.Айтматова.

Он уже был живой легендой, когда мы только вступали в литературу. Мы читали «Прощай, Гюльсары», «Белый пароход», «Буранный полустанок», поражаясь не только силе художественного воплощения, но и неслыханной, до той поры, смелости поднятых проблем нашей жизни.

Советская власть допустила немало глупых ошибок, но порой ей все же хватало ума не делать диссидентами, подобно Солженицыну, русских писателей В.Шукшина, В.Астафьева, В.Распутина, Ю.Трифонова, белоруса В.Быкова, киргиза Ч.Айтматова, хотя по остроте поднятых проблем, по жгучей достоверности в описании жестокой правды советской действительности, они ничем не уступали тем, кого зачислили в диссиденты, травили и изгоняли из страны. Наоборот, этих писателей, в том числе и Айтматова, поощряли самыми высокими наградами, премиями, широко издавали, тем самым пытаясь доказать всему миру их лояльность в отношении системы.

Но никакие награды и поощрения, не могли заставить этих писателей, да многих других, достойных называться этим именем, изменить своим убеждениям, своей художнической сущности, своему гражданскому долгу – быть свидетелем и летописцем суровой реальности. Недалекие люди или просто злые неудачники, готовы чохом упрекнуть всех писателей советской эпохи за полученные от государства премии, звания, привилегии. Но забывают при этом, что никакие официальные посулы и признания ни на йоту не влияли на творческое мужество истинных художников, а Чингиз Айтматов в своих произведениях был одним из самых бесстрашных и принципиальных.

Говорили: «Свобода – не вседозволенность». Правильно, но и дозволенная свобода – не совсем свобода. Так же как и дозволенная смелость. Чингиз Айтматов был свободным человеком и смелым художником в годы, когда требовалось совсем другое. Легко быть смелым в эпоху «дозволенной смелости», гораздо труднее быть им, рискуя многим.

Уроженец Таласской долины, родины легендарного праотца Ч.Айтматова Манаса, сын репрессированных родителей из маленького селения Шекер, зоотехник по образованию Чингиз Айтматов, благодаря

незаурядному таланту и яркой личности стал писателем мирового класса, которого издают, читают, любят на всех континентах земли.

Свою статью об Айтматове, написанную к его 75-летию, я назвал «Им гордимся и мы».

Сегодня мир скорбит по Айтматову. Скорбим и мы. Скорбим, но и гордимся, что он был, что он и наш.

Прощайте, дорогой Чингиз-ака.

11 июня 2008

РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С КОНЧИНОЙ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА

Умер Василий Аксенов – выдающийся русский писатель. В. Аксенов был знаковой фигурой, одним из самых ярких представителей великого поколения «шестидесятников». Более того, он был одним из тех, кто сформировал это поколение не только в хронологическом смысле, но и как литературное и общественное явление со своей системой нравственных, эстетических, социальных ценностей. Как бы яростно ни оспаривали значение этого поколения нынешние ниспровергатели всего, что было до них, сами эти ниспровергатели не состоялись бы без славного и горького опыта «шестидесятников».

Литературная жизнь, как и вообще жизнь, никогда не может прекратиться, одно поколение сменяет другое. Но не все поколения в литературе завоевывают почетное право называться знаковым определением. Никто не говорит о поколении пятидесятых или семидесятых. Для того, чтобы хронологическое десятилетие стало термином в истории литературы, необходимы определенные и весьма значительные общественно-политические события и связанный с ними эстетически-художественный прорыв. Подобным событием была Первая мировая война и последующие за ней годы, когда западная литература выдвинула таких известных писателей, как американцы Э.Хемингуэй, Дж.Фицджеральд, Дж.Дос-Пассос, англичанин Р.Олдингтон, немцы Э.М.Ремарк и Г.Фаллада, французы Л.Ф.Селин и А.Мальро. На войне они сидели в разных окопах и сражались на стороне воюющих друг с другом армий. Как, скажем, американец Хемингуэй и немец Ремарк. Да и в последующие годы пути представителей этого поколения разошлись. Андре Мальро с оружием в руках защищал республиканский Мадрид от фалангистов генерала Франко, а Луи-Фердинанд Селин стал

коллаборационистом во Второй мировой войне, предав свою родину немецким оккупантам (кстати, его примером кое-кто вдохновляется и ныне). Но, несмотря на разные судьбы и разные политические позиции, в те годы все они были представителями определенного поколения, которое американская писательница Гертруда Стайн в разговоре с Хемингуэем назвала «потерянным поколением», и Хемингуэй поставил эти слова эпиграфом к своему роману «Фиеста». Таким образом это емкое и лапидарное словосочетание стало определением целого поколения в мировой литературе.

Я не знаю, кто впервые употребил определение «шестидесятники», но этот термин также прочно вошел в историю литературы, ибо объединил в некой общей общественно-эстетической платформе не только русских поэтов и прозаиков, но и писателей из разных республик бывшего Союза. И не только литераторов — понятие «шестидесятники» охватывает и живописцев, и композиторов, и деятелей театра, кино, и исполнителей.

В чем же было отличие этого поколения и от предшествующих, и от последующих художественных генераций? А в том, на мой взгляд (если определить это различие самыми краткими словами), что представители этого поколения были молодыми, когда были молоды. И это не тавтология. Они прекрасно осознавали и никоим образом не принимали всю суть существующего политического режима, но, вместе с тем, они знали, что кроме режима существует еще и молодость — лучшая пора жизни, есть в мире солнце и звезды в ночи, море и весна, путешествия, модные одежды и спорт, красивые женщины, любовь, музыка — «песня Солвейг» и джаз Дюка Эллингтона, Стена Кентона, а в нашем, азербайджанском, варианте — произведения Узеира Гаджибекова, Кара Караева, мугамы, импровизации Вагифа Мустафазаде.

То есть они, «шестидесятники», ощущали радость бытия, несмотря на все ограничения Системы, на ее подавляющие мысль идеологические и цензурные запреты. Они были внутренне свободными, они открыли окно в мир, и не только в мир внешний, но и в истинный, не показной, не декоративный, а настоящий мир своей собственной страны. И, наконец, в свой внутренний мир, в мир души. Творчество для них было самоцелью и самоценностью, а не средством для карьерных достижений, для обогащения и роскошной жизни.

Нынешние ниспровергатели обвиняют «шестидесятников» в том, что не все из них стали диссидентами, то есть не выступили открыто против режима и не поплатились за это репрессиями, казнями, ссылками, тюрьмами, психушками, в лучшем случае эмиграцией. Но с глубоким уважением относясь к пострадавшим диссидентам, справедливо было бы признать, что тексты, распространяемые «Самиздатом», имели весьма ограниченный, узкий круг воздействия, тогда как легальные издания «шестидесятников» оказали огромное влияние на раскрепощение общества от догм и идейных табу. Это признавали и признают наиболее умные и широкомыслящие политические деятели, не раз говорившие о том, что идеи свободы, демократии, а в республиках и национальной независимости поселили в обществе именно «шестидесятники». И это никак не могут понять те, кто, подобно неблагодарным детям, вырос в атмосфере, созданной в значительной мере усилиями «шестидесятников». И как ни странно, а может и закономерно, что «шестидесятников» более всего ненавидят именно эти «дети свободы». И проклиная к месту и не к месту советский период истории страны, — а это жизнь нескольких поколений, — они, ниспровергатели, к литературе относятся с чисто необольшевистских позиций: во-первых, кто не с нами, тот против нас, и во-вторых,

литература должна быть только партийной — неважно прокоммунистической или антикоммунистической.

Не понимают или просто не хотят понять, что чисто лирические стихи или роман о любви, безо всякой политической окраски сыграли немалую роль в нравственном обновлении общества, в духовном обогащении людей, приучая их чувствовать, думать. Именно потому, когда все информационные средства — телевидение, радио, газеты, журналы, книги — были заполнены изнурительно-скучным, часто лживым официозом, лучшие произведения «шестидесятников» вызывали такой живой интерес, были столь популярны, ими заслушивались и зачитывались.

Нынешние камерные, келейные сочинители ненавидят «шестидесятников» еще и за это. Ненавидят лютой ненавистью за то, что «шестидесятники» своими стихами собирали целые стадионы любителей поэзии, что их романы, повести, рассказы, изданные огромными тиражами, мгновенно расходились. Ненавидят за то, чего им самим никогда не добиться. И как бы ни декларировали свое якобы равнодушие к славе, именно славе и завидуют.

Если есть «потерянное поколение», то, очевидно, поколение периода после распада СССР можно было бы определить как «растерянное поколение». Растеряв не только все идеалы и веру в нравственные ценности, некоторые (не все, конечно, но немалая часть) представители новых поколений, как стервятники на падаль, бросились писать про некрофилов, зоофилов, педофилов, про нетрадиционные сексуальные отношения. Конечно, никому не возбраняется писать про то, что ему близко, но приверженцы всех этих извращений составляют ничтожную часть человечества, и, кроме прав сексуальных меньшинств, есть еще право сексуального большинства писать и читать про нормальную жизнь. Один из новомодных русских писателей сетует на

то, что Толстой не описал, как пахнут потные подмышки Наташи Ростовой. Что ж, Толстой любим миллионами читателей за то, что гениально описал трепетные чувства Наташи во время ее первого бала, а про ее подмышки пусть пишут те, кому это доставляет эстетическое удовольствие.

Даже после смерти В. Аксенова автор порнографических романов Э. Лимонов позволил себе откликнуться на эту потерю так: «Аксенов, как и другие «шестидесятники», был литературным противником моего поколения. А идеологию своих противников мы не принимали — много диссидентщины, жидкие в литературном плане романы. Не думаю, что они останутся в веках»

Чьи романы жидкие, а чьи рассчитаны только на эпатаж — определит время, так же как и то, кто останется в веках, а кого и не вспомнят. Но сейчас мне интересно отметить другое. Это небольшое высказывание Э.Лимонова как две капли воды совпадает с тем, что пишут наши доморощенные азербайджанские «противники» «шестидесятников». Не опубликовав ни одного более или менее достойного литературного текста, некоторые возомнили себя великими, даже гениальными (что, конечно, было бы смешно, если бы не было так печально), и чем меньше это признается другими, с тем большим ожесточением они провозглашают свою липовую победу над «шестидесятниками», провозглашают их вожделенную смерть, по крайней мере, литературную. Вот уж поистине, мертвые судят живых, литературные мертвецы, вернее, мертворожденные, судят живущих, работающих, создающих новые произведения писателей.

Эти слова никак не относятся к огромному количеству писателей нового поколения.

Я ни в коем случае не могу и не хочу отрицать интересные явления в литературе, в том числе и в нашей, азербайджанской,

последних двух десятилетий. Есть весьма талантливые прозаики, поэты и в русской, и в азербайджанской, и в грузинской литературе. Но вряд кого-нибудь из нынешних русских писателей можно поставить рядом с Ю. Трифоновым или В. Шукшиным, трудно поверить, что в киргизской литературе появится писатель масштаба Чингиза Айтматова. Едва ли в Армении, ставшей мононациональным государством, в котором господствует дух ксенофобии, может родиться писатель подобный Гранту Матевосяну. И в азербайджанской литературе на сей день нет романа равного «Дню казни» Юсифа Самедоглу.

Никто не заменит и Василия Аксенова. Первые же произведения этого замечательного писателя — «Коллеги», «Звездный билет» — стали столь же популярны, как и стихи Е.Евтушенко, А.Вознесенского, а прозаику такая популярность дается гораздо труднее, чем поэтам.

Кстати, о Евтушенко и Аксенове. САксеновым в редакции журнала «Юность» меня познакомил покойный Илья Авербах, мой друг и сокурсник по Высшим сценарным курсам. В их биографиях было несколько общих моментов, оба были ленинградцами, оба были врачами, окончили медицинский институт и обоих потянуло в искусство. Аксенов стал писателем, Илья после окончания сценарных курсов — кинорежиссером.

Наше знакомство с Аксеновым в редакции «Юности» было мимолетным, и я из ненужной деликатности почему-то не сказал ему, что читал его книги, и они мне очень нравятся. Кстати, один наш критик, который в те годы яростно обрушивался на меня за то, что я в своей прозе нарушаю законы социалистического реализма и описываю светлую советскую действительность в мрачных тонах (теперь он ужасно смелый разоблачитель советской системы), в числе прочих обвинений предъявлял мне тогда и такое, будто я в «Белом лимане» повторил какие-то образы «Звездного билета». Любой человек,

знакомый с азбукой, кириллицей ли, латиницей ли, может прочесть обе эти повести, сопоставить их и убедиться, что ничего схожего, кроме общего духа неприятия эпохи, в них нет. Если, конечно, у него, у предполагаемого читателя, есть совесть.

Вообще, сегодня, в пору дозволенной смелости, появилась уйма «бесстрашных» писателей, критиков, обвиняющих предшественников в сервильности, лояльности к тогдашним властям. Прекрасно разбираясь в их психологических особенностях, в специфических чертах натуры, в их честолюбии и тщеславии, я легко представляю, кем бы они были в советские годы, доведись им жить в ту пору — бесспорно, железными партийными и комсомольскими функционерами, бдительно следящими за любыми идеологическими отклонениями в литературе, искусстве, безжалостными критиками, беспощадно обрушивающимися на любые произведения, не вмещающиеся в рамки метода социалистического реализма или чернившие советскую действительность, да и просто кгбэшными стукачами, писавшими доносы на своих же литературных коллег. Теперь же они рыцари, борющиеся с тенями прошлого.

Но бог с ними, с критиками-оборотнями и иже с ними.

Второй раз я видел Аксенова в ЦДЛ. Мы обедали там с Максудом Ибрагимбековым и грузинским писателем Тамазом Чиладзе. К Чиладзе подошел В. Аксенов, поздоровался с нами, и мы пригласили его за свой стол. Вскоре к нашему столу присоединился Евтушенко, потом Борис Можаев, Георгий Радов, Поженян. (Привожу список по своим дневникам тех лет). Как обычно в таких разношерстных компаниях, разговор шел о самом разном. Я запомнил и частично записал в то время некоторые моменты беседы. Это было в дни Всесоюзного съезда писателей, в котором я и Максуд, естественно, не участвовали, поскольку еще не были даже членами Союза. Обсуждали письмо Солженицына съезду, и Евтушенко сказал, что написал в его поддержку.

Можаев предложил тост за Солженицына, и все мы выпили. Слегка опьяневший Радов говорил Евтушенко: «Вот когда я умру, и ты придешь на мои похороны», на что Евтушенко, резко оборвав его, сказал: «А ты уверен, что я приду на твои похороны? Ты должен еще сделать много добрых дел, чтобы я пришел на твои похороны».

Я обратил внимание и на то, что Евтушенко, который тогда был на пике своей популярности, не то что рисуется (нас с Максудом он видел в первый раз), но как-то говорит о себе выражениями из чьей-то будущей монографии о поэте Евг.Евтушенко. Он объяснял, почему часто меняет страны, женщин с какой-то чисто исследовательской, литературоведческой точки зрения. Аксенов говорил ему в тон: «Женя, ты теперь не только человек, ты скорее миф», и Евтушенко принимал эти слова с удовлетворением, как должное.

К концу вечера мы были уже изрядно пьяны, и когда все встали из-за стола, стоящий рядом со мной Поженян, который до этого был вежлив и корректен, вдруг, по неистребимому армянскому народному обычаю, вспомнил про «геноцид». Я сказал, что такими разговорами не надо портить этот славный вечер, на что он ответил мне: «Ты еще маленький».

Так как мы стояли рядом, и низкорослый Поженян не доходил до моего плеча, я сказал: «Все видят, кто из нас маленький».

Все рассмеялись, и он как-то сразу сник. Сейчас, спустя столько лет, я думаю, что зря сослался на его физическую особенность. Это не в моих правилах — наносить удары ниже пояса.

Я, конечно, далеко отвлекся от темы, но смерть Аксенова, передачи московских телеканалов, которые я смотрел в эти дни, всполошили во мне воспоминания о тех прекрасных годах нашей жизни, которые, несмотря на все трудности, были полны надежд.

Ведь мы были так молоды.

Одним из тех, кто жил этими надеждами и сделал все, чтобы они осуществились, был Василий Аксенов. Мир праху его.

10-11 июля 2009г.

КАРАБАХСКАЯ ТРАГЕДИЯ

НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

18-го июня 1987-го года на Пленуме Союза писателей Азербайджана Анар был избран Первым секретарем этой организации. Он стал первым руководителем Союза, избранным не по указанию ЦК партии, а по прямой инициативе самих писателей. Это, конечно, было связано с утверждавшимися в то время новыми веяниями и условиями так называемой перестройки и гласности. Согласно ритуалам той эпохи Анар, став руководителем Союза, избирается сначала депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР, а затем в 1989-ом году Народным депутатом и членом Верховного Совета СССР, а также членом ЦК и БК компартии Азербайджана. В первый же год руководства Союзом, осенью, Анар столкнулся с карабахской проблемой, которая возникла после выступления академика А.Агабекяна в Париже, с предложением передать Нагорный Карабах Армении. Начиная с этого времени, почти вся общественно-политическая деятельность Анара связана с отстаиванием интересов своей страны в роковом гарабахском конфликте.

Первое обращение к тогдашнему Генсеку КПСС Горбачеву по поводу выступления Аганбекяна, написанное Анаром и подписанное наряду с ним и другими писателями, было отправлено от имени СП Азербайджана, руководителей которого, вскоре уведомили от имени Генсека, что никаких перекроек границ не будет.

Анар неоднократно выступает на сессиях Верховных Советов Азербайджана и СССР, на съездах Народных депутатов СССР с разоблачением агрессивных действий армянской стороны, а также в связи с Кровавым январем 1990-го года, когда советские войска учинили жестокую расправу над мирным населением Баку. Много раз единолично или в составе групп обращался в высшие органы власти СССР, лично к М. Горбачеву, с требованием положить конец попыткам перекройки границ Азербайджана. Несколько раз встречался с М.

Горбачевым, пытаясь информировать его о ситуации, возникшей в связи с карабахской проблемой и с январским(1990) кровопролитием. Первые обращения по поводу Черного января(1990) и Ходжалинского геноцида(1992), опубликованные в газетах «Правда» и «Известия», также были написаны Анаром. Он несколько раз выступал по карабахской проблеме по московскому телевидению, в том числе в программе «Позиция» Г.Боровика, а также по турецким каналам ТВ, в частности, в популярной программе Мамед Али Биранда «32-ой день». Кроме этого, участвуя на различных мероприятиях в Москве, Ленинграде (позже в Петербурге) в Турции, Иране, США, Франции, ФРГ, Швейцарии и других странах писатель, неизменно затрагивал карабахскую тему в различных аспектах – историческом, геополитическом, экономическом, экологическом. Некоторые из этих выступлений публикуются на страницах данной книги. Ни в одном из своих выступлений, ни в одной из своих статей Анар не допускал ни одного оскорбительного выпада в адрес армянского народа, отстаивая лишь законные интересы своей страны. Тем не менее, армянская пропаганда настойчиво выставляла и выставляет азербайджанского писателя как врага армян, шельмует его в своей прессе. Союз писателей Армении обращается в Союз писателей СССР с предложением наказать Анара, а наиболее оголтелые националисты в частных письмах не только оскорбляют его, но и угрожают ему расправой. По свидетельству прессы, он внесен в черный список террористических армянских организаций, с целью физического уничтожения.

Различные материалы, документальные свидетельства, письма и обращения, представленные в этом разделе, дают наглядное представление об общественно-политической деятельности Анара в связи с карабахской трагедией, его последовательную, принципиальную,

патриотическую позицию, лишенную, однако, каких-либо признаков шовинизма и ксенофобии.

В ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС

Я, как член художественного совета киностудии «Азербайджанфильм» и председатель секции кинодраматургии Союза кинематографистов Азербайджана, ознакомился с копией письма кандидата наук, члена КПСС С. Айвазяна, отправленного в отдел пропаганды ЦК КПСС по поводу фильма о народном герое Гачаге Наби, снятого на нашей киностудии.

Письмо С. Айвазяна настолько возмутительно, что я считаю своим долгом коммуниста, писателя и кинематографиста, так же обратиться в соответствующий отдел ЦК КПСС.

Меня поразило, что человек, подписавший свое письмо как член КПСС и кандидат наук, может глумиться над выдающейся исторической личностью народа-соседа, являющегося гордостью Азербайджана.

И такого героя С.Айвазян, без зазрения совести, объявляет бандитом, головорезом, разбойником и насильником, изгаляясь не только над его именем, но и оскорбляя азербайджанский народ, который, исходя из логики С.Айвазяна, мог бы воспеть и прославить в сказаниях, легендах и песнях «головореза», «разбойника» и «бандита». Впрочем, к азербайджанскому народу у С. Айвазяна, мягко выражаясь, очень своеобразное отношение. Он, по всей видимости, полагает, что такого народа вообще в природе не существует. Перечисляя народы Закавказья и даже сопредельные, он называет всех, кроме азербайджанцев, игнорируя не только историю, но и Конституцию СССР.

Письмо С.Айвазяна опасно и тем, что автор пытается создать нежелательный прецедент, когда представитель одного народа в угоду своему субъективному, узко-националистическому пониманию, берется

переосмыслить историю другого народа, навязать ему свою оценку исторических лиц, литературных и фольклорных персонажей, диктовать ему о ком следует и о ком не следует снимать фильмы.

Попытка С.Айвазяна исказить, фальсифицировать одну из героических страниц истории азербайджанского народа, может нанести ущерб делу идейно-нравственного воспитания советских людей, уважительному отношению к прогрессивному наследию прошлого.

АНАР

писатель, заслуженный деятель искусств, лауреат
Государственной премии Азербайджанской ССР
2 июля 1983

P.S. *За несколько лет до начала карабахского противостояния, некий Сурен Айвазян написал в ЦК КПСС гнусный пасквиль на Гачаг Наби, о котором у нас сняли фильм. Узнав об этом, я написал в ЦК КПСС письмо с опровержением лживых фактов, приводимых С. Айвазяном. Через некоторое время меня пригласил ныне покойный Гашам Асланов, работавший в те годы в нашем ЦК, и сказал, что письмо в ЦК КПСС получили, отнеслись к нему одобрительно, фильм о Гачаг Наби будет выпущен на экраны. Но при этом Гашам добавил: «Учти, однако, что в том самом отделе ЦК КПСС, где рассматривалось твое письмо, работает 16 армян, и они тебе это как-нибудь припомнят». Он оказался прав.*

(Анар. Из «Ночных мыслей». Сочинения. Том 3.)

ИЗ ПИСЬМА М. ГОРБАЧЕВУ

Многоуважаемый Михаил Сергеевич!

Обращаемся к Вам по очень важному для нашей республики вопросу, затрагивающему сферу межнациональных отношений.

С чувством недоумения узнали мы о том, что известный ученый, академик А.Г.Аганбекян, находясь во Франции, позволил себе по меньшей мере крайне странное высказывание о Нагорно-Карабахской автономной области, входящей, как известно, в состав Азербайджанской ССР. Вот что, в частности, сообщается в газете «Юманите» (18 ноября 1987 г.): «Выступая на приеме, устроенном в его честь, академик А.Аганбекян сказал: «Я был бы рад узнать, что Гарабах, стал армянским. Как экономист я считаю, что он более связан с Арменией, чем с Азербайджаном. Я представил одно предложение по этому поводу. Я надеюсь, что в условиях перестройки, демократии эта проблема найдет свое решение».

Из вышеприведенного высказывания А.Аганбекяна явствует, что с историей Карабаха он плохо знаком. Территория Нагорно-Карабахской автономной области, частица всего Карабаха, никогда ни в какое армянское государство не входила (*далее в письме приводятся факты по истории Гарабаха – составители*). Причиной столь пространного письма по поводу одного, может быть случайного и непродуманного заявления академика Аганбекяна является то, что оно стало известно широким кругам общественности в Азербайджане, породило массу слухов, кривотолков, настроений тревоги и настороженности. Наш долг как коммунистов и писателей – поставить об этом в известность ЦК нашей партии и объяснить нашему народу, что ничьи амбиции не могут перекроить административные границы, закрепленные в Конституции СССР.

18 декабря 1987 г.

(это письмо на 9 страницах, написанное Анаром, подписали также М.Ибрагимов, С.Рустам, Б.Вагабзаде, Н.Хазри, И.Шыхлы, Г.Аббасзаде, Эльчин)

(Из книги Анара «Ночные мысли». Азернешр 1998)

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. Как только мы узнали о пресловутом заявлении академика Аганбекяна, собрались в Союзе писателей и отправили письмо М.Горбачеву. Через несколько дней В.Коновалов, работавший тогда Вторым секретарем ЦК КП Азербайджана, позвонил мне и сказал, что М.Горбачев получил наше письмо и уверяет азербайджанских писателей, что никакой перекройки границ не будет. В те же дни мы с Эльчином выступили по азербайджанскому телевидению и изложили свою позицию по карабахскому вопросу. В феврале 1988-го года на совещании в ЦК, с участием секретарей ЦК КПСС Демичева и Разумовского выступил я, и сказал, что, если согласно Конституции СССР, армяне в Нагорном Гарабахе имеют автономию и соблюдаются все их права, 200 тысяч азербайджанцев в Армении никакой автономии не имеют и их права никак не соблюдаются. Мы должны потребовать создания автономии в Армении для азербайджанцев, в районах их компактного проживания. К сожалению, никто не поддержал меня в этом вопроса, более того, один из руководящих работников республики сказал мне: мы должны решать карабахскую проблему, а ты еще поднимаешь вопрос о Зангезуре.

Я считаю, что если бы мы именно тогда подняли вопрос о Зангезурской автономии, мы заняли бы не оборонительную, а наступательную позицию. Через некоторое время ВСЕ азербайджанцы, самым жестоким образом были выдворены из Армении и у нас не осталось шанса ставит вопрос о паритете. Тем временем не

прекращались слухи и домыслы в связи с карабахской проблемой и поэтому мы вновь обратились к М. Горбачеву в более широком составе.

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К тов. ГОРБАЧЕВУ М.С.

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Хотим прежде всего выразить от имени азербайджанской творческой интеллигенции, искреннюю благодарность Политбюро ЦК КПСС и Вам лично, за понимание и справедливую оценку событий в Нагорном Карабахе. С глубоким удовлетворением восприняли мы слова о том, что «рассмотрев информацию о событиях в Нагорно-Карабахской автономной области, ЦК КПСС считает, что действия и требования, направленные на пересмотр существующего национально-территориального устройства, противоречат интересам трудящихся Азербайджанской и Армянской ССР, наносят вред межнациональным отношениям». (Сообщение ТАСС «Правда» 24 февраля 1988).

Вместе с тем, мы хотим довести до Вас и тревогу нашей общественности, нашего народа в связи с тем, что некоторые люди дают свое, прямо противоположное толкование этим четким партийным документам. Такая трактовка исходит от церковных, литературных деятелей Армении, которые утверждают, что якобы перед Политбюро поставлен чуть ли не ультиматум решить до 26-го марта вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджана в состав Армении. Убедительно просим вас еще раз вмешаться и внести полную ясность в этот вопрос, а именно, еще раз подтвердить, что территориальная принадлежность НКАО не подлежит обсуждению. Все справедливые требования, пожелания и социально-экономические запросы жителей НКАО должны быть рассмотрены и удовлетворены в духе справедливости, интернационализма и братства народов. Такое же понимание, справедливое и интернационалистическое отношение должны быть проявлены к социально-экономическим, культурным

запросам 200 тысяч азербайджанцев в Армении и не имеющих своей автономии. Кстати, до революции на территории Армении проживало 570 тысяч азербайджанцев, а в конце сороковых годов, беспрецедентным волевым решением Сталина около 200 тысяч из них были насильственно высланы в Азербайджан и другие районы страны.

Февраль 1988г.

(Это письмо на 12 страницах, написанное Анаром, было подписано также А.Айлисли, Дж.Новрузом, М.Ибрагимбековым, С.Рустамом, Б.Вагабзаде, И.Шихлы, М.Ибрагимовым, Эльчином, Ю.Самедоглу, Р.Бейбутовым, Арифом Меликовым, Л.Имановым, Ф.Бадалбейли, Ф.Халиловым, Т.Мамедовым, Э.Кулиевым, Р.Фаталиевым, Р.Абдулрагимовым, Д.Ахундовым).

(Из книги «Ночные мысли»).

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Безусловно, нелепо, что жители армянской национальности области не имели возможность смотреть передачи из Еревана, а азербайджанцы до сих пор не имеют областной газеты на родном языке. Точно так же странно выглядит тот факт, что более 200 тысяч азербайджанцев, исконных жителей Армении, не могут смотреть телепередачи из Баку, а азербайджанский театр в Армении, как справедливо отмечает председатель правления Союза театральных деятелей Армении Р. Капланян в «Советской культуре», до сих пор не имеет своего стационара.

Конечно, это несопоставимо с тем горем, которое мы все испытали в связи с трагическими событиями, повлекшими за собой человеческие жертвы. Нет оправдания преступным элементам, повинным в страшных событиях в Сумгаите. Мы гневно осуждаем виновников этой трагедии. Не могут не тревожить и события в аэропорту «Звартноц». Пора прекратить «заигрывания» националистического толка, «игру на публику», и сесть за стол мудрого диалога.

(Это обращение под заглавием «Ради святой цели», опубликованное в газете «Советская культура» 23 июля 1988, подписали Мирза Ибрагимов, С.Рустам, Р.Бейбутов, Анар, Агшин Ализаде, Ф.Халилов, В.Абрамян (редактор журнала «Гракан Адрбеджан»), Л.Иманов, М.Ибрагимбеков, Бекир Набиев, Наби Хазри, Б.Вагабзаде, Эльчин, Ариф Меликов, М. Магомаев, З.Ханларова, Фидан Касумова, Окюма Курбанова, Эльдар Кулиев, Ф.Бадалбейли, П.Бюльбюльоглу, Г.Турабов)

ПИСЬМО ПОЭТУ М. ДУДИНУ

Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Вас знают, помнят и любят в Азербайджане и Вы всегда желанный гость нашего народа. Скажу откровенно, мы были удивлены, что побывав недавно у нас в республике, Вы не «заглянули» в Баку, и в Союзе писателей Азербайджана узнали о Вашем визите в Степанакерт в сопровождении секретаря Союза писателей другой республики, из газет. Союз писателей Азербайджана хотел бы принять активное участие в организации Ваших встреч не только в НКАО, но и в других районах Азербайджана, в Баку, но почему-то товарищи из Степанакерта не сочли возможным сообщить нам о Вашем приезде. Согласитесь, совершенно немыслима ситуация, при которой видный писатель из Москвы или Ленинграда посетил бы районы Армении, населенные азербайджанцами, в сопровождении представителей Союза писателей Азербайджана, игнорируя Союз писателей Армении.

Прошу Вас понять меня правильно, мне дорого Ваше имя, и не только по литературным, но и по личным параметрам. Вы переводили, общались с моим отцом, тепло говорили о нем в дни его 70-летия, да и в моей давней детской памяти сохранились самые светлые воспоминания о Вашем пребывании в Баку, в нашем доме в те далекие годы. И мне очень не хочется, чтобы Ваше имя было использовано в целях далеких от истинных интересов и армянского, и азербайджанского народов. Газета «Советский Карабах»(1-го мая 1988) дает материал о Вашем визите в Степанакерт под заголовком: «Михаил Дудин: Я усыновлен вашим народом» и приводит Ваши слова: «Я надеюсь, что следующая наша встреча (а она непременно состоится), произойдет тогда, когда все ваши проблемы найдут свое решение, и ваши лица станут светлее, радостнее…»

Безусловно, я так же, как и Вы, желаю, чтобы все проблемы экономического, экологического, культурного характера НКАО – были решены справедливо. Но в числе этих проблем не должно быть включено амбициозное требование во что бы то ни стало отторгнуть Нагорный Гарабах – сердцевину Азербайджана – от нашей республики. Это требование не имеет ни исторических, ни экономических, ни юридически-правовых, ни моральных оснований. Посылая Вам некоторые документы и публикации нашей прессы, я, при Вашем желании, могу дослать и много других авторитетных источников, материалов, объективно освещающих суть данного вопроса. И Ваше естественное гуманистическое желание (таково и мое желание), видеть лица жителей Нагорного Карабаха светлыми, радостными, относится, очевидно, как к армянам, так и к азербайджанцам, составляющим одну четверть населения автономной области. И это желание, я думаю, так же относится к 200 тысяч азербайджанцам, проживающим в Армянской ССР и не имеющим и сотой доли тех культурных, экономических и прочих привилегий, которые имеют жители НКАО, не говоря уже о собственной автономии.

Ежедневно в Баку, в разные организации и учреждения, в том числе и в Союз писателей, приходят сотни, тысячи беженцев – азербайджанцев из Армении, доведенных до отчаяния невыносимыми условиями, созданными для них моральным террором, психологическим давлением, экономическими притеснениями, увольнениями с работы, отказом от медицинского обслуживания, угрозами, оскорблениями и издевательствами. Им говорят, что это месть за Сумгаит. Но разве за действия бандитов, уголовников, убийц в Сумгаите несет ответственность азербайджанский народ, ни в чем неповинные люди? Разве за действия дашнаков-террористов, устраивающих кровавые акции в разных городах мира, в том числе взрыв в московском метро, взрыв в

бакинском автобусе, кто-нибудь вздумает возлагать ответственность на армянский народ?

Преступники в Сумгаите, понесут заслуженное наказание, так же, как и убийцы двух юношей-азербайджанцев в Агдаме, гибель которых предшествовала сумгаитским событиям. Нашим же народам – армянам и азербайджанцам – жить вместе, бок о бок, по соседству и мы должны строить свои дальнейшие отношения на доброжелательности, истинном уважении к достоинству друг друга. В этом трудном и благородном деле мы рассчитываем на понимание, активную доброжелательную позицию представителей других народов, прежде всего русской интеллигенции. И поэтому мы очень надеемся, что представители русской интеллигенции, высказываясь по этим вопросам, не будут опираться на одностороннюю, необъективную, тенденциозную информацию, выслушают доводы всех сторон. Это честная, совестливая традиция великой русской литературы, и я не сомневаюсь в Вашей верности этим традициям.

С искренним уважением,

Ваш Анар

10 мая 1989г.

P.S. *Ответа на это письмо не последовало. Но в дальнейшем мне неизвестна какая-либо проармянская активность М.А.Дудина в этом вопросе.*

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ»

Уважаемая редакция! Прошу Вас опубликовать текст моего письма, направленного редактору парижской газеты «Фигаро» 3 февраля 1989 года. Копия этого письма тогда же была направлена мной в Союз писателей СССР и Союз писателей Армении.

Париж, Редактору газеты «Фигаро»

Уважаемый господин Редактор!

Совсем недавно я узнал о том, что Ваша газета от 22-23 октября 1988 года процитировала мои слова, сказанные во время встречи с Вашим корреспондентом в Баку, исказив их и придав им обобщающий смысл, который я никогда и ни при каких обстоятельствах не мог бы допустить.

Говоря о многовековом добрососедстве азербайджанского и армянского народов, о том, что в нравственных ценностях, обычаях, традициях, музыке наших народов есть много общего, я вместе с тем сказал и о том, что некоторые лозунги и призывы, звучащие на митингах в Ереване, носили мазохистский характер. Естественно, это высказывание ни в коей мере не могло относиться к армянскому народу, народу древней культуры и богатой истории, который я глубоко уважаю.

Говорил я и о том, что мы решительно осуждаем зачинщиков сумгаитской трагедии, скорбим о ее невинных жертвах и в то же время выступаем категорически против того, чтобы эти события выдавались за действия одного народа против другого.

Если Ваша газета заинтересована в объективном освещении событий, в правильном изложении взглядов на эти вопросы представителей нашей интеллигенции, то прошу Вас найти возможность опубликовать это письмо, не хотел бы, чтобы мои слова, донесенные до

Ваших читателей в искаженном виде, могли быть использованы теми, кто хочет дальнейшего усиления напряженности между двумя народами. Все же мои усилия направлены на то, чтобы погасить очаг конфронтации, восстановить традиционные добрососедские отношения между азербайджанским и армянским народами.

С уважением,

Анар

Азербайджанский писатель

Мне хотелось бы также на страницах «Дружбы народов» коснуться еще одного вопроса. Во время пребывания в ФРГ в апреле 1988 года я дал интервью корреспонденту турецкой газеты «Хурриет». Публикуя это интервью, газета дала ему заголовок, который не имеет никакого отношения к духу и букве моих высказываний. И несмотря на то, что интервьюируемый не несет ответственности за заголовки и подзаголовки, с которыми газета публикует беседу с ним, я тем не менее, сразу же выразил свой протест редакции Хурриет»«, и мое опровержение было опубликовано на страницах той же газеты спустя 8 дней – 9 апреля 1989 года. «Я никогда не был против какого-либо народа –сказано в этом опровержении. – Заголовок, который газета дала моей беседе, не принадлежит мне. Эта собственная трактовка редакции, я хочу подчеркнуть этот момент, чтобы пресечь попытки приписать мне то, что мне глубоко чуждо».

Нашлись-таки люди, прочитавшие интервью и не заметившие опровержения. Очевидно, кое-кому очень хочется выставить меня в качестве экстремиста, дабы оправдать собственный экстремизм. Всю свою жизнь я стоял и стою на твердых интернационалистических позициях, неизменно призывая к взвешенности, благоразумию, взаимопониманию. Я за прекращение бессмысленной конфронтации и

бесперспективной полемики. Именно таким духом было проникнуто и письмо, с которым писатели Азербайджана обратились в Союз писателей Армении.

«Так давайте же мы, писатели, протянем друг другу руки, давайте в эти нелегкие дни испытаний объединим свои силы ради светлого будущего наших детей! – сказано в этом письме. – Мы ждем от вас ответа относительно того, где и когда могла бы состояться первая, столь нужная для всех нас встреча».

Письмо было направлено в феврале 1989 года. Ответа, к сожалению, не последовало.

Анар

29 июля 1989 года.

От редакции:

Мы понимаем Анара, который из щепетильности и чувства такта не уточняет, какой именно заголовок дала турецкая газета его интервью. Не будем и мы уточнять – по тем же соображениям. Но чтобы читателю было ясно, почему Анар возмущен, скажем одно: заголовок оскорбительный и провокационный по отношению к армянам.

Журнал «Дружба народов»

№10 1989г.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ», ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ С.А.БАРУЗДИНУ

В связи с многочисленными обращениями литературной общественности республики и широких читательских кругов в президиум Союза писателей Азербайджана и партийное бюро нашей писательской организации на своем совместном расширенном заседании обсудили публикацию в №3 за 1989 год журнала «Дружба народов» переписки Акрама Айлисли с Сергеем Баруздином. Участники совещания были единодушны во мнении, что эта публикация не служит делу установления взаимопонимания в межнациональных отношениях, может стать, вернее, уже стала фактором их дальнейшего обострения, разжигания нездоровых эмоций и страстей, «раздувания чуть затаившегося пожара».

У нашей литературной общественности вызвали по меньшей мере недоумение некоторые моменты в письме А. Айлисли, одного из виднейших представителей современной азербайджанской прозы, писателя, проявившего себя с самой лучшей стороны в наиболее трудные для литературы времена, автора честных, социально острых, ярко художественных повестей, рассказов, пьес. Мы с болью вынуждены констатировать, что вот уже свыше года, когда накал общественных страстей, связанных с событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него, потрясал не только закавказские республики, но и всю страну, А. Айлисли занимал пассивную позицию стороннего наблюдателя и, как теперь выясняется из его письма, чувствовал «душное, тяжкое одиночество среди множества людей». Он так и не объясняет толком, по какой же причине ему было сложно в отношениях «со многими из тех, которых считал до сих пор своими кровными единомышленниками».

Мы искренне верим в интернационализм А. Айлисли, который он сам провозглашает, но почему же для утверждения собственного интернационализма ему необходимо подчеркивать свое одиночество в этом благородном порыве и таким вот отнюдь не косвенным путем объявлять всех других своих коллег как бы неинтернационалистами. Это весьма отрадно, что Акраму Айлисли, как он сам отмечает, «с самого рождения чужд любой националистический предрассудок». Но почему же эта похвальная особенность должна сочетаться – и также с самого раннего детства – с недоверием к собственному народу.

«К представителям других национальностей с самого раннего детства я испытываю большее доверие чем к «своим», ища и не находя, видимо, в своем окружении человека, соответствующего моему, по-детски возвышенному восприятию Человека вообще» – пишет А.Айлисли. Как теперь нам объяснить многочисленным читателям и почитателям повестей и рассказов А. Айлисли, что их автор никогда не доверял им – ни своим читателям, ни своим героям, ибо не нашел среди «своих» никого, кто соответствовал бы его возвышенному восприятию Человека. Горько читать все это. Еще горше читать ответ уважаемого С.А.Баруздина, который, оказывается, определяет причину отсутствия национальной ограниченности А.Айлисли тем, что у него азербайджанско-белорусская семья. Следуя этой логике, надо полагать, что все иные не смешанные семьи в смысле отсутствия ограниченности, по крайней мере сомнительны. Очень односторонне, тенденциозно и субъективно излагает С.Баруздин трагические события в Сумгаите. О предшествующем сумгаитской катастрофе убийстве двух азербайджанских юношей в Карабахе многоуважаемый Сергей Алексеевич говорит как о слухах. А ведь ему, досконально знающему, на пересечении каких бакинских улиц говорили в мегафон, факт гибели двух юношей не может быть неизвестен. «Итоги сумгаитской трагедии,

Акрам, Вы, конечно, знаете, убито двадцать шесть армян» – пишет С. А. Баруздин, «забывая вписать в этот итог шестерых убитых в Сумгаите азербайджанцев. Стыдно вести счет убитым по национальному признаку, но еще постыднее вести этот счет избирательно, односторонне.

«Именно из-за халатного отношения к выполнению служебного долга, например, не удалось, своевременно предупредить беспорядки в Гукаркском районе, где убито 8 азербайджанцев» (Газета «Известия» от 4 января 1989 года. Из интервью начальника Главного следственного управления СССР В. Новикова).

Говоря об общем числе жертв столкновений на национальной основе в Азербайджане и Армении, комендант особого района Еревана генерал-лейтенант Ю.Кузнецов отмечает:

«Всего в столкновениях погибло 83 человека, среди них 48 азербайджанцев, 32 армянина и 3 представителя других национальностей» (газета «Красная звезда» от 25 февраля 1989 года).

Почему же у уважаемого Сергея Алексеевича не нашлось ни одного слова сочувствия и соболезнования и в отношении погибших азербайджанцев? Да что там сочувствия, хотя бы простой констатации самого этого страшного факта взаимного кровопролития? Или здесь тоже действует принцип «своих» и «чужих», одним мертвецам доверяют больше, чем другим?

Сумгаит – еще и еще раз повторим, ибо наши писатели неоднократно говорили и писали об этом – наша боль, наше горе, наша незаживающая душевная рана.

Мы искренне и глубоко скорбим по всем погибшим в этом городе, так же как и по погибшим в Гукаркском районе Армении, в других городах и селах Армении и Азербайджана, по всем погибшим армянам, азербайджанцам, русским, украинцам, белорусам. Мы безоговорочно и

гневно осуждаем все акты насилия, жестокости, унижения человеческого достоинства, где бы это не происходило. Об этом недвусмысленно было сказано в письме представителей творческой интеллигенции Азербайджана, опубликованном в газете «Советская культура».

«Нет оправдания преступным элементам, повинным в страшных событиях в Сумгаите. Мы гневно осуждаем виновников этой трагедии» («Советская культура» от 23 июля 1988 года). Под этим письмом вместе с другими представителями искусства стоят и подписи наших писателей М.Ибрагимова, С.Рустама, Анара, В.Абрамяна, М.Ибрагимбекова, Б.Набиева, Наби Хазри, Б.Вагабзаде, Эльчина, И. Третьякова.

С.Баруздин приводит несколько иной список:

«Наби Хазри и Чингиз Гусейнов… к ним надо добавить имена Бахтияра Вагабзаде, Юсифа Самедоглу, Айдына Мамедова, Кямиля Велиева, Аббаса Абдуллы – азербайджанских писателей, выступивших против сумгаитской резни и погромов, но их, увы, все равно мало на такую могучую организацию, как азербайджанская».

Трудно сказать, чем руководствовался и какими источниками пользовался С. Баруздин, называя и добавляя имена именно этих писателей (конечно же, осуждавших Сумгаит), и, отлучая как бы всех остальных от этого естественного человеческого и писательского поступка. Конечно, право С.Баруздина (по причинам, одному ему понятным), выделять определенные писательские имена из числа многих других, но, думается, такой субъективный подбор, в котором отсутствуют имена всех пяти секретарей Союза писателей Азербайджана, вкупе с огульным обвинением в адрес нашей организации, явно не случаен.

Никто не может поставить под сомнение принципиальную, интернационалистическую позицию Союза писателей Азербайджана,

его миротворческие усилия, неоднократные и, увы, безрезультатные призывы к контактам и взаимопониманию, его подлинно гуманистическое отношение ко всем без исключения невинным жертвам этой прискорбной конфронтации. А может ли уважаемый Сергей Алексеевич назвать имена писателей, независимо от их национальной принадлежности, осудивших акты насилия, жестокости, издевательств против азербайджанцев, изгнанных с мест их постоянного проживания? И если это пожелание может показаться ему чрезмерным, то вспомнит ли он хотя бы тех писателей, которые выразили соболезнования семьям воинов из Азербайджана, погибших в авиакатастрофе в Армении, воинов, спешивших на помощь армянскому народу после потрясшего всех нас землетрясения?

«Здесь» погибло 50 азербайджанцев, 13 лезгин, 11 русских, двое татар, армянин и еврей. Интернационал беды и долга» – писал Н. Киселев в газете «Комсомольская правда» (от 29 декабря 1988 года). В статье Н. Киселева «Рейс беды и долга» есть и такое, на наш взгляд, весьма благородное предложение: «Летевшим в Армению для оказания братской помощи и погибшим в авиакатастрофе просим установить памятник в месте падения самолета…пусть крохотный клочок обгоревшей земли в пятнадцати километрах от Ленинакана, то место, где погибли сыновья нескольких народов, принадлежит только Памяти спешивших в беду…»

Думается, этот призыв вполне в духе того высокого понятия, которое осеняет название журнала «Дружба народов».

Президиум Правления Союза писателей Азербайджана

Партийное бюро Союза писателей Азербайджана

От редакции:

Руководствуясь принципами гласности и безусловного уважения к Союзу писателей Азербайджана, мы публикуем это письмо, хотя не можем согласиться ни с реакцией его авторов на позицию Акрама Айлисли, ни с оценкой того, что писал ему Сергей Баруздин. Читатель, который возьмет в руки №3 «Дружбы народов» и перечитает их переписку легко почувствует, ради чего это переписка была напечатана и каков ее смысл.

Смысл этот и главная цель нашего журнала как в марте 1989 года, так и теперь – диалог, сближение позиций, поиски общих ценностей. Как видно, это не простая задача в наше насыщенное страстями время. Мы не будем вслед за авторами письма еще раз возвращаться к тому, какой национальности были жертвы и сколько, бесконечно ценна жизнь каждого человека. Но когда азербайджанские писатели говорят: «Сумгаит – наша боль, наше горе»- то это и есть то самое важное, та надежда, то просветление, ради которого стоит искать путей сближения и слушать друг друга.

Журнал «Дружба народов». №10 1989г.

Комментарий Анара: Это письмо, написанное мной, будучи в Москве я лично вручил С.А.Баруздину в редакции журнала «Дружба народов». С письмом тут же, при мне, ознакомились и сам С.Баруздин и его заместители. Один из заместителей – Руденко-Десняк был категорически против того, чтобы письмо было опубликовано в журнале, ибо, в нем, по его мнению, содержались слишком резкие обвинения в адрес Главного редактора. Баруздин, к его чести, не прислушался к этим словам и опубликовал текст полностью. После выхода в свет этого номера «Дружбы народов» он послал мне письмо со словами: «Дорогой Анар, как видите, мы опубликовали Ваше письмо,

как и было оговорено. Зачем же нам ссориться, давайте вместе решать проблемы. С. Баруздин».

Эти события остро переживал и Акрам Айлисли, он не раз говорил мне и другим, что его слова в переписке с С.Баруздиным, исказили, неправильно поняли и использовали, что он категорически возражал бы против публикации, если ознакомился бы с ней заранее. Но спустя многие годы, А.Айлисли выдвигает совершенно иную версию этого события, причем неоднократно. Мы от имени Союза писателей несколько раз были вынуждены восстановить подлинную картину и последовательность событий, расставить все акценты, представить все, как есть, дабы пресечь спекуляции на этот счет. Тем не менее, Айлисли не унимается, все повторяет одну и ту же, не раз изобличенную клевету. На одно из последних его измышлений пресс-служба Союза откликнулась опровержением «Таковы факты», которое было опубликовано в газете «Мир литературы».

ТАКОВЫ ФАКТЫ

В газете «Неделя» (2-8 февраля 2007) опубликовано обширное интервью с писателем Акрамом Айлисли с характерным заглавием «Популярность – не литературный подвиг». Из этого интервью можно почерпнуть много интересных сведений и о характере писателя, и о его самооценке, и о его отношении к таким понятиям, как правда, скромность, искренность и т.д. Несомненно, читатель с интересом узнает о том, что Айлисли «сегодня с удовольствием читает свои собственные повести – «Сезон цветастых платьев», «Репортаж с поминок», «Деревья без тени», «Сердце – такая штука»… После этого весьма скромного заявления, он добавляет, что некоторые из своих ранних произведений он сейчас все же не читает, хотя, как он уверяет, «они переведены на многие языки мира и входят во ВСЕ(!) антологии». Но, оказывается, небывалая популярность Акрама Айлисли, которая, по его же словам, не является литературным подвигом, сильно тяготит писателя. «Я, что называется, насытился славой – еще более скромничая, заявляет он, -мои произведения публиковались ВЕЗДЕ(!)» Но и это не все. Писатель абсолютно уверен, что есть «такие люди, которые могут ночами не спать лишь бы прочесть мое новое произведение». Что ж, если в таком возрасте ярый противник литературной популярности таким вот способом пытается утвердить свою собственную неслыханную славу и убедить в этом не только несведущих читателей, но прежде всего самого себя, этому можно только сочувствовать. Как же маститый автор изголодался по настоящей, а не самопровозглашенной славе, как же трогательно это самоутешение на склоне лет…

И, наверное, не стоило бы реагировать на подобное самовосхваление и самовлюбленность, если бы в одном из абзацев Айлисли, в очередной раз не прибег к не раз разоблаченной клевете.

Вовсе не отвечая на поставленный вопрос, писатель в который раз садится на любимого конька, в который раз повторяет одну и ту же дезинформацию, очевидно, полагая, что выросло новое поколение, не знакомое с его не раз изобличенными измышлениями. Или, возможно, полагая, что эти измышления и их опровержения публиковались только в азербайджанской прессе, он решил теперь донести эту ложь и до русскоязычного читателя.

Вот что говорит А.Айлисли, отвечая на непоставленный по данной теме вопрос: «Моя жизнь очень осложнилась после того, как мой давний друг Анар без моего ведома собрал в Баку пленум и объявил меня врагом народа. Я ему этого не простил и не прощу никогда, так как его деяния в 1989 году чуть не погубили меня, даже на физическом уровне. В это время меня и мою семью подвергли мощному давлению. В доме, в котором я жил, все относились ко мне негативно. От парадной до моей квартиры на стенах черной краской было написано: «Убирайся отсюда!» Некоторое время меня даже посещала мысль о самоубийстве».

Ровно половина из сказанного в этом абзаце – откровенная ложь.

Начнем с того, что никакого пленума по столь никчемному поводу Анар не собирал. Достаточно перелистать комплекты газет того времени, чтобы убедиться в этом. Никто и никогда не объявлял Айлисли врагом народа. Анар не имеет никакого отношения к его взаимоотношениям с соседями по дому.

Что же произошло в том далеком 1989-ом году, до сих пор бередящие воспоминаниями душу Айлисли спустя 18 лет. А произошло следующее: на совещании у Горбачева, на котором присутствовали азербайджанские и армянские депутаты Верховного Совета СССР (Анар тогда не был союзным депутатом), 1989-ом году Председатель Союза писателей Армении Вардгес Петросян, который тогда был депутатом, сказал в своем выступлении, что межнациональную рознь и ненависть к

армянам в Азербайджане разжигает ярый националист Анар. Обвинение в национализме, как известно, было самым страшным обвинением советской системы. Покойный Мирза Ибрагимов, там же опроверг высказывания Петросяна об Анаре… Чуть позже уже другой Председатель Союза писателей Армении Рачия Ованесян направил в Секретариат Союза писателей СССР письмо, в котором требовал обсудить и осудить поведение Анара, как врага армян и ленинской дружбы народов. Цель была ясна – свалить все с больной головы на здоровую, то есть поднять вой против якобы национализма в Союзе писателей Азербайджана, чтобы отвлечь внимание от крайне враждебных к азербайджанскому народу высказываний армянских писателей.

И вот, в это самое время Акрам Айлисли на страницах московского журнала «Дружба народов» заявляет, что из-за своего интернационализма, он чувствует «душное тяжкое одиночество» и что ему сложно в отношениях «со многими из тех, которых считал до сих пор своими кровными единомышленниками».

Это был удар в спину, прежде всего Анару, да и другим азербайджанским писателям. Недаром главный редактор «Дружбы народов» С.Баруздин, ухватившись за эти высказывания Айлисли, объявил его единственным интернационалистом среди азербайджанских писателей. Но дело не ограничилось поклепом на писателей – это было бы еще полбеды.

В том же тексте Айлисли, заявив, что ему «с самого рождения чужд любой националистический предрассудок, далее откровенно признается: «К представителям других национальностей, с самого раннего детства я испытывал большее доверие, чем к «своим», ища и не находя, видимо, в своем окружении человека, соответствующего моему по-детски возвышенному восприятию человека вообще».

Вот это и вызвало взрыв негодования общественности Азербайджана, это стало причиной того, что его книги большими пачками присылали в Союз писателей, возможно и к нему домой. (Наверное, говоря об этом и надписях черной краской «убирайся отсюда», он все же не врет). Но причем здесь Анар? Неужели сам Акрам Айлисли верит в свои бредни, что Анар хотел «погубить его на физическом уровне». Это Анар-то, который все молодые годы опекал Акрама, именно по его представлению тот стал секретарем Союза писателей Азербайджана, был им и в период доноса в «Дружбу народов». Именно Анару поступали возмущенные письма со всего Азербайджана по поводу высказываний Акрама, и с упреками, почему же он, Анар, в качестве главы писательской организации не принимает административных мер против своего друга. Некоторые писатели требовали не только снять Айлисли с поста секретаря Союза, но и исключить его из Союза. Акрам Айлисли говорил тогда (сейчас он наверное этого не помнит или старается забыть), что его слова исказили в редакции «Дружбы народов». И именно спасая Акрама Айлисли, Анар собрал небольшое совещание (а не Пленум), на котором был обсужден и осужден текст, опубликованный в «Дружбе народов». На требования наказать Айлисли, Анар ответил, что мы здесь обсуждаем не талантливого писателя Айлисли, а одно его неверное, может быть искаженное редакцией, заявление. Текст этого совещания, так же как вышеприведенная реплика Анара опубликованы в газете «Адабият» и любой желающий может проверить подлинность наших слов.

Анар также направил письмо главному редактору «Дружбы народов» С.Баруздину *см. выше – составители)*. В письме осуждается позиция и самого С.Баруздина.

Как все это далеко от нынешних измышлений Айлисли о том, что Анар, якобы, хотел его чуть ли не погубить. Помимо вышеприведенных

фактов, есть еще один, который начисто лишает логики нынешние заявления Айлисли. После этой злополучной публикации в «Дружбе народов» и после совещания, связанного с этим текстом, никаких оргвыводов по отношению Айлисли не было принято. Несмотря на все попытки, пресеченные, кстати Анаром. Более того, еще два года, после этих событий Айлисли работал все на той же должности секретаря Союза писателей, сохраняя с Анаром нормальные и даже дружеские отношения вплоть до 1991-го года, когда он на IX съезде писателей Азербайджана неожиданно для всех резко выступил против руководства Союза, в состав которого входил. Такое предательство вызвало возмущение большинства писателей и его едва не забаллотировали на выборах в Правление. После этого он, естественно, не мог оставаться в секретарях и опять же по рекомендации Анара был назначен директором издательства «Язычы», которое благополучно развалил. Так что Анар не нуждается в его прощении, скорее Айлисли должен просить прощения и не только у Анара, но и у всех своих бывших друзей, которых он периодически предавал и предает.

Еще одно любопытное признание в интервью Айлисли в «Неделе»:

«Стать народным избранником я захотел сам. Я пришел в парламент воодушевленным. У меня были идеи, предложения по поводу решения тех или иных вопросов. Однако со временем я понял, что никому в ММ особо не нужен. Я стал вести себя адекватно».

Весьма откровенное признание. А.Айлисли забыл только добавить, что, зато до конца жизни будет получать депутатскую пенсию.

Пресс-служба Союза писателей Азербайджана

9 ноября 2007г.

* * *

Если согласиться с тем, что пишут армянские историки или современные дашнакские и прочие идеологи Армении от моря до моря(то есть до Каспийского моря), то, очевидно, предками азербайджанцев надо считать рыб, обитающих в Каспийском море, ибо другой территории нам не остается. Эту мысль я высказал на совещании в Союзе писателей СССР, в Москве. Позже, уже в эпоху независимости, Россия, Иран стали предъявлять претензии и на азербайджанский сектор Каспийского моря. Оказывается, что даже и море не принадлежит нам. Об этом я уже говорил на митинге на площади Свободы в Баку в октябре 1994-го года.

«Ночные мысли»

Вот что пишут член-корреспондент АН Армянской ССР Г.Аветисян и м.н.с. Института истории М.Карапетян в статье «На кого это рассчитано» в органе ЦК КП Армении газете «Коммунист» от 3 октября 1989 г.

«Азербайджан всегда был соучастником и посредником Турции в их зверствах против армян вообще и против карабахских армян, в частности, каким он является и сейчас… Разбой, грабеж, охота за отдельными людьми является нормой поведения для достижения своей цели. Мы уверены, что нынешний Азербайджан, следуя примеру своего старшего брата – Турции, стремится полностью истребить армян».

Противно отвечать на эту пещерную, зоологическую ненависть людей, объявляющих себя учеными и печатающими свою фашистскую пачкотню на страницах газеты коммунистов. Может, следует ответить словами самого основоположника коммунистического учения Карла Маркса. Вот что пишет Маркс В.Либкнехту:

«Мы самым решительным образом становимся на сторону турок, потому что мы изучили турецкого крестьянина – следовательно турецкую народную массу и видим в их лице безусловно одного из наиболее дельных и нравственных представителей крестьянства в Европе».

Слово «нравственных» подчеркнуто не Марксом, а мной. Откуда бедный Маркс мог знать, что когда-нибудь появятся такие, с позволения сказать, «коммунисты», как Аветисян и Карапетян, брызжущие бешеной слюной, при упоминание самого имени турок.

«Ночные мысли»

В ПРЕЗИДИУМ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Мы, группа депутатов от Азербайджана, глубоко возмущены вопиющей бестактностью депутата Г.Игитяна, допустившего в своем выступлении оскорбительные выпады против всего азербайджанского народа.

Сумгаитская трагедия была сразу и безоговорочно осуждена азербайджанской интеллигенцией, всем нашим народом. Точно также мы осуждаем акты насилия, убийств и вандализма, совершенные в Армении по отношению к азербайджанскому населению.

По данным, опубликованным газетой «Красная звезда» от 24 февраля 1989 года, за время трагических событий в этом регионе погибло 48 азербайджанцев, 32 армянина, один русский, украинец и белорус. Почему бы Игитяну, взывающему к совести других, не спросить у своей собственной совести: разве азербайджанский народ виноват за действия сумгаитских убийц, в числе которых был и армянин Григорян, убивший нескольких армян? Или разве армянский народ в целом виноват за убийство 8 азербайджанцев только в Гукаркском районе Армении? Требуя политической оценки событиям в Сумгаите, почему бы Игитяну не потребовать такой же оценки этих и многих других преступлений, приведших к насильственному изгнанию всего 200 тысячного азербайджанского населения из Армении?

И нас удивляет, что председательствующий тов. Воротников Н.И. дал возможность Игитяну произнести до конца свою подстрекательскую речь, не имеющую никакого отношения к обсуждаемому вопросу, разжигающую межнациональную вражду и дискредитирующую целый народ в глазах Съезда и многомиллионной телевизионной аудитории.

Мы требуем у депутата Игитяна публичного извинения. В противном случае вынуждены будем прибегнуть к мерам,

предусмотренным законодательством за публичное оскорбление достоинства и разжигание национальной вражды.

Убедительно просим огласить наше заявление на Съезде.

Депутаты: Рустам Ибрагимбеков, Тофик Исмаилов, Анар Рзаев.

26 мая 1989 г.

Постскриптум к выступлению Анара на сессии Верховного Совета, 3 октября 1989 г. (Само выступление, опубликовано на предыдущих страницах).

Очень своевременно на трибуну поднялся Сергей Александрович Амбарцумян. Он потребовал политической оценки блокады и ее осуждения, создания механизма ее снятия, решение проблемы, возмещения ущерба и наказания виновников. На что депутат Анар, теперь уже однозначно, заявил, что речь идет об отчаявшемся народе, который иных методов борьбы не ведает. И это будет продолжаться до тех пор, сказал депутат из Азербайджана, пока не отпадут территориальные притязания со стороны Армении.

(Из статьи В. Саркисяна «Парламентские коллизии». Армянская газета «Коммунист»10 октября 1989 г.)

КОММЕНТАРИЙ АНАРА.

В связи с блокадой железной дороги, ведущей в Армении, армянские депутаты настойчиво предлагали объявить чрезвычайное положение в Азербайджане, и военным путем разблокировать дорогу. В этом случае то, что произошло в кровавую январскую ночь с 19-го на 20 января, случилось бы на три с половиной месяца раньше. Выступлениями депутатов, обращениями лично к Горбачеву, тогда

удалось предотвратить эту трагедию. Чрезвычайное положение не было объявлено. И лишь в январе 1990 года во время каникул Верховного Совета, не уведомив депутатов, с невиданной жестокостью ввели Чрезвычайное положение (то есть войска) в Баку, в результате которого погибли сотни невинных людей.

ПРЕЗИДЕНТУ СССР т. ГОРБАЧЕВУ М.С.

Уважаемый Президент!

Прошли все сроки – первоначальный и дополнительный – установленные Вашим указом о разоружении незаконных формирований, а в нашем регионе ничего не изменилось.

Власти Армении с пренебрежением отвергли Ваш указ, и уверенные в своей безнаказанности, армянские террористы продолжают вооруженные набеги на нашу территорию, стреляют из крупнокалиберных пулеметов, гранатометов, автоматов, которые были похищены со складов Советской армии и которые армии так и не удалось «обнаружить» и вернуть.

Льется кровь мирных жителей, женщин, детей. В одном только приграничном Лачинском районе погибло 53 человека. Доколе Центральные власти своим бездействием и нерешительностью будут потакать бандитам? Заверяя общественность страны в своем желании вести диалог с Азербайджаном, новые армянские власти либо не способны контролировать ситуацию в своей республике, либо намеренно создают благоприятные условия для разбойничьих акций по отношению к соседней республике. Заявление новых армянских руководителей о том, что они сами смогут разоружить бандформирования, ими же самими и созданные, оказалось чистым блефом.

Уважаемый Президент! Вы только что подписали исторический документ в Париже. Неужели мир в Вашей собственной стране волнует Вас меньше, чем мир в Европе?

Наши избиратели настоятельно требуют, чтобы президент страны выступил с ясной и однозначной оценкой кровавых преступлений против Азербайджана, принял бы все необходимые меры для

предотвращение подобных акций в будущем, защитил бы всеми имеющимися в его распоряжении средствами жизнь мирных жителей, обеспечил бы территориальную целостность Азербайджанской республики, в силу делегированных республикой Центру прав и обязанностей и мерах по исполнению своих же собственных указов о разоружении. Не пора ли привлечь к уголовной ответственности «авторов» кровавых акций, которые Вам хорошо известны?

(Это обращение, написанное Анаром, подписали вместе с ним еще 16 депутатов от Азербайджанской ССР)

М. С. ГОРБАЧЕВУ

В последнее время Центральным телевидением и прессой ведется активная пропаганда, направленная на разобщение национальных групп населения Азербайджанской ССР. Выносятся на обсуждение надуманные проблемы, якобы тормозящие развитие малых народов в Азербайджане. У нас нет сомнения в том, что вдохновителями этих телепередач и публикаций, являются те же самые круги, которые разожгли пожар межнациональной розни в НКАО и которым не терпится втянуть в схватку и другие народы, мирно проживающие на своей азербайджанской земле. В Азербайджане проживают десятки разных этнических групп – это тюрки и талыши, аварцы и лезгины, курды и лахиджи, удины и таты. Тысячелетиями взаимодействуя в труде и быте, бок о бок отражая набеги захватчиков на нашу землю, мы сформировались в единый азербайджанский народ.

Как известно, Вы неоднократно встречались с депутатами от Армянской ССР. Мы хотели бы, чтобы в процессе 2-го Съезда Вы нашли возможность встретиться с депутатами от Азербайджанской ССР, для более обстоятельного обмена мнениями.

Народные депутаты от Азербайджанской ССР
Анар РЗАЕВ, Рустам ИБРАГИМБЕКОВ.
14 декабря 1989 г.

* * *

Уважаемый Михаил Сергеевич! Сегодня, 17 декабря, в день открытия IV съезда Народных депутатов СССР – в «Правде» вновь трагическое сообщение. В НКАО все еще бесчинствуют армянские террористы, так и не разоружившиеся, несмотря на все Ваши указы.

Убито трое азербайджанцев, четверо тяжело ранены, обстреляли грузовик с десятью жителями. Около 80 налетчиков скрылись на мотоциклах, захватив у милиционеров два автомата.

Каждый день – смерти, сироты, искалеченные люди, обездоленные семьи, кровь, слезы. И так уже третий год. Причем чем больше убивают армянские боевики, тем активнее выступают армянские депутаты с различными заявлениями – жалобами на притеснения со стороны армии. Очевидно, притеснение заключается в том, что в Карабахе еще не удалось перебить всех азербайджанцев, и не у всех милиционеров пока отняли оружие.

Впрочем, и эта перспектива весьма реальна из-за бессилия властей, правоохранительных органов, армии – против распоясавшихся бандитов.

Мы неоднократно обращались к Вам с этими вопросами. Но кроме сочувственного кивка, мол, погодите, все образуется, никакого иного ответа не получили.

Решительно требуем, чтобы Вы, наконец-то, внятно и четко сообщили Съезду, какие именно и в каких сроках намерены предпринять меры, дабы предотвратить продолжающееся каждый день кровопролитие.

Народный депутат от Азербайджанской республики

Анар Рзаев

17 декабря 1990 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
тов. ЛУКЬЯНОВУ А.И.

Народные депутаты СССР от Азербайджанской ССР, ознакомившись с текстом депутатского запроса З.Балаяна, опубликованного в газете «Советский Карабах» 27 ноября, 1990г., решили обратиться к Вам.

Мы возмущены и считаем своим долгом довести до Вашего сведения, что З.Балаян начинает новый провокационный виток в разжигании межнациональных конфликтов в нашем регионе, теперь уже разыгрывая «нахичеванскую карту». Вероятно депутат З.Балаян в течении трех лет не насытился пролитой кровью многочисленных военных и гражданских лиц, детей, женщин НКАО и приграничных с Арменией районов Азербайджана. Его не успокоило изгнание самым бесчеловечным способом 210 тысяч азербайджанцев, тысячелетиями проживающих на территории нынешней Армении. Можно уверенно сказать, что вообще 500 тысяч беженцев, как азербайджанской, так и армянской национальности, тысячи безвинно погибших людей, сотни сожженных домов, осиротевшие дети, вандализм, покинутые села, целые районы и многое другое на совести З.Балаяна. Ведь Вам хорошо известно, что автором, организатором и вдохновителем всех бед в НКАО Азербайджанской ССР, является именно З.Балаян. Как только намечается затишье в НКАО, население области начинает успокаиваться, приступает к работе, З.Балаян прилетает в Степанакерт, чтобы будоражить народ автономии, пускает в ход все новые и новые провокации.

Уважаемый Председатель! Не настало ли время привлечь Народного депутата СССР З.Балаяна к ответственности, судить его как ярого провокатора, врага как азербайджанского, так и армянского народов? Неужели этому человеку будет позволено и впредь вести дело

к гибели людей, опустошению сел, районов. Прилагаем ксерокопию газеты «Советский Карабах» от 27 ноября 1990. Ответ просим прислать в гостиницу «Москва», корпус А. комната 815

Анар РЗАЕВ, Народный депутат СССР

АЗЕРБАЙДЖАН. КАВКАЗ – ПОРОХОВАЯ БОЧКА

Баку. От нашего спец. корр. Дени Легра:

В Баку раньше не было азербайджанцев или армян, русских или грузин: все называли себя бакинцами. Однако эта общность раскололась после событий 27 февраля.

«Если бы Сумгаита не было, армяне придумали бы его» -говорит первый секретарь СП Азербайджана Анар Рзаев, который любит необычные формулировки. «Армяне – мазохисты, им все время нужно с кем-то бороться, они культивируют смерть и несчастья».

Азербайджанцы и армяне сходятся в одном: и те, и другие убеждены, что погром был организован. «Это было серьезной ошибкой со стороны армян», – говорит Рзаев, который убежден в их причастности к событиям. – «Случившееся может способствовать появлению религиозного фанатизма и фундаментализма, а Азербайджану может грозить участь превращения во второй Иран».

«ФИГАРО» 22-23 октября 1988

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. Когда гарабахская вакханалия только начинала разгораться, в Баку прибыл корреспондент газеты «Фигаро», встретился также и со мной. Я сказал, что некоторые призывы, раздающиеся в Ереване на митингах, звучат мазохистски, например: «Мы вынудим, чтобы советские солдаты стреляли в нас» или «Мы обагрим армянской кровью русско-тюркско-татарские народы».

Журналист же передал в «Фигаро» мои слова в такой форме: «Азербайджанский писатель Анар говорит, что все армяне – мазохисты». Оскорблять целый народ не в моих привычках, и я написал опровержение в газету. Однако армяне не преминули воспользоваться

дезинформацией в «Фигаро». На сессии Верховного Совета Амбарцумян (не академик-астроном, а ректор, инициалы запамятовал) бросил мне ехидную реплику: «Ведь мы, армяне – мазохисты». «Я такого не говорил, – ответил я, – но у армянского народа на этот счет свое мнение» «Какое?» – недоуменно спросил ректор. Я повторил поговорку, некогда услышанную от коллеги, знавшего армянский язык: «Вой тег хай, ин тег вай! (то есть «Где хай (армянин), там и вай (плач, беда)». Амбарцумян, вытаращив глаза, остолбенел.

(Из «НОЧНЫХ МЫСЛЕЙ»

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕПУТАТА ГРИГОРЯНА А.Г.

Председателя правления Союза архитекторов Армении, на первом съезде Народных депутатов СССР в 1989 г.

Народные депутаты СССР от Азербайджана призывают на Съезде не разжигать страсти, а сами публикуют всевозможные обращения против тех, кто хочет заклеймить позором Сумгаит, как это сделал Г.Игитян. Они говорят о своих интернационалистских традициях, не помышляя даже осудить творцов «сумгаитов» и тех, кто оправдывает последних. Ни одного искреннего слова сочувствия мы так и не услышали от них. В то же время на многотысячных митингах в Баку требовали: «Свободу героям Сумгаита», а первый секретарь правления СП Азербайджанской ССР Анар в интервью газете «Фигаро» заявил: «Если бы Сумгаита и не было, все равно армяне придумали бы его». И далее, для основания своей мысли дошел до того, что объявил армян нацией мазохистов. Вот вам позиция довольно яркого представителя сегодняшней азербайджанской интеллигенции, секретаря правления Союза писателей СССР, Народного депутата СССР, позиция, фактически оправдывающая убийства 300 тысяч армян во время погромов 1895-1896 гг., полутора миллионов жертв геноцида 1915 года, который до сих пор не признан и не осужден в СССР, убийства 60 тысяч армян, зарезанных и сожженных в Баку и Шуше в 1920 году. Так можно оправдать и длившуюся трое суток трагедию в Сумгаите, расположенном всего в тридцати минутах езды от столицы Азербайджанской ССР.

(Стенограмма Первого съезда Народных Депутатов СССР. Стр. 330.)

Из статьи СЕРГЕЯ ЛЕЗОВА «В НАГОРНОМ ГАРАБАХЕ И ВОКРУГ НЕГО. ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ».

Ключевой символ армянского мифа – цивилизованность. За этим словом-шифром стоит представление об армянстве как о древнем народе с трехтысячелетней историей. Второй важнейший элемент армянского мифа – представление об армянах, как о христианском народе , форпосте христианского мира на Востоке. С этими двумя элементами мифа связан третий – самопонимание армян как вечной беззащитной жертвы в руках нецивилизованных иноверцев и как народа, преданного Западом во имя ложно понятых политических интересов. Армянский народ обречен на невинные страдания, подобно самому Христу. Именно эти представления дали возможность азербайджанскому писателю Анару говорить об «армянском мазохизме», о свойственном армянам культе страдания. Этот миф окончательно оформился в Советской Армении за последние 25 лет, где он сейчас даже более действенен, чем в армянской диаспоре.

«РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА» 28 марта1989

* * *

Во время пребывания в ФРГ Анар дал интервью корреспонденту турецкой газеты «Хурриет» во Франкфурте. В одном из следующих номеров той же газеты опубликовано опровержение писателя по поводу заглавия беседы:

Корреспондент, взявший интервью у меня, в целом верно преподнес мои слова. Но дал беседе заглавие «Пощечина армянам». Это не моя фраза, она целиком на совести газеты. Я никогда не оскорблял какой-либо народ».

(Газета «Хурриет» 30 апреля 1989г.).

СЕКРЕТАРЮ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР Ю. Н. ВЕРЧЕНКО

Уважаемый Юрий Николаевич!

Вам хорошо известна антиармянская, армяноненавистническая, более того – антисоветская, ибо влечет за собой разжигание межнациональной вражды, деятельность Первого секретаря Правления СП Азербайджана Анара, который периодически дает зарубежным корреспондентам интервью, отличающиеся грязными измышлениями, дезинформацией, клеветой на Армению, армян и все армянство вообще.

Удивительно, что в антракте между своими «концертами» Анар успевает дорасти до должности секретаря правления Союза писателей СССР. Мы не спрашиваем, каким образом это случилось, – это компетенция секретариата СП СССР. Нас удивляет царящая в секретариате СП СССР ситуация, наводящая на простую мысль: потакание определенному лицу и его деятельности означает одобрение его деятельности.

Мы требуем немедленного заседания партийного комитета и секретариата СП СССР, которое даст объективную оценку деятельности Анара. Прилагаем статью советского армянского писателя и публициста Перча Зейтунцяна «Ярмарка злобы–2», опубликованную в органе ЦК КП Армении, Верховного Совета Армянской ССР и Совета Министров Армянской ССР, газете «Хорурдаин Айастан» («Советская Армения» 21 мая 1989 г.), проливающую свет на данную ситуацию и выражающую единодушное возмущение населения Армянской ССР.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

26 мая 1989 г.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БОЛЬШОЙ СТАТЬИ АНАРА «ЯРМАРКА ДЕШЕВЫХ ИЗМЫШЛЕНИЙ»

В последнее время ряд газет, издающихся в Армении, стали уделять особое внимание моей персоне. Эпизодические или более обстоятельные выпады появились на страницах газет «Хорурдан Айастан», «Коммунист», «Гракан терт» и даже информационного листка Ереванского Государственного Университета. Это лишь то, что дошло до меня. Вполне допускаю и наличие других, недоступных мне из-за перевода или иных причин, публикаций. (Сужу об этом и по обилию поступающей из Армении или Карабаха почты на мой адрес: ругательства, угрозы, предупреждения и т.д.) Цель всех этих публикаций одна: дискредитировать меня, создав в преставлении армянского читателя «образ врага» – Анара, который якобы занимается «антиармянской, армяноневистнической, более того, антисоветской деятельностью», как об этом недвусмысленно сказано в письме Союза писателей Армении в СП СССР.

Обвинения в этом письме настолько абсурдны и беспочвенны, что мне даже унизительно отвечать на них. Именно поэтому, не желая опуститься до уровня пещерной или базарной брани по моему адресу, я не хотел вступать в подобного рода полемику. Но атаки на меня на страницах ряда армянских газет приобретают систематический характер, и это может дезориентировать многочисленных читателей, незнакомых с моей жизненной позицией.

Где и в чем узрели они мою, будто бы, антиармянскую деятельность? Оказывается, все это нагромождение грозных обвинений строится на трех-четырех фразах, приведенных французской газетой «Фигаро» и мне не принадлежащих и интервью в турецкой газете «Хурриет». Но компания против меня в некоторых армянских газетах началась задолго до этих публикаций. В чем же я «провинился» еще до

этих интервью? Оказывается в том, что говорил о дружбе народов и …совершил поездку в Турцию. Я ничего не утрирую, в статье «Водораздел», опубликованной в ереванской газете «Коммунист» (1 ноября 1988 г) так прямо и сказано: «Уже в начале марта азербайджанский писатель улыбался и разглагольствовал о дружбе народов по Центральному телевидению, а спустя несколько дней во главе официальной делегации отбыл в Анкару».

Конечно, трудно спорить с человеком, для которого любые разговоры о дружбе народов звучат как «разглагольствование». Интересно, все же, какой срок «невыезда» за рубеж после выступления про ЦТ о дружбе народов установлен и кем? Та же тема муссировалась на страницах «Гракан терт», и это выглядело бы забавно, если бы не было так грустно, вернее гнусно. (Ереванской газете подпевает оратор из Степанакерта. Выступая на сессии Областного Совета НКАО 4 октября Председатель Степанакертского горисполкома Мирзоян, заявляет, что писатель Анар в марте был направлен в Анкару для того, чтобы набраться опыта пантюркизма).

Как уже говорилось, мою персону удостоил внимания и информационный листок Ереванского Государственного Университета. Давая свою, естественно глубоко субъективную и тенденциозную оценку ноябрьско-декабрьским (1988) митингам в Баку, редколлегия пишет, будто я в те дни обращался по телевидению с подстрекательскими речами к молодежи.

Я не знаком с первой статьей П.Зейтунцяна («Хорурдаин Айастан»от 28 ноября 1988 г.), но судя по тому, что его брань в мой адрес в той же газете (21 мая 1989) называется «Ярмарка злобы-2», то, очевидно, предыдущая была «Ярмарка злобы–1». Вторая статья, с которой я ознакомился в переводе – это действительно ярмарка злобы – слепой, нерассуждающей, не гнушающейся никакими подтасовками

фактов. Но это еще и ярмарка дешевых измышлений. Считая ниже своего достоинства отвечать на грубую, площадную брань бранью, я попытаюсь пункт за пунктом рассмотреть обвинения, которые предъявляет мне П. Зейтунцян. (Далее в статье опровергаются все измышления П.Зейтунцяна – составители.). В продолжение статьи Анар пишет:

Интеллигенция, общественность Азербайджана сразу и безоговорочно осудили зачинщиков и исполнителей злодеяний в Сумгаите. А осудили ли Зейтунцян или кто-то другой из армянских писателей факты насилия и жестокости, происшедшие на территории Армении? Или он не знает этих фактов: «Именно из-за халатного отношения к выполнению служебного долга, например, не удалось своевременно предупредить беспорядки в Гукаркском районе, где убито 8 азербайджанцев» (газета «Известия» 5 января 1989). Я хочу обратиться к П.Зейтунцяну, его же словами – эта что же за совесть такая, которая вообще не желает знать о жертвах другой стороны. Может ему неизвестен и общий итог погибших за время этой трагической конфронтации:

«Всего в столкновениях погибло 83 человека, среди них 48 азербайджанцев, 32 армянина и 3 представителя других национальностей».

Хорошую цитату привел П.Зейтунцян из Достоевского: «Почему ты не любишь такого-то, он, что, поступил с тобой подло? – Нет, это я поступил с ним подло»…Очень удачная цитата, главное, к месту.

2 июля 1989 г.

(«Ночные мысли». Азернешр 1998г.)

* * *

Покойный Вели Мамедов записал в своем дневнике: «На Анара нападают и армяне и наши»…

С армянскими депутатами мы сталкивались не только на заседаниях ВС, сходились и в фойе во время перерывов. Особенно усердствовал Генрих Игитян, которого до депутатства я знал как искусствоведа. Когда он позволил себе оскорбительные выпады против азербайджанского народа, мы дали ему отповедь, неоднократно обращались к руководству ВС с протестом, и он вынужден был взять обратно свои слова. Хотя с Игитяном лично не был знаком, однажды он подошел ко мне в фойе: «Я вас знаю, как интеллигентного человека, – сказал он, – может, побеседуем немного? « «Я тоже вас знаю, – ответил я, – в свое время я дал вашу статью в альманахе «Гобустан», редактором которого был. Но после того, как вы оскорбили мой народ, я с вами не желаю разговаривать».

В другой раз ко мне в фойе подошел Тельман Гдлян. В ту пору он вел «борьбу» с секретарем ЦК Лигачевым. Гдлян делал вид, что не вмешивается в карабахский вопрос, но я на сто процентов уверен, что перед ним была поставлена задача «свалить» или, по меньшей мере, скомпрометировать Лигачева, занимавшего в этом вопросе более или менее объективную позицию. Так вот, Гдлян подошел ко мне и , вы не поверите, начал теми же словами: «Я вижу, вы интеллигентный человек(или они заранее согласовывали между собой эти разговоры и не могли отойти от шаблонных вступлений?). После этого «зачина» Гдлян сказал: «Знаете, над моей головой висит кирпич Лигачева (так и сказал). Потому я не занимаюсь карабахским вопросом, но как человек посторонний(?!) хочу предложить, может быть, вы временно, только временно отдадите Карабах на пару лет Армении, а когда утихнут страсти он может быть вновь перейти Азербайджану». В душе я

посмеялся над тем, что сей опытный демагог прибегает к таким дешевым уловкам, но сказал ему только эти слова: «Карабах мы не можем отдать никому не то, чтобы на пару лет, но даже на пару месяцев, пару дней, пару часов». Он, отмолчавшись, удалился.

Из «Ночных мыслей»

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПЕЧАТИ

Что может сказать Анар по поводу демонстраций, устраиваемых азербайджанской интеллигенцией? Во время кровавых дней в Сумгаите и после ни Анар, ни кто-либо другой из азербайджанской интеллигенции, не смог преодолев себя, послать в Армению хотя бы телеграмму соболезнования. Но писатель Анар, не учитывая первопричину событий -Сумгаит, бежавших от ужаса в Армению тысяч армян, заявляет, что каждый день в Союз писателей приходят азербайджанские беженцы из Армении и рассказывают о том, что с ними случилось. Спрашивается, кто же должен объяснить им правду, как не писатель? Может Анар не знает о Сумгаитской трагедии? Бог с ним с соболезнованием, сочувствием или просто молчанием. Но как нам примириться с фактом, от которого болят наши сердца, что сразу после Сумгаита Анар вместе с большой группой выехал в Турцию. Может он встречался там с подонками? Если даже эта поездка была заранее запланирована, требовалось мужество, чтобы отказаться от нее. И куда он поехал – в Турцию, в страну, один из граждан которой, Орхан Каракязим заявил недавно: Бог вручил судьбу армянского народа нам – туркам. Хорошо знайте, ни ваш «Христос», ни какой-либо другой народ не спасут вас от нас».

Может Анар нашел в Турции Орхана, орханов и попенял им за такие слова? Конечно, нет.

(Газета «Гракан терт» («Литературная газета». Орган СП Армении 3 июня 1988г.)

Сегодня органы массовой информации Азербайджана, не гнушаясь никакими средствами, поносят наш народ, руководствуясь

принципом: цель оправдывает средства. Дело дошло то того, что представители их интеллигенции – анары и буньятовы стремятся возложить вину за сумгаитскую трагедию на наш народ.

Из выступления депутата П. Г. Сафяна на девятой сессии Верховного Совета Армянской ССР (газета «Коммунист» 27 июня 1989 г.).

1-го марта в «Правде» после лаконичного сообщения ТАСС о том, что 28 февраля в Сумгаите группа хулиганствующих элементов спровоцировала беспорядки(о жертвах пока ничего не сообщалось), было дано слово Народному поэту Азербайджана Н.Хазри: «Горжусь, что являюсь лауреатом международной премии Е. Чаренца, которая присуждается Союзом писателей Армении за заслуги перед армянским народом». Для нас такое соседство в газете казалось кощунственным для памяти убитых, замученных, поруганных. Мне до сих пор непонятно, почему глава азербайджанской писательской организации Анар и армянский писатель П.Зейтунцян должны вести заочную полемику о проблеме Нагорного Карабаха на страницах французской газеты «Фигаро». Неужели для французского читателя этот вопрос важнее и актуальнее, чем для советского?

(Из статьи Т. Акопян «Кривые зеркала» газета «Коммунист» 27 октября 1989 г.).

* * *

Минутой молчания почтили память погибших в трагические январские дни участники расширенного секретариата правления Союза

писателей Азербайджана в Агдаме. Они выразили глубокое соболезнование семьям пострадавших.

Был одобрен текст письма в Союз писателей СССР от имени Союза писателей Азербайджана. «Мы, азербайджанские писатели, дети народа, о котором было нагромождено так много лживых измышлений на страницах как «правой», так и «левой» прессы, – говорится в письме, – в этот роковой час истории обращаемся к чести и совести всех литераторов страны, всех людей доброй воли: поймите нашу трагедию. Поймите, что это и ваша трагедия. Это наша общая трагедия, ибо позорно выборочно относиться к трагедии разных народов… От вашей гражданской и человеческой позиции, от вашего понимания и солидарности с нашим, попавшим в беду народом, будут зависеть и наши дальнейшие отношения с литераторами страны, среди которых у нас немало личных друзей, и наши дальнейшие отношения с Всесоюзной писательской организацией.

Газета «Бакинский рабочий» 13 февраля 1990.

* * *

Итак, «Бакинский рабочий» от 30 августа с. г. Информация о выездном пленуме правления Союза писателей Азербайджана. «Пленум рассмотрел положение в филиалах Союза писателей Азербайджана. Был создан карабахский филиал Союза с центром в Агдаме и отделением в г.Шуша. Пленум подтвердил полномочия Комитета в защиту члена Союза писателей Халила Рзы. Помните последнего? Точнее его «искрометное» выступление по Центральному телевидению, сразу выдавшего в нем «армянофила». Но внимание читателя хотелось бы привлечь не к оргмоментам пленума, а к обращению к Президенту

СССР, принятому, естественно, единогласно. В нем выражена «крайняя озабоченность азербайджанских писателей в связи с непрекращающимися кровавыми провокациями армянских бандитских формирований против мирного азербайджанского населения приграничных районов. Отмечено, что название села Баганис Айрум, стертого с лица земли армянскими боевиками, отныне встало в ряд с названиями селений Лидице, Хатынь, Сонгми…»

Как сильно заблуждаются Анар, Вахид Азиз, Мамед Алим, Иси Меликзаде и другие участники пленума! Список этот нужно было начинать с Сумгаита и прежде чем дойти до Баганис Айрума, вспомнить Ходжалы, Кировабад, Мингечаур, Ханлар, Закаталы, десятки других городов и сел, откуда насильственно депортированы десятки тысяч армян, и закончить его сердцем «интернационального» Азербайджана – Баку. Воистину, в своем глазу бревна не видят, а в чужом – соринку ищут. А потому – слава Бахтияру Вагабзаде, Зие Буньятову, Анару!

Вновь становится не по себе, когда приходишь к мысли о том, что когда-нибудь за возможный стол переговоров с армянскими парламентариями могут сесть Гейдар Алиев от Нахичевани, Идаят и иже с ними.

(А.Газаян. Из статьи «Когда «музы» не молчат…По страницам азербайджанских газет». Газета «Голос Армении» 25 сентября 1990г.).

*** * ***

Недавно московское издательство «Знак СП» выпустило сборник специально подобранных антиазербайджанских статей, объединенных одним чувством: ненавистью к Азербайджану и его народу. Собрала эти полные ядовитой желчью тексты в одну небольшую книжку со странным названием «Если уж начался страшный суд» и подзаголовком

«Гарабах: война и история» некая Грета Каграманова, бакинская армянка, некогда подвизавшаяся при издательствах Азербайджана в качестве переводчицы азербайджанских писателей на русский язык. (Она перевела и мою «Сказку о добром короле» – замечание Анара). Центральное место в сборнике занимает так называемая киноповесть самой Карамановой. В «киноповести» «выведены» искаженные образы реальных лиц из руководства Азербайджанской республики, а также видных деятелей ее культуры и литературы. Из деятелей культуры упоминаются Б.Вагабзаде, Анар, З.Буньятов. Несколько раз называется и имя Гейдара Алиева.

Имран Сеидов. Когда молчит совесть.
Газета «Вышка». 30 декабря 1995г.

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. Кроме армянских газет, сохранившихся в моем архиве, я не имел возможностей знать о том, что пишет или не пишет обо мне армянская пресса, ибо всякие связи прерваны. И лишь недавно, будучи осенью 2006 года в Москве я купил в киоске армянскую газету, издающуюся в Москве на русском языке, перелистал ее и с «радостью» убедился, что меня там не забыли.

* * *

Мартовский номер журнала с красноречивым названием «Дружба народов» (того самого, советского) целиком посвящен азербайджанской литературе. Ряд писателей использовали эту возможность для разжигания антиармянских настроений и дезинформации российских читателей. Особенно отличился известный поборник «дружбы народов» Анар, в опусе которого под названием «Белый овен, черный овен» Баку будущего изображен как некий

общетюркский центр, Армении и Карабаха, по замыслу автора, не существует вообще – они стерты с лица земли в результате теракта на АЭС, а среди новых героев Азербайджана, как явствует из рассказа, числится небезызвестный Энвер паша. Но даже не в этом дело – в конце концов, каждый мечтает в меру своих интеллектуальных и нравственных возможностей. Как бы невзначай в произведении упоминается АСАЛА со сноской «Армянская террористическая организация», естественно «Ходжалы», «Жертвы мартовской бойни 1918 г. «, со сноской «имеется в ввиду расправа над мирными жителями, учиненная дашнакскими бандами в Баку, Кубе, Шемахе, досталось даже Шаумяну.

(Из статьи Марины Григорян. «Информационная агрессия Азербайджана набирает обороты». «ЕРКРАМАС». Газета армян России, сентябрь 2006г.).

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ТОВ. ВОРОНОВУ Ю.П.

Уважаемый Юрий Петрович!

От имени азербайджанских писателей выражаем крайнее недоумение и возмущение последней публикацией И.Беляева в «Литературке», а также его предыдущими статьями, которые отнюдь не способствуют ослаблению межнациональной напряженности в регионе.

Смехотворные до нелепости утверждения Беляева о пресловутом «исламском факторе» преследует цель перенести первопричины конфликта в религиозную плоскость и тем самым отвлечь внимание всесоюзной и международной общественности от подлинных истоков нынешнего трагического противостояния двух народов.

Чего стоят одни только его лживые измышления относительно нападения на жен офицеров, на русское и некоренное населения в Азербайджане, которые, якобы, продолжаются по сей день. Это чистой воды провокация, преследующая своей целью вызвать в русском и других народах страны ожесточение к азербайджанцам и свалить на них всю вину за происходящее.

Считаем, что подобные материалы помимо всего прочего отрицательно влияют на умонастроения русскоязычного населения Баку, которое усматривает в них попытку всесоюзной прессы еще более обострить ситуацию.

И.Беляев не впервые выступает с провокационными текстами. Несколько лет назад на страницах той же «Литературной газеты» он пугал читателей угрозой панисламизма, только на основании того, что в названии узбекского танца «Ялла» ему почудилось созвучие со словом

Аллах и еще потому, что слишком часто в восточных республиках новорожденных мальчиков нарекают именем Ислам.

Тогда мы предложили обратиться в Гостелерадио с предложением в целях борьбы с панисламизмом запретить концерты А.Пугачевой и Муслима Магомаева, поскольку имя популярной певицы – Алла – еще более созвучно Аллаху, а Муслим – вообще означает мусульманин.

Просим довести наш протест до сведения членов редколлегии газеты и самого И. Беляева, а также опубликовать нашу телеграмму в «Литературке».

Президиум Правления Союза писателей Азербайджана.

1 февраля 1990 года.

СЕКРЕТАРЮ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР КОЛОВУ С.П.
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЛИТФОНДА СП СССР ГОРБАЧЕВУ Н.А.

Уважаемые Сергей Петрович и Николай Андреевич!

С того дня, как А.Вольский, присланный из Москвы ЦК КПСС, возглавил Комитет особого управления в НКАО, началась массированная поддержка ползучей аннексии азербайджанских территорий в пользу Армении. Это выражалось в том, что предприятия и различные учреждения в НКАО выводились из-под юрисдикции Азербайджана и переориентировались на Москву и Ереван. Не обошла сия участь и карабахское отделение СП Азербайджана, которое благодаря письму А.Вольского в СП СССР и соглашательской политике тогдашнего руководства Союза, за нашей спиной проделало «кульбит», выйдя из-под юрисдикции Азербайджана и перейдя непосредственно под юрисдикцию СП СССР.

Вызывает недоумение тот факт, что все это было проделано без всякого согласования с СП Азербайджана. Более того, в Степанакерт из СП СССР поступали финансовые и другие материальные средства (автомобили и т.д.) из фонда Азербайджанской писательской организации. Мы считаем необходимым вновь заявить о примате юрисдикции СП Азербайджана в Карабахе. НКАО – неотъемлемая часть суверенной Азербайджанской Республики. И потому любые действия за нашей спиной в отношении писательской организации НКАО мы будем рассматривать как грубейшее вмешательство в дела Азербайджанской Республики. Подобные действия лишь осложнят взаимоотношения республиканской писательской организации с руководством СП СССР, ставя их на грань срыва.

В связи с вышеизложенным, считаем обращение А.Вольского по поводу отделения карабахского филиала СП Азербайджана абсолютно абсурдным и требуем немедленно отменить незаконное решение СП

СССР. Все связи с отделениями СП республики осуществлялись и будут осуществляться впредь только через руководство СП Азербайджана.

Просим сообщить нам о принятых мерах.

Анар

Председатель правления Союза писателей Азербайджана.

14 мая 1991 г.

ПИСЬМО Т.ПУЛАТОВА В «ИЗВЕСТИЯ»

Публикация в «Известиях» «Карабахского дневника» члена секретариата СП СССР Андрея Нуйкина вызвала резко отрицательную реакцию руководства Союза писателей Азербайджана. Секретариат правления Союза писателей СССР заявляет, что данная публикация никак не отражает точки зрения всего правления писательской организации страны по проблеме Карабаха, а является лишь мнением ее автора.

Т.Пулатов

Первый секретарь правления Союза писателей СССР.

ПРОТИВ А.НУЙКИНА ВОЗБУЖДЕНО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

Прокурором И.Гаибовым по фактам, изложенным в статье А.Нуйкина «Карабахский дневник», возбуждено уголовное дело с установлением кратчайшего срока следствия.

Газета «Известия» 25 октября 1991г.

Представитель Армянского фонда культуры, секретарь Союза писателей СССР, народный депутат республики Вардгес Петросян обратился с телеграммой в Союз писателей СССР в которой выражает протест против письма первого секретаря писательской организации Тимура Пулатова, напечатанного недавно в «Известиях». Прокуратура Азербайджана с завидным упорством, пытается высосать из пальца дело о разжигании межнациональных распрей. Эта же прокуратура оставила без внимания сотни статей горе-ученого Зии Буньятова, писателя Анара и других «ученых», прямо призывающих в своих статьях к резне и геноциду армян. Это они и им подобные в своих статьях, выступлениях по радио и телевидению вдохновляли преступные элементы на погромы, насилие, поджоги, вандализм. Преследование А.Нуйкина может обернуться бумерангом для Азербайджана, чей престиж и без того сильно подпорчен в глазах мировой общественности.

Борис Багдасарян. «Бумеранг возвращается» газета «Мегаполис экспресс» № 45 1991г.

В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С чувством горечи и недоумения восприняли в Союзе писателей Азербайджана известие о том, что Союз писателей Армении намерен поднять перед парламентом своей страны вопрос о признании недействительным Карсский договор, в котором закреплен правовой статус Нахчывана, как неотъемлемой части Азербайджанской Республики. Как следует из сообщений средств массовой информации, Председатель Союза писателей Армении Л.Ананян считает целесообразным обращение Национального собрания Армении в Государственную Думу России с тем, чтобы последняя признала этот договор недействительным. В связи с провокационными действиями руководства Союза писателей Армении секретариат Союза писателей Азербайджана уполномочен заявить: В соответствии с Московским (16 марта 1921 года) и Карсским (13 октября 1921 года) договорами Нахычеванская область была признана автономной территорией в составе Азербайджана. При этом в соответствии со статьей 5 обоих договоров Азербайджану было поставлено условие, что он не уступить сего протектората никакому третьему государству. Карсский договор был подписан с одной стороны Турцией, с другой Азербайджанской, Армянской и Грузинской Советскими Социалистическими Республиками при участии РСФСР.

Любые попытки Армении подвергнуть ревизии положения данных договоров однозначно будут восприняты международным сообществом как посягательство на территориальную целостность Азербайджана. Союз писателей Азербайджана полагает, что стремление определенных структур в Армении поставить на повестку дня вопрос Нахчывани свидетельствует о продолжении экспансионистской политики, которая на протяжении многих лет проводится Арменией в регионе и которая

нанесла неисчислимый урон не только азербайджанскому, но и армянскому народу.

Понимая, что время работает против них и, пытаясь отвлечь внимание своего народа от многочисленных проблем, идеологи армянского сепаратизма начинают новую пропагандистскую шумиху, поднимая так называемый «вопрос Нахчывана». Мы со всей ответственностью заявляем: нет такого вопроса! Колыбель зарождения Азербайджанской государственности Нахчыван был, есть и будет в составе Азербайджана! Довольно подстрекательств, довольно крови! А тому, кто замыслил новую авантюру не мешало бы помнить, что история повторяется дважды, сперва как трагедия, а затем как фарс. Не выставляйте себя не посмешище, господа литераторы.

Анар

Председатель Союза писателей Азербайджана

22 марта 2004

* * *

Потому я и ушел из «Литературной газеты», а затем и из РИА «Новости», что убедился в безрезультатности попыток пробить хоть что-то критическое по отношению к армянским националистам! Не говоря уже об опыте авторитетных в нашей республике и за ее пределами писателей, ученых, общественных деятелей – таких, как покойные Зия Буньятов и Тофик Исмаилов, ныне здравствующие Анар, Ариф Мансуров и другие, которые делали все, что было в их силах, для разъяснения истины, для борьбы со злонамеренной армянской дезинформацией, создавшей дымовую завесу для последовавшей военной агрессии.

Эмиль Агаев

«Протест, но против чего?»

Газета «Новое время» 7 ноября 2002

ИЗ АРМЯНСКИХ ПИСЕМ АНАРУ

Хочу привести несколько примеров из десятков писем и телеграмм в моем архиве, сохраняя язык и орфографию текстов. Сперва публикую фрагменты из нескольких более или менее приличных писем.

Многоуважаемый Анар муаллим!

Я убежден: трагедии Сумгаита не было бы если бы заранее не отравили людей национализмом. Страшно… ох, как страшно размышлять об этом. У меня уже болит сердце от бессонных ночей. Я помню Ваши слова: «Обычно перед камерой я не курю, но простите, сегодня не тот случай». Помню Ваши дрожащие от волнения руки и помню холодные от гнева и ненависти глаза некоторых писателей. Помню вопрос моей 3-х летней дочери: «Папа, нас убьют? «И даже слезы моей бабушки, когда Вы выступали по телевидению – это твой Анар». Твой Анар – она так сказала и в этом я вижу путь. Мы должны и дальше жить в покое, если будем взаимно уважать друг друга, историю, культуру, язык. , обычаи, даже религию каждого народа. Простите за ошибки

Атасян Ваграм Сергеевич

05. 88г.

Писать Вам письмо заставило Ваше выступление по программе «Время». Честно говоря, я тоже не согласен с «Позицией», потому что там вся правда не показана. Жаль конечно, что эта правда для меня и для Вас сейчас разная. Я хотел выяснить, что конкретно Вы отвергаете, 1915

год в судьбе армян, или историю Арцаха (с 1388 г. Карабах) в 1921 и 1923 г. или историю армянского населения в Нахчыване в результате которой из 40 процентов армян в настоящее время осталось 1,5 процента. Вы нанесли новую рану и без того раненному телу. Если Вы прочтете мое письмо и Вы можете что-то возразить, то жду ответа. Мой адрес: Ереван. ул.Джапаридзе 49, кв41, Пилтаяну Гайку Аршаковичу.

Тов. Анар!

Когда Вы выступали по телевидению 17-го мая и когда разговор наклонился к событиям Сумгаита, Вы в объектив не могли посмотреть И это естественно. Потому что защищать массовые убийства – это не такое легкое дело. И Вы как писатель должны были более гуманное отношение иметь к судьбе человечества.

По Вашему мнению Генрих Боровик должен был одну похвальную песню посвятить убийцам с легкой музыкой.

Телезрители поселка Ехенадзор, Арм. ССР
Саркисян Анжела
Оганесян Роза

Председателю Союза писателей Азербайджана Анару не напишу уважаемый, потому что вы этого не стоите. Вы провокатор с вашего лица капает кров сумгаитцев. Как у вас еще совести хватает выступать по телевидению с ненужными речами с призывом поднят народ против друг друга как Вагабзаде своей стихотворением галх Азербайджан, который читает сейчас каждый школьник. Вы и ваши ученые уже 3 месяца по телевидению каких только лож и глупости говорили. Лучше было бы вести воспитательную работу среди молодежи который так далеко от истории. Бакинские специалисты в других городах позорятся

от своей неграмотности вы бы лучше постеснялись бы такой народ невоспитанные убийцы, воры, разбойники, взяточники. Вместо того, чтобы учит их уму разуму призываете к расправе, разбою.

Без подписи

Председателю правления Союза писателей Аз. ССР Анару

Мы, нижеподписавшиеся, считаем Ваше выступление по программе «Время» от 17 мая 1988 г. глубоко аморальным, неподобающим представителю стол гуманной профессии и делегату X1X Всесоюзной партийной конференции. Даже крайняя недоброжелательность, вызванная Вашим выступлением, не мешает осознать, что Вы человек мыслящий. И не прикидывайтесь, будто не понимаете сути карабахского вопроса. И просим Вас, не пачкайте святое слово «интернационализм». Никакая маска интернационалиста не в состоянии прикрыт чудовищный позор Сумгаита!(*Кстати, больше всех свирепствовал убивая армян армянин Григорян, позже осужденный судом- комментарий Анара*) Даже столь скупой и смягченный показ в передаче Генриха Боровика актов вандализма потряс всех честных людей, попытка же отмахнуться от Сумгаита аморальна, особенно для писателя и свидетельствует о Вашем варварском национализме!

17 подписей армян. На конверте надпись:

Ереван ул. Ленинград 14 кв 23

Председателу управление писателей Аз. ССР тов. Анару

Часто выступаеш по централному телевидению и всегда призываеш «дружба народов». Мы хорощо знаем, что такое анарская дружба народов. Это лож, обман, хитрость. Мы знаем, что вы

участвовали организовали сумгаитской трагедии, акдамское кровоплолтитие. Кто создал Кировабадское, Шамхорское, Мингечаурское кровополитие Анар, ты несколько раз был в Анкаре, Измире и очен тайно беседовал со своими турецкими руководителями против армян. Мы знаем, что ты разведчик, шпион. В Турции часто выступаеш по телевидению чтобы создат впечатление. Если будеш продолжат ваши подлости, тогда не обижайтес. Бывший первый секретар Мирджафар Багиров, любимый Алиев, Багиров и другие руководители призывали «интернационализм», «Дружба» народов мы знаем его цена. Вы шовинист, мусафашист и враг армян. Во время землетресение вы поздравили нас. Вы были в Париже в редакции «Фигаро» дали интервю о нам, оскорбили армян. Вы подлец, звер, опасное чудавише. Скоро для вас вернется 1937 год и вы как примтивные, до сих пор ничего не давший «народ» будете отвечат

Под письмом подпись: группа экстремистов.

Образцы более «грамотных» армянских писем:

Открытое письмо Анару Рзаеву, Копия Москва, «Центральное телевидение, программа «Время»

17 мая вы выступили в программе «Время» с призывом забыть прошлое, во имя будущих поколений двух наших народов, а также рассказали о « притеснениях азербайджанцев на территории Арм. ССР и Нагорном Карабахе.

Я не имею никаких свидетельств о том, кто конкретно приезжал к вам из азербайджанцев проживающих у нас и чем он был недоволен, но могу с полной уверенностью сказать, что за эти месяцы, даже после сумгаитской кровавой бойни, не пострадала жизнь или честь ни одного

азербайджанца в городах и селах Армении. Но несмотря на это, именно в те дни, когда идет суд, а скорее имитация суда, над вашими головорезами – единоверцами, вы выступаете по всесоюзному телевидению и распространяете провокационные сведения о «нелегкой» жизни азербайджанцев в Армении. Я прекрасно понимаю вас: фарисейскими заявлениями надо как-то смягчить ужасное впечатление от ваших озверелых людоедов. Вы писатель и прекрасно отдаете себе отчет, что Сумгаит вклад исключительно вашего народа в кровавую книгу человечества, последняя и, пожалуй самая ужасная страница этой книги. Но увы, самая скромная и не единственная. В этой книге есть целые главы, написанные кровавой рукой представителей вашего народа, погромы армян в начале века на территории нынешнего Советского Азербайджана. 30. 000 жертв бакинского геноцида армян в 1918, 20. 000 жертв шушинского геноцида армян в 1920 г. А после тех кровавых событий, уже в единой семье народов СССР, происходил ползучий, но последовательный и методичный геноцид армян в Азербайджанской ССР.

Ваше выступление по ЦТ (третья по счету и почти одинаковое по содержанию) я понимаю также как призыв к армянским писателям кастрировать память армян, атрофировать их достоинство ложными лозунгами о дружбе. Поэтому считаю своим долгом писателя заявить, что не только отказываюсь от подобного постыдного партнерства, но и считаю вашу позицию крайне аморальной и даже преступной в отношение вашего же народа. Вы и ряд азербайджанских интеллигентов, с вашей чрезмерной озабоченностью быстрее позабыть происшедшее, уж больно напоминает одиозных субъектов сумгаитского процесса. Больше того, я считаю, что вы и подобные вам преступны вдвойне: сумгаитские изверги убивали только тело, вы же стараетесь убить душу, причем весьма успешно. Позвольте спросить по этому поводу: на каком

искусстве и на какой литературе воспитывалась молодежь, которая, в эти дни, выходя на улицы Баку, с чудовищными лозунгами «Смерть армянам», «Освободить героев (сиречь – бандитов – А.Т.) Сумгаита»? ! Вам не страшно проживать с ними в одном городе? Вы не краснеете, что они с вами говорят на одном и том же языке? История показывает, что цивилизация, социализм, дружба народов, гуманизм для вас всего лишь удобное прикрытие. Меняется фасад, но нисколько не меняется ваше отношение к армянскому народу. Нет! Я не считаю, что весь ваш народ виновен в вышеназванных актах геноцида. Виновны прямые и косвенные участники погромов, виновно руководство, виновна интеллигенция, в первую очередь творческая – совесть народа, которая десятилетиями молчит о регулярно свершаемых зверствах в отношении армян. Вы не понимаете, что этим лишаете свой народ шанса на покаяние, на самоочищение. А как без этого будет жить ваш народ дальше? Считаете ли вы, что в сознании человека спокойно могут сосуществовать неискупленный грех и доброта, неочищенный глубоким покаянием кровавой след прошлого и милосердие? Мои вопросы многим могут показаться сентиментальными, но я обращаюсь к человеку, который не раз пытался поднимать подобные вопросы в своих произведениях, а кроме того, по своему служебному положению обязан регулярно, всеми своими поступками доказывать безальтернативность идеалов гуманизма. Без духовного и морального самоочищения народ обречен на физическое – примитивное, но агрессивное существование, близкое к зверино-животному.

Соседство наших народов это исторически-географическая данность, от которой никуда не уйти. А лучшая форма соседства это дружба. Но к дружбе идут с чистой совестью и с добрыми помыслами. Совесть же вашего народа, в лице своей творческой интеллигенции, еще не приступила к раскаянию. В течении двух месяцев центральная масс-

медиа создавала самые благоприятные возможности для антиармянской пропаганды, в духе лучших сталинских времен, и тот факт, что лишь немногие азербайджанские художники воспользовались этой возможностью, говорит о том, что их совесть не позволила к насилиям физическим добавить еще и насилие словом. Я не сомневаюсь, что среди них найдутся многие, которые согласят со мной, в деталях или в целом.

Вот почему я пока отказываюсь принимать ваше приглашение на сотрудничество.

Член Союза писателей и Союза журналистов СССР
Топчян Александр Эдвардович.
19 мая 1988 Ереван.

P.S. Отправка этого письма задержалась по техническим причинам. Однако, это десять дней показали обоснованность моего беспокойства. В Ереван съезжаются сотни, а то тысячи беженцев из Шамхора, Физули и других городов Азербайджана, населенных армянами. Их насильственно выселяют из домов, швыряют на улицу, издеваются и глумятся над их национальным и человеческим достоинством.

Тем не менее, не могу не отметить некоторой прогресс в отношении армян проживающих в Азербайджане: в Сумгаbте выселяли и грабили, издевались и избивали, сжигали и насиловали, убивали и рубили на куски, а сейчас только издеваются и выселяют из своих собственных домов. Есть прогресс.

26 мая 1988 г Ереван.

КОММЕНТАРИЙ АНАРА.

Автор письма – сын Э.Топчяна, бывшего в свое время Председателем Союза писателей Армении. Другой его сын, брат Александра Степан Топчян когда-то написал хвалебную статью о моем творчестве. Письмо же А.Э.Топчяна наглядный пример армянского метода, выворачивать факты с точностью до наоборот. А.Топчян, призывающий наш народ и нашу интеллигенцию к покаянию, «забыл», что в марте 1918 года большевики-дашнаки во главе с С.Шаумяном самым жестоким образом уничтожили в Баку свыше 10 тысяч азербайджанцев, что армянские головорезы сжигали в Шемахе, собрав в мечеть женщин, детей и стариков, учинили кровавые погромы в Шуше, Кубе, с нечеловеческой жестокостью расправлялись с мирным населением в Нахичеване. А.Топчян нагло врет, что центральные масс-медиа занимались антиармянской пропагандой, отдавали предпочтение азербайджанской позиции. На самом же деле все было наоборот. Армяне, пользуясь своими связями публиковали лживые измышления порочащие наш народ во всех центральных газетах, нам же с большим трудом и очень редко удавалось рассказать правду о происходящих событиях в центральных изданиях. Топчян сетует по поводу того, что сотни, а может тысячи беженцев из Азербайджана переехали в Армении (кстати не только в Армению, но и в Россию, и на Запад) «забывая» о том, что насильно, самым жестоким образом были изгнаны около 200 тысяч азербайджанцев, проживающих в Армении на своих исконных землях. Он утверждает, что в Армении никого из азербайджанцев не обижали, «забывая» о том, что в одном только Гукаркском районе, да и в других районах Армении азербайджанцев не «обижали», а просто убивали. Он, конечно, тогда еще не знал о том, что Армения оккупирует 20 процентов территории Азербайджана, беженцами на своей же земле станут свыше миллиона азербайджанцев.

А впереди еще был ходжалинский геноцид. Так что покаяться есть кому. Азербайджанская литература никогда не призывала к вражде, жестокости, ненависти, в отличии от некоторых армянских писателей, вроде Раффи в прошлом и Зория Балаяна в настоящем(если последнего –профессионального террориста – можно назвать писателем), чьи тексты пропитаны зоологической ненавистью к туркам и азербайджанцам. Лучше бы Топчяну задуматься о судьбе собственного народа, обреченного на демографическое истощение. Ведь дети рождаются от любви, а не то ненависти. Ненависть – бесплодна. Хорошо бы это понять Топячну и иже с ним, прежде чем обвинять других за призывы к пониманию, гуманизму и милосердию.

Уважаемый Анар Рзаевич! Вам пишет из Израиля Юрий Арменович Арустамов. Мы с Вами учились на одном факультета и даже были знакомы. Сам я, разумеется, потомственный бакинец, хотя имею карабахские корни. Вот уже 8 лет, как я живу в Израиле. Занимаюсь литературным трудом, довольно много печатаюсь.

Прошу Вас посодействовать в публикации моих стихов в азербайджанской печати. Они уже были напечатаны у нас в Израиле, а также в Москве, Германии и т. д.

Заранее благодарен. Всех благ

Ю. Арустамов

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. *Я не помню Ю.Арустамова, хотя он утверждает, что учился со мной на одном факультете. Его просьба напечатать три его стихотворения в азербайджанской печати – явная издевка. Ибо в этих стихах он самыми непотребными словами оскорбляет азербайджанский народ, проклинает Баку, куда он хотел бы*

вернуться лишь на бомбардировщике с двумя ядерными бомбами, мечтает об автомате Узи для истребления азербайджанцев и надеется, что Ангел разрушит наш город и истребит там тьму народа. Оказывается, есть и такие выпускники нашего Университета, которые получили высшее образование в Баку, ели хлеб нашего народа и дышали одним с нами воздухом.

* * *

Отвечаю Ваш допросу о Сумгаитски геноциде против армян. Да 26-27 феврал писател Азербайджан Анар с секретар К. Багировым были в Сумгаите проводили свои секретные разговоры с членамим Партии ислама. А Анар их председател по республике. Анар совместно с людоедами мусульманами был в 41 микрорайоне и воодушевлял банду против армян. Он это не может отрицат. Также он не можеть отрицат как поджигател организовал погром против армян в Шуше, Ходжалу, создал пожар домов армян, он сам ограбил ковры и ценные веши из домов армян и ночу повез Баку. Меня в Сумгаите не трогали потому меня считали азербайджанцем. Мой отес был азербайджанцем. У меня родственники живут в Кальбаджаре

Арат Садых оглу Сойнов.

* * *

Уведомление телеграфом Москва Кремль Съезд Верховного Совета Горбачеву

Депутат Азербайджана Анар еще ноябре декабре 1988 года способствовал геноциду армян стыдно ему замешанному крови безвинного народа требовать политической оценки Баку 20 января. Спасибо за ввод войск Баку беженец Кировабада Агасян.

Несколько писем написано на ломаном азербайджанском языке. В переводе трудно сохранить все своеобразие этих перлов. Полностью оригинале эти письма публикуются в азербайджанском издании книги. А здесь дается сокращенный перевод.

«Открытие письмо армянина из Нагорного Карабаха Мамунса. Я некоторое время молчал, думал, что вы поумнеете. Но так и не поумнели. Я пишу, потому что, вы обманываете. Если спросите почему мы обманываем, скажу, вы говорите мы интернационалисты. Но вы самые настоящие неонационалистический народ. Из неонационалистов ты Анар, Бахтияр Вагабзаде, С. Рустам и Эльчин. Интернационалист никогда не скажет эта земля моя. У вас даже родных букв нету, откуда же эта земля ваша. Эти ваши академик Зинаида Бунятов и Фийада Ахундова пишет лживые книги , делают врагами наши народы. Армянский народ в течении веков создал четыре государства -Урарту, Большой Айк, Ширак, Карабак (Сюник, (Арцах), Киликия. А откуда у ваших албанцев правительство. Албанский народ всегда был слугой другого народа. Почему албанцы изменили свое имя и называют себя азербайджанцами. Вы паразиты. Захватили наши земли. Вы пишите лживые книги, закрываете в Баку армянский школы. Не хотите читать книги наших писателей. Поменяли название улицы Авакян, исключили из герба Армении большой и Малый Масис. Гарабах не ваш. Есть пакты (в армянском алфавите нет буквы ф, поэтому «пакты» – это факты – ед.) Га рабах наш, наш родной Арцах. Вот так. Вы – обманщики.

Мамунс 15. 10. 88.

* * *

Самые гнусные враги армянского народа Вагабзаде и Анар. Правда, письма пишут хорошим людям, но я решил, что можно написать

и таким подлецам как вы. Цель этого письма научит таких невежественных, не знакомых с историей людей истории. Армянский народ прославился во всем мире своими знаниями. Царское правительство не призывало вас в армию такие отсталые вы были. Ваш народ завидует нашему, вы знаете наших ученых Амбарцумян Ньютон современности. Академиков полно. Я не называю их всех, прочтите книги, там их найдете. Если бы у вас были академики, Москва не закрыла бы два ваших института. Вашу нацию я знаю еще с 1927-го года, когда учился в Баку. Вы все стали академиками с помощью денег. В карманах деньги, а в голове ума нет, солома. Ваши молодые подобно волчьей стае ходят по улицам и воют «Карабах наш, а армяне наши ослы». Ученики таких академиков как вы, ничего другого не могут знать. На самом деле армяне ослы, потому что в царское время построили вам Баку. В советское время построили Сумгаит, Мингечаур, а вы выгнали армян и пользуетесь их трудом. Азербайджанская нация не виновата, во всем я вижу вину Вагабзаде. Этот шекинский палач, как только прибыл в Шеки, сразу организовал погром. В Шеки не осталось ни одного армянина. Сейчас правительству не до вас. Но скоро преподаст вам урок национализма. Не забудется резня армян и урон советской промышленности. Вы ответите за это. И турки в 1915-ом году резали армян и изгнали из страны, но все их руководители были убиты нашими патриотами Укажу их всех

1. Энвер паша. Был убит в Узбекистане в 1921 ом году карабахцем А. Мел кумовым 2. Талат паша. Был убит в Берлине Соломоном Теилеряном 15. 03. 1921

3. Джамал паша. Убилт в Тбилиси Степаном Сагикяном

4. Шукри. 1920 -ом году в Берлине убит Арамом Эрканяном

5. Сайд Гашым. Его убил Аршавир Щирак 06. 07. 21

6. Джавашир организовал армянскую резню в Баку Был убит 19

июля в Тифлисе Мисаком Туршикяном.

Вагабзаде и Анар вас также ждет такая участь 12. 12 88. Эчмиадзин»

А вот и реальное подтверждение этих угроз.

«По словам политолога Р. Новрузоглу, ссылающегося на 19 легальных и нелегальных источников, армянские террористы составили список из 48 представителей азербайджанской интеллигенции, которым вынесен смертный приговор. Среди них Академик Джалал Алиев, Бахтияр Вагабзаде, Анар…»

Комментарий Анара; О существование такого списка говорил мне в свое время и академик Зия Буниятов. По его словам, в этом списке он был первым, а я вторым. Вскоре после опубликования в газетах этого сообщения, несколько журналистов подошли ко мне в фойе Милли Меджлиса с вопросом о моем отношении к этим угрозам. – Я смотрю на это с юмором. – Почему? – Потому что живо представляю, как собираются члены террористической организации и обсуждают, кого включать в этот список, кого нет, кого убивать первым, кого попозже. Может даже спорят по этому поводу, каждый приводит свои соответствующие доводы. Разве не комическая сцена сама по себе. А во-вторых, я представляю, какой ажиотаж произведет этот список среди наших. Какие будут обиды: Почему меня нет в этом списке, чем я хуже того-то, его включили в список, а меня нет.

А это второй акт комедии.

Я оказался прав. На следующий день в газетах появились списки и начались дискуссии, почему есть такой-то, а нет такого-то. Очевидно, организация «Асала» прежде чем составлять такой список, должна была консультироваться с некоторыми нашими газетчиками.

В газете «Йени Мусават» (31 декабря 2001) опубликовано: «Мы не говорим об Анар муаллиме в этом списке. Его еще до армян, хотели бы убить наши, свои».

Вот и третья сцена трагикомедии.

О ХОДЖАЛЫ НАДО ГОВОРИТЬ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ МИРА

Каждый год в канун Ходжалинской трагедии Союз писателей Азербайджана проводит траурное мероприятие, посвященное жертвам геноцида. Его можно назвать своеобразным литературным вечером памяти. Что волнует творческую интеллигенцию через пятнадцать лет после ходжалиннского геноцида? На эти вопросы корреспондент «НВ» попросила ответить Председателя Союза писателей Анара.

– Ходжалы – незаживающая рана в сердце нашего народа, и в памяти каждого из нас. Она ужасает своим масштабом и чудовищными результатами, когда были уничтожены сотни невинных мирных жителей, беззащитных стариков, женщин и детей. Непостижимо то, что инициаторы этой кровавой резни не только до сих пор не наказаны, они беззастенчиво описывают сотворенные злодеяния в своих публицистических сочинениях. Так, один из исполнителей ходжалинского геноцида, так называемый журналист Зорий Балаян в своем «произведении» «Оживление нашего духа», изданном в 1996-ом году, подробно рассказывает о том, как он, истязая ребенка, собственноручно сдирал с него кожу и засекал время, наблюдая агонию его смерти. Подобные факты потрясают до глубины души, и хочется верить, что рано или поздно, Балаян и другие зачинщики зверства предстанут перед судом справедливости.

– Не секрет, что мировой общественности о трагедии Ходжалы практически ничего не известно. Как пробудить интерес к этой теме у писателей, историков, журналистов других стран?

– Ничего никогда не знают те люди, которые не хотят ничего знать. На следующий же день после событий в Ходжалы я отправил в Москву срочное сообщение – текст, содержащий информацию о

трагедии, в котором призвал общественность и, в частности, писателей осудить происходящие в Азербайджане бесчинства. Этот материал был опубликован в газете «Известия», но ожидаемого резонанса не последовало. От московского Союза писателей мы в ответ получили «вялую» телеграмму с сожалениями и сочувствием. А через некоторое время он раскололся на несколько писательских организаций, и контактировать с ними стало очень сложно. Сегодня, для того, чтобы мир услышал точку зрения нашего народа и осудил геноцид Ходжалы, необходимо, чтобы посвященные этой теме публицистические и художественные произведения выходили не только на азербайджанском, но и на русском и английском языках.

– Проявляют ли зарубежные авторы интерес к событиям в Ходжалы 1992 года?

– К сожалению, нет. Среди зарубежных авторов я могу отметить разве что книгу Юрия Помпеева и сборник документов «Сострадание» Татьяны Чаладзе, но это капля в море по сравнению с тем количеством книг, которые армяне описывая свои страдания издают в Европе и России.

– Что лично для вас значит слово Ходжалы?

– О трагедии жителей Ходжалы я говорил, в основном, в публицистических текстах. Но есть и нарисованный с реальных событий и героев эпизод в повести «Комната в отеле». В Союз писателей пришла женщина – уроженка Ходжалы. Она рассказала, как на ее глазах расстреляли мужа и брата, как от холода погибла ее дитя. Она нашла тело своего мертвого ребенка в лесу. Было видно, что младенец боролся за жизнь и долго полз, пытаясь спастись, его пальчики были исколоты занозами. Мать оплакала своего малыша, и перед тем, как похоронить, аккуратно, по одной вытащила все колючки из его нежных ручек. Этот

рассказ произвел на меня неизгладимое впечатление, и эти мать и ребенок стали для меня символами ходжалиснкой трагедии.

Беседе вела Лена Петроченкова

* * *

Имеются факты, подтверждающие непосредственное участие одного из основных идеологов «Великой Армении» Зория Балаяна в ходжалинском геноциде. З.Балаян объявлен в международный розыск по линии Интерпола. В своем произведении «Оживление нашего духа», изданном в 1996 году, он оправдал ходжалинский геноцид. Автор с гордостью признал свое участие в геноциде, совершенном против азербайджанцев в этом городе: «Когда мы с Хачатуром вошли в один и из захваченных домов, наши солдаты прибили гвоздями 13-летнего турка к окну. Чтобы ребенок не кричал, Хачатур засунул ему в рот отрезанную грудь его матери. Затем я сделал с этим 13-летним турком то, что его отцы делали с нашими детьми. Я содрал его кожу на животе, голове и груди.

Я посмотрел на часы, через 7 минут ребенок умер от потери крови. Так как по первой профессии я был врачом, я был гуманистом. Я не считал себя счастливым за то, что сделал с этим ребенком. Но мой дух был переполнен радостью за то, что отомстил хотя бы за один процент нашего народа. Затем Хачатур расчленил труп убитого ребенка и бросил его собакам, которые одних корней с ним. Вечером мы сделали тоже самое еще с 3 детьми турок…»

Газета «Эхо» 9 февраля 2007

ЗАЯВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

В канун ходжалинской трагедии, стоит еще раз напомнить, что наше государство, наш народ, различные политические, общественные силы, неправительственные образования Азербайджана неоднократно обращались в Международные организации, к государствам мира, чтобы была дана политическая и правовая оценка величайшей преступной акции XX века – Ходжалинскому геноциду, к сожалению, пока безуспешно… А в некоторых странах все еще называют публицистом, писателем одного из преступников, организатора и исполнителя этой чудовищной акции изувера Зория Балаяна. Достаточно ознакомиться с текстом этого «видного писателя», врача-»гуманиста», чтобы убедиться в садистской и палаческой сущности этого существа. Те, кто постоянно твердят о гуманизме, демократии, закрывая глаза на «откровения» зориев балаянов, фактически потакают им. Под шумиху о надуманном геноциде 1915 года, игнорируются подлинное злодеяние – ходжалинский геноцид.

Союз Писателей Азербайджана

14 февраля 2007г.

В ночь с 25-го на 26-ое февраля 1992-го года армяне при поддержке 336-го мотострелкового полка Советской армии совершили чудовищное, не имеющее аналогов преступление против азербайджанского города Ходжалы. Отмечая 15 годовщину этой трагедии в клубе Натаван Союза писателей, выступавшие отмечали, что мир остался глух и слеп в отношении этой трагедии. Касаясь пресловутого текста Зория Балаяна Анар в своем выступлении подчеркнул, что даже фашисты не были способны на подобную

жестокость, а если и были способны, то не гордились этим и не провозглашали это с циничным бахвальством. Это существо(язык не поворачивается называть его человеком), утверждающее что он врач и гуманист, на самом деле, кровожадный палач и садист.

ЭЙНУЛЛА ФАТУЛЛАЕВ:
Я УВАЖАЮ ЗОРИЯ БАЛАЯНА БОЛЬШЕ ЧЕМ АНАРА

Вопрос: Считаете ли вы, что ходжалинцев убивали сами азербайджанцы?

Эйнулла Фатуллаев: ...Конечно, убивали и армяне, но часть ходжалинцев была расстреляны нашими.

Вопрос: Значит, по вашему, часть ходжалинцев были убиты агдамцами?

Э. Фатуллаев: Провокаторами из батальонов НФА.

Вопрос: Кто обезображивал трупы?

Э. Фатуллаев: Обезображивали наши.

(Из интервью Эйнуллы Фатуллаева, размещенного на интернет-ресурсе «Азери-триколор». Газета «Трибуна» 23 февраля- 1 марта 2007г.)

* * *

Ветеран карабахской войны, председатель Центра защиты беженцев и вынужденных переселенцев, известный журналист Татьяна Чаладзе обратилась в Ясамальский районный суд с иском на учредителя и главного редактора газет «Гюнделик Азербайджан» и «Реальный Азербайджан» Эйнуллу Фатуллаева. Как заявила АПА Т.Чаладзе, иск связан я размещением в Интернете интервью Э.Фатуллаева о Ходжалинском геноциде. «Фатуллаев отметил, что Ходжалинский геноцид совершили сами азербайджанцы и трупы обезобразили. На основании его вымыслов армянская пресса еще более усилила антиазербайджанскую пропаганду и, искажая правду, вводит в заблуждение мировую общественность»

Газета «Зеркало» 1 февраля 2007г.

P.S. Сейчас, к сожалению, Эйнулла Фатуллаев находится в тюрьме. Мое сожаление – искренне. И очень хотел бы, чтобы он, как и другие арестованные журналисты были освобождены. Во-первых, потому, что следую своему постоянному принципу, я не хочу, чтобы кто-то был репрессирован по политическим мотивам. Независимо от его нравственного и профессионального уровня. И во-вторых, – это тоже мое искреннее убеждение – власти совершают роковую ошибку, когда подобными акциями искусственно возводят никчемных людей в ранг мучеников и чуть ли не героев. И тут же приходит их международное признание. Определенные силы признают их не потому, что они якобы борются с властью, а потому, что эти люди борются со всем Азербайджаном, с его нравственными ценностями, достойными людьми, с самим духом азербайджанства, при этом делая поклоны в стороны самых яростных наших врагов, вроде пресловутого З.Балаяна.

* * *

В заметках «По-моему», опубликованных в газете «525-и газет» от 4 июля, Анар высказывает свое мнение о поездке группы представителей интеллигенции во главе с Поладом Бюльбюльоглу в Ханкенди, Ереван и Баку. Касаясь того, что эта поездка вызвала неоднозначную реакцию в медиа и в общественном мнении, а порой и оскорбительные высказывания, Анар говорит, что, во-первых, это его близкие друзья и, во-вторых, люди, своей плодотворной деятельностью в области искусств, науки, образования, внесшие ценный вклад в духовную жизнь Азербайджана, прославившие свою родину самоотверженным трудом. Они всегда служили интересам Азербайджана. И эту поездку совершили, несомненно, надеясь на то, что она принесет определенную пользу нашей родине. Но место и время поездки, по мысли Анара, были выбраны неудачно. Такую встречу можно было бы провести где-нибудь в нейтральном месте, скажем, в Москве, Тбилиси, Киеве, а не в оккупированной и в превращенной в развалины Шуше. Что касается времени совершения вояжа, то и оно более выгодно армянской стороне, как дополнительные дивиденды перед выборами. Автор заметок предлагает то, что он и до этого предлагал неоднократно, о необходимости работы с трезвомыслящими армянскими кадрами, которые и будут задействованы в будущем управлении Нагорным Карабахом в составе Азербайджана.

В конце заметок говорится о том, что не надо навешивать ярлыки на достойных представителей азербайджанской интеллигенции за этот шаг, в то время как мы пытаемся наладить отношения с армянами. Просто надо трезво сделать выводы из этой акции с учетом на будущие аналогичные шаги.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

В Заявлении Союза писателей Азербайджана выражается беспокойство, по поводу муссирующихся в последнее время слухов об открытии Турцией границы с Арменией. В условиях оккупации азербайджанских земель, постоянно поднимаемых с армянской стороны вопросов о так называемом геноциде, такая акция турецкого правительства, если она, все же состоится, будет восприниматься как односторонняя уступка армянским притязаниям, как действие противоречащее принципу «два государства – одна нация», нанесет серьезный ущерб братским взаимоотношением между Азербайджаном и Турцией. Весь Тюркский мир воспримет это, как отход от традиционных моральных ценностей турецкой нации. В Заявлении выражается уверенность, что турецкое правительство отнесется к данной проблеме с необходимой чуткостью и вниманием, и не предпримет никаких шагов во вред Азербайджану.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА К РАЗДЕЛУ «ГАРАБАХСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

Я ценю трудолюбие армянского народа, отдаю должное его достижениям в области культуры. И если я не провозглашаю, что кяманча – армянский инструмент, это еще не значит, что я враг армян.

Я никогда не скрывал и не скрываю сейчас, что мне нравится живопись Мартироса Сарьяна и музыка Арама Хачатуряна, фильмы Сергея Параджанова и проза Гранта Матевосяна. Но я никогда не соглашусь с той ксенофобией, с той ненавистью ко всем другим народам и прежде всего к мусульманским и, особенно, к туркам и азербайджанцам, которые внушаются в армянское сознание с детства. Именно поэтому армянская пропаганда стала выставлять меня в качестве врага их народа.

Из «Ночных мыслей»

ИЗ БЕСЕДЫ АНАРА С Л. ЛАВРОВОЙ «ГОРЕЧЬ ПОЛЫНИ», ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ «ДРУЖБА НАРОДОВ» №3 1998г.

Кому то надо было дискредитировать меня, потому что я тогда имел вес и влияние на общесоюзном уровне, мог что-то веское сказать Горбачеву…таким образом меня как бы изолировали клеветой…

Дай Бог, чтобы в армянском национальном сознании возобладала мысль, что с соседом надо жить не ссорясь. Не стоит проявлять чрезмерного территориального аппетита. Нельзя считать, что, где бы не жили армяне, это их исконная земля…

Я был бы счастлив, если бы были освобождены наши оккупированные земли, и беженцы вернулись бы туда, если бы в Нагорном Карабахе, в Шуше вновь поселились азербайджанцы. Русские, вон, тоже воевали с немцами, французы с англичанами столетие вели войну. Войну ведут не народы. Они разжигаются политиками, генералами, идеологами, всякой накипью. Самая цивилизованная часть Света – Европа только в XX столетии, пройдя через две кровопролитные мировые войны, к концу века пришла к мысли о строительстве «Общего дома». Мы ведь с армянами не впервые сталкиваемся. В 1905 г. вспыхнуло противостояние, но потом-то продолжали жить вместе, ездили друг к другу, встречались. Возникло множество смешанных семей. Это факты. А истина такова, что нам рядом жить.

ДОЛГ СОВЕСТИ

ДОЛГ ПАМЯТИ

(Предисловие к книге «Ответ дает история»)

Книга, которую вам предстоит прочитать, уникальна в своем роде. Эта книга боли и горечи, скорби и просветления. Эта книга – свидетельство о трагедии целого народа и об искореженных судьбах тысячей и тысячей отдельных людей – расстрелянных, растерзанных, замученных, сосланных, униженных и оскорбленных, потерявших родной очаг, семью, близких, друзей, свои добрые имена, а часто и саму жизнь. Эта книга предельно важная, насущно необходимая для понимания нашей истории, нашего менталитета, нашей коллективной совести как народа, нашего национального самосознания и самопознания.

Эта книга долг живущих памяти умерщвленным, загубленным, стертым с лица земли, превращенным в «лагерную пыль». Составил эту книгу ученый – литературовед, доктор филологических наук, председатель комиссии «Видждан» («Совесть») Муртуз Садыхлы. Комиссия «Видждан» при Фонде культуры Азербайджана занимается сбором документов, архивных материалов, свидетельских показаний чудом уцелевших представителей «репрессированного поколения». Вернее, репрессированных поколений, ибо их было несколько этих поколений, как в «до» – так и в «после» революционные годы. Всю горькую чашу репрессированных семей довелось испить до дна и самому составителю книги – сосланному еще в нежном детском возрасте, вместе со взрослыми членами своей семьи в «ледяной ад» только за то, что ни в чем не был виновен. Впрочем, подробнее об этом вы узнаете из текста самой книги.

Нет, очевидно, на свете народа, который бы не страдал в тот или иной период своей истории. Азербайджанские тюрки – народ гордый, не склонный к постоянным причитаниям о своей горькой доле. Наш народ

не воспитывает в новых поколениях свой собственный имидж»многострадального». Он предпочитает переживать свою скорбную судьбу в душе, молча, стиснув зубы. Быть может еще и потому мир мало знает о продолжавшемся и в XX веке (в XX веке особенно безжалостно), уничтожении целых пластов нашего народа – в первую очередь, естественно, интеллигенции нескольких поколений, крестьянства, духовенства, дворянства, военных, нефтяников, рабочих, женщин, молодежи – цвета нации. И не только азербайджанских тюрков, но и русских, евреев, армян, татар, лезгин, курдов, талышей – всех жителей Азербайджана ради доведения до кондиции статистических списков «врагов народа».

Невообразимое сталинское изобретение – огромная, значительная, лучшая часть народа – объявлялась своим же собственным, то есть народа, врагом – внедрялось в Азербайджане с особой изощренностью и размахом. Народ обескровливали, проливая кровь лучших его представителей.

Старый русский писатель Олег Волков – вот уж кто действительно достоин именоваться совестью интеллигенции – написал удивительно проникновенные и благородные страницы – свидетельства очевидца о мученической гибели в Соловецких и других лагерях мусаватистов – политических деятелей первой независимой Азербайджанской республики, просуществовавшей всего 23 месяца – с 28-го мая 1918 года по 28-е апреля 1920 года. О гордости и достоинстве, с каким эти люди несли в лагерях свой тяжкий крест, об их истерзанной муками плоти и об их несокрушимом, не сломленном духе.

Книга, с которой вам предстоит познакомиться, отражает в разных формах – документальных, мемуарных, беллетристических, статистических – события, охватывающие почти целый век. В ней – события начала века, когда дашнаки сжигали живьем в мечетях азербайджанских

стариков, женщин и детей. В ней события начала 1918-го года, когда те же дашнаки, или их наследники, в трогательном согласии с большевиками – интернационалистами Бакинской Коммуны Степана Шаумяна, в течение трех мартовских дней уничтожили только в одном Баку несколько десятков тысяч азербайджанских тюрков – мирных жителей. В этой книге документальные свидетельства о том, как после установления Советской власти, те же дашнакствующие националисты спешно перекрасившиеся в коммунистов, методично, целенаправленно уничтожали азербайджанскую интеллигенцию в застенках ЧК-ГПУ-НКВД... В этой книге неопровержимые факты о том, когда, в конце сороковых годов, правда, почти бескровно, были изгнаны сотни тысяч азербайджанских тюрков из Армении, с мест их вековечного обитания и совсем уже свежие факты о таком же массовом, теперь, уже кровавом изгнании 200 тысяч последних оставшихся в Армении азербайджанцев в 1988-ом году. В этой книге и ужасы «Черного января» 1990-го года, и кровоточащая рана Ходжалов – уничтоженного со всеми его жителями азербайджанского городка, и карабахская трагедия, унесшая тысячи и тысячи жизней. Эта книга, в целом, о геноциде азербайджанского народа, длящимся без малого век, и грозящим перешагнуть в век грядущий.

Менялись маски врага – в начале века он был в личине бомбиста, головореза из андрониковских банд. В советские годы он долго носил кожаную тужурку железного чекиста или китель члена пресловутой палаческой «тройки». Он применял черную, с прорезью для глаз, маску международного террориста из АСАЛА или же респектабельный костюм идеолога карабахского движения, миацума. Маски и одеяния были разные – лицо одно. Лицо ненависти, мстительности, жестокости и коварства. И следы на месте преступления были одни и те же – кровавые.

Эту книгу необходимо прочесть каждому. И я хотел бы, чтобы каждый прочитавший эту книгу задумался о нашей истории, о ее уроках, о тех жертвах, которые принесены на алтарь национальной независимости. Подумал бы и о жертвах, не причастных ни к политике, ни к борьбе, ни к свободе, «виновных» лишь в том, что родились азербайджанцами.

Но я не хотел бы, чтоб прочитавшие эту книгу, прониклись бы злобой или ненавистью к какому-либо народу, из живущих на этой планете. К народам, близким нам территориально, или далеким. Чтоб не мстительность и ксенофобию воспитывала бы эта книга, а понимание и сострадание. Ибо те, кто несут горе и смерть чужому народу, несут боль и слезы своему собственному народу. Я хотел бы, чтобы каждый читавший эту книгу понял и принял бы нашу боль – как свою. Чтобы мы, азербайджанские тюрки, столько настрадавшиеся на своем веку, продолжали бы остро чувствовать боль других, так, как это было всегда, так, как это нашло отражение в бессмертной пьесе Джалиля Мамедкулизаде «Кяманча» и многих других произведений писателей-классиков.

Ненависть – бесплодна, она может иссушить душу народа, сделать его глухим и слепым в отношении всего, что не связано с его собственными – подлинными или мнимыми – горестями. Злоба – это призрак духовного и демографического истощения нации. Только память, в которой, конечно же, не истерты горькие исторические зарубки и только душа, в которой сохранилась воля к жизни, не допускающая «зацикленности» на вековых обидах, способны обеспечить полноценное нравственное существование нации. Это, на мой взгляд, самый главный вывод, который делаешь из книги – такой горький и такой жизнеутверждающий одновременно.

Помнить – долг нашей памяти.

19 апреля 1995г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУРКМЕНИИ БЕРДЫ КЕРБАБАЕВУ

Дорогой Берды-ага!

Обращаюсь к тебе с несколько необычной просьбой.

Дело в том, что один из наших талантливых молодых кинорежиссеров – Руслан Шахмалиев попал в большую беду. Так как это произошло в Туркмении, то я решил первым делом обратиться к тебе с убедительной просьбой помочь этому человеку.

Р.Шахмалиев, который снял ряд интересных фильмов на нашей студии, временно переехал в Москву и уже несколько лет работает на Центральном телевидении. В Туркмении он снимал фильм по заказу Вашей республики. Вследствие обстоятельств, подробности которых нам не известны, произошло непоправимое. Оборвалась жизнь оператора Евг.Ваганова. Р.Шахмалиев находится под следствием. Кинематографисты Азербайджана, которые обратились ко мне, знают Р.Шахмалиева, как человека глубоко порядочного, не способного на недостойный поступок, не говоря уже о том, что это один из перспективных и многообещающих наших молодых режиссеров. Было бы крайне обидно, если этот трагический случай, который унес жизнь уже одного молодого работника кино, искалечил бы и судьбу другого – Руслана Шахмалиева. Я прошу тебя заинтересоваться этим трагическим случаем, проявить максимум внимания и участия в судьбе Шахмалиева и оказать возможное содействие с тем, чтобы при решении этого вопроса были учтены его молодость, его способности, которые могут принести много пользы нашему искусству.

С искренним уважением,

твой

Мирза Ибрагимов

7 апреля 1970 г. Баку.

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. О беде, постигшей нашего общего друга Руслана Шахмалиева мне сообщил кинорежиссер Октай Миркасимов и попросил обратиться к Мирзе Ибрагимову с тем, чтобы тот в свою очередь написал письмо авторитетному в Туркмении писателю Берды Кербабаеву. Когда я зашел к Мирзе Ибрагимову и сказал о нашем желании, он сразу, без всяких колебаний, дал согласие и подписал текст письма, написанного мной. Письмо было отправлено Б.Кербабаеву и через некоторое время Р.Шахмалиев вышел на свободу.

ВОЕННОМУ КОМИССАРУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ КУЛИЕВУ М.Г.

Уважаемый товарищ М.Г.Кулиев! Наджафов Рахман Бейлер оглу, 1948 г. рождения, работал внештатным корреспондентом нашей редакции «Гобустан» в течение года. За это время он проявил себя дисциплинированным и способным работником, пользовался уважением в коллективе. Весь наш коллектив был потрясен, когда узнал, что Р.Наджафов уклонился от службы в рядах Советской Армии. По поручению коллектива редакции Главный редактор «Гобустана» присутствовал на судебном процессе Р.Наджафова в Народном суде района им. 26-ти Бакинских Комиссаров. Суд приговорил Р. Наджафова к 2-м годам лишения свободы.

Поступок Р.Наджафова и решение суда были обсуждены на общем собрании коллектива редакции. Выступавшие резко осудили Р.Наджафова за допущенный серьезный проступок. Но вместе с тем, выступающие единогласно пришли к следующему мнению: принимая во внимание, что ранее ничего плохого за Наджафовым не замечалось, что проступок его является результатом халатности и беспечности, а не сознательного злого умысла, что семья его состоит из 13-ти человек (из коих большинство – несовершеннолетние), и, что коллектив редакции способен собственными силами перевоспитать Р. Наджафова – возбудить ходатайство перед Верховным Судом республики об изменении назначенного Народным Судом наказания на любое другое наказание, не связанное с лишением свободы. Собрание единогласно постановило обратиться с таким ходатайством в Верховный Суд.

От имени коллектива редакции мы обращаемся к Вам, товарищ Военный Комиссар, с просьбой помочь Р.Наджафову искупить свою вину. Просим Вас обратиться в Верховный Суд с предложением, чтобы дали возможность Р.Наджафову выполнить свой гражданский долг,

явиться к очередному призыву и честной службой в рядах Советской Армии исправить свою ошибку.

От имени коллектива редакции «Гобустан»
главный редактор Анар Рзаев.
14 октября 1974г.

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. *Р.Наджафов, опубликовавший в то время первые стихи, стал известен позже, как талантливый поэт Рахман Бабаханлы. Он обратился ко мне, когда с ним случилась такая беда. Я пошел на прием к Председателю Верховного Суда Абдулле Ибрагимову, проявлявшим интерес к моей литературной работе и будучи глубоко интеллигентным, гуманным человеком, он внял моей просьбе. Вместо двух лет тюрьмы Рахман прослужил два года в армии.*

О СЛУЧИВШИМСЯ С ЗАКИРОМ ФАХРИ

Поэт Закир Фахри, в своих мемуарах о тюремной жизни, опубликованных в журнале «Хазар», вспоминает, что из заключения послал письмо Анару, с которым до тех пор не был знаком и очень удивился, когда получил ответ. Завязалась переписка и эти письма, по его словам, помогли ему выжить в суровых условиях тюрьмы. З.Фахри приводит несколько писем Анара, из которых следует, что писатель принял живое участие в судьбе поэта. Деятельное участие в его судьбе принял и Расул Рза. Избранный депутатом Р. Рза написал ходатайство о помиловании заключенного и в результате осужденный на 10 лет З.Фахри вышел на свободу, отсидев лишь половину срока – пять лет. В беседе, опубликованной в газете, З.Фахри с благодарностью вспоминает о решающей роли Анара в своей судьбе и отмечает, что писатель помог не одному ему, освободиться из тюремного заключения, но некоторые из них почему то «забыли» об этом.

Председателю КГБ СССР тов. Крючкову В. В.

копия: Председателю КГБ Азербайджанской ССР

тов. Гусейнову В.

Органами госбезопасности задержан член Союза писателей СССР Халилов Халил Рза оглу. Это известный азербайджанский поэт, член СП СССР с 1954 года, член КПСС, доктор филологических наук, Заслуженный деятель искусств республики, член Правления Союза писателей Азербайджана. Мы верим, что в нашей стране не могут осудить человека за его образ мыслей. Поэт, как и все поэты, может быть излишне эмоциональным, не сдержанным в своих выступлениях, однако его высказывания еще не могут стать поводом для его осуждения. Халил Рза пользуется большой популярностью среди читателей, и его арест вызвал общественный резонанс. Писатели Азербайджана не могут оставаться равнодушны к судьбе своего коллеги, ибо безразличие в аналогичных случаях слишком хорошо известны по нашей печальной истории 30-х годов.

Подобную озабоченность мы проявляем и в отношении другого члена нашего Союза Рафика Агаева, который также был задержан в эти дни.

Как руководитель писательской организации Азербайджана и Секретарь СП СССР, Народный депутат СССР, я прошу Вас лично проследить за судьбой этих литераторов. Наша организация готова взять на поруки как Халилова Х.Р., так и Агаева Р.С.

Хочу отметить и то, что Халилов Х.Р. страдает сахарным диабетом в острой форме.

С уважением,

Анар Рзаев.

Февраль 1990Г.

Члену Верховного Совета СССР,
Народному депутату СССР

т. Рзаеву А. Р.

Уважаемый Анар Расул оглу!

По существу Вашего обращения сообщаем, что в настоящее время Следственным отделом Комитета Госбезопасности расследуется уголовное дело, возбужденное по факту массовых беспорядков в гор. Баку. 26 января с. г. по делу арестован Халилов Халил Рза оглу, 1933 года рождения, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 67 Уголовного кодекса Азербайджанской ССР (нарушение национального и расового равноправия). Предварительное следствие по делу ведется в строгом соответствии с законом. Для изменения избранной в отношении Халилова меру пресечения оснований не имеется. Что касается упомянутого Вами Рафика Агаева, то органами госбезопасности он не задерживался.

В. Крючков

Председатель КГБ СССР

14 марта 1990Г.

Члену Верховного Совета СССР,
Народному депутату СССР

т. Рзаеву А. Р.

Уважаемый Анар Расул оглу!

По существу Вашего обращения сообщаем, что в настоящее время Следственным отделом Комитета государственной безопасности СССР расследуется уголовное дело, возбужденное в связи с массовыми

беспорядками в январе с. г. в г. Баку, повлекшими гибель людей и иные тяжкие последствия. 26 января с. г. арестован скрывшийся от следствия и нелегально прибывший в Москву Мамедов Эхтибар Селидар оглу, 1955 года рождения, азербайджанец, беспартийный, кандидат исторических наук, преподаватель Государственного университета, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 67 УК Азербайджанской ССР (нарушение национального и расового равноправия). Оснований к изменению меры пресечения Мамедову не имеются. Ходатайство обвиняемого об участии защитника на стадии предварительного следствия в настоящее время рассматривается Прокуратурой Союза ССР.

В. Крючков.
Председатель КГБ СССР
21 марта 1990

Генеральному Прокурору СССР

тов. Сухареву

Как нам стало известно, следствие по делу известного поэта, доктора филологических наук, Заслуженного деятеля искусств Халила Рзы (Халилова Халила Рза оглу), арестованного в январе с. г. близится к завершению. Мы не можем остаться безучастными к судьбе товарища по литературному делу. Насколько мы можем судить по имеющимся сведениям, ему инкриминируется действия, классифицирующиеся как разжигание межнациональной розни, – то против чего объективно направлено все существо оригинального творчества и переводческой деятельности Халила Рзы, служащих сближению культур и народов. Участие Халила Рзы во всенародном движении за утверждение суверенных прав республики, против территориальных посягательств

армянских националистов и экстремистов, вызвавших эскалацию кровавого насилия, гибель многих людей, характеризует его активную гражданскую, патриотическую позицию. Возможно, в пылу митинговых страстей Халил Рза, как человек эмоциональный, допустил некоторые перехлесты, необдуманные выражения, проявил несдержанность. Но сейчас, когда страна идет по пути демократизации и гуманизации, к созданию правового государства, требуется особенно чуткий подход к каждой человеческой судьбе. Что касается разжигания межнациональной розни, то в этом неблагодарном деле преуспели наши соседи – не только на митингах на Театральной площади в Ереване, на страницах печати, но и в литературных произведениях: достаточно напомнить пресловутый «Очаг» Зория Балаяна, проникнутый зоологической ненавистью и шовинистическим презрением к тюркоязычным народам, к азербайджанцам. В то время как автор этого пасквиля успешно продолжает свою разрушительную и провокационную «литературную» деятельность, в то время как один из лидеров так называемого «карабахского движения» А.Манучаров, арестованный за преступные действия, освобождается из-под стражи, в то время, как армянские террористы, оснащенные новейшим оружием, ежедневно учиняют насилие, убивают невинных людей и отпускаются «с миром» войсками МВД, в тюрьме томится азербайджанский поэт, приобщивший сонародников к творчеству русских, украинских, белорусских, узбекских, татарских писателей, к поэзии Ованеса Шираза, Паруйра Севака, Сильвы Капутикян, – воспевший подвиг защитников Бреста, сын фронтовика…

Мы призываем всех тех, кому вверено решать судьбу поэта и ученого Халила Рзы, учитывая все сказанное, проявить гуманность к художнику, который даже в следственном изоляторе не расстается с

пером и бумагой, переводя на родной язык Пушкина, мечтавшего и о временах «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»

Принято на общем собрании азербайджанских писателей 24 июля 1990Г.

Председатель Союза Писателей Азербайджана

Анар Рзаев

* * *

В обращении Анара к Президенту А.Эльчибею по поводу ареста бывшего Председателя КГБ республики В.Гусейнова, говорится об опасной тенденции политических репрессий, которые могут захлестнуть общество. Памятуя о горьком опыте 30-х годов, писатель отмечает что в «логике» арестов не бывает логики. В пору репрессий тех лет, были уничтожены как автор стихотворения «Пой, тар» М.Мушвиг, так и запретивший тар Народный Комиссар просвещения М.Кулиев, как великий Гусейн Джавид, так и большевистские критики, писавшие против него, как мусаватист Ахмед Джавад, так и коммунисты, изгнавшие мусаватистов. Анар призывает Президента освободить В. Гусейнова, чтобы не был создан нежелательный прецедент. Репрессии против одиночек неизменно переходят в репрессии против сотен, тысячи…

Позже с аналогичным письмом к Президенту обратился ряд видных представителей азербайджанской интеллигенции. В их обращении, в частности, говорилось:

«Нам представляется, что арест В. Гусейнова свидетельствует о том что общество столкнулось не со случайным эпизодом, а с частью целенаправленной политической компании. Азербайджанская интеллигенция понесла тяжелые, невосполнимые потери в годы сталинского террора. Не приведет ли начавшаяся репрессивная

компания к волне политических преследований, к возрождению нового репрессивного режима, в конечном итоге, к национальному противостоянию. Речь в этом письме идет не только о Вагифе Гусейнове, но и других нынешних жертвах произвола, а вполне возможно в ближайшем будущем и о нас с Вами. Речь идет о принципе.

«В письменном обращении к Президенту Азербайджана Анар, М. и Р.Ибрагимбековы, Ю.Самедоглу, Ф.Бадалбейли и другие выражают обеспокоенность фактами нарушения прав человека, которые имели место в последнее время, а именно: избиение журналистов, незаконный арест народных депутатов, обыски в их квартирах и т. п. За этими фактами, по мнению авторов обращения, проглядывают тревожные тенденции сведения счетов с инакомыслящими, преследования недавних политических противников. «Азербайджанская интеллигенция всегда выступала в защиту гражданских и человеческих прав личности, независимо от политических убеждений, – говорится в обращении. – Так было в недалеком прошлом, когда лидеры демократического движения подвергались гонениям и арестам. Этому принципу мы намерены следовать и сегодня».

Подписавшие обращение были приняты президентом А. Эльчибеем. Он с пониманием отнесся к их просьбе и обещал содействовать в изменении В. Гусейнову меры пресечения на время следствия.

Эльмира Ахундова

«В Баку нашли «крайнего»

«Литературная газета»

25 ноября 1992.

АБУЛЬФАЗ ЭЛЬЧИБЕЙ

Мы арестовали бывшего председателя КГБ В. Гусейнова в связи с трагедией 20-го января. Он знал место всех документов, шифрограмм. Анар, к которому я отношусь с большим уважением, многие композиторы пришли ко мне, с просьбой освободить В.Гусейнова, сказали, что берут его на поруки. Я дважды не выполнил их просьбы. Внутренне чувствовал какую-то неловкость. Я объяснил им, что пусть В.Гусейнов скажет, где эти документы, шифрограммы. Ведь я хорошо знал, что это преступление совершило московское КГБ. Они совершили это преступление, обманув М.Горбачева. Мы расследовали корень этого вопроса. В.Гусейнов не дал нам никаких документов.

(Беседа с А. Эльчибеем, газета «Мухалифат» 12 февраля 1997Г.)

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. В самом деле, мы, группа представителей интеллигенции, в том числе Тофик Кулиев, Ю.Самедоглу, В.Адыгезалов, М. и Р. Ибрагимбековы, Ф. Бадалбейли, Ч.Абдуллаев, я, были у Эльчибея, попросили освободить В. Гусейнова. Он обещал в ближайшее время сделать это, но, к сожалению, не смог сдержать свое слово. Лишь с приходом к власти Г. Алиева, (в то время, когда он был еще Председателем Верховного Совета), после какого-то совещания в его рабочем кабинете, мы с З.Буньятовым подошли к нему с той же просьбой. Вскоре Вагиф был освобожден.

ИЗ БЕСЕДЫ С ВАГИФОМ ГУСЕЙНОВЫМ:

Приход к власти Гейдара Алиева очень хорошее событие, возможно даже несколько запоздалое. Он опытный, умелый деятель. И, по-моему, окажет народу большую услугу. Национальное примирение, гражданская солидарность единственный выход из беды.

Газета «7 гюн» 10 июля 1993 г.

* * *

В газетах 1993-го года, нашли место сообщения об обращении Анара к Председателю Верховного Совета Азербайджана Гейдару Алиеву с просьбой об освобождении из-под стражи бывшего Председателя Верховного Совета Исы Гамбара, обращение ряда представителей интеллигенции по этому же поводу, информация о том, что Анар и Юсиф Самедоглу взяли на порукиИсу Гамбара, телеграмма группы писателей Г.Алиеву с благодарностью за гуманный поступок. Одна из газет поместила оскорбительную карикатуру на Анара и Юсифа Самедоглу за то, что они вступились в защиту арестованного. В другой газете был дан отпор этой грубой публикации. Ф.Годжа и Ч.Абдуллаев дали опровержение в газету под заглавием «Шесть лет спустя», по поводу статьи в газете «Йени Мусават», где утверждается, что Анар проявил полное равнодушие к судьбе Исы Гамбара, когда тот был арестован и комментарий самого И.Гамбара, подтвердившего, что писатели не были равнодушны к его судьбе, как и к судьбам других политзаключенных, и на поруки его взяли именно Анар и Юсиф Самедоглу.

Эльмира Ахундова
«Дело генералов»: очередной заговор против Алиева?
«Литературная газета» 5 февраля 1997г.

Некоторые видные деятели азербайджанской интеллигенции выбрали форму скрытого протеста, которая в основном выражается в том, что они ставят свои подписи под обращениями с просьбой освободить, изменить меру пресечения, соблюдать права того или иного арестованного. Почти всегда под подобными воззваниями стоит подпись писателя Анара. Какие мотивы им движут? Вот что он мне ответил:

– Действительно, я выступал в защиту прав осужденных и арестованных – будь то в советское время или в период правления Народного фронта. Выступаю и теперь. Возможно, правы те, кто утверждает, что большинство этих людей репрессировано не по политическим мотивам, что они совершили уголовно наказуемые деяния. Но я вспоминаю, что в советское время в отношении диссидентов применялась такая же формула. И потом чувство истории: мы все помним 37-й год.

Я писатель, и я вспоминаю двух великих писателей, чей опыт для меня весьма показателен. Один из них – Чехов. Помните, он говорил: пусть Дрейфус виноват. И Золя все-таки прав, так как дело писателя – не обвинять, не преследовать, а вступиться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много.

Чингиз Гусейнов:
Десять лет по обе стороны тысячелетия
Журнал «Дружба народов» № 9 2009

В ЛГ от 5 февраля смелая статья Эльмиры Ахундовой о бесконечных судах в Баку над т. н. заговорщиками, по существу процессы политические, пишет она, мол, не слишком ли их много? И вопрос Анару, который выступает в защиту осужденных. Что ж, ведет себя достойно, честь и хвала ему.

Земляк Анар – только что прочел его повесть «Белый овен, черный овен», синтез утопии, или видения счастливого будущего Азербайджана, и антиутопии – видение чудовищного его будущего. Но в нарисованном счастье ничто не напоминает о том, что оно хоть как-то может быть подготовлено сегодняшним днем, ибо если пойти так, как идет, то вряд ли состоится и то, о чем мечтается, но зато состоится то, что зловеще…

* * *

На днях несколько видных представителей интеллигенции Ф.Годжа, Анар, Э.Сабитоглу, Р.Оджагов, Ф.Садыг, Габиль, Ю.Самедоглу, Г.Аббасзаде выступили с обращением к главе азербайджанского государства Гейдару Алиеву и попросили изменить меру пресечения в отношении арестованного бывшего премьер-министра Азербайджана Панаха Гусейнова. «Панах Гусейнов не является опасным для общества – подчеркивается в обращении». («Зеркало» 17 августа 1996).

P.S. В 2005-ом году Панах Гусейнов был избран депутатом Милли Меджлиса.

* * *

В газетах сообщается о посещении Анаром и другими депутатами инвалидов Карабахской войны, объявившими голодовку, в связи с намерением выселить их из занимаемого помещения – офиса. Депутаты обещали переговорить и переговорили с представителями власти,

вопрос был положительно решен и голодающие прекратили акцию протеста.

* * *

Бывшему пресс-секретарю Аяза Муталлибова, известному журналисту и политологу Расиму Агаеву, арестованному в конце ноября, предъявлено обвинение по статье 57-й – «измена родине». В его защиту открыто выступили видные ученые, деятели литературы и искусства. Обращение к президенту с просьбой об освобождении Р.Агаева в числе прочих подписали писатели Анар, Чингиз Абдуллаев и Рустам Ибрагимбеков.

Эльмира Ахундова
«Новые аресты в Баку»
«Литературная газета»
25 декабря 1996г.

* * *

В газетах отразились сообщение о том, что 22 депутата Милли Меджлиса (в их числе и Анар) обратились к Генеральному прокурору республики с тем, чтобы к осужденному бывшему Министру Внутренних Дел Искендеру Гамидову применялась бы мера, предусмотренная решением Верховного суда, то есть, чтобы его перевели бы из тюремного изолятора МНБ в исправительно-трудовую колонию, учитывая ухудшившееся состояние его здоровья. Это обращение вызвало резкое осуждение в Милле Меджлисе, в печати и на телевидении. Выступая на заседании Милли Меджлиса 11 апреля и касаясь обращения 22-х, спикер парламента Муртуз Алескеров, в частности сказал: «Такие действия группы депутатов по меньшей мере являются абсолютно безответственным и непродуманным шагом. Люди, которых вы защищаете, являются злостными преступниками. Защищая таких преступников, вы ставите себя под угрозу. Эти ваши действия

могут привести к потери депутатских полномочий. Сделайте для себя выводы».

Газета «Бакинский рабочий» 16 апреля 1997

* * *

В газетах были опубликованы коллективные письма избирателей и трудящихся, в которых осуждалось обращение 22-х и требовалось лишить их депутатского мандата. В Милли Меджлисе даже раздавались голоса, с угрозой распустит Парламент. Было опубликовано и письмо гёйчайских избирателей, предлагавших отозвать своего депутата Анара Рзаева.

Тем не менее, в те же дни Искандер Гамидов был переведен из изолятора МГБ в исправительно-трудовую колонию, а в декабре 2003 года актом о помиловании, подписанным Президентом Ильхамом Алиевым был выпущен на свободу.

* * *

На своем процессе обвиняемый Рагим Газиев попросил судебную коллегию пригласить на процесс Анара, Эльчина, Бахтияра Вагабзаде.

Газета «Зеркало» 3 июля 2002г.

«Муртуз Алескеров попенял депутатов. Спикер против освобождения оппозиционеров на поруки»

Депутаты Милли Меджлиса Анар, Бахтияр Вагабзаде, Максуд Ибрагимбеков, Вагиф Самедоглу, Зейнаб Ханларова обратились к Президенту Ильхаму Алиеву с просьбой освободить Игбала Агазаде, Рауфа Арифоглу, Орхана Мамедова, задержанных в связи с событиями 15-16 октября в Баку. Вчера спикер Муртуз Алескеров осудил группу

депутатов за эту акцию. «Почему депутаты просят отпустить виновников событий 15-16 октября? «- спросил спикер. Алескеров считает, что депутаты вышли за рамки своей компетенции.

Газета «Эхо» 7 января 2004г.

* * *

Поэт Рамиз Ровшен поддержал, подписавших обращение и подчеркнул, что испокон веков миссия интеллигенции заключалась в защите осужденных, даже если они и не разделяли их политические убеждения. Поэт сказал также о том, что как власть, так и оппозиция, относятся к интеллигенции с некоторой агрессивностью. Забывают о том, что в судьбоносные моменты Слово видных представителей интеллигенции может быть решающим.

Газета «525»

17 января 2004г.

* * *

В газете «Йени Мусават» было опубликовано Открытое письмо Вагифа Гаджибейли Бахтияру Вагабзаде, Анару, Вагифу Самедоглу, в котором он одновременно и обвиняет их в том, что они безучастны к судьбам арестованных во время октябрьских событий и просит возвысить свой голос в их защиту.

В ответе Анара и Вагифа Самедоглу, опубликованном в той же газете, указывается на то, что если Гаджибейли следит за прессой, или читает хотя бы газету «Йени Мусават», то он мог бы убедиться в том, что его адресаты не раз выступали за осужденных и часто добивались их освобождения. Что же касается того, что они имеют, отличную от В.Гаджибейли точку зрения на текущие события, то хорошо бы автору открытого письмо вспомнить 1992, и первую

половину 1993-года, когда наша страна была на грани расчленения и гражданской войны и благодаря кому, удалось преодолеть этот кризис.

* * *

В марте указом Президента И.Алиева арестованные были помилованы и вышли на свободу, а в 2005-ом году Игбал Агазаде был избран депутатом Милли Меджлиса.

* * *

Азербайджанские писатели обратились в правоохранительные органы в связи с арестом активистов Карабахского Освободительного Движения, протестовавших против приезда армянских офицеров в Баку, на мероприятие НАТО. Писатели просят освободить людей, многие из которых являются ветеранами гарабхской войны, родственниками погибших на этой войне.

* * *

В газете «Бакы хабар» 15-го октября 2005-го года была опубликована беседа с Анаром. На вопрос о Расуле Кулиеве, писатель ответил, что тот был его другом, сделал ему немало добра, он не может отрицать эту дружбу и забыть добро. Когда они познакомились в 1991-ом году, оба занимали одну и ту же позицию. Считали, что Азербайджан может спасти только Гейдар Алиев. Сейчас наши позиции не совпадают, но я не хотел бы видеть его в тюрьме, – подчеркнул Анар – уж лучше оставаться заграницей, чем угодить по приезде в Баку, в тюрьму.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ГОСПОДИНУ ИЛЬХАМУ АЛИЕВУ

Накануне руководители творческих союзов страны обратились к президенту Азербайджана Ильхама Алиеву с открытым письмом, в котором говорится:

Уважаемый господин Президент!

Мы рады, что 6-го ноября в Милли Меджлис избраны многие достойные представители творческой интеллигенции. Вместе с тем, мы глубоко сожалеем, что в парламенте не будет представлен выдающийся сын нашего народа, Народный писатель, Председатель Союза писателей Анар.

Анар – единственный человек в Азербайджане, который в течение 18 лет был членом трех парламентов – Верховного Совета Азербайджанской ССР, Верховного Совета СССР и Милли Меджлиса. Во всех трех парламентах его деятельность была направлена во благо нашего народа, его культуры, языка, нравственности. На сессиях Верховного Совета СССР, на съездах Народных депутатов СССР Анар неопровержимыми аргументами изобличал захватническую политику армянских агрессоров, требовал наказания виновников трагедии – Черного Января 90-го года. Анар был удостоен чести открыть и вести первое заседание Милли Меджлиса Независимой Азербайджанской республики. В двух созывах Милли Меджлиса он был избран Председателем комиссии по культуре и под его руководством было подготовлено и принято 12 важнейших законов в сфере культуры, кинематографии, законы об исторических и архитектурных памятниках, языке и т. д.

Избранный депутатом от Геокчая он сделал много значительных дел и для этого города, неоднократно встречался со своими избирателями. Учитывая все это и благоприятное отношение гёйчайцев, он и на этот раз выдвинул свою кандидатуру от сел Гёйчайского района – родины его отца. Во время избирательной компании он провел встречи в 15 селениях- с участием представителей и других селений района. Во всех этих встречах его принимали с большим воодушевлением и избиратели уверяли, что все отдадут голоса за него.

Мы из сообщений прессы узнали о том, что в округе 88 Геокчая было допущено много нарушений избирательного законодательства.

Уважаемый Президент! Вопреки Вашему распоряжению от 11 –го мая исполнительная власть Геокчая активно включилась в избирательную компанию, проведя последовательную агитацию против Анара и в пользу другого кандидата. Стали распространять слухи, будто Анар отозвал свою кандидатуру, и даже на некоторых бюллетенях его имя было зачеркнуто. Но самая большая махинация была проведена после выборов. Поданные за Анара голоса вследствие манипуляций были сведены до минимума и полученные им голоса были распределены среди других кандидатов. Таким образом было обеспечено лидерство другого кандидата. Альтернативные кандидаты сами признались в этом на совместной пресс-конференции и документальные свидетельства этой фальсификации, снятые на видеоролик были им представлены Центральной Избирательной Комиссии. Четверо из девяти членов Избирательной комиссии округа, отказались подписать сфальсифицированные протоколы.

Уважаемый Президент!

Кандидаты из разных округов, утверждающие, что их права были ущемлены, поддерживаются партиями, в которых они состоят и прессой, находящейся в сфере их влияния. Анар не является членом какой-либо

партии. Но его поддерживает большая армия интеллигенции и подавляющее большинство членов творческих союзов, а это внушительная сила, приверженная принципам нашей государственности и верная идеалам нашего великого лидера Гейдара Алиева.

Анар был единственным человеком из числа руководителей творческих союзов, который был представлен в Милли Меджлисе. В новом составе Милли Меджлиса не будет ни одного руководителя творческих союзов и это создаст, по крайней мере, вакуум в законодательных действиях, касающихся вопросов культуры.

Уважаемый господин Президент!

Просим Вас взять этот вопрос под личный контроль и оказать помощь в восстановлении справедливости и права.

С глубоким уважением

Руководители творческих союзов

Рустам Ибрагимбеков,
Народный писатель, Председатель Союза кинематографистов
Фархад Халилов,
Народный художник, Председатель Союза художников
Васиф Адыгезалов,
Народный артист, Председатель Союза композиторов
Фархад Бадалбейли,
Народный артист, Председатель Союза музыкальных деятелей
Азер-Паша Нематов,
Народный артист, Председатель Союза театральных деятелей
Расим Балаев,
Народный артист,
Первый секретарь Союза кинематографистов.

Газета «ЭХО» 24 ноября 2005

ЗАЯВЛЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПИСЬМА

В архиве писателя хранятся машинописные копии и газетные публикации его обращений и предложений в различные инстанции. В эту книгу включены некоторые из них.

Составители

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР тов. КАФАРОВОЙ Э.М.

Уважаемая Эльмира Микаиловна!

На днях в Женеве открывается Международная конференция по правам человека. Х11 пунктом повестки дня конференции является национальный вопрос. Комиссия, рассматривающая этот вопрос в Женеве, готова включить в повестку дня обсуждение трагических событий происшедших в г.Баку. Однако для этого необходимо официальное обращение азербайджанского правительства. Такое обращение можно подготовить, взяв за основу постановление Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР о нарушении суверенитета республики. Считаем, что должны стать достоянием гласности многочисленные факты преступлений против человечности в нашей республике и дана объективная оценка происшедшим 19-22 января событиям в г. Баку.

С уважением,

Народные депутаты СССР Анар, Тофик Исмаилов, Вели Мамедов, Гасан Турабов.

ПИСЬМО В АДРЕС «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ПО ПОВОДУ РЯДА ПУБЛИКАЦИЙ ИГОРЯ БЕЛЯЕВА

Этот журналист, уже давно специализирующийся по проблемам Востока и выдающий себя за знатока Ислама, с некоторых пор взялся за наш Азербайджан. Беляев преуспел на сомнительном поприще разжигателя межрелигиозной вражды. Откуда такая ненависть к азербайджанскому народу, такая агрессивность к его истории, духовному наследию? И.Беляев в своей публикации «Переговоры через границу» откровенно признавался, что о проблемах азербайджанского народа он узнал только сейчас. Он так и писал: «Теперь заговорили о разделенности народа!». Видимо, не знает и не желает знать новоиспеченный специалист по Востоку, что трагедия Азербайджана, разделенного на две части, имеет свою 200-летнюю историю, что уже в нашем XX веке, она унесла немало жизней… Мы бы хотели, чтобы «пекущийся» об азербайджанском народе И.Беляев сказал правду о нашей республике, все еще переживающей мучительные дни, а не раздувал сомнительные версии, чтобы он увидел все бесчеловечные и противоправные посягательства тех, кто насильно пытается отторгнуть Нагорный Карабах от Азербайджана.

Принято на выездном Пленуме Союза писателей Азербайджана в Агдаме.

Газета «Бакинский рабочий» 13 февраля 1990г.

* * *

На вчерашнем заседании Милли Меджлиса Председатель парламентской комиссии депутат Анар Рзаев выступил с заслуживающим внимания предложением. Отметив необходимость принятия ряда мер для того, чтобы из народной памяти не стерлась трагедия азербайджанских шахидов, он заявил о целесообразности создания музея шахидов. Не желая оставлять свое предложение голословным, писатель даже указал на конкретное место, в котором этот музей мог существовать… Отметим, что этим предложением Народный писатель не ограничился. Его следующая инициатива касалась принятого 18 июня Президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым указа «Об усовершенствовании применения государственного языка». Отметив историческую значимость данного документа, депутат предложил объявить 18 июня Праздником Языка.

Газета «Зеркало» 23 июня 2001г.

НУЖНА ЛИ НАМ КУЛЬТУРА? ЕСЛИ ДА, ТО ДАВАЙТЕ ДЛЯ НАЧАЛА ОТКРОЕМ «КУЛЬТУРНОЕ ТВ»

В беседе с корреспондентом «Зеркало» писатель Анар заметил, что тема открытия канала «Культура» для общественности не нова. Еще несколько лет назад группа творческих лиц наряду с Союзом писателей Азербайджана выступила с подобной инициативой, причем неоднократно. Однако ситуация такова, что пока приходится разводить руками. Канал «Культура» крайне нужен для Азербайджана. Я даже представляю, каким он мог бы быть. По-моему он должен пропагандировать истинные ценности культуры, как национальной, так и мировой, классической, современной. На ныне существующих каналах транслируется дешевое искусство, много пошлостей, но есть, конечно, и ряд интересных передач. Однако необходимость в канале «Культура» ощущается с каждым днем острее и острее. Он мог бы стать эталоном качественного воспитания нашей молодежи. Конечно же, гарантию никто не может дать. Но, как говорится, попытка не пытка, и нужно с чего-то начинать. Я уверен, что культурный потенциал Азербайджана достаточен для того, чтобы в будущем поставить этот канал на качественно высокий уровень. К сожалению, должен отметить, что многие передачи и даже фильмы настолько ужасно дублируются на азербайджанский язык, что смотреть их пропадает интерес. Даже не знаешь на каком языке говорят. В этом плане канал «Культура» должен еще служить эталоном грамотной азербайджанской речи.

Газета «Зеркало» 19 августа 2006г.

МОЗАИКА

ОТВЕТЫ АНАРА НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «XXI ВЕК»

– Самый незабываемый день Мейдана (имеются ввиду митинги на площади Азадлыг (Свобода) на ваш взгляд?

– Я выступил в феврале 1988-го года на первом митинге, сперва на площади, ныне названной Азадлыг, а затем перед нынешним Президентским дворцом. Точную дату не помню, но считаю, тот день самым важным, потому что впервые за все годы советского режима народ собрался не по указанию верхов, а по своей собственной воле, чтобы выразить протест против армянских притязаний на Карабах и на уничтожение в Шуше реликтового леса Топхана. Может, это был самый чистый, самый честный день Площади, ибо еще не были задействованы силы, которые в дальнейшем праведную и искреннюю волю народа направили в русло собственных корыстных и карьерных устремлений. Позже были более масштабные, более многочисленные митинги. Я раз семь-восемь выступал на этих митингах, но самый незабываемый день Площади для меня был именно день первого несанкционированного митинга. Это было начало того важного процесса, когда политическое, общественное, национальное сознание народа поднялось на другую, совершенно новую ступень.

– Самый печальный день Мейдана?

– Самый печальный день площади был в январе 90-го года – день похорон шахидов, невинных жертв Черного января…

– Самое яркое выступление на Мейдане: Ваше или какого-нибудь другого лидера?

– На площади были и яркие, умные, логичные выступления и пустые, крикливые, а порой и провокационные, вредные речи. Я не могу сравнивать конкретные выступления. Потому что не участвовал в

большинстве митингов, как Народный депутат СССР большую часть времени был в Москве.

– Где Вы были в ночь с 19-го на 20-е января и как вспоминаете те дни?

– Трагические события, начавшиеся 15-16 января 1990 года, достигшие своего страшного пика 19-20 января и завершившиеся похоронами шахидов, я вспоминаю как самое большое потрясение своей жизни. В ночь с 19 на 20 я был дома, 20-го рано утром вместе с покойным Юсифом Самедоглу, Исой Гамбаром (он эту ночь провел в квартире Юсифа Самедоглу) и Хикметом Гаджизаде поехали к Президентскому дворцу. Я выступил там на митинге с резким осуждением этой чудовищной акции советских войск и руководителей страны, отдавших им такой приказ. В знак протеста я заявил, что слагаю с себя депутатские полномочия. Потом, вняв настойчивым советам и просьбам Юсифа Самедоглу, Зии Буньятова, Бахтияра Вагабзаде, Шейх-уль-Ислама Аллахшукюра Пашазаде, Имама Мустафаева, Тофика Багирова и нескольких других аксакалов и уважаемых мной людей, я продолжил свою депутатскую деятельность, полетел в Москву, и в феврале выступая по несколько раз в день, вместе с другими нашими депутатами, донесли правду о чудовищном преступлении в Баку. Вместе с некоторыми нашими депутатами, несколько раз встречался с Горбачевым и мы со всей резкостью рассказали о Бакинской трагедии.

На следующей день после Черного января (20-го) по инициативе интеллигенции мы провели заседание в зале Академии наук, которое вел я. В тот же день Бахтияр Вагабзаде выступил по радио и созвал депутатов Азербайджанского парламента на сессию. На этой сессии, продолжавшейся в течение всей ночи в условиях чрезвычайного положения и комендантского часа, я выступил несколько раз, составил несколько обращений к мировой общественности и к различным

международным организациям. Потом на основе этих обращений я написал текст под названием «Беда», в котором нашли отражение все ужасающие подробности январского кровопролития. Текст был разослан во все Союзы писателей союзных республик и многим Народным депутатам СССР. Позже он был опубликован на русском языке в книге «Черный январь», а также по Франции и Иране, вошел в мои книги на азербайджанском и русском языках.

– В чем Вы видите причины того, что люди, стремившиеся, как один, на площадь во имя независимости Азербайджана, потом раскололись?

– Как было выше сказано, митинги на площади были первой революционной акцией за все годы советского режима. Но все революции, в начале демонстрирующие полное единство в своих действиях, позже неизбежно обречены на раскол. Причины раскола могут быть относительно благородными – разный взгляд на вещи, различное толкование событий, отличия в выборе пути. Но причиной раскола бывают часто и весьма неблаговидные, меркантильные, карьерные соображения, или желание диктовать всем одну свою волю, подчинить всех этой воле, что естественно вызывает отторжение. Особенно пагубны амбиции: все должны думать как я, и все. В частности, это проявилось в отношении интеллигенции. Маргиналы, которые до этого не выделялись никакими полезными деяниями, порой одним популистским выступлением в одночасье становились кумирами масс и сразу же начинали с ревностью относиться к славе, авторитету представителей интеллигенции, к тем, кто завоевал свое доброе имя годами бескорыстного служения народу. И начиналась травля достойных людей. Пытались всячески дискредитировать, замарать всех, кто не поддакивал демагогии новоявленных вождей. Иногда это удавалось. Ведь если толпа не может называться народом, то у черни нет

даже права именоваться толпой. В нападках на достойных представителей интеллигенции, апеллировали именно к черни. Вот так настал час черни, и надо было иметь немало мужества жить по собственным часам. Кстати, оппозиция, особенно ее печатные органы, все время трубящие, что только они и есть истинные демократы, руководствовались чисто большевистским мышлением: «Кто не с нами, тот против нас». Таким вот образом оппозиция, именно из-за своего негативного отношения к самостоятельно мыслящей интеллигенции, потеряло ее поддержку, свой авторитет, а, в конечном счете (правда и по другим причинам) и свою власть.

Журнал «XXI век» № 1-2 1999г.

ТЕЛЕФОН «ДОВЕРИЕ»

В последние дни распространяется много слухов в связи с событиями в ИКАО и Сумгаите.

Некоторые молодые люди кроме газет, радио и телевидения, хотят, чтобы были созданы оперативные и надежные информационные механизмы. С этой целью газеты «Азербайджан гянджлери» и «Молодежь Азербайджана» организовали в редакциях телефон «Доверие»

6 марта по телефону «Доверие» раздался первый звонок. – Говорят, сняли Анара – Вы сами верите в это?

– Он наша гордость, наша совесть, не может быть такого – Вот видите. Кстати 14-го марта ему исполняется 50 лет. (Газета «Азербайджан гянджлери» 8 марта 1988).

*** * ***

В Баку, на студенческой демонстрации выступали партийные, советские, комсомольские работники. Но их выступления не имели эффекта. Исправил положение авторитетный человек, писатель Анар. «Пусть Анар говорит, ему верим!»

Задумаемся, когда возникла трудная ситуация, когда надо было каждую минуту работать с взбудораженными людьми, те, кто по должности отвечали «за работу с людьми», тут же обратились к неформальным авторитетам – поэтам, писателям. Чувствовалось, что своего авторитета не хватает.

А.Афанасьев, Д.Муратов, А.Мурсалиев, А.Саркисян (наши спецкор.). «С тревогой и надеждой, думаем мы сегодня о событиях в Нагорном Карабахе и вокруг него».

«Комсомольская правда» 27 марта 1988 г.

Мамед Алиев:

Академик РМН, Председатель Азербайджанского Конгресса.

Из выступления на юбилейном вечере Анара в Москве

Сегодня роль писателя в жизни общества несколько девальвировалась. Появились писатели-шоумены, но есть и писатели «тяжеловесы». Вас, Анар-муаллим, я считаю таковым и могу сравнить с Лихачевым. То, что он сделал для русской культуры, вы делаете для культуры азербайджанской. Я встречался с вами неоднократно, но хочу вспомнить один эпизод. В 90-е годы был очень напряженный момент в жизни общества, и, я оказался в числе инициативной группы, мы искали человека, к которому можно было обратиться, чтобы снять напряжение, успокоить толпу. Мы искали вас. Я пришел к вам в больницу. Вы лежали с перевязанным лицом, и у вас было, кажется, воспаление уха. Вы сказали, что сейчас вы не можете идти, у вас температура, но вечером вы уже были на площади. Вы сказали свое слово, и, таким образом, мы избежали многих проблем, которые могли бы возникнуть. Такие люди как вы, говорят мало, но говорят очень правильно. Такие люди не только лицо народа, нации, но и честь и совесть народа.

«ЗОВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ отвечает на вопросы.

Побывав в Баку, прикоснувшись сердцем к той беде, понимая, сколько вековых связей надорвано, сколько иллюзий утрачено, я убежден в том, что природная доброта, отзывчивость народа на дружбу не убиты за эти два года. Я считаю: журналисты, ученые и писатели еще не сказали своего главного слова. А оно, хочу верить, значит больше чем танковые дивизии. Народный поэт Бахтияр Вагабзаде, тюрколог Айдын, доктор Нуреддин, историк Сулейман, писатель Анар, партийный работник Эвелина, пианист Фархад – мои друзья. Я их видел в работе. И народные депутаты СССР Тофик Исмаилов, Вели Мамедов, Ариф Меликов переживали поистине фронтовые будни.

Газета «Рабочая трибуна» от 25 февраля 1990 г.

ИЗ БЕСЕДЫ С АНАРОМ, ОПУБЛИКОВАННОЙ В ГАЗЕТЕ «ЙЕНИ МУСАВАТ»

– Еще один интересный момент связанный с вами заключается в том, что при всех политических властях Вас принимали как Председателя Союза писателей. То есть и А.Везиров, и А.Муталлибов, и А.Эльчибей, и Г.Алиев, И.Алиев признавали Вас и как писателя и как Председателя Союза писателей. В чем секрет того, что вы находите общий знаменатель со всеми Президентами?

– Вы забыли про покойного Камрана Багирова. Именно в его бытность Первым секретарем ЦК республики я был избран руководителем Союза писателей. Что касается Вашего вопроса, то меня как писателя признавали не только лица, руководившие нашей республикой, но и сотни тысяч читателей в Азербайджане и в ряде стран мира. Ни с кем я не пытался придти к общему знаменателю. С уважением относился к тем, кто уважал меня. Когда каждый из них был у власти я открыто, в лицо говорил ему о том, с чем не согласен, а после ухода с высоких постов, ни о ком ничего плохого не сказал. Я пытаюсь работать не за страх, а за совесть на всех должностях, которые мне доверялись – будь то пост Председателя Союза писателей или Председателя Комиссии по культуре Милли Меджлиса. Вот и весь «секрет».

Газета «Йени Мусават» 2004г.

P.S. Вопрос с «подковыркой» корреспондента газеты «Йени Мусават», весьма характерный для отношения этой газеты ко мне, дал, однако, мне возможность внести ясность в тему, которой так часто спекулируют мои оппоненты. Именно они, упрекают меня в том, что я остался на своем посту во времена правления различных, часто

антагонистических политических сил. Должен сказать, что проблема Власть и Интеллигенция – не так однозначна, как это иным представляется. Очень часто Власть больше нуждается в интеллигенции, чем интеллигенция во Власти.

Выступая на одном из митингов, где прозвучали весьма грубые обвинения в адрес писателей, в частности меня, за то, что мы не поддерживаем радикальные призывы толпы, не имеющие ничего общего с подлинными интересами народа, я сказал, что никогда не поступал по указке «сверху», и теперь не буду действовать по указке «снизу».

Не задумываются о том, что если бы я проводил бы политику какой-либо одной политической силы, одного политического движения (которые кстати, рассыпаются и собираются подобно ртути), одной какой-либо власти, то следующая, сменившая ее, видела бы во мне своего противника и не дала бы возможность работать, точно так же, как и последующая, диаметрально противоположная предыдущей –власть. Наверное потому, что при всех правительствах я действовал только по собственным убеждениям, оставался верен своей позиции, поступал так, как мне подсказывала моя совесть, мое понимание проблем, мой опыт, ко мне сохранили уважение политики самых разных направлений, которые, кстати терпеть не могли друг друга.

(Далее Анар рассказывает о своих взаимоотношениях с людьми, руководившими Азербайджаном в разное время с Кямраном Багировым, Абдуррахманом Везировым, Аязом Муталлибовым, Исой Гамбаром).

Анар продолжает:

– Я был избран руководителем Союза писателей в такое время (в июле 1987-го года) когда выбор решали сами писатели, без всякого партийного нажима, указания и даже подсказки сверху. Когда Президентом стал Гейдар Алиев, он всегда внимательно относился ко всем нашим предложениям, связанным с Союзом и литературной

жизнью (принятие на государственный бюджет печатных органов Союза и самого Союза, проведение в Баку III Съезда писателей тюркского мира, празднование в международном масштабе юбилея «Деде-Горгуда» и т.д.). И как, человек, не забывающий добра, я выражал ему признательность за все это. Именно эту элементарную благодарность и долг вежливости, мои противники часто ставят мне в вину. Видимо, по их разумению, неблагодарность – единственная форма независимости и самостоятельности.

Во время встречи Ильхама Алиева с интеллигенцией накануне президентских выборов 2003 года, я поднял вопрос об издании художественной литературы на латинице. Он в своем выступлении поддержал эту идею и после избрания Президентом издал распоряжение об издании книг на латинице.

Любой политический деятель, ценящий интеллигенцию, вне зависимости от того у власти он или в оппозиции, не проигрывает, а выигрывает.

ГОСПОДИН ЖИРИНОВСКИЙ В БАКУ

(Почти невероятная история)

Эту невероятную историю рассказал мне бывший полковник КГБ, с которым мы случайно познакомились в санатории. По понятным причинам, он не хотел, чтобы его имя упоминалось, так как в свое время занимал весьма высокие и сугубо сверхсекретные посты в системе разведки. Был даже одно время резидентом КГБ в Турции. Сейчас на пенсии. Привожу его рассказ полностью:

«Жириновского я знаю по Турции. В те годы, работая в Стамбуле, он попал в поле зрения турецкой контрразведки. Спровоцировав его на действия, не имеющие ничего общего с его переводческой работой, турецкие спецслужбы добились того, что бросили Жириновского в тюрьму. Щадя Владимира Вольфовича, не буду рассказывать на чем он попался, а также что с ним сделали в турецких застенках.

В один прекрасный день я получил указание Центра во что бы то ни было вызволить незадачливого Джеймса Бонда. Я также работал под крышей переводчика и по роду своей как прямой, так и косвенной деятельности имел хорошие связи в турецких службах безопасности. Я добился освобождения Жириновского и высылки его из Турции в СССР. Жириновский, естественно, был очень зол на турок за то, как они с ним обошлись, и поклялся отомстить им когда-нибудь.

Помня это, я улыбался про себя, когда читал или видел антитурецкие выпада В.В. уже в наше, так называемое демократическое время.

Но вот он позволил себе оскорбительно отозваться об азербайджанском народе и это я ему спустить не мог, ибо знал его как облупленного.

Договорившись с некоторыми бывшими коллегами в Баку и Москве, теперь такими же пенсионерами как и я, через одно доверенное лицо мы пригласили Жириновского в Баку. Зная его неимоверное тщеславие, мы купили его тем, что якобы с ним хочет встретиться лично Гейдар Алиев с целью обсудить некоторые важные моменты кавказской политики. «В этом никто не разбирается так тонко, как востоковед Жириновский» – будто бы сказал Гейдар Алиевич, и эти слова подействовали как бальзам на душу Владимира Вольфовича.

Единственное условие, предупредили его мы – полная конспиративность этого визита. Жириновский должен приехать инкогнито, без свиты, охраны, прессы и т. д.

И лишь после личной встречи с Президентом, при общей договоренности будут сделаны совместные сенсационные заявления для общественности.

Вот и на этом Жириновский попался на крючок – он ведь обожает всякие сенсации. А перед выборами в Думу ему как раз и нужна была такая громкая акция, чтобы вновь оказаться в центре внимания прессы и телеканалов.

Итак, В.В. долго не пришлось уговаривать, приняв все наши условия, он тайком прилетел в Баку. Его встретили без лишнего шума, но достаточно почетно, поселили в номере люкс лучшего отеля в городе. Жириновскому обещали, что его встреча с Президентом состоится буквально через день-два и Гейдар Алиевич очень тщательно готовится к этой встрече.

Жириновского загримировали, перекрасили и в черных очках возили по городу в машинах с занавешенными окнами. Мы останавливались в специально оговоренных местах и продавщицы якобы все же узнав В.В., просили автографы на его книгах, которые, по их словам были нарасхват.

Жириновский, естественно, млел, и уж совершенно разомлев, говорил, что не имеет ничего против азербайджанцев, что его неправильно поняли, на самом деле он ненавидит только турок, но азербайджанцы совсем не турки, а народ арабского происхождения. А арабов Жириновский просто обожает, и как востоковед знает лучше всех, что азербайджанцы произошли от арабов.

Наконец настал пик того, что мы задумали.

Сидим с Жириновским в номере, я, так, будто ненароком навожу разговор на Ельцина и на его отношения с армянами.

Да, забыл сказать, что телевизор в номере включен и на экране одного из московских каналов – Михаил Леонтьев со своей программой «Однако»… И в момент, когда Жириновский распалившись убежденно разглагольствует о том, что Ельцин и вся его семья на корню куплены армянами, Михаил Леонтьев вдруг прямо с эфира обращается к Жириновскому:

– Однако, Владимир Вольфович, в Москве вы говорили прямо противоположное, крыли на чем свет стоит азербайджанцев. А вам не стыдно?

– Как? – удивляюсь я, прерывая рассказ старого чекиста. – Вот так же, как удивляетесь вы сейчас, удивился, вернее, был потрясен Жириновский. У него прямо отвисла челюсть. – Что это такое? – еле выговорил он, – откуда он знает, о чем мы с вами говорим здесь и сейчас.

Я молча указываю на маленький зрачок миниатюрный камеры, искусно припрятанный под люстрой.

– Все, что мы здесь говорим, по прямой линии связи передается в Москву, на этот телеканал и они видят и слышат все на своих мониторах.

– Как это может быть? – еще раз прерываю я своего собеседника. – Разве это возможно?

– Конечно нет

– В таком случае, как это объяснить?

– Очень просто. Я же сказал, что в этом розыгрыше участвовали и мои московские коллеги, старые друзья. У них тоже зуб на Жириновского. Они считают, что Жириновский специально подкуплен западными спецслужбами с единственной целью дискредитировать русскую национально-патриотическую идею, выставив ее в карикатурной, смешной и пародийной форме.

Одним словом, мои московские друзья проинструктировали Леонтьева, чтобы он произнес именно эти слова и в строго оговоренные минуты. Что он успешно и сделал. И Жириновский купился.

-Но ведь, насколько я знаю, и сам Леонтьев крайне недоброжелательно относится к азербайджанцам. Он больше к армянам тянется. С ними дружит.

– Милый мой, сейчас в мире нет друзей и врагов. Есть лишь деньги и еще большие деньги. Всех можно купить, а еще легче перекупить.

«Однако», как любит говорить наш друг, теперь уже НАШ друг, Михаил, фокус удался и неизменно бойкий Жириновский сидел, как в воду опушенный.

Ведь он хорошо понимал, что его нынешние разговоры в Баку, растиражированные и распространенные усилиями его политических противников, нанесут его имиджу сокрушительный удар и тогда без того сомнительные шансы попасть в следующую Думу, сведутся к нулю. Какая уж тут аудиенция у Президента?

– Я должен немедленно вылететь в Москву, – сказал Жириновский разглядывая нас ненавидящими глазами, ведь он догадывался что, все это устроено не без нашего участия.

– Может, останетесь на пару дней, погостите, – почти садистски предлагал я.

– Нет, я должен вылететь сейчас же.

Мы ему не препятствовали, благо и билет был приобретен заранее. Единственное, в чем я не отказал себе, так это в том, чтобы не съязвить напоследок:

– Вот вы считаете нас баранами, а у этих баранов за счет нефтяных доходов, имеется самая совершенная в мире система записи и передачи любых разговоров на любые расстояния. И, разумеется, мы с удовольствием будем прокручивать и вспоминать наши задушевные беседы с вами во все эти дни.

Жириновский, святая простота, поверил и в это. Улетал он уже без всяких фанфар, поникший и облезлый, как кот, попавший под дождь.

Когда старый чекист закончил свой рассказ, я спросил его:

– А могу я написать об этом?

– Конечно, согласился он, – почему бы и нет. Но учтите, однако, сам Жириновский эту невероятную историю будет отрицать. Объявит, что все мною сказанное фантастические домыслы, голос его сымитировали, кадры перемонтировали и вообще он никогда не был в Баку.

Но ведь эта микрокамера, вмонтированная в люстру – самая что ни есть, настоящая. Правда, никакой прямой связи с Москвой не было, но зато с точностью зафиксированы все сказанное Жириновским в Баку. Любой эксперт подтвердит, что эта не фальшивка. Копию записи я отправил в Москву, своим друзьям, которые помогли мне разыграть этот спектакль, а оригинал храню у себя. Если господин Жириновский

предпримет попытку опровергнуть что-либо из сказанного мной, я всегда к его услугам. Но не думаю, что он предпримет такую попытку. Помешают воспоминания о Баку и в еще большей степени о Турции, о турецкой тюрьме. Там ведь тоже все снимали на пленку.

Так что, хорошо бы всем охотникам оскорблять чужое достоинство, помнить старую мудрость: не разбрасывайся камнями, сидя в стеклянном дому.

30 сентября 1999

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

В последнее время в газете «Азадлыг» объявилась компания «анароведов», которые подчас балагурства ради пытаются выдать себя и за «рзаевоведов». Что тут скажешь, пусть будут рзаевоведами, нет возражений. Чем бы дитя ни тешилось... Но эти «ведуны» пришпандоривают к моей биографии такие дополнения, что, думаю, да я же, оказывается, сам о себе до сих пор не ведаю. Они, видишь ли, знают мою биографию, что, где и когда говорил, лучше меня самого. Ну, спасибочки, что собрали по крохам то, что я говорил и даже никогда не говорил, тем самым, так сказать, обогатив мое устное творчество. Потому им моя самая искренняя благодарность. В связи с этим хочу выразить особую признательность авторам публикаций, вышедших в номере газеты «Азадлыг» от 25-27 ноября. Ибо, в самом деле, есть такие моменты в моей жизни, которые до сих пор я держал в тайне и считал, что о них никто не ведает. Оказалось, что шила в мешке не утаишь...

Короче, в упомянутом номере сей достопочтенной газеты возвещается, что Анар, то бишь, ваш покорный слуга, написав «Сказку о добром падишахе», задавался целью свалить с поста Брежнева и привести на его место Андропова и получил на этот счет особую санкцию. Ну, что тут скажешь? Истинная правда. Поскольку тайна раскрыта, хочу сделать чистосердечное признание и довести до сведения новых поколений, нынешних газетчиков и будущих историков, что это суждение соответствует действительности. Расскажу все, как было, дабы тайна, которая долгие годы камнем лежала на сердце, стала, наконец, достоянием гласности.

Как-то сидел я, попивая чай и почитывая роман Достоевского с Толстым «Идиоты». Вдруг – телефонный звонок; это был Андропов; после привета-ответа он мне говорит, ай Анар, незадача у меня, никак не

могу свалить Брежнева и занять его место. Одна надежда на тебя, может, накатаешь рассказ какой или что, доконаешь этого старого бровеносца... Я поначалу замялся, но, в конце концов, он смог уломать меня. Засел я за писание, за ночь накатал «Сказку о добром падишахе» и отослал прямиком Андропову, без перевода. Позже узнал, что Юрий Владимирович сразу по получении рассказа помчался в Кремль, зачитал Брежневу и в ту же ночь бедного генсека кондрашка хватила. И Юрий Владимирович чинно-благородно воссел на троне. Я подумал: ну и ладно, теперь-то от меня отстанут. Но, говорят, человек полагает, а Бог располагает. Минуло несколько месяцев, наконец, я дочитал роман «Идиоты», и мне пришла в голову мысль, что в самый раз перевести этот роман на наш язык.

Я был занят этой задумкой, попивая огнецветный чай, когда из Москвы вновь раздался телефонный звонок. На сей раз звонил Черненко. Сказал, что в курсе истории с Брежневым, теперь ты должен подсобить мне, и никаких гвоздей. Прошу, мол, сработай что-нибудь, чтобы я ниспроверг Андропова и занял его кресло. Долго мы с ним пререкались, пока я дал согласие. Написал сценарий про «Праотца Горгуда», бедный Андропов, едва просмотрев этот фильм, отправился к праотцам.

Я уже взялся было переводить «Идиотов» Толстого с Достоевским, как водится, попивая чай, когда вновь заверещал телефон. Да, вы угадали, это был Горбачев. Он говорит: послушай, до каких пор мы будем валандаться-мыкаться с этими стариками, ну, умерли, ну, ушли, теперь дело за нами, молодыми. Кляче – край, псине – рай, слыхал? Будет и на нашей улице праздник.

Я с полуслова усек, куда «меченый» клонит. Нет, говорю, я – пас, увольте, занят, творю. Уже сколько лет как трачу время на «Идиотов». Он не отстает; ну, велика важность, «Идиоты» никуда не убегут,

успеется... Ты давай займись путным делом, надо бы нам с Черненко разделаться. Словом, в конце концов, уговорил-таки меня. Сел я за стол и написал телепьесу «Дом у милой впоперек... « Едва друг мой Рамиз Гасаноглу подготовил спектакль и показал на экране, как наутро пришла весть, что Черненко, просмотрев пьесу, приказал долго жить. Потому, любезные читатели, все, что написали в «Азадлыг», – сущая правда, разве что в чуть усеченном виде, может, газетной площади не хватило.

Впрочем, есть еще один момент, не знаю, информированы ли газетчики или нет. Дайте-ка, и о нем расскажу для очистки совести. Да, что уж скрывать, в один из дней мне позвонил также и Буденный. Я ахнул, неужто, думаю, и этот усач, орел степной, казак лихой загорелся жаждой власти? Ан нет, другая у него забота. Плохи дела, говорит, выручай, брат. Видишь ли, со времен Гражданской войны я обожаю довгу[1]. Да вот моя половина при готовке все забывает помешивать варево на огне; спрашиваю, в чем дело? Читаю, говорит, всякую ахинею в газетах, уши вянут, руки опускаются. Довга потому сворачивается к чертовой матери... Так вот, накатай что-нибудь этакое, роман, что ли, напечатай, чтобы жену взбодрить, вдохновить, мобилизовать...

Я подумал, надо уважить старика на закате дней, грех отказывать. Написал «Шестой этаж пятиэтажного дома». После до меня дошла весть, что жена лихого рубаки, дочитав мой роман, потеряла сознание, слегла, а маршал на несколько дней остался без горячей пищи и умер от истощения.

Вот тут, как в сказке сказывается, «Гариб зашелся плачем».

Сказал – «плачем» – и вспомнился мне светлой памяти Мирза Джалил: «Почему я плачу? Потому, что приходится жить среди таких людей, и нет никакого спасу».

---

[1] Довга – суп с рисом и зеленью на кислом молоке.

28 ноября 2000г.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

P.S. Причиной для написания этого фельетона стали публикации в газета «Азадлыг». Моим соперником на выборах в Милли Меджлис был некий молодой журналист, в то время ярый оппозиционер. Проиграв выборы, он страшно разозлился на меня и написал большую статью под названием «Лжедепутат и Министр литературы» и опубликовал ее в газете «Азадлыг» В этой статье совершенно серьезно утверждалось, что я свою «Сказку о добром короле» написал для того чтобы поддержать Андропова и свалить Брежнева. На такие обвинения отвечать всерьез было нельзя. Сама постановка вопроса требовала фельетонного жанра, к которому я и обратился. Но самое смешное произошло после. Сей молодой и пламенный оппозиционер, обвинявший меня за близость к власти, через какое-то время круто поменял свои политические взгляды, свои убеждения, свое лицо, и сейчас является самым сладкоголосым телесоловьем властей.

Мне совершенно непонятны нападки на таких корифеев национальной литературы, как, скажем, Анар, братья Ибрагимбековы, Фикрет Годжа. Свое нынешнее право быть теми, кем они стали, они заслужили, прорвавшись сквозь многие тернии времени. Тогда их клевали старые ретрограды, а сегодня на них нападают молодые неучи. По моему убеждению, эти люди могут и должны служить примером истинной преданности профессии.

Из беседы Мансура Векилова с Алиной Талыбовой

Газета «Неделя» 30 сентября 2005

АНАР И ТОГРУЛ

19. V. 87. Вчера вечер провел в застолье с писателем и философом Анаром и художником Тогрулом Нариманбековым. Мы расположились во внутреннем дворике караван-сарая (в Старом городе), что был древней гостиницей индийских огнепоклонников на пути сюда к храму огня.

– Но индийское ли это только? – спросил я. – Не соответствует ли это огнепоклонничество некоей внутренней сути азербайджанства? Нет ли рудиментов?

– Есть. Например, в весенний праздник Новруз-байрам зажигают костры и прыгают через них, веруя, что этим достигается очищение тела от хворей, а души от грехов.

– Еще меня волнует, – вопрошал я, – в какой степени традиции Хагани, Низами и всей древней поэзии на арабском и фарси –звучат актуально в современном азербайджанстве?

– Видите ли, Низами – общемусульманский, а собственно наш, первый – это Физули. Наши – это Физули, Вагиф, Сабир, Ахундов и литература рубежа веков.

Спросил еще о национальной музыке, мугамах.

– Узеир Гаджибеков напал на гениальный синтез мугамов с европейской, итальянской оперой и создал в 1908г. «Лейли и Меджнун», что и доселе самая популярная опера.

Мои собеседники – из элиты азербайджанской. Дед Нариманбекова был мэром Баку, а когда возвращались, прошли мимо дома, где мемориальная таблица родителей Анара: «Здесь жили поэт Расул Рза и поэтесса Нигяр».

Вот ведь какой корень у Анара. Интеллигент в каком поколении! Да и имя его – не имя, а музыка! И оказывается, такого имени не было,

оно было изобретено и первовведено родителями Анара. А теперь уже многим дают это имя.

Тогрул, Мирджавад, по словам Анара, картину строят как ковер…предельно насыщают, заполняют пространства картины и все ее «пустоты», возможные чистые поля –чем угодно: лицом, квадратом, серпом, веткой, зигзагом – но лишь бы, не пустота, тишина, пауза, задумчивость… Все кричит, крещендо-огненно-солнечно…

Позволю себе начать читать эссе Анара «Мудрость ковра», где я предвижу: встречу много прекрасных и родных мыслей…Ну вот, так и есть: Анар начинает с проекции ковра – на всю землю Азербайджана, которая с самолета так и видится: в уменьшении – ковром. Будто расслоилась древняя сказочная мифологема «ковер-самолет». Мифологему ковра-самолета Анар толкует так: «Может быть, человек мечтал взлететь, не отрываясь от земли, а что как не ковер, так связан с почвой? Любая мебель отрывает нас от земли – неважно, табуретка это или трон. Ковер – это слиянность с землей, полное и непосредственное соприкосновение с ней».

Читал позавчера, готовясь идти на концерт, подаренную мне Анаром книгу его супруги З.Сафаровой «Музыкально-эстетические взгляды Узеира Гаджибекова». И вот что важное для своей цели почерпнул: «Мелодия мугамата, – пишет З.Сафарова – отличается большими возможностями, чем мелодия народных песен… В мугамате мелодия не ограничена частыми метрическими тактами, цезурами, ей не свойственны короткомотивная расчлененность, вариантность, характерные для народных песен».

Георгий Гачев

(Московский философ и культуролог)

«Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению».
Издательский сервис. Москва. 2002

КРУГ КАРАЕВА

Ему исполнилось бы 80 лет, -говорит Анар- шестнадцать лет тому назад мы его потерли. Но поныне к нам идет его свет не из прошлого, как свет погасших звезд, а из будущего. Ибо и при жизни от этого человека исходил свет.

Я слушаю Анар-муаллима очень внимательно, потому что со мной говорит большой художник, всеми узнаваемый и для многих близкий и родной, прежде всего тем, что он неожиданно и неповторимо, правдиво и талантливо рассказал о времени, которое было непохожим ни на какое другое, о том неповторимом времени, когда мы были богаты своей молодостью, радостным ощущением жизни.

На приведенной здесь фотографии рядом с Мастером стоят совсем молодые Октай Зульфугаров и Анар, Эмин Сабитоглу и Васиф Адыгезалов. Но и сейчас когда писатель говорить о Караеве, он преображается. Словно исчезли седина и усталость, а глаза засияли, как будто отблеск света великого композитора лег на его лоб.

Ибрагим Самедов

Круг Караева. (газета «Панорама» 5 февраля 1998)

* * *

«Замечательному писателю Анару. Очень, очень сожалею. Я это дело чувствую. Вдарили бы по публике. Пусть бы зараза, поплакала. Жаль. С уваж. Дуров».

КОММЕНТАРИЙ АНАРА. Записка знаменитого актера Льва Дурова была связана с тем, что ему было предложено сыграть роль Фейзуллы Кябирлинского в фильме «Юбилей Данте». Как сказал он мне при встрече в театре, повесть, по мотивам которой был написан

сценарий, он читал еще раньше, но из-за графика своего репертуара вынужден был отказаться от предложения и передал мне вот эту записку.

* * *

Я знаком с Поладом Бюльбюльоглу. Я общался с Рустамом и Максудом Ибрагимбековыми. Я помню Анара, читал его много, но лично мы не встречались.

Из беседы Эльдара Рязанова с Маиром Караевым
(Газета «Йол» специальный выпуск. Декабрь 1995г.)

* * *

– В свое время Анар написал, что в самые тяжелые и ответственные моменты жизни среди друзей первым я вспомнил Эльчина. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Я так же тепло отношусь к Анару и считаю его своим настоящим другом.

– За прошедшие годы ваша дружба не претерпела никаких изменений?

– Нет.

– Между вами не было никаких обид?

– Иногда бывают. Но эти обиды надо расценивать, как обиды на близкого человека и в силу этого они очень скоро забываются.

Интервью с ЭЛЬЧИНОМ Шахина Мамедханова
(«Занимать руководящие должности сегодня означает: работать, работать и еще раз работать») «Ежедневные новости» 2 августа 1996.

* * *

В прошлом году известный поэт и драматург Вагиф Самедоглу сообщил, что готова к изданию его вторая книга «Далекий зеленый остров». После бестселлера «Боже, я здесь», обещанный сборник на днях вышел в свет. Большинство стихов и поэм автор когда-то считал потерянными, мертвыми. Ему казалось, что они разделили участь его творчества в кризисные для него 70-е годы. Но счастью, на грешной земле остались еще такие понятия, как Дружба, Забота, Любовь и Доверие. Еще в годы своей учебы в Москве писатель Анар, как первый слушатель молодого тогда еще поэта, бережно собирал его произведения и сохранил их в своем архиве. Через много лет Анар вернул автору его произведения в целости и сохранности.

И.Умудлу

«Вагиф Самедоглу продолжает удивлять любителей поэзии»)»Газета «Зеркало» 8 мая 1999

«РОКОВЫЕ СОВПАДЕНИЯ»

Чингиз – очень распространенное в Азербайджане имя, а Абдуллаев такая же распространенная фамилия. Был случай, один Чингиз Абдуллаев заявил, что известный наш азербайджанский роман «Али и Нино» ему не нравится, он не согласен с Анаром в оценке места этого романа в азербайджанской литературе и тому подобное. На следующий день все газеты пишут: Чингиз Абдуллаев выступает против Анара. Ну, во-первых, я пишу по-русски, я бы никогда не набрался такой наглости и дерзости советовать человеку, который знает азербайджанскую литературу намного лучше меня! Во-вторых, ну не я это был! Бремя популярности имеет вот такие вот свои минусы.

«Роковые совпадения»
Беседа с Чингизом Абдуллаевым
Газета «Азербайджанский Конгресс»
16 января 2009

«ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ»

Так, в фильме Р.Оджагова по сценарию Анара «День рождения» очевидно, что не только изысканностью стиля и уникальностью таланта привлекло режиссера творчество Анара. Разносторонность знаний, гуманизм творчества, любование внутренним и внешним миром человека, неиссякаемые призывы к справедливости и всеобщему благу составляют основу, лейтмотив творческого видения Анара, что во многом созвучно жизненной и творческой позиции Расима Оджагова.

Джейла Ибрагимова
«День рождения»
Газета «Бакинский рабочий»
20 декабря 2008

Комментарий Анара: Я, естественно, глубоко благодарен Джейле Ибрагимовой за добрые слова обо мне, но целиком переадресую их моему другу Рустаму Ибрагимбекову, поскольку сценарий фильма «День рождения», написан не мной, а им.

АЗЕРБАЙДЖАН ЧЕСТВУЕТ СВЕОГО ДРУГА

Общественность страны торжественно отметила 70-летие Олжаса Сулейменова

Юбилей знаменитого поэта, ученого и политика, большого друга нашей страны, праздновали в театре «Мугам». Чингиз Абдуллаев в своем вступительном слове столь всесторонне охарактеризовал роль Олжаса Сулейменова в азербайджанской культуре, что речь вступившего следом народного писателя Анара оказалась достаточно краткой. Он начал так: «Олжас, многое из того, что я хотел сказать тебе, я уже написал в «Литературной газете». Все остальное сказал Чингиз», - после чего сообщил, что Олжас Сулейменов принят в почетные члены Союза писателей Азербайджана. Затем народный поэт Фикрет Годжа торжественно объявил о том, Союз писателей награждает Олжаса Сулейменова премией Фонда Расула Рза и лично вручил эту премию юбиляру.

Наиля Баннаева
Азербайджан чествует своего Друга
Газета «Азербайджанские известия» 23 июня 2006г.

* * *

– Я видел Вашу фотографию с Анаром, выдающимся нашим писателем. Как Вы его нашли?

– Анар для нас всегда олицетворял молодую, свежую мысль, неординарность, стильность, непохожесть. И даже недоступность. Он и на съезде держался особняком. Мне показалось, что он одинок. Достойно одинок. Он с олимпийским спокойствием озирал всех этих артистов, похожих на депутатов и депутатов, похожих на артистов, которые давя друг друга, пробивались ближе к Президенту во время ужина.

Из беседы с Ш. М. КЕРИМОВЫМ,
делегатом II Съезда Азербайджанцев мира
от самарского региона
Газета «Очаг» март 2006г.

* * *

Дома в Баку заметно обветшали, лица людей хмуры. Наряды бакинцев, особенно женщин, потускнели…Точнее всего о чувствах бакинцев сказал Народный писатель Азербайджана, председатель правления Союза писателей Анар: «Сейчас в этом городу мне знаком лишь дождь».

Влад Николаев
Баку – знакомый и чужой
Газета «Аргументы и факты» № 33 1996г.

* * *

По опросу, проведенному газетой «Труд», известный московский критик Л. Аннинский, среди десяти лучших книг изданных в России и за рубежом в 1996-м году, назвал книгу Анара «Комната в отеле».

Газета «Труд» 30 августа 1996г.

* * *

В Азербайджане, где проводился конкурс на лучшего писателя XX века, среди десяти азербайджанских прозаиков, попавших в этот список, было только трое ныне здравствующих – Анар, Рустам Ибрагимбеков и Чингиз Абдуллаев.

Газета «Бакинский рабочий»
20 апреля 2000

ПРЕПЯТСТВИЯ

«Он поддерживал именно те произведения, которые бичевали негативные явления, – говорит Анар. – Почему ему например, понравилась моя пьеса «Лето в городе»? Она выражала писательское неприятие протекционизма, кумовства в высших школах, взяточничество в области медицины и права. У меня был заключен договор с Министерством культуры, наш известный режиссер Тофик Кязымов уже репетировал с актерами. Перед премьерой Главлит уперся, мол, это антисоветская пьеса, надо многое убрать, изменить и пр. Тогда заведующий отделом культуры ЦК Азад Шарифов помог нам, «надавил» на Главлит. Пьесу разрешили. После премьеры восторженные статьи о пьесе написали Мирза Ибрагимов в газете «Коммунист» и Гюльрух Алибейли в «Бакинском рабочем»

Через несколько дней мне сказали, что Гейдар Алиев хочет прийти на спектакль. С ним пожаловали все министры, руководители творческих союзов. Я сидел у худрука, смотрел оттуда в зал, вижу – реакция вроде бы нормальная. Спектакль закончился, и вот тогда впервые Гейдар Алиев прошел за кулисы, чтобы пообщаться с творческим коллективом создателей спектакля. Потом он часто будет это практиковать. Он одобрил нашу работу, сказал, что прочел статьи Мирзы Ибрагимова и Гюльрух-ханым, заинтересовался и решил сам посмотреть, потому что были «разные мнения». Теперь я, говорит, сам убедился, что пьеса своевременная, ее надо обязательно поставить и в русском театре, кроме того, можно подумать о съемках фильма. Кстати, в тот же вечер он поощрил трех молодых актеров Азербайджанской драмы и решил их квартирный вопрос.

ИЗ БЕСЕДЫ С АНАРОМ

Возвращаясь к вопросу о том, почему в Азербайджане среди писателей не было диссидентов. Потому и не было. В то время каждого из нас могли сделать диссидентом. Вагифа Самедоглу, Айлисли, меня. Но Алиев не доводил ситуацию до точки кипения.

Мой первый рассказ «Последняя ночь уходящего года» вышел в1960 году. Через неделю в газете «Азербайджан гянджлери» («Молодежь Азербайджана») Гулу Халилов разгромил его. Первая повесть «Аг лиман» (в русском переводе она вышла под названием «Круг») подверглась нападкам в газете «Коммунист» со стороны Халида Алимирзоева, который сейчас – главный националист и оппозиционер. Он писал, что произведение противоречит социалистическому реализму, что это антисоветская вещь. Вскоре после этого состоялся партийный актив, на котором с большим докладом выступил Вели Ахундов. Быть может, это не очень скромно, но хочу привести слова великого Кара Караева, сказанные в мою защиту на том активе: «Я категорически отвергаю огульную критику произведений талантливейшего азербайджанского писателя Анара»

Или, «Сказка о добром короле». Я показал ее в Москве ответственному секретарю журнала «Дружба народов» Шиловцевой, она ко мне очень доброжелательно относилась. Прочитав вещь, она сказала: «Анар, это не только не опубликуют, но ты это никому не показывай». Она считала, что это крамольное до предела произведение. Я ответил, что у нас в Баку оно опубликовано. Реакция была шоковой: «Не может быть!». Потом я отправил рассказ в «Неделю» Анатолию Макарову, и тот мне написал письмо: «Дорогой Анар, вещь замечательная, но не по нынешним временам!» Они опубликовали ее только после того, как с началом перестройки ослабла цензура.

Но были и другие случаи, когда что-то нам сначала удавалось опубликовать в московских газетах и журналах, а потом уже это «проходило» в Азербайджане. Мою статью о Джалиле Мамедкулизаде «Большое бремя – понимать» напечатал «Новый мир». Только после этого Исмаил Шихлы пробил ее в журнале «Азербайджан». Было и такое.

То есть мы все время были в столкновениях с цензурой, партийными органами, все, что я сделал в литературе более или менее значительного, встречало сопротивление. И единственное, что нас спасало, – это Гейдар Алиев. Он не доводил до взрыва, может, из опасения, что в Москве сложится впечатление, что у нас есть диссидентская литература. Оберегая нас, оберегал себя. А может, просто из личных симпатий к нам, из понимания того, что «оланлар – бизик».

Эльмира Ахундова
«Главным диссидентом среди вас был я!»
(Воспоминания о Г.Алиеве)
Газета «Азербайджанские Известия» 15 июня 2007г.

* * *

Проблема была в том, что телевидением руководили непрофессионалы, в кинопроизводстве ничего не смыслившие. Когда я закончил фильм о Саттаре, Наби Хазри, который в то время был заместителем председателя Госкомитета, посмотрел фильм и говорит: «Что это такое. Ты же из него обезьяну сделал! Я такой фильм не приму». Встал и ушел. Мы с Анаром посоветовались, и он решил пойти к Джафару Джафарову, секретарю ЦК по идеологии. Джафар-муаллим посмотрел фильм и пришел в восторг. «Просто гениально», -сказал он. На этом все разговоры закончились.

«Я все сказал»
*Из беседы с **Рамизом Ахундовым**, режиссером фильма*
«Это – Саттар Бахлулзаде» по сценарию Анара.
Газета «Эхо» 13 января 2007

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

– Анар бей, согласитесь, есть еще немало таинственного и непонятного в нашей жизни. И прежде чем задать свой первый вопрос, я хотела бы рассказать вот такую историю.

«Однажды известный народный депутат, задержавшись на совещании, возвращался поздним вечером домой на служебной машине. Машина ехала по обезлюдевшим, пустынным улицам города. Как вдруг на дорогу выбежала девушка. Она замахала руками и машина остановилась. Когда девушка приблизилась, стало заметно, что она полураздета. «Умоляю вас, подвезите меня домой, – взволнованно заговорила она, дрожа от холода. – На меня напали бандиты, сняли с меня одежду и теперь я не знаю, что и делать».

Девушку посадили в машину, депутат предложил ей свой пиджак. Возле своего дома девушка распрощалась, поблагодарив за услугу, и скрылась за дверью. А машина поехала дальше. И лишь только утром депутат обнаружил, что у девушки остался его пиджак, в котором были документы, депутатское удостоверение. Пришлось вместе с шофером отправиться к ней домой, благо адрес уже был известен.

Однако каково было их удивление, когда открывшие дверь люди сообщили, что никакой девушки здесь нет. Когда же депутат описал ее, лица у них побледнели, и они сказали, что у них была когда-то дочь, очень похожая на ту, о ком говорится, но ее уже давно нет в живых. Они показали фотографию своей дочери, и на ней депутат увидел ту, кого встретил накануне.

Это было настолько невероятно, что родителям девушки, чтобы убедить депутата в правоте своих слов, пришлось отвезти его на кладбище. И что же он там увидел? На могиле девушки, на

установленном в изголовье надгробья с ее фотографией висел его пиджак».

Анар бей, народная молва гласит, что депутатом в этой истории был не кто иной, как вы. Так что же это – правда, вымысел или что-то такое из области мистики?

– Несомненно, это выдумка. Хотя и до меня доходили слухи об этом. И мне рассказывали, что по городу гуляет подобная история, которую почему-то связывают со мной.

– Ну чем Вы объясните живучесть этих слухов? Ведь прошло не год, не два…

– Вы знаете, меня и самого это очень интересует. Откуда вдруг возникли эти разговоры. Причем, появившись как бы из ниоткуда – сколько я не пытался выйти на первоисточник, ничего не получилось. Почему в качестве объекта выбран именно я? Почему эта история получила столь широкое хождение и упорно продолжает жить вот уже которое время? А может тут и впрямь замешана мистика? Во всяком случае, спустя какое-то время я стал сильно подозревать это. Дело в том, что прошло 2-3 года после возникновения этих слухов, как вдруг в газете «Бакинский рабочий» я встречаю очень странную заметку. Опубликована она была 29 ноября 1990 года под рубрикой «Сообщения ТАСС» и называлась «Пиджак на могиле». Я сохранил ее и прочту Вам сейчас целиком. Итак:

«Виндхук. Слухами о привидении, которое охотиться за убийцами девушки по имени Мария, наводнен населенный мексиканцами район Катуттура на окраине столицы Намибии –Виндхука. Некоторое время назад там три неустановленных преступника задушили несчастную проводом. Тогда ее отец предрекал им скорую неминуемую смерть.

Как утверждает молва, вскоре после этого происшествия в один из клубов Катуттуры заглянула особа приятной наружности. Она

охотно приняла ухаживания мужчины, которого подозревали в убийстве. Уходя, она на прощание сообщила свой адрес. И ушла в его пиджаке. На следующий день поклонник явился по указанному адресу. Это оказался дом родителей Марии. Они долго и безуспешно убеждали волокиту, что в глаза не видели описанную им «ночную красавицу», а их несчастной дочери нет в живых. В конце концов родители повели настойчивого ухажера на кладбище. Каков же был ужас мужчины, когда на могиле девушки он увидел свой пиджак. Вскоре завсегдатай баров Катуттуры заболел гриппом и скончался».

Так вот я начал всерьез раздумывать – бродячий ли это какой-то литературный сюжет, который кочует из страны в страну и тем не менее, где Баку, а где южная оконечность африканского континента? – реальная ли история, имеющая под собой основу? Или и впрямь есть что-то мистическое и потустороннее во всем этом? Кто знает…

Беседу с Анаром вела С.Касумова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

15:08 31-05-2010

Редакция Vesti.Az продолжает рубрику под названием «Золотые предки». В этой рубрике, будут представлены самые интересные моменты из жизни тех людей, которые оставили заметный след в истории, культуре, искусстве и науке Азербайджана. Их жизнь предстанет перед вами посредством рассказов их детей и ближайших родственников.

Гюнель Анаргызы. Впервые, я узнал о ней, прочитав статью уважаемого Сиявуша Мамедзаде, опубликованную в газете «Бакинский рабочий». Он писал, что «Анаргызы – дочь Анара – обозначает ближайшее звено родословной, опаленной ветрами истории, отмеченной славой радетелей просвещения, культуры, расправой «красной» инквизиции, гонениями «врагов народа», благородной и отважной любовью четы, составляющей гордость нашей литературы – Расула Рзы и Нигяр Рафибейли... Гюнель – дочь Анара – продолжает литературную традицию этой семьи в третьем поколении».

Ее, без ложного преувеличения, смело можно отнести в ряд редких представителей молодой интеллигенции нашей страны. Прочитав хоть одну книгу этой молодой писательницы, можно ощутить в ее строках некий свет, луч, дающий надежду на счастливое завтра.

Честно говоря, она и сама не любит, когда в ее честь поют дифирамбы. Считает, что ей еще предстоит многое сделать, чтобы иметь смелость отнести себя к достойным представителям отечественной литературы.

Сегодня, будучи гостем проекта Vesti.Az, Гюнель рассказывает о своем отце, народном писателе Азербайджана, председателе Союза

писателей нашей страны – Анаре (Анар Рзаев – В.Г). Заранее обрадую уважаемых читателей, что не буду надоедать им своими назойливыми вопросами, в центре внимания на сей раз только Гюнель Анаргызы.

«ОТЕЦ РЕДКО ОБРАЩАЕТСЯ К ПОМОЩИ, СТАРАЯСЬ РЕШИТЬ СВОИ ПРОБЛЕМЫ САМ...»

На первый взгляд, Анар кажется человеком очень строгим, суровым, порой замкнутым и неразговорчивым. Но это только на первый взгляд, на самом деле отец просто не любит «нарушать территорию» других людей, вмешиваясь в их жизнь своими советами и наставлениями. В этом смысле его можно назвать эталоном такта. Видимо, поэтому он зачастую сдержан в своих оценках и комментариях. Но при кажущейся отстраненности, отец всегда остается необыкновенно чутким и внимательным человеком, открытым для помощи даже совершенно чужим людям.

Сам он редко обращается к кому то за помощью, стараясь решить свои проблемы самостоятельно. Как-то Фикрет Годжа сказал об отце, что «к Анару можно обратиться с любой просьбой, но сам Анар, никогда ни к кому не обращается за помощью». Он может попросить за кого-то, но только не за себя.

«ОН НЕЗАМЕНИМЫЙ СОВЕТЧИК, ОБРАТИВШИСЬ К КОТОРОМУ, Я НАХОЖУ КОМПЕТЕНТНЫЙ ОТВЕТ...»

Признаться, я редко обращаюсь к отцу в связи с бытовыми вопросами, потому что он далек от всего этого, хоть ему зачастую приходиться заниматься и такого рода проблемами. Но мне кажется, что бытовые проблемы можно решить и без помощи отца. К нему же я большей частью обращаюсь как, например, обращаются к большой энциклопедии. Так как отец может ответить на любой вопрос относительно искусства, культуры, литературы и истории нашей страны. Это связано с тем, что отец необыкновенно эрудированный и

информированный человек. Он вечно читает, просматривает периодику, смотрит новостные программы, анализирует происходящее в мире, у него обо всем есть свое особое суждение. В этом аспекте, он незаменимый советчик, обратившись к которому, я всегда могу найти компетентный ответ.

«САМАЯ ЛУЧШАЯ ПОЗИЦИЯ ДЛЯ АНАРА – ИГНОР...»

Анар уважает объективную, заслуженную и справедливую критику. Порой критика в его адрес, переходит в оскорбления, что говорит об уровне воспитания «критикующих» его людей. Если обратить внимание на возраст так называемых критиков Анара, можно заметить, что практически все они моложе его. Эти, так называемые «радетели справедливости», должны в первую очередь осмыслить тот факт, что Анар, прежде всего старше их по возрасту, а в любом обществе старших принято уважать, или как минимум не оскорблять, тем более, что выдаваемая ими за критику клевета ни что иное как злоба от невостребованности и результат непомерных амбиций.

Мне кажется, что эти люди не стоят того, чтобы их обсуждать. Мы – как члены его семьи, неоднократно говорили отцу о том, просили, чтобы он просто не обращал внимания на писанину клеветников. На мой взгляд, самая лучшая позиция это – игнор. Ведь все мы знаем, что стоит за этими оскорблениями, знаем их цель. И в этой ситуации, лучше всего не реагировать.

Но не реагировать нельзя, когда речь заходит о людях ныне покойных. В этом смысле, Анар может защитить своих родителей, но ведь есть люди, у которых уже и детей нет в живых, за которых уже некому постоять и которые, так же, в той или иной форме подвергаются оскорблениям. Я вижу, что и в этом случае отец принимает несправедливую критику в адрес наших бессмертных поэтов и писателей, композиторов и артистов, как если бы она была направлена

лично в его адрес. Потому что у каждого народа есть неоспоримые ценности и достояния и их нужно трепетно беречь и пропагандировать. Лучшим сему примером, служат фильмы Анара посвященные Деде Горгуду, Узеир беку, Мирза Джалилу и Гусейн Джавиду, десятки эссе и публицистических произведений о многих и многих достойных сынах и дочерях нашего народа. Именно это и попадет в копилку достояния нации, а век клеветы и поклепа слишком короток...

«НЕМНОГО О ВОСПИТАНИИ»

Нас с моим братом Туралом не воспитывали целенаправленно. Мы всегда полагались на то, что мы воспитываемся в той семье и в том обществе, которое само направляет нас в нужное русло. Мы наблюдали за отношениями родителей, за их общением с друзьями и воспитывались на этом.

Умышленных нравоучений и воспитательных работ с нами не проводилось. Я не помню, чтобы нас наказывали, что-то нам планомерно внушали, дескать, вот это хорошо, а это плохо. Мы росли независимыми людьми. Но это не значит, что мы не считались с мнением старших. Для нас мнение наших родителей в том или ином вопросе это – определенный критерий, на который мы равняемся по сей день.

«КАК ТОЛЬКО Я ЗАКОНЧИЛА ЧИТАТЬ, ОТЕЦ СКАЗАЛ: «В НАШЕМ ПОЛКУ ПРИБЫЛО...»

Я начала писать в детстве и это в целом поощрялось. Отец никогда не говорил, чтобы я не писала, в отличие от некоторых родителей, которые занимаются каким-либо видом творчества, знают все перипетии этого дела и хотят огородить от этого своих отпрысков... Наоборот, когда мне было 12 лет, я прочла отцу свой небольшой рассказ. Как только я закончила, он сказал: «В нашем полку прибыло...».

Кстати, то же самое сказал ему в свое время его отец Расул Рза (народный поэт Азербайджана, лауреат Госпремии СССР – В.Г). Я потом долгое время не писала, хотя тяга к писательству всегда была. Будучи уже достаточно зрелым человеком я начала писать в интернете, таким образом и начался мой творческий путь. Писала я под ник-неймом и никто не знал, что я дочь Анара. Это было с одной стороны положительной стороной, мне не приходилось тогда нести какой-либо ответственности, дескать дочь Анара, и тоже писательница и т.д. Но оказалось, что проза, которую я пишу интересна кому то сама по себе, а значит имеет право на жизнь самостоятельно от фамилии, которую я ношу. Потом уже, когда я показала отцу свои небольшие произведения, он одобрил и сказал, что их надо опубликовать...

Первые же мои рассказы, к моему удивлению, стали распространяться по интернету быстрее, чем я подозревала. Спустя какое-то время, я уже начала подписываться под своими произведениями как Гюнель Анаргызы.

Бывали моменты, когда мне самой, надо было предпринять в жизни решающие шаги. Когда я советовалась с отцом, он всегда оставлял решение за мной. Он не вмешивался в мои дела и всегда говорил, что решать мне. Я сейчас ему за это безмерно благодарна, благодаря ему, я стала независимой, научилась принимать серьезные решения. Я также поняла, что в жизни могут возникнуть моменты, когда нельзя ни на кого полагаться. Наверно, это очень важный момент в моих отношениях с отцом.

Подготовил Вугар Гасанов